

НОМАДЫ/nomads

2010/24

проект
байкал/
project
baikal

генеральный директор
Заиграев Анатолий
Самуилович

технический директор
Сутырин Юрий Алексеевич

главный архитектор
Борщенко Александр
Георгиевич

Основные направления деятельности ОАО «ИПСР»

- осуществление функций генпроектировщика
- комплексная разработка проектной документации на строительство объектов промышленного и жилищно-гражданского назначения
- разработка градостроительной документации
- разработка инвестиционных намерений и ТЭО на строительство
- обследование технического состояния зданий
- экспертиза промышленной безопасности производственных объектов

- разработка специальных разделов проектной документации: охрана окружающей среды, инженерно-технические мероприятия ГО, мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций и других
- авторский надзор за строительством
- осуществление геодезической и картографической деятельности (топографические съемки)
- разработка проектной документации для реконструкции архитектурных объектов
- разработка научно-проектной документации в полном объеме для сохранения (реставрации) объектов культурного наследия
- разработка проектов регенерации, реконструкции исторических населенных мест, градостроительных ансамблей, исторической застройки
- разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия
- выполнение разделов обеспечения сохранности объектов культурного

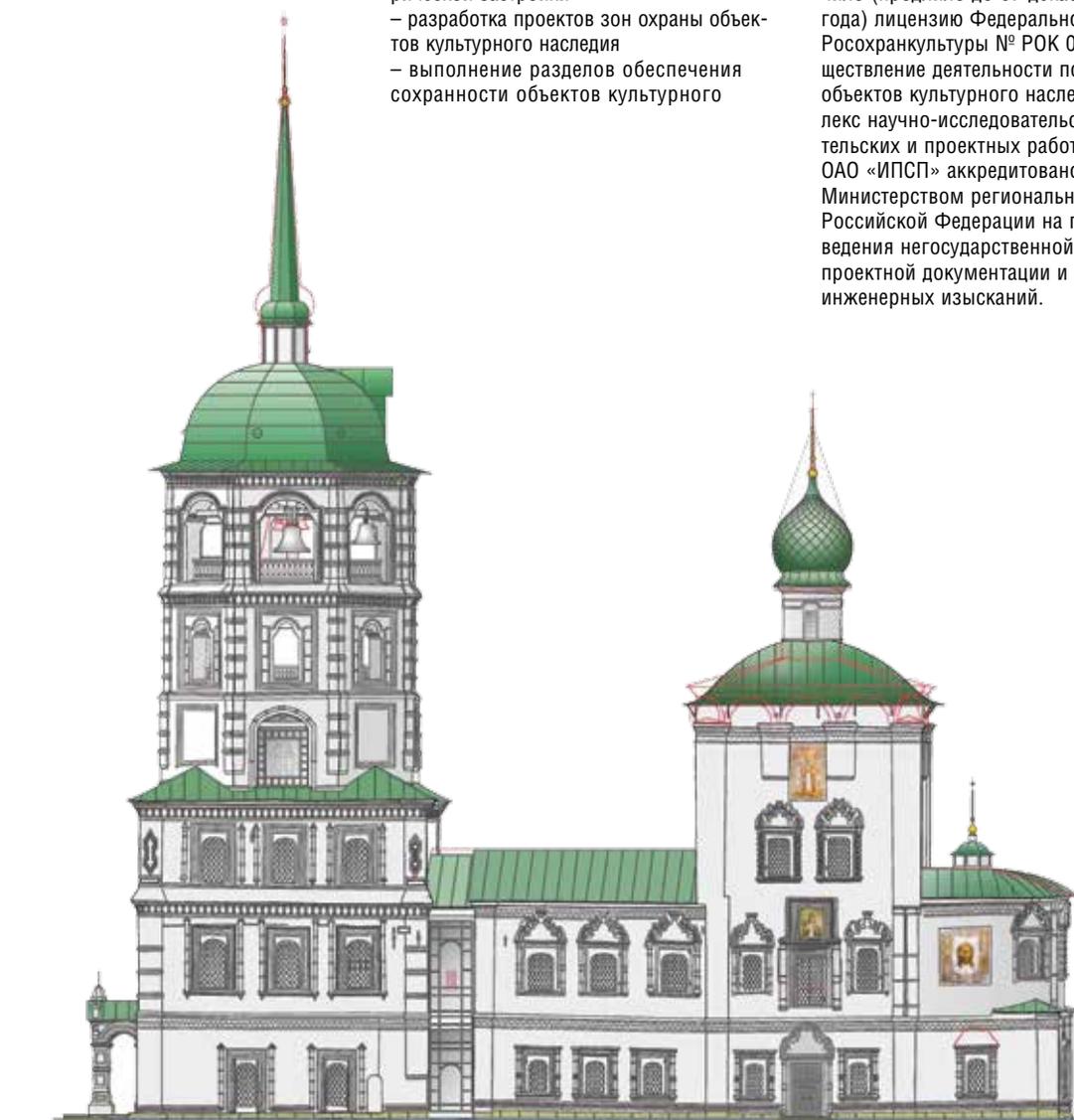
наследия в составе различной проектной документации

- негосударственная экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий
- выполнение ряда функций заказчика-застройщика

Система менеджмента качества ОАО «Иркутский Промстройпроект» соответствует требованиям ISO 9001:2008 и ГОСТ Р ИСО 9001-2008 (ИСО 9001:2008). В декабре 2009 г. ОАО «ИПСР» получило различные допуски к проектным и изыскательским работам от СРО НП «Байкальское региональное объединение проектировщиков».

07 декабря 2009 года ОАО «ИПСР» получило (продлило до 07 декабря 2014 года) лицензию Федеральной службы Росохранкультуры № РОК 00984 на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия – комплекс научно-исследовательских, изыскательских и проектных работ.

ОАО «ИПСР» аккредитовано Министерством регионального развития Российской Федерации на право проведения негосударственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий.

Проект реставрации памятника истории и культуры федерального значения «Церковь Спасская» в Иркутске. ОАО «ИПСР», 2010 г.

Этот номер посвящен бродячим народам и людям – номадам, кочевникам. Дух бродяжий, наверное, посещает каждого в свое время. Однако большие группы людей, живущих в движении, привлекают особое внимание и особый интерес.

Десятки тысяч лет человек жил кочевым образом прежде, чем додумался до сельского хозяйства и строительства городов. Урбанистическая цивилизация и культура, по меркам сроков жизни человечества, возникла даже не вчера, а лишь несколько часов назад. И еще неизвестно, не окажется ли этот путь, в конце концов, ошибочным. Слишком уж много проблем порождает город и слишком жив интерес к номадам.

Как мог заметить внимательный читатель, в прошлом номере ПРОЕКТ БАЙКАЛ переоделся (опять спасибо ПРОЕКТУ РОССИЯ) в новый для себя дизайн. Эти изменения не приурочены ни к юбилею (шесть лет дата не круглая), ни к кратному номеру, ни к какому-нибудь еще формальным поводам. Просто журнал вырос. И весна...

8 апреля Иркутской организации Союза архитекторов исполнилось 75 лет (12). Юбилей организации всегда совпадает с юбилеем харизматичного, талантливого и принципиального архитектора В. Ф. Буха, к тому же первого главного редактора ПБ. Как было бы замечательно, если бы организация могла быть похожа на своего ровесника! КОНФЕРЮШКИ БУХА не случайно в главной теме этого номера: номадизм – романтический, творческий, смелый – присущ этому человеку в высшей степени.

ШЕРЕГЕШ всегда стоял на главных путях кочевников. Поклониться окаменевшим караванам верблюдов и священной горе Мустаг снова собрались кочевые отряды архитекторов-горнолыжников. В форум возрожденного движения торжествует над кризисом и морозной зимой (5).

Номадический образ жизни понятен для сибиряков на генетическом уровне. А кто здесь не кочевники? Коренные буряты, алтайцы и тунгусы – номады по определению. Русские и другие славяне Российской империи перекочевали сюда кто в качестве покорителей, кто в наказание за непокорность. Миграции народов Советского Союза, будь то репрессии или комсомольские стройки, оборачиваются постсоветским возвратом в мегаполисы европейской части империи, а пустоты лишь частично заполняются выходцами из новых государств Средней Азии и вечного государства Поднебесной. О старых и новых исторических примерах взаимодействия кочевнического образа жизни с оседлым – подборка материалов главной темы.

Вселенная номадов (34) отражается в номере сиянием двух светил отечественной культуры – ДАШИ НАМДАКОВА и ТОТАНА КУЗЕМБАЕВА. В гармоничное дополнение и сопоставление к ним – материалы о творчестве американского индейца НУМКЕНЫ.

Елена Григорьева

This issue is devoted to wandering people – nomads. Perhaps everybody has once been in a wandering mood. However, big groups of people living in movement attract special attention.

For thousands of years a human being had led a nomadic life before he invented agriculture and town building. In terms of humankind's life, urban civilization and culture appeared not even yesterday, but several hours ago. And nobody knows whether this way will finally prove false or not. For a town produces too many problems, and the interest towards nomads is too vivid. As our discriminating reader may have noticed, the last issue of PROJECT BAIKAL acquired a new design (thanks to PROJECT RUSSIA). These changes neither coincide with a jubilee (six years is not a jubilee) nor a round number or any other formal reasons. The magazine has just grown. And spring has come...

On April 8 the Irkutsk organization of the Union of Architects of Russia was 75 (12). The organization's anniversary always coincides with the anniversary of a charismatic and talented architect of firm principles, V. Bukh, the first editor-in-chief of PB. How great it would be if the organization could be like its contemporary! There is good reason why BUKH'S "CONFERYUSHKAS" (freehand portraits sketched at conferences) are in the main section of the issue: a romantic, creative and courageous nomadism is inherent to this man.

SHEREGESH has always been on the main tracks of nomads. Nomadic troops of skiing architects came there to bow to a petrified train of camels and a sacred mountain Mustag. The Vth Forum of the revived movement triumphs over the crisis and the frosty winter (5).

Nomadic way of life is genetically comprehended by Siberian people. Who is not a nomad here? The native Buryats, Altaians and Tunguses are inherently nomadic. The Russians and other Slavs of the Russian Empire came here conquering or being punished for their disobedience. Migrations of people of the Soviet Union because of repressions or komсомol constructions turn into post-Soviet return to megalopolises of the European part of the empire. And the vacancies are only partially occupied by natives of new states of Middle Asia and the eternal Heavenly Empire. The collection of materials for the main topic is about old and new historical examples of interaction between nomadism and sedentism.

The universe of nomads (34) is reflected in the issue by shining of two bright stars of the Russian culture – DASHI NAMDAKOV and TOTAN KUZEMBAEV. In addition and comparison to them there is an article on the works of an American Indian NUMKENA. Elena Grigoryeva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала проекту россия Алексею Муратову и издателю Барту Голдхоорну, издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева

выпускающий редактор,
корректор
Инесса Бражникова

литературный редактор
и редактор раздела
«События»
Марина Ткачева

редактор раздела
«Дайджест»
Лариса Крылова

арт-директор
Жанна Измайлова

печать
«Репроцентр А1»,
Тираж 3000 экз.
Подписано в печать 25.05.10

периодичность
4 раза в год

Использование текстовых
и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание

рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

Золотая медаль «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания».

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

24

номады / nomads

события	Елена Григорьева	Шерегеш – 2010. V форум архитекторов горнолыжников организаций САР Сибирского федерального округа 5 Градостроительный форум в Новосибирске.....10 Питер Болин, золотая медаль – 201011 Международные конкурсы на три проекта для Марибора, культурной столицы Европы 2012 11 К 75-летию юбилею Иркутской организации Союза архитекторов 12 Архитектор Борис Кербель. К 100-летию со дня рождения 15 Список членов Союза архитекторов России, состоящих на учете в Иркутской региональной организации, по состоянию на 8 апреля 2010 года 18
юбилей ИРО САР	Андрей Ляпин Андрей Ляпин	
Номады/nomads	Константин Лидин Людмила Козлова Марина Ткачева Андрей Иванов Андрей Иванов Брайан Спенсер	Преодоление номада22 Изменяемость как качество среды современного города.....28 Кочевник в городе34 Тотан, архитектурный Кощей. Интервью с Тотаном Кузембаевым40 Оседание номада. Превращения идей на персональной выставке Тотана Кузембаева «Метаморфозы» ..46 Нумкена48 дайджест кочевники54 Орошаемые утugi – сохранившиеся памятники курумчинской культуры56 О традиционных бурятских мерах длины и площади58 Романтика.....60 350 лет вместе.....62 Юрта. История и описание.....64 Бурятский народ: внутривидовые отношения, обычаи, предания, обряды71 Мы живем вокруг Байкала75 Деревянная юрта бурят76 Ханда, Агджени, Алларук, Дивиткан. Зимовье-чум и другие таежные постройки в местах бывших эвенкийских кочевий78 Тихоокеанские юрты84 Юрты сегодня.....85
Вселенная кочевника	Ольга Васильева Ольга Васильева Екатерина Антипина Марина Ткачева	
Территория кочевника	Лариса Мельникова Людмила Елизарова Инесса Бражникова Наталья Жуковская Алексей Чертилов	
Жилище кочевника		Ступа. Буддийское культовое сооружение на острове Огой на Байкале, в проливе Малое море 88
Культ и культура		

Special thanks to the editor-in-chief of project russia magazine Alexei Muratov and the publisher Bart Goldhoorn, as well as to A-Fond publishing house for their help and support in creating the magazine

The magazine is registered by the East-Siberian office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of October 16, 2007

publisher and editorial director
Elena Grigoryeva

copy editor and proofreader
Inessa Brazhnikova

subeditor and editor of "Events" section
Marina Tkacheva

editor of "Digest" section
Larisa Krylova

art director
Zhanna Izmailova

translator
Anna Grigorieva

printed by
"Reprocenter A1"
print run 3,000

quarterly publication

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial

opinion does not always agrees with one of the authors

address
Cheremkhovskiy Lane 1a
Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839
+7 3952 332840
sar@irk.ru

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

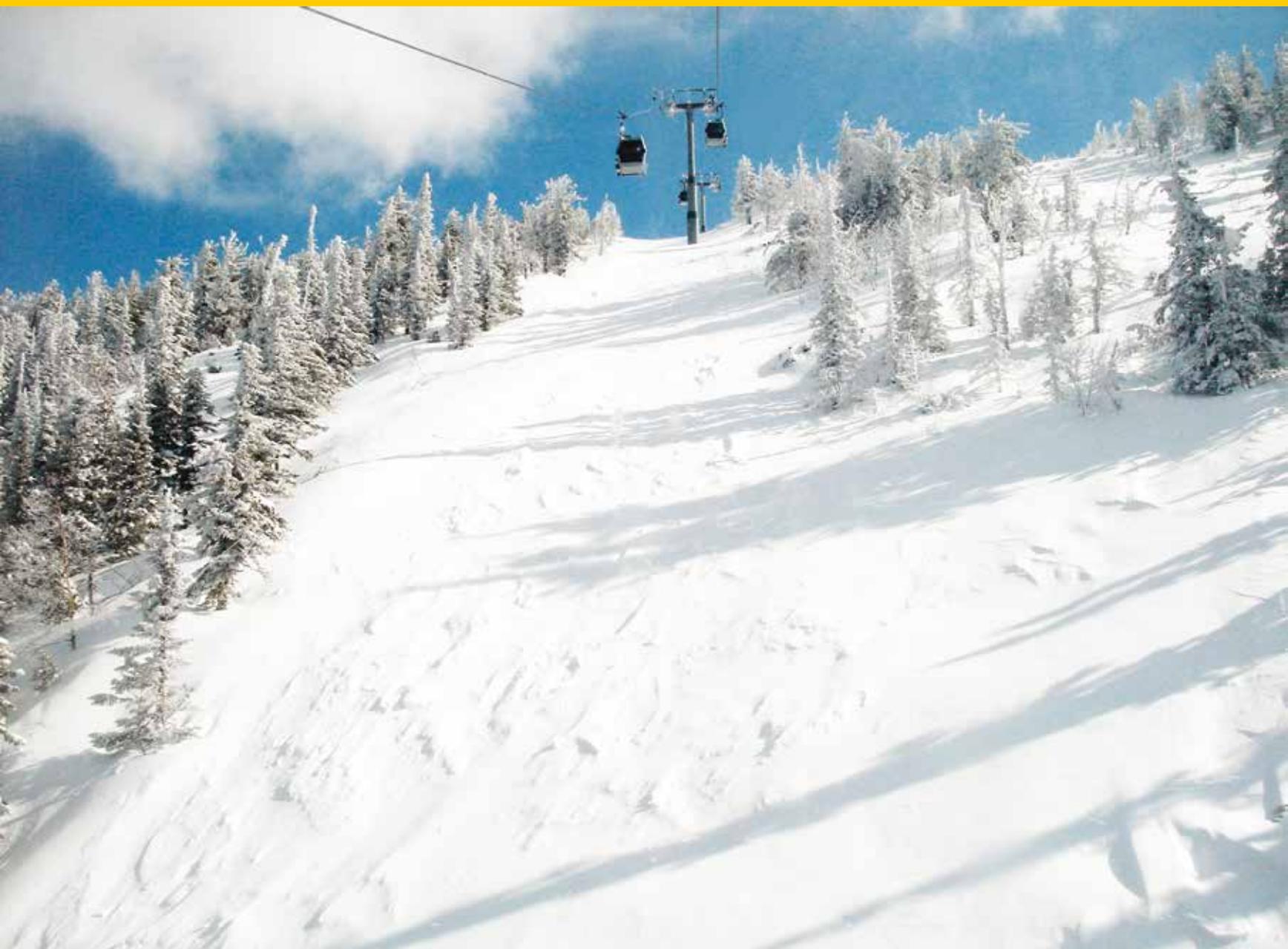
24

номады / nomads

		Храм Всех Стихий.....	90
		Культурный комплекс XIII века.....	92
		Музы Севера. Центр особо охраняемых территорий «Музей Нумто»	94
		Культура номадов: пространство интерпретаций	98
		Пространства культурной идентификации: семейские Забайкалья	105
		Моя душа безумно влюблена	106
		Дизайн одежды: семантика костюма кочевников как источник вдохновения	108
Кочевники XX	Ольга Титова	«Награжденные трудом», или Кочевники поневоле.....	114
	Ольга Железняк	На работу по приказу: трудовые армии в СССР	118
	Татьяна Ерошенко	Иностранные архитекторы в сталинском СССР:	
	Ирина Азиян	переплетение судеб и вопросы истории советской архитектуры	120
	Константин Лидин	Зодчий Сталин	127
	Марина Дагданова		
	Марк Меерович	Регенерация 130-го квартала: мониторинг	130
	Марк Меерович	Губернатор	130
	Марк Меерович	Амурские ворота в Иркутске – символ обретения Приамурья Россией	
		(Возвращаясь к теме восстановления памятной триумфальной арки).....	133
наследие	Марк Меерович	Защита наследия в Европе: мозаика систем и совпадение взглядов	140
/к юбилею Иркутска	Марк Меерович	Административно жилой комплекс «Беркли Плаза».....	144
	Франсуа Гондран	Элитный жилой комплекс на Шпалерной в Санкт-Петербурге.....	148
новостройки		Конкурсный проект развития Пермского академического театра оперы	
		и балета имени П. И. Чайковского	150
		Пассажирский терминал аэропорта «Пулково» и концепция градостроительного	
		развития прилегающей территории. Конкурсный проект	156
		дайджест	159
градостроительство	Зоя Родюшкина	Под прицелом	160
	Александр Клевакин	Готовы ли сибирские агломерации к реализации больших проектов XXI века?	163
	Леонид Коган	Об идеологии городской цивилизации и городской среды	165
регион	Михаил Рожанский	Байкальск.....	167
	Ирина Абдулова	Байкальск в зеркале СМИ: «умирающий город»	
		vs «клубнично-туристический рай»	168
		authors	170

events	Elena Grigoryeva	Sheregesh 2010. The Vth Forum of Architects-Downhill Skiers of the UAR organizations of the Siberian Federal District 5 Town Planning Forum in Novosibirsk10 Peter Bohlin, 2010 Gold Medal.....11 International Competitions for Three Projects in Maribor, European Cultural Capital 2012.....11
Anniversary of the IRO of the UAR	Andrei Lyapin Andrei Lyapin	On the Occasion of the 75th Anniversary of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia.....12 Boris Kerbel, Architect. On the Occasion of the Centenary of His Birth15 List of the Members of the Union of Architects of Russia Registered in the Irkutsk Regional Organization as of April 8, 201018
nomads	Konstantin Lidin Lyudmila Kozlova	To Overcome a Nomad22 Variability as a Quality of the Contemporary City Environment28
the nomad's universe	Marina Tkacheva Andrei Ivanov Andrei Ivanov	A Nomad in the City34 Totan, an Architectural Koschei the Deathless. Interview with Totan Kuzembaev.....40 Nomad is Settling Down. Transformation of Ideas at the Personal Exhibition of Totan Kuzembaev “Metamorphoses” 46
the nomad's territory	Brian Spencer Olga Vasilieva Olga Vasilieva Ekaterina Antipina	Numkena48 Digest on Nomads54 Irrigated Utugs – the Remaining Monuments of Kurumcha Culture56 About Traditional Buryat Linear and Square Measures.....58 Romance60
the nomad's dwelling	Marina Tkacheva Larisa Melnikova Lyudmila Elizarova Inessa Brazhnikova Natalia Zhukovskaya Alexei Chertilov	Together for 350 Years.....62 Yurt. History and Description64 The Buryat People: Intrageneric Relations, Customs, Legends and Rites71 We Live around Baikal.....75 Buryat Wooden Yurt.....76 Khanda, Agjeni, Allaruk, Divitkan. Winter Hut, Raindeer Skin Tent and other Taiga Constructions on the Former Evenk Camping-Ground.....78 Pacific Yurts84 Yurts Today.....85
cult and culture	Olga Titova Olga Zheleznyak Tatyana Eroshenko Irina Azizyan Konstantin Lidin Marina Dagdanova Mark Meerovich Mark Meerovich Mark Meerovich	Stupa. A Buddhist Cult Construction on Otogoi Island, Lake Baikal, Maloe More Strait.....88 The Temple of All the Elements90 The Civilization Complex of the XIII Century.....92 Muses of the North. Center for Specially Protected Territories, “Numto Museum”94 Culture of Nomads: Interpretation Space.....98 Cultural Identification Spaces – Semeiskie from Transbaikalia105 My Soul is Madly in Love.....106 Clothing Design: Semantics of Nomadic Costume as a Source of Inspiration108 “Awarded with Labour”, or Nomads against Their Will114 To Work by Order: Labour Armies in the USSR118 Foreign Architects in Stalin's USSR: Entwined Destinies and History of Soviet Architecture120 Architect Stalin127
heritage /on Irkutsk's anniversary	Artem Ermakov Alexei Chertilov	Regeneration of the Block 130: Monitoring130 The Governor.....130 Amur Gates in Irkutsk as a Symbol of Priamurye Acquired by Russia (Back on the Topic of Restoration of the Memorial Triumphal Arch)133 Heritage Protection in Europe: a Patchwork of Systems and Coincidence of Views.....140
new housing development	François Gondran	Office and Residential Complex Berkeley Plaza.....144 Upscale Residential Complex on Shpalernaya St. in Saint Petersburg.....148 Competitive Project for Development of Perm Academic Opera and Ballet Theatre named after P.I. Tchaikovsky150 Passenger Terminal in “Pulkovo” Airport and Urban Development Concept of the Neighboring Territory. Competitive Project156 digest159
town planning	Zoya Rodyushkina Alexander Klevakin	Taken as an Aim.....160 Siberian Agglomerations: Are They Ready for Realization of Big Projects of the XXIst Century.....163
region	Leonid Kogan Mikhail Rozhanski Irina Abdulova	About Ideology of City Civilization and City Environment165 Baikalsk167 Baikalsk in the Mirror of Mass Media: “Dying Town” vs “Strawberry and Tourist Paradise”168
	authors170

Шерегеш – 2010

V форум архитекторов-горнолыжников организаций САР Сибирского федерального округа

Немного истории
Горные лыжи стали любимым видом спорта архитекторов нашей страны, сменив большой теннис, задолго до того, как повальную моду спустили сверху, примерно годах в 70-х. Грузинский Бакуриани и столицы среднеазиатских республик, болгарский курорт Пампорово и сибирский Междуреченск становились местом проведения соревнований. Союз архитекторов СССР финансировал проведение семинаров по всей большой стране, и молодежь азартно чередовала клаузуры с гигантским слаломом вплоть до 1989 года.

Пять лет назад, по инициативе Антона Тена, председателя правле-

ния Новокузнецкой организации СА России, движение архитекторов-горнолыжников (и примкнувшим к ним сноубордистов) возродилось в виде I форума СФО. Форум прошел в Шерегеше, Горная Шория, исключительно подходящем для этого месте. Темой для архитектурных дискуссий стали перспективы развития горы Зеленой.

Организаторами II форума в апреле 2007 года были архитекторы Новосибирска (председатель правления НО САР Владимир Бородкин, модератор Владимир Кондратович). Число участников, приехавших в Шерегеш, выросло с 120 до 167. К архитекторам

Западной Сибири, Красноярска и Екатеринбурга на сей раз присоединились иркутяне (ПБ12).

В Красноярском форуме, прошедшем 16–21 марта 2008 года, участвовало более 150 человек из 9 городов – Барнаула, Екатеринбурга, Иркутска, Кемерово, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Томска и, естественно, Красноярска. Соревнования проходили на базе нового фан-парка «Бобровый Лог», оснащенного «НорильскНикелем» по последнему слову горнолыжной моды.

Красноярцы (председатель правления Владимир Ульянов) провели форум на высоком уровне. Форум

Команда Томской
организации САР –
организаторы V форума

Иркутская команда

Построение перед
стартом

Александра Козак
(Иркутск) финиширует
четвертой

ЛЫЖИ

Женщины после 45

1 место – Казанцева Л.,
Новокузнецк
2 место – Мартынова И.,
Новосибирск
3 место – Мякота Л.,
Красноярск

Женщины до 45

1 место – Крайняя Д.,
Новокузнецк
2 место – Кондратович Е.,
Новосибирск
3 место – Фабричная Д.,
Новосибирск

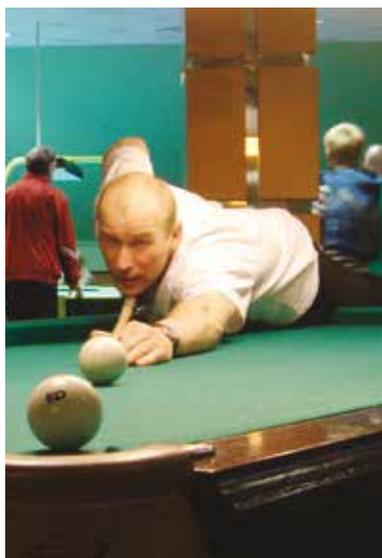
Мужчины после 60

1 место – Барсуков В.,
Новокузнецк
2 место – Брусницын В.,
Екатеринбург
3 место – Селянин О.,
Екатеринбург

Мужчины до 60

1 место – Крайний К.,
Новокузнецк
2 место – Лихачев О.,
Новокузнецк
3 место – Десятов Л.,
Екатеринбург

Серебряный призер
Николай Жуковский
(Иркутск)

запомнился многочисленными встречами на профессиональные темы – о возможных путях развития зарождающегося саморегулирования рассказал президент Союза московских архитекторов В. Н. Логвинов, состоялся серьезный разговор по проблемам туризма и спорта, Ергакам и Байкалу, Виктор Логвинов выступил с мастер-классом по зеленой архитектуре, была организована экскурсия по городу (ПБ16).

IV форум архитекторов СФО прошел в Танае. На нем впервые кроме соревнований по гигантскому слалому прошли соревнования по бильярду и настольному теннису. Форум оказался сравнительно малочисленным, около 70 человек, – сказался кризис.

V форум, Шерегеш

Эти скалы имеют вид людей, вьючных животных, верблюдов, мелкого скота и т. п. то были орды народа, которые пасли стада крупного и мелкого скота. Вследствие какого-то поразительного превращения, они, окаменев внезапно, обратились в скалы, причем первоначальный вид нисколько не изменился. Произошло это чудесное явление лет 300 тому назад.

Перевод пояснительных надписей на карте Энтони Дженкинсона 1562 года. «Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века)», Барнаул, 2006

БОРД

Женщины

1 место – Нестеренко Ю.,
Красноярск
2 место – Иванова Н.,
Красноярск
3 место – Адамова Е.,
Екатеринбург

Мужчины

1 место – Саяпин И.,
Новокузнецк
2 место – Волошко Р.,
Красноярск
3 место – Ильин А.
Новосибирск – Красноярск

4–9 апреля в Шерегеше (Горная Шория) прошел V форум лыжного клуба архитекторов Сибирского федерального округа. Участвовали Новокузнецк, Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Красноярск, Томск, Омск, Иркутск, а Екатеринбург традиционно превратил форум СФО, в Siberia open. Присутствовали представители Москвы и Ханты-Мансийска по линии СамРО. Всю подготовительную работу по проведению форума провела Томская организация СА.

Кроме вечера с представлением команд и ежедневного профессионального общения в программу входило совещание по актуальной теме – саморегулированию – с участием руководителя аппара-

та Национального объединения проектировщиков А. В. Першина, главы НО изыскателей А. В. Акимова и председателя комитета по науке и образованию НОП А. А. Халимовского.

В командных соревнованиях по боулингу победили новосибирцы, иркутяне заняли второе место (кроме того, серебро в личном зачете у председателя правления ИРО САР Игоря Козака). Настольный теннис также принес серебро иркутянам (Елена Григорьева), золото досталось Людмиле Свитич из Новокузнецка, а бронза – представительнице Новосибирска Н. Ершовой. В мужском первенстве в ожесточенной борьбе всех победил Новокузнецк

Щеглы поддерживают команду Кемерово (б. Щегловск)

После карнавала

Герой Урала в исполнении Олега Селянина скачет на коне, одновременно спускаясь на лыжах (или это конь на лыжах? Впрочем, неважно...)

(П. Тиманов). Соревнования по бильярду, растянувшиеся на несколько часов, завершились победой Олега Селянина (Екатеринбург), серебро у Николая Жуковского (Иркутск), бронза у Антона Тена (Новокузнецк).

Чемпионат по гигантскому слалому состоялся в четвертый день, несмотря на снег, время от времени накрывавший трассу. Лидировали архитекторы Новокузнецка, но монополии не было (см. табли-

цу). По окончании соревнований роскошного карнавала с ново-кузнецкими, кемеровскими щеглами, уральскими чапаевцами во главе с самим Василием Ивановичем (Олег Селянин), боярынями, шутами и разным зверьем.

Шерегеш продемонстрировал многочисленные новшества – несколько замечательных новых трасс, оснащенных разнообразными подъемниками, традицион-

ный трехметровый снег, солнце, облака, катание на снегоходах к Кресту и застывшим в виде скал верблюдам...

ЕГ
Фото представлены Иркутской, Красноярской и Томской организациями Союза архитекторов России

Градостроительный форум в Новосибирске

14–15 апреля в Новосибирске прошел градостроительный форум под названием «Город завтра». Новосибирцам удалось сформировать уникальное мероприятие, являющееся фактически единственной в России интеллектуальной площадкой, на которой вот уже четвертый год скоординировано и совместно обсуждаются такие специфические аспекты проблематики развития российских городов, как территориальное планирование, градостроительное законодательство, сценарирование, идентичность города, управление градостроительным развитием, качество жизни и среды обитания и т. п. Именно город выступает здесь основным предметом обсуждения специалистами различных сфер городского хозяйства, проектирования, инвестирования и управления.

На форуме в диалоге власти, бизнеса, девелоперов, город-

ского сообщества и архитекторов обсуждаются проблемы и конкретные предложения по стратегическому и пространственному развитию российских в целом, сибирских городов и Новосибирска в частности.

В работе форума участвовали специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Самары, Белгорода, Омска, Иркутска и др. Подробная программа, статьи экспертов и другие материалы размещены на сайте: www.gradoforum.novo-sibirsk.ru.

В рамках форума под председательством проректора по учебной работе Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (НГАХА) Н. В. Багровой, прошел круглый стол по теме «Градостроительное образование» с участием экспертов А. В. Крашенинникова (доктора архитек-

туры, профессора МАрХИ, директора центра повышения квалификации «Урбанистика», советника РААСН), И. В. Поповского (председателя правления Новосибирского союза архитекторов), Г. П. Ерохина (заведующего кафедрой градостроительства и ландшафтной архитектуры НГАХА), М. Г. Мееровича (доктора исторических наук, профессора ИрГТУ, члена-корреспондента РААСН).

На круглом столе были высказаны конкретные предложения по кардинальной перестройке отечественной системы градостроительного образования, вызванные требованиями Болонской конференции и российского законодательства (Градостроительный кодекс), предъявляемыми сегодня к квалификационным характеристикам специалистов в области управления городским развитием.

Питер Болин, золотая медаль – 2010

Исполнительный комитет Американского института архитекторов вручил Золотую медаль АИА-2010 Питеру Болину, учредителю бюро «Болин, Сивински, Джексон» из Пенсильвании. Питер Болин знаменит своим умением искусно сочетать используемые материалы с контекстом. Среди его самых известных работ – здание магазина Apple в Нью-Йорке.

Пол Гольдбергер, выдающийся архитектурный критик журнала New Yorker, охарактеризовал Болина как «романтического модерниста, решительно использующего модернистскую форму для эмоционального воздействия традиционализма».

www.aia.org

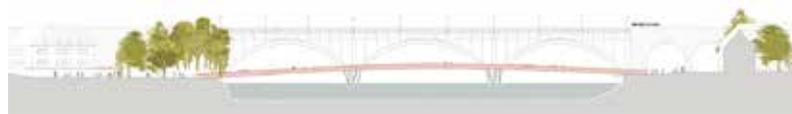
Международные конкурсы на три проекта для Марибора, культурной столицы Европы 2012

Одновременно были объявлены три международных конкурса на застройку трех участков на реке Драва, которая проходит через центр г. Марибора в Словении. Программы конкурсов касались проекта застройки набережной реки, проекта пешеходного моста и проекта здания художественной галереи Марибора.

Обустройство набережной реки Драва
Победитель – итальянская команда, в состав которой вошли: Francesco Sabatini, Francesco Deli, Aurelia d'Andria, Alessandro Carmine Console, Gina Oliva, Francesco Belvedere.

Пешеходный мост
Первую премию получило испанское бюро Burgos & Garrido Arquitectos.

Здание художественной галереи
Жюри единогласно присудило первую премию проекту венгерской команды (Tamas Levai and Agnes Jöszai).

Дополнительная информация:
<http://www.uia-architectes.org/texte/england/Maribor2009/2-results.html>

К 75-летию юбилею Иркутской организации Союза архитекторов

Иркутское отделение Союза советских архитекторов было создано 8 апреля 1935 года. В этот день представители Восточносибирского организационного бюро Союза советских архитекторов сделали доклад о проведенной работе по организации Восточносибирского отделения Союза архитекторов в краевом исполнительном комитете. Постановлением этого комитета отделение Союза советских архитекторов Восточной Сибири было учреждено. Одновременно было намечено проведение 1-й краевой конференции архитекторов Восточной Сибири.

Само Оргбюро было сформировано несколько раньше, в феврале 1935 года, в составе М. Е. Лондона, заведующего краевым отделом коммунального хозяйства (председатель), Цейтлина, директора Института сооружений (заместитель председателя) и архитекторов К. В. Миттала, С. А. Заславского, И. Г. Ефимова. Ответственным секретарем оргбюро стал Б. М. Кербель.

15 апреля прошла 1-я краевая конференция архитекторов Восточной Сибири, на которой были заслушаны доклады членов оргбюро и обсужда-

лись проблемы развития архитектуры в крае. На конференции были заслушаны доклады К. В. Миттала «О задачах советских архитекторов» и Б. М. Кербеля «Архитектура, типы и строительство жилых домов».

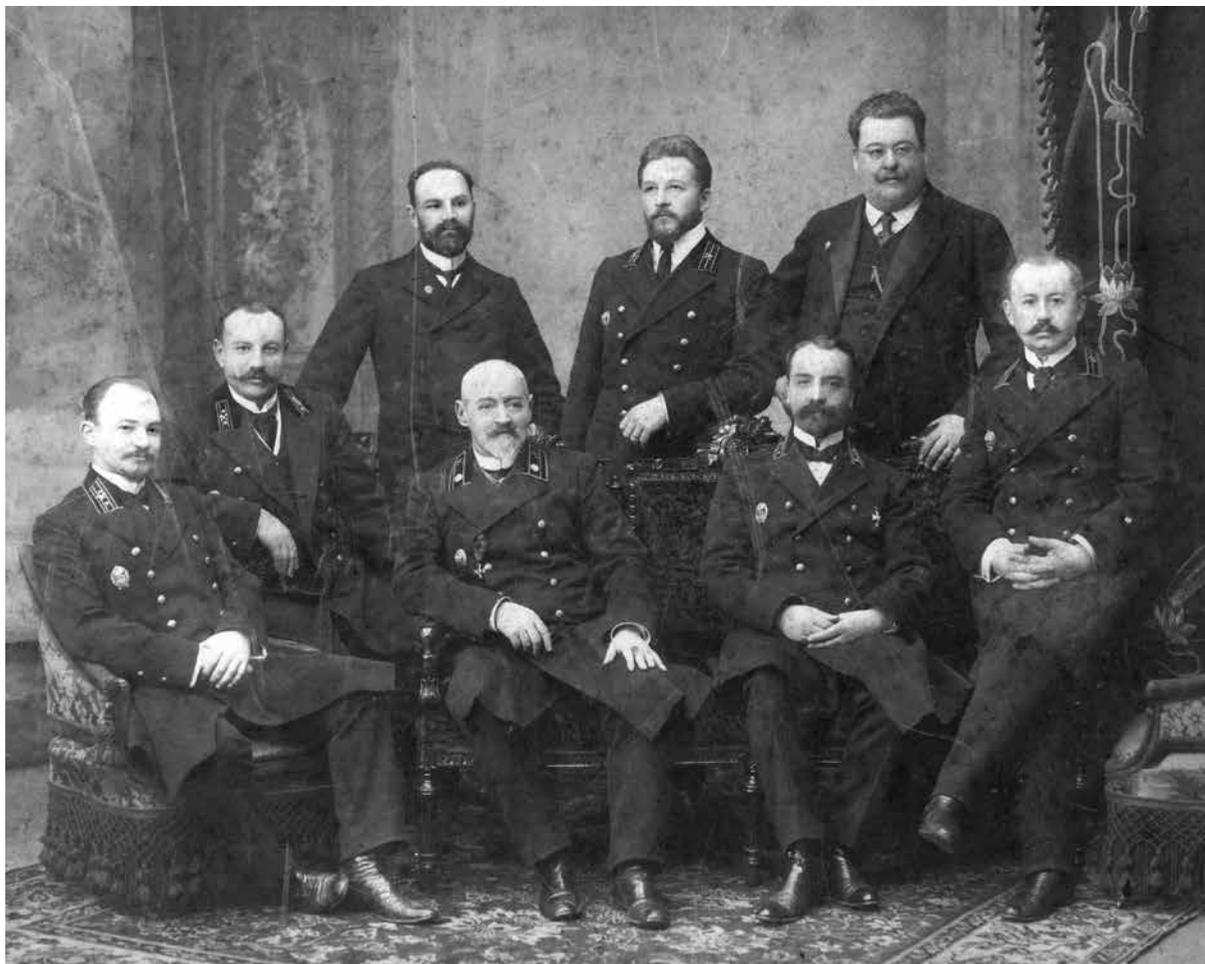
Необходимо отметить, что создание Союза советских архитекторов в Иркутске происходило в русле общей политической линии тех лет на создание единых творческих союзов по всей стране. Союз советских архитекторов был создан в июле 1932 года с республиканскими отделениями и отделениями в Москве, Ленинграде и в ряде других крупных городов страны. Несомненно, что Борис Михайлович Кербель сыграл выдающуюся роль в организации Союза архитекторов в Иркутске. Этому способствовало то, что он в 1932–1933 годах находился в Москве как стажер-архитектор Томского технологического института и был в курсе всех событий, связанных с реорганизацией как творческой, так и архитектурной деятельности в стране. В 1934 году он стал делегатом от Восточной Сибири на 1-м Всесоюзном совещании строителей, на котором были определены задачи центральных

и региональных организаций в сфере архитектуры. Необходимо учитывать этот фактор, принимая во внимание то, что командировки архитекторов в столицу или в другие города страны были крайне редкими. Тем более что средства сообщения принципиально отличались от современных, и путешествие в Москву поездом занимало больше недели.

Появление творческой организации архитекторов сразу отразилось на архитектурной жизни и проектной практике Иркутска. Именно на творческих встречах с руководителями края и на конференциях были поставлены и обсуждены вопросы архитектурной практики в краевом центре. К числу таких вопросов относились проблемы ускорения работ по созданию нового генерального плана города, а также формирования архитектурных ансамблей на важнейших улицах и площадях Иркутска.

Призыв архитекторов к проведению конкурсов на крупные общественные здания был сразу же поддержан властями города. Уже 29 мая вновь созданный Союз архитекторов объявил конкурс на архитектурное

Иркутское архитектурное сообщество в 1908 г.

оформление фасадов Центральной гостиницы в Иркутске.

В августе этого же года архитектурно-планировочная мастерская при горисполкоме приступила к проектированию генерального плана города.

В следующем, 1936 году Восточносибирское отделение Союза архитекторов провело вторую краевую конференцию архитекторов. Вновь, как и год назад, одним из самых активных организаторов этого мероприятия был Борис Кербель. На второй конференции Борис Михайлович Кербель делает основной доклад об организации проектирования в крае, а обязанности ответственного секретаря Восточносибирского отделения Союза архитекторов принимает И. Г. Ефимов. Одним из вопросов, которые обсуждались на конференции архитекторов, был вопрос о подготовке к первому съезду Союза советских архитекторов и выборы делегатов на съезд. Вполне закономерно, что архитекторы Восточной Сибири доверили представлять свою организацию на съезде, который состоялся в 1937 году, Борису Михайловичу Кербелю.

1936 год ознаменовался также большим архитектурным конкурсом на проект здания Дома Советов в Иркутске, на месте снесенного Казанского собора. Победителями конкурса были признаны новосибирские архитекторы А. Д. Крячков и В. С. Масленников, предложившие монументальное, представительное здание и тщательную проработку благоустройства прилегающей к нему площади им. Кирова.

Следует пояснить, почему Борис Кербель был делегатом съезда не от Иркутской области, а от Восточной Сибири. Дело в том, что до 1937 года Иркутск был главным городом Восточно-Сибирского края, а в границы этого края входили Красноярск и Верхнеудинск (Улан-Удэ). В 1937 году выделяется отдельно Иркутская область, в то время как Красноярск и Верхнеудинск становятся центрами самостоятельных субъектов Российской Федерации.

Деятельность Союза архитекторов существенно оживила архитектурную практику и архитектурную жизнь в провинциальных городах страны. В Центральном руководстве Союза архитекторов было понимание того, что архитекторы за пределами столиц практически оторваны от текущей архитектурной и художественной жизни Москвы и Ленинграда. Для того чтобы выровнять сложившееся положение и содействовать знакомству архитекторов из провинции с новейшими тенденциями в профессии, при Союзе архитекторов в Москве создаются Архитектурный фонд и курсы повы-

шения квалификации архитекторов периферии. Из иркутских архитекторов в довоенный период на этих курсах побывали архитекторы Б. М. Кербель в 1938 году и С. А. Гусаров в 1941-м.

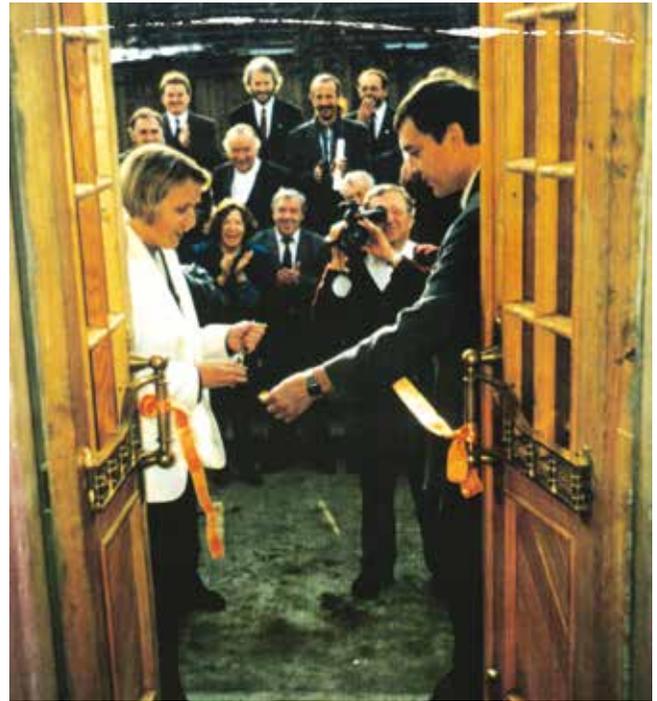
Война прервала дальнейшую реализацию многих намеченных планов. Все гражданские стройки в стране были остановлены. Многие архитекторы ушли на фронт. Те, кто трудился для Победы в тылу, были заняты строительными задачами военного времени – переоборудование и обустройство госпиталей, размещение эвакуированных предприятий, строительство убежищ, создание хоть каких-то приемлемых условий для жизни людей на новых местах в восточных районах страны.

Возможности Союза архитекторов в годы войны были крайне ограничены, тем не менее деятельность Союза не прекратилась. В Москве проходили выставки рисунков архитекторов-фронтовиков. В городах в глубине страны эвакуированные мастера архитектуры готовили проекты послевоенного строительства. Сомнений в победе не было. В 1942 году на совещании архитекторов Сибири и Урала в Свердловске обсуждались вопросы планировки и типы жилых домов для массового жилищного строительства, задачи в применении местных строительных материалов.

В 1943 году руководство страны формулирует перед архитекторами задачи по организации проектных работ по восстановлению разрушенных городов. С тем, чтобы целенаправленно и эффективно использовать творческие возможности архитекторов при решении сложных и необычайно больших по объёму работ в сфере строительства, при активном участии Союза архитекторов в стране создается система региональных государственных органов по архитектуре и Комитет по делам архитектуры в Москве.

В Иркутске Отдел по делам архитектуры и строительства был создан в мае 1944 года при Областном исполнительном комитете. Первым руководителем отдела стал Борис Михайлович Кербель, который проработал на этом посту 26 лет.

В послевоенные годы Иркутск был определен как центр Иркутско-Черемховского экономического района, для которого была принята грандиозная программа развития новой промышленности. Первым этапом этой программы было строительство Иркутской ГЭС, начатое в 1950-м году. Во второй половине 1940-х и в 1950-х годах в Иркутске трудятся замечательные архитекторы, члены Иркутского отделения Союза советских архитекторов В. И. Коляновский, А. С. Бутенко, В. Н. Волков,

С. М. Заславский, С. А. Гусаров, И. Г. Ефимов, Е. Ф. Янко.

Открытие Дома архитекторов, 25 октября 1996 г.

В конце 1950-х – начале 60-х годов в Иркутск приезжает группа молодых талантливых архитекторов – выпускников архитектурных вузов Москвы, Ленинграда и Киева: В. С. Воронежский, В. И. Колпиков, С. М. Нечволодов, В. Ф. Бух, В. А. Павлов, В. А. Аптекман, В. А. Чемерис. Они попали в удачное для себя время. Руководитель Иркутского горисполкома Николай Францевич Салацкий, принявший этот пост в 1961 году, стремился преобразовать Иркутск в современный удобный и благоустроенный город. Он поддерживал инициативы архитекторов, когда молодые специалисты предлагали нестандартные, нетиповые решения для строительства, давал им возможность проявить себя в творчестве. Именно эта группа романтиков 1960-х годов создали в 1970-х ту современную архитектуру, которая рельефно и очевидно выделяла Иркутск в общей панораме строительства в стране.

Большая часть этих талантливых зодчих стала членами Иркутского отделения Союза архитекторов в конце 1960-х. С их приходом в Иркутской организации начинается новый этап творческого подъёма, который будет продолжаться до самых времен перестройки.

В 1973 году в жизни Союза архитекторов Иркутска происходит важное событие, власти выделяют под помещение творческого союза нижний этаж в одном из особняков в центре города. До этого Союз не имел собственного помещения, и собрания архитекторов проводились на рабочих местах. Помещение, выде-

ленное Союзу, не было большим, но находилось в центре города, и было расположено очень удобно, недалеко от площади им. Кирова, почти рядом с самыми крупными проектными организациями. Председатель правления Иркутского отделения Союза архитекторов Владимир Игоревич Колпиков и секретарь Иркутского отделения Люциан Федорович Антипин вместе со всеми членами Союза приложили немало усилий, чтобы создать здесь атмосферу творческого клуба.

В этом же году в Иркутске происходит событие, в котором члены Союза архитекторов приняли самое непосредственное участие: в Иркутском Политехническом институте открывается специальность «Архитектура». В. А. Павлов, Л. Ф. Антипин, В. Ф. Бух, М. Я. Ашихмина, Ю. Д. Дмитриевский приняли непосредственное участие в организации подготовки специалистов архитектуры в Иркутске и вошли в число преподавателей института.

С конца 1960-х годов также активизируется работа Союза архитекторов по участию иркутских архитекторов в конкурсах для молодых архитекторов, проводимых в Москве. В 1973 году впервые в истории Иркутской организации Владимир Азарьевич Павлов стал победителем такого конкурса. Через несколько лет диплом 3-й степени получил Станислав Михайлович Григорьев.

С этого времени участие и победы иркутских архитекторов в конкурсах разного уровня становятся традиционными. Вторая половина 1980-х годов приносит победы иркутским архитекторам на всесоюзных и всероссийских конкурсах: жилой дом на бульваре Гагарина в Иркутске (арх. В. А. Павлов), конкурсный проект школы с выделенными блоками клубно-спортивных помещений (арх. Е. И. Григорьева, Е. А. Третьяков, А. А. Колесников, С. Б. Демков), жилой дом в Иркутске (арх. В. Б. Стегайло).

Как выяснилось позже, эти награды стали только началом успешного участия иркутских архитекторов в национальных и международных конкурсах. К настоящему времени в зачёте у Иркутской организации Союза архитекторов Государственная премия по архитектуре за 2003 год (арх. Е. И. Григорьева, С. А. Муллаяров), серебряные медали Международной архитектурной выставки «ИнтерАрх» в Софии (арх. А. Ю. Макаров, А. А. Колесников, С. А. Карпов за проект жилого квартала на ул. Чкалова в Иркутске; арх. А. Н. Буйнов за проект группы малоэтажных жилых домов в Иркутске). Иркутские архитекторы неоднократно получали дипломы на Всероссийском архитектурном фестивале «Зодчество» в Москве.

В 1996 году происходит важное и радостное событие для архитектурной общественности города: администрация Иркутска реставрирует и передает Союзу архитекторов большой деревянный дом в центре Иркутска для организации Иркутского Дома архитекторов. Теперь архитекторы имеют возможность не только проводить профессиональные встречи, но и уделять внимание тем аспектам деятельности Союза архитекторов, которыми раньше было трудно заниматься – работа с детьми, архитекторами-ветеранами, организация выставок.

Также в 1996 году возникла традиция присвоения лучшему архитектурному сооружению года в Иркутской области премии Фонда культуры, а несколько позднее и Губернаторской премии. Сегодня, к сожалению, эта традиция прервалась, но за те годы, когда Губернаторская премия вручалась архитекторам, очень многое удалось сделать для пропаганды хорошей современной архитектуры среди застройщиков и инвесторов, так же как среди строительных организаций.

Новым этапом в деятельности Иркутской организации Союза архитекторов стало учреждение в Иркутске архитектурного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири». Первый фестиваль состоялся в 2001 году и получил широкий резонанс архитектурной общественности и в Сибири, и в стране.

В 2004 году – новая инициатива – члены правления Иркутской организации Союза архитекторов, лауреат Государственной премии по архитектуре Елена Ивановна Григорьева и заслуженный архитектор России Владимир Федорович Бух при поддержке главного редактора журнала «Проект Россия» Барта Гоолдхорна учреждают в Иркутске региональный архитектурный журнал «Проект Байкал». Журнал быстро становится популярным и читаемым. В 2008 году в Москве журнал признается лучшим региональным архитектурным изданием в России, а в 2009-м «Проект Байкал» получает золотую медаль Международной архитектурной выставки «ИнтерАрх» в Софии.

Начиная с 1996 года, с момента проведения Международного конгресса в Барселоне, делегации Иркутской организации Союза архитекторов участвуют во всех конгрессах Международного союза архитекторов. С 2001 года члены правления Иркутской организации принимают участие в работе жюри Международных градостроительных университетов в Иркутске и во французском городе Сержи-Понтуаз.

Серьезным национальным признанием заслуг в научной и научно-педагогической работе члена правления Иркутской организации Союза архитекторов Марка Григорьевича Мееровича стало присуждение ему медали Российской академии архитектуры и строительных наук за двухтомное исследование «Рождение и смерть города-сада» и «Рождение соцгорода» в 2009 году. Он был также избран членом-корреспондентом этой академии.

Продолжая традицию участия архитекторов в спортивных соревнованиях Иркутска и Сибири, начатую Борисом Михайловичем Кербелем еще в довоенные годы, иркутские архитекторы не остаются в стороне. Популярными и традиционными стали соревнования по футболу и игре дартс. С 2008 года иркутские архитекторы постоянно выезжают на горнолыжные соревнования к соседям в Красноярский край.

2010 год богат юбилейными датами для иркутских архитекторов: 75-летний юбилей со дня основания Иркутской организации Союза архитекторов; 100-летие со дня рождения одного из основателей Союза архитекторов в Иркутске, одного из ведущих мастеров архитектуры города Бориса Михайловича Кербеля; 10-й юбилейный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири». Эти события будут отмечены в Иркутске рядом культурных и праздничных мероприятий.

Андрей Ляпин

Архитекторы
Б. М. Кербель,
Л. А. Ламекин,
С. А. Гусаров
представляют проект
Центрального стадиона.
Декабрь 1948 года

АРХИТЕКТОР БОРИС КЕРБЕЛЬ К 100-летию со дня рождения

В архитектуре Иркутска XX века Борис Михайлович Кербель занимает особое место. Его творческая судьба и его достижения неразрывно связаны с родным для него городом, его архитектурные произведения стали неотъемлемой частью улиц и площадей обновленного Иркутска, а многие современные архитекторы считают себя его учениками. Однако не только как талантливый архитектор заслужил он признание коллег и жителей города, но в равной степени как энергичный и чуткий руководитель, ответственный администратор и активный общественный деятель.

Борис Михайлович Кербель родился в Иркутске 8 октября 1910 года в семье рабочего типографии. После окончания школы в 1926 году он принимает решение стать архитектором и едет в Томск, в Томский технологический институт, где существовало архитектурное отделение. Он успешно заканчивает учебный курс в декабре 1930 года и получает диплом инженера-архитектора в Сибирском строительном институте – такое новое название получил Томский технологический за годы учебы Бориса Кербеля.

После получения диплома Борис Михайлович остается работать в Строительном институте в должности ассистента кафедры гражданской архитектуры. Два года он вел занятия со студентами и занимался научной работой. Вскоре судьба обратила его внимание на родной Иркутск. Это произошло таким образом. В 1932 году его направляют на стажировку в Москву, в проектный институт «Гипрогор». Здесь он узнает о том, что в Иркутске будет открыт филиал московского проектного института и решает переехать в Иркутск и перейти на проектную работу.

С июня 1933 года он приступает к своим обязанностям в новой проектной организации, которая получила название «Востсибпроект». Он занят проектированием гражданских зданий в Иркутске, Усолье и Черемхово. Кербель проектирует поликлинику по ул. Карла Маркса, кинотеатр «Марат», жилые дома для завода им. Куйбышева и для авиационного завода в Иркутске, санаторий в Усолье, кинотеатр в Черемхово, работает над проектами интерьеров Дома Советов в Иркутске. За 10 лет работы в «Востсибпроекте» Борис Михайлович прошел путь от рядового архитектора до главного архитектора института.

В годы войны нового строительства почти не велось, и Борис Кербель был занят перепланировкой зданий и оборудованием госпиталей.

В мае 1944 года в Иркутском областном исполнительном комитете, или, как мы бы определили сегодня, в областной администрации, создается отдел по делам строительства и архитектуры. Борис Михайлович назначается начальником этого отдела. Еще продолжается война, еще только предстоит полное освобождение западных территорий, захваченных фашистами, но уже готовятся планы восстановления и дальнейшего строительства советских городов. Как свидетельствовал один из ветеранов иркутской архитектуры Сергей Андреевич Гусаров, одним из первых действий Бориса Кербеля на должности начальника отдела архитектуры был запрос в Министерство обороны о возвращении с фронта архитекторов, трудившихся в Иркутске, для работы по планировке и проектированию городов Иркутской области.

Более четверти века проработал Борис Михайлович Кербель в должности начальника отдела архитектуры и градостроительства, по существу в должности главного архитектора Иркутской области – с 1944 по 1970 год. На этом посту он в полной мере проявил свои выдающиеся организаторские и административные способности, сумев добиться существенных улучшений в решении вопросов планировки городов и архитектуры.

За годы его работы были сделаны новые генеральные планы для Иркутска, Киренска, Слюдянки и других городов области. В Иркутске проведена реконструкция центральных улиц города. Созданы новые микрорайоны. В эти же годы были приняты и выполнены программы промышленного развития Восточной Сибири, построены новые гидроэлектростанции на Ангаре и созданы новые города – Ангарск, Шелехов, Братск, Усть-Илимск. Борис Михайлович активно принимал участие в этих грандиозных стройках, руководил выполнением проектных и планировочных работ нового строительства.

Большую роль сыграл Борис Михайлович в создании профессионального Союза архитекторов в Иркутске. В 1934 году он был приглашен на первую Всесоюзную организационную подготовительную конференцию архитекторов в Москве,

Портрет Бориса Михайловича Кербеля

а на следующий год стал делегатом Первого съезда архитекторов СССР. Совместно с архитекторами В. И. Коляновским, К. В. Митталем, И. Г. Ефимовым, Борис Михайлович подготовил создание Иркутского отделения союза архитекторов СССР.

Впоследствии Борис Михайлович неоднократно был делегатом на съездах Союза архитекторов, а в 1955 году был избран членом центрального правления в Москве.

Общественная деятельность Бориса Кербеля не ограничивалась архитектурным сообществом. Он избирался депутатом областного Совета народных депутатов в 1963 и 1967 годах.

К числу увлечений Бориса Кербеля относились спорт и филателия. Он занимался теннисом и был квалифицированным спортивным судьей, за что неоднократно получал награды и грамоты. Коллекция почтовых марок Бориса Кербеля была одной из лучших в городе.

Закономерно, что когда в Иркутской организации Союза архитекторов России был создан Музей архитектуры, то первые две выставки были посвящены Борису Михайловичу Кербелю – «Архив Б. М. Кербеля» и «Архитектура Швеции на фотографиях Бориса Кербеля».

Осенью этого года архитектурная общественность Иркутска будет отмечать 100-летие со дня рождения одного из лучших архитекторов города, человека, который искренне любил Иркутск, – Бориса Михайловича Кербеля.

Андрей Ляпин

Список членов Союза архитекторов России, состоящих на учете в Иркутской региональной организации, по состоянию на 8 апреля 2010 года

№ пп	Фамилия Имя Отчество	Место работы	Дата вступл.	Вуз, год окончания
1	Алексеев Сергей Геннадьевич	ЧП «Солнышков»	1986	ИПИ 1978
2	Александров Сергей Анатольевич	ОАО ИГП	2009	ИрГТУ 2006
3	Ананьев Сергей Анатольевич	Востсибстрой	1995	ИПИ 1983
4	Антипин Люциан Федорович	пенсионер	1968	Новосиб ИСИ 1957
5	Апциаури Виктория Анатольевна	ОАО ИГП	2009	ИрГТУ 2003
6	Ашихмин Александр Викторович	ИрГТУ	2005	ИПИ 1979
7	Бадула Олег Борисович	ООО «ГАБР»	2000	ИПИ 1984
8	Баранова Татьяна Валерьевна	ДХШ №4	2009	ИПИ 1987
9	Баранов Николай Владимирович		1989	ИПИ 1984
10	Бардымов Андрей Геннадьевич	ЗАО «ДИА Россо»»	1996	ИПИ 1988
11	Бегеза Михаил Евгеньевич	ОАО ИПСП	2009	ИрГТУ 2005
12	Белоус Александр Иванович	ИП	1995	ИПИ 1983
13	Беляков Николай Николаевич	ОАО ИПСП		Ленингр. институт им. Релина 1972
14	Болдырева Олеся Алексеевна		1993	ИПИ 1985
15	Большаков Андрей Геннадьевич	ИрГТУ	2003	ИПИ 1980
16	Бороздин Борис Валентинович	ОАО ИПСП	1999	ИПИ 1983
17	Борщенко Александр Георгиевич	ОАО ИПСП	19	Днепропетровский ИСИ 1977
18	Буйнов Алексей Николаевич	ООО «Ленгипрогор»	1995	ИПИ 1984
19	Бух Владимир Федорович	пенсионер	1966	Киевский ИСИ 1959
20	Бызов Вячеслав Анатольевич	ОАО ИГП	2009	ИрГТУ 1999
21	Васильев Сергей Георгиевич	ООО «Иркутскстройинвест»	1999	ИПИ 1982
22	Васин Алексей Александрович		2002	Ленингр. ИСИ 1986
23	Веселова Марина Владимировна	ИрГТУ	2004	ИПИ 1996
24	Волчатов Олег Анатольевич	пенсионер	1989	НИСИ 1973
25	Воронков Александр Иванович	ОАО ИПСП	1995	ИПИ 1988
26	Выражейкин Владимир Дмитриевич	ОАО ИПСП	1969	НИСИ 1964
27	Вязунова Галина Анатольевна	КБ по ж/б	1982	НИСИ 1972
28	Гладков Сергей Васильевич	ОАО ИПСП	2000	ИПИ 1987
29	Горбенко Владимир Юрьевич	Жилгорпроект	2002	ИПИ 1987
30	Горчакова Мария Петровна	ОАО «ГипродорНИИ»	1994	ИПИ 1989
31	Григорьев Станислав Михайлович	ОАО ИГП	1972	НИСИ 1966
32	Григорьева Елена Ивановна	ОАО ИГП	1986	ИПИ 1978
33	Грудинина Светлана Алексеевна	ОАО ИГП	2003	ИПИ 1987
34	Губина Гульнара Махмудовна	ОАО «ГипродорНИИ»	2007	ИПИ 1989
35	Гуревская Людмила Михайловна	НИПРМ «Традиция»	1999	НИСИ 1975
36	Гурова Лариса Ивановна	ООО «РСК Фениных»	1999	НИСИ 1972
37	Гурьева Мария Александровна	ОАО ИГП	2004	ИрГТУ 2001
38	Дагданова Цыредарь Батыровна	ИрГТУ	1971	НИСИ 1964
39	Дайнеко Алевтина Ивановна	ИрГТУ	1989	НИСИ 1973
40	Демков Сергей Борисович	ОАО «ГипродорНИИ»	1994	ИПИ 1987
41	Долгова Ирина Борисовна	г. Москва	2000	ИПИ 1983
42	Дружинина Инна Евгеньевна	ОАО ИГП	2000	ИПИ 1992
43	Железняк Ольга Евгеньевна	ИрГТУ	1995	ИПИ 1978
44	Жижченко Елена Генриховна	ОАО ИПСП	1995	ИПИ 1985
45	Жуковский Николай Леонидович	ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского»	1989	ИПИ 1982
46	Зайченко Наталья Александровна	ИП	1999	ИПИ 1981
47	Захарчук Марина Геннадьевна	ОАО ИГП	2003	ИПИ 1985
48	Зиминова Ксения Владимировна	ООО «ГАБР»	2007	ИрГТУ 2003
49	Зибров Анатолий Петрович	ООО «АЗ-студия»	1989	ИПИ 1979
50	Ильин Дмитрий Васильевич	ОАО ИПСП	1995	ИПИ 1987
51	Иоффе Татьяна Чаровна	ОАО ИПСП	2002	ИПИ 1989
52	Калинин Сергей Аркадьевич	ИП	1989	ИПИ 1978
53	Карнакова Елена Юрьевна	ИП	1989	ИПИ 1981
54	Карпов Сергей Борисович	ОАО ИГП	1986	ИПИ 1982
55	Ким Кир Хо	ИП	1982	НИСИ 1975
56	Козак Александра Игоревна	ОАО ИГП	2009	ИрГТУ 2006
57	Козак Игорь Владимирович	ООО АБ «Перспектива»	1995	ИПИ 1983
58	Козлов Валерий Васильевич	ИрГТУ	2002	МАрХИ 19
59	Колодий Георгий Николаевич	ИрГТУ	2009	ИПИ 1982
60	Константинов Евгений Георгиевич	Администрация г. Шелехова	1995	ИПИ 1988
61	Корзун Алла Вадимовна	ИрГТУ	1987	Ленингр. ИСИ 1968
62	Красильников Андрей Георгиевич	Администрация г. Иркутска	1987	ИПИ 1981
63	Кулаков Анатолий Иванович	ИрГТУ	2005	ИПИ 1979
64	Культикова Елена Николаевна	УАиГ г. Ангарска	1996	ИПИ 1986

№ пп	Фамилия Имя Отчество	Место работы	Дата вступл.	Вуз, год окончания	
65	Ладейщиков Александр Юрьевич	ИрГТУ	2005	ИПИ 1979	
66	Латышев Леонид Андреевич	пенсионер	1987	ИПИ 1961	
67	Литвинов Борис Трофимович	ИрГТУ	2009	Иняз 1973, Уральский госуниверситет 1989	
68	Лифантьева Юлия Владимировна	ООО «ГАБР»	2005	ИПИ 2000	
69	Логванов Игорь Валентинович	ОАО ИГП	1999	ИПИ 1986	
70	Ляпин Андрей Александрович	ИрГТУ	2007	ИПИ1983	
71	Макаров Андрей Юрьевич	ОАО ИГП	1989	ИПИ 1979	
72	Макогон Любовь Николаевна	ИрГТУ	1999	ИПИ 1978	
73	Марков Владислав Иванович	ИрГТУ	1989	Уральский филиал МАрХИ 1968	
74	Матвеев Евгений Петрович	г. Усть-Илимск	1999	Ленингр. высшее худ.-пром. училище им. Мухиной 1971	
75	Матвеева Надежда Степановна	г. Москва			
76	Медведев Максим Артемьевич		2006	ИПИ	
77	Меерович Марк Григорьевич	ИрГТУ	1995	ИПИ 1978	
78	Мионов Максим Юрьевич	«Фортуна»	2007	ИрГТУ2000	
79	Митюкова Оксана Владимировна	ИрГТУ	2009	ИрГТУ1996	
80	Мулляров Сергей Викторович	ОАО ИГП	2002	ИПИ 1997	
81	Нечитайло Владимир Константинович	ИрГТУ	1982	НИСИ 1968	
82	Носова Наталья Александровна	г. Москва	2006	ИПИ 2001	
83	Папанян Артем Арамаисович	ПТАМ «ПАРК»	1982	Ереван. ПИ 1974	
84	Пашинина Ольга Валерьевна	ДХШ №1.г. Ангарск	2009	ИПИ 1983	
85	Пашкевич Иван Егорович	г. Москва	2005	ИПИ 2001	
86	Петрова Татьяна Петровна	ИрГТУ	1994	ИПИ 1978	
87	Пожидаев Алексей Анатольевич	ООО АПМ «Образ города»	2009	ИрГТУ 1999	
88	Поликарпочкин Алексей Валентинович	ИП	1999	ИПИ 1981	
89	Попова Валентина Алексеевна	ОАО «ИркутскгипродорНИИ»	1987	НИСИ 1976	
90	Попова Неля Максимовна	ИСФ «Эффект и К»	1993	ИПИ 1984	
91	Потапова Тамара Георгиевна	ИП	1982	НИСИ 1967	
92	Протасова Екатерина Васильевна	ОАО «ИркутскгипродорНИИ»	1989	ИПИ 1981	
93	Разроева Татьяна Анатольевна	ОАО «Желдорпроект»	1996	ИПИ 1979	
94	Распутин Владимир Викторович	Администрация Иркутской области	1995	ИПИ 1981	
95	Ремизова Наталья Викторовна	ИрГТУ	2009	ИПИ 1992	
96	Романовская Лариса Михайловна	ОАО ИПСП	1987	ИПИ 1978	
97	Саландаева Ольга Ивановна	ООО «Спецпроект»	2002	ИПИ 1980	
98	Сергеев Алексей Сергеевич	ОАО ИГП	2009	ИрГТУ 2006	
99	Середенкина Светлана Валерьевна	ООО «Архбюро Перспектива»	2003	ИПИ 1986	
100	Сероштан Сергей Викторович	ЗАО «ДИА Россо»	2002	ИПИ 1990	
101	Сидоренко Людмила Георгиевна	УАиГ г. Ангарска	1999	ИПИ 1980	
102	Снежко-Блоцкий Вадим Ярославович	ОАО ИГП	1989	ИПИ 1981	
103	Сотников Владимир Иванович	ИП	1982	НИСИ 1971	
104	Стегайло Владимир Борисович	АРХ-ЦЕНТР, ПТАМ АС	1986	ИПИ 1978	
105	Сушкова Евгения Дмитриевна	ОАО ИГП	2009	ИрГТУ 2005	
106	Титаева Нелли Павловна	пенсионер	1989	НИСИ 1961	
107	Толстик Виктор Андреевич	пенсионер	1987	ИПИ 1978	
108	Трескина Елена Михайловна	НИПРМ «Традиция»	2000	ИПИ 1981	
109	Филиппова Ольга Геннадьевна	ООО «Архбюро Перспектива»	2006	ИПИ 2002	
110	Урлапова Галина Васильевна	Иркутскархпроект	1986	ИПИ 1978	
111	Хадеев Борис Алексеевич	ИрГТУ	1989	НИСИ 1962	
112	Хазыкова Елена Петровна	ОАО «ИркутскгипродорНИИ»	2005	ИПИ 1986	
113	Хлебников Александр Юрьевич	ИП	1989	ИПИ 1980	
114	Хомутинников Иван Владимирович	Администрация г. Иркутска	1999	ИПИ 1981	
115	Хотулев Руслан Анатольевич	ОАО «ИркутскгипродорНИИ»	2009	ИрГТУ 2000	
116	Хохрин Евгений Викторович	ИрГТУ	2009	ИПИ 1980	
117	Худолеев Александр Витальевич	ООО «Творческая мастерская архитектора Александра Худолеева "Холикс"»	1995	ИПИ 1982	
118	Цой Ди Ен	ООО «Дион-стройкомплекс»	2005	ИПИ 1982	
119	Черепанов Игорь Владимирович	Иркутскархпроект	2000	ИПИ 1982	примечание
120	Чертилов Алексей Константинович	ИрГТУ	2005	ИПИ 1985	ИПИ – Иркутский поли-
121	Чикалин Сергей Викторович	ИП	2009	ИПИ 1983	технический институт;
122	Чужинова Елена Николаевна	ОАО «ГипродорНИИ»	1989	ИПИ 1986	ИрГТУ – Иркутский
123	Чумаков Сергей Андреевич	ОАО ИПСП	1982	Львов ПИ 1975	государственный
124	Шарыгина Людмила Ильинична	г. Москва	1986	ИПИ 1978	технический университет;
125	Шевченко Юлия Владимировна	ОАО ИГП	2007	ИрГТУ2004	ИПСП – Иркутский
126	Шемазашвилли Коба Давидович	ЗАО «ДИА Россо»»	2002	Грузинский тех. университет 1989	промстройпроект; ИГП – Иркутскграждан-
127	Шептун Татьяна Семеновна	г. Москва	2002	ИПИ 1988	проект
128	Шерстова Наталья Владиславовна	ОАО «ГипродорНИИ»	2002	ИПИ 1988	НИСИ – Новосибирский
129	Юшков Александр Юрьевич	ООО «АСС»	1989	ИПИ 1980	инженерно-строительный
130	Яковлев Александр Всеволодович	ООО «Наследие»	1987	ИПИ 1980	институт

На базе проектных организаций Иркутска, Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края 6 марта 2009 года было зарегистрировано некоммерческое партнерство «Байкальское региональное объединение проектировщиков», инициатором создания которого выступили ЗАО ПИИ «ГорПроект», ЗАО «Востсибпроект», ОАО «ИркутскГипродорНИИ», ОАО «Иркутский Промстройпроект»,

ОАО «Бурятгражданпроект» и ЗАО «НП Читагражданпроект».

9 ноября 2009 года некоммерческому партнерству был присвоен статус саморегулируемой организации.

На сегодняшний день в состав НП вошли 120 проектных и архитектурных организаций. Из них:

Иркутская область – 88 организаций,
Республика Бурятия – 21 организация,
Забайкальский край – 11 организаций.

109 компаний получили свидетельства о допуске к работам, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства. Все организации, вошедшие в состав НП, отвечают основным пунктам Закона о СРО: наличие специалистов высокой квалификации, соответствие профиля, необходимость стажа, численность работников.

Из общего числа членов 39 компаний получили Допуск 02 на архитектуру. Это значительная часть партнерства, играющая заметную роль в архитектурном сообществе нашего региона.

ООО «АРТ-Консалт архитектурное бюро»
ООО «Образ города»
ООО «ПАРК»
ЗАО «ПИК»
ООО «ПроектЦентр»

ООО «Роспроект»
ООО «Сибинженерпроект»
ООО «Сибирский проектный институт»
ООО «Студия-Проект»
ООО «Такота»
ООО «Традиция»
ЗАО «Читагражданпроект»
ООО «Эй-Пи-Центр»
ООО «Эффект и Ко»
ООО «Ново-Строй»

ЗАО «Востсибпроект»
ЗАО «ДИАС»
ПК «Иркутскагростройпроект»
ООО «Иркутскархпроект»
ООО «ИркутскДизайнПроект»
ЗАО «ИркутскЖилГорПроект»
ОАО «Иркутский авиационный завод»
ОАО «Иркутский масложиркомбинат»
ОАО «Иркутский Промстройпроект»
ОАО «Иркутскэнерго»

Уважаемые коллеги, друзья, партнеры!

От имени правления НП «БайкалРегионПроект» примите поздравления с 75-летним юбилеем Иркутского регионального объединения Союза архитекторов России! Проектирование и архитектура – понятия неразрывно связанные между собой – от создания прообраза, разработки концепции будущего сооружения до гармонизации в составе окружающей среды. Пусть ваше сердце никогда не оставит чувство стремления к прекрасному и желание его воплотить!

Председатель правления НП «БайкалРегионПроект» Н.А.Кузаков

664081, г.Иркутск,
ул.К.Либкнехта, 239/1, оф.501.
Тел.факс.: (3952) 28-14-74
www.srobrp.ru, e-mail:srobrp@mail.ru

номады / nomads

For several thousand years nomads have been perceived as evil by settled people. The Huns provoked such a horror and hatred that caused setting up of the greatest defensive constructions in human history – the Walls of Constantinople in the west of Asia and the Great China Wall in the east. The Polovtsy and the Pechenegs, the Varagians and the Tatars – all those nomads used to become a common Evil, the incarnation of otherworldly horror for people settled on land. Historical justice can be hardly found here. Settled people yielded little to nomads in savageness and cruelty, but even now nomads are still perceived as bearers of chaos and lawlessness.

However, at the same time a striking influence, attraction and charm inherent to nomads are obvious. Folk Gypsies, the well-known vagrant people of modern times, are the embodiment of a dangerous, hostile to the customary way of life, sometimes disastrous, but irresistibly tempting charm.

Why is the nomads' way of life so dangerous and charming? What is their principal difference? A settled man, even when he changes its address, never turns into a nomad, doesn't he? Settled people conclude an agreement with a genius of the place they fix in.

The Latin expression "genius loci" is literally translated as "the genius of the place" but practically refers to landscape. When building towns and roads, settled people promised to treat landscape and climate peculiarities with reverence. A human will was to seek balance with the will of the genius of the place.

Nomads have no commitments towards the genius of the place, but they cannot pretend to his patronage. A nomad does not benefit from the surrounding landscape, and does not have to preserve its uniqueness. A nomad's dwelling is portable, it has no foundation, it is not fixed to the land occupied by it at this moment. Tomorrow it will occupy another territory.

To Overcome a Nomad

Преодоление номада

текст
Константин Лидин

1. Плетнёва С. А. Половцы. М. : Наука, 1990.
2. Н. Коробка. Тугарин Змеевич / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
3. Пруссак А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении Публичной библиотеки. П., 1915.
4. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Советская энциклопедия, 1991.

В сочинениях византийской царевны Анны Комниной можно встретить следующий сюжет. В то время печенеги, продвигавшиеся на Балканы под натиском половцев, вторглись в византийские владения, не довольствуясь отведённым им землями на северной границе империи. На призыв императора Алексея Комнина о помощи откликнулись половецкие ханы Тугоркан и Боняк, пришедшие с войсками в Византию в 1092 году. Ни византийцы, ни половцы не доверяли друг другу, однако сражение между половцами и печенегами закончилось полным разгромом последних. Не довольствуясь этим, византийцы ночью перерезали 30 тысяч пленных (преимущественно женщин и детей), и половцы, испугавшись жестокости союзников, отступили к Дунаю, где были разбиты венграми и ушли в приднепровские степи¹.

Хан Тугоркан, впрочем, остался не только в записках византийских времен. Его имя, слегка изменившись, вошло в былинный эпос Древней Руси. Тугарин Змиевич (или даже Тугарин Змей), по свидетельству специалистов, упоминается в былинах многократно как особенно злостный враг Руси. Наиболее известна история вражды между Тугарином Змеем и Добрыней Никитичем.

Былина начинается с эпизода появления Змея на пиру у князя Киевского, а заканчивается, естественно, победой доброго богатыря над злым и гибелью последнего².

Кочевые народы на протяжении тысячелетий были воплощением зла для народов оседлых. Гунны вызвали такой ужас и ненависть, что спровоцировали строительство самых гигантских оборонительных сооружений в истории человечества – стены Константинополя на западном краю Азии и Великую китайскую стену на востоке. Половцы и печенеги, варяги и татары – все эти кочевники в свое время превращались в нарицательное Зло, воплощение потустороннего ужаса для прикрепившихся к земле народов. Вряд ли тут следует искать историческую справедливость. Оседлые народы мало уступали кочевникам в свирепости и жестокости, но и сегодня номады привычно воспринимаются как носители хаоса и беззакония.

Однако в то же время нельзя не заметить удивительное влияние, притягательность и очарование, присущее кочевникам. Тугарин Змей (как и Змей Горыныч) явно принадлежат к породе летающих змеев. Западные славяне называют их «обаясныки». Любопытно само слово, в котором сохранилось древнеславянское слово обавити, обаяти, в значении околдовать (первоначально – оговорить, уговорить, incantare). В старинных русских памятниках (например, в Азбуковниках) встречается близкий термин – обаяници, в значении колдунов³. В современном русском языке есть родственное слово «обаять, обаятельный». Змей Тугарин на своих бумажных крыльях летает вокруг Киева и похищает красных девушек. Его же собственная подруга Марина – колдунья и обольстительница, она соблазняет Добрыню Никитича и превращает его в красного тура⁴.

Опасное, враждебное привычному укладу жизни, иногда губительное, но непреодолимо соблазнительное обаяние воплощают собой и фольклорные цыгане – самый известный бродячий народ современности.

Чем же так опасен и обаятелен образ жизни кочевника-номада? Чем вообще так уж кардинально отличаются номады? Ведь оседлый житель, даже меняя место жительства, не превращается в кочевника. Оседлые

Гений места (genius loci) и лары. Фреска в ларарии дома Веттиев в Помпеях. 60–79 годы н.э. Помпеи, Дом Веттиев. Гений в тогепретексте изображен во время жертвенного возлияния между двух ларов, танцующих с сосудами из рога в руках, в это время внизу ползет хохлатая змея (распространенная тема для ларария), направляющаяся к алтарю с помещенной на нем жертвенной пищей The Genius of the Place (Genius Loci) and Lares. Fresco in lararia of the House of the Vettii in Pompeii. 60–79 A.D. Pompeii, House of the Vettii

A nomad overcomes existential horror of the Space by making order and stability in his portable home. A yurt or a tent are a little bubble of order in an infinite ocean of unpredictable and unfriendly space. There are historical examples of towns created by nomads: they look like some foam devoid of common structure and consisting of separate bubble-houses.

A burst of passionarity of Mongolian ethnics in the XIIIth century brought Chingiz-Khan to power over vast Eurasian spaces. Unlike Attila, the leader of the Huns, Chingiz lived a pretty long life and was wise enough to not only destroy but also to build towns. The first capital of the Chingizid Empire (the Golden Horde) was Karakorum. For thirty years caravans with spoils and tributes had been constantly flowing into the city from all over the Mongol Empire. The city was overstocked with gold, and the luxury of Tumen Amgalan Palace, the residence of Ogedei-Khan, the

successor of Chingiz, could be compared with Bagdad palaces. However, in 1263 the capital of the Golden Horde was transferred to Beijing (Khanbalyk), and in 1380 Karakorum was demolished by the Chinese army. Nevertheless, the transference of the capital to the ancient Chinese city entailed cultural assimilation of Mongolian conquerors. Chinese culture “digested” the newcomers, first turning them into one more dynasty in the row of Chinese dynasties, and finally the Yuan era comes to its end by 1368.

The Japanese changed from wandering to a settled way of life much earlier than the Mongols. However, the nomadic features are still apparent in Japanese culture, especially in traditions of Shinto, the ancient religion in Japan.

A paradoxically peaceful coexistence of nomadism and sedentism characterizes not only Japanese culture. Having improved and settled, the nomads played

народы заключают договор с гением тех мест, в которых оседают и прикрепляются к земле.

Латинское выражение «genius loci» буквально переводится как «гений места», но фактически относится к пейзажу. Александр Поуп в «Послании к лорду Берлингтону» писал:

Пусть гений места даст тебе совет;
Тот, кто потока направляет след,
Иль гордый холм поднимет до небес,
Иль обратит в театр уступов дольных срез;
Мелькнет в селе, займет полян широкий вид,
Соединит леса, а краски оттенит;
То разорвет, а то направит линий строй,
Художник рощ твоих, работ твоих герой.

(Перевод Б. Соколова)

Гениус лоци обычно изображался римлянами в виде змеи, ползущей к алтарю. Поклоняться ей следовало наравне с пенами — духами предков, ларами — божествами-хранителями дома — и фавнами — богами природных сил, и поклоняться искренне и усердно. Гениус лоци был божеством не только милостивым, но и капризным. Согласно Сервию, римляне, опасаясь, как бы враги не переманили на свою сторону опекающее их город божество, скрывали его имя⁵.

Строя свои города и дороги, народы оседлого образа жизни обязывались уважительно и почтительно относиться к особенностям пейзажа и климата. Характер человека должен был искать равновесия с характером гения места.

Кочевники свободны от обязательств перед гением места, но и не могут претендовать на его покровительство. Номад не пользуется преимуществами того пейзажа, в котором пребывает, но и не обязан хранить его уникальность. Жилище кочевника переносное, у него нет фундамента, оно не прикреплено к земле, на которой стоит в данную минуту. Завтра будет стоять уже на другой земле.

Экзистенциальный ужас перед лицом Космоса кочевник преодолевает, создавая порядок и стабильность в своем переносном доме. Юрта, чум или шатер — это пузырек порядка в безбрежном океане непредсказуемого и недружелюбного пространства. История знает примеры городов, созданных кочевниками — они похо-

жи на пену, лишенную общей структуры и состоящую из отдельных пузырьков-домов.

Еще один кочевой народ — варяги — по-настоящему жили только на своих кораблях, шедеврах инженерной мысли своего времени. Сухопутный «длинный дом» скандинавов (да и вообще древнегерманских племен) явно подражает кораблю, даже стены его часто делались выгнутыми наружу. «На поселении Эзинге сохранились слои от 300 г. до н. э. до середины III в. н. э. Внутри прямоугольного палисада стояли два прямоугольных дома (6x13 м), разделенных перегородками на три нефа. В центральной части дома находилось жилое помещение с очагом, а в двух боковых нефах — стойла для скота. Стены были сделаны из деревянных балок и обмазаны глиной (fachwerk). В более поздний период здесь возникают четыре дома длиной от 8 до 13 м, похожие в плане на постройки предшествующего времени»⁶. Длинный дом, как и корабль, рассчитан на одну большую семью — боевую и социальную единицу, самодостаточную и непривязанную к земле.

Болгарская крепость Белградчик. I век н.э. Античные стены так естественно вписываются в причудливый рисунок скал, что не сразу и согласишься, где именно творение природы переходит в творение рук человеческих. Фото автора Bulgarian Fortress Belogradchik. I century A.D.

5. Культура Древнего Рима. Т. 1. М.: Наука, 1985.

6. Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I—VIII веках. СПб.: Евразия, 2002.

a significant role in formation of all the western culture. One of the oldest books of humankind, the Bible, keeps the traces of changing from a nomadic way of life to a settled one.

The first books of the Bible (Tanah) describe how nomad cattle-breeders, the ancestors wandering among the great Sumerian towns gradually fixed to the land. Having pressed the Jebusites, faced with a threat of their eternal enemy the Philistines (the Palestinians), the nomads united into a new nation – the Ivrim.

The roots put down by the forefathers gave rise to the three world “Abrahamic” religions. The beginnings of Christianity contemporized historically with demolishing of the Temple of Jerusalem and a new, though forced, wandering of the Jews. Six centuries later Islamism arose, which was also connected with the change from nomadism to sedentism. Prophet Muhammad, after his father’s death, was brought up in

a nomadic family. Traditionally they believed that children grew up stronger and healthier in a nomadic tent. Coming back to his family, he heard the voice of God.

The historical examples given above show common regularity in relation between nomadism and town-building. Every time people overcame a nomadic way of life, they learnt how to build towns. They made a qualitative advance from a mess of tents or yurts to a regularized structure much bigger than a one-family house. A town of settled people, in contrast to a town of nomads, has its own “internals”, its own organic life linked to landscape and terrain features. A town of settled people is a result of agreement and negotiations of people with the genius of the place.

Centuries went by, and the present-day world is facing with nomadism again. Today’s megalopolis dweller, a push-pull migrant, lives a nomadic life. His house is a bubble of order in a chaotic space of a gigantic city. An

Таким увидел Каракорум современный художник из США китайского происхождения Ю Шан (Yu Shan). Стенная роспись Karakorum viewed by Yu Shan, a modern Chinese artist from the USA. Mural painting

Взрыв пассионарности монгольского этноса в XIII веке привел Чингисхана к власти над огромными евразийскими пространствами. В отличие от вождя гуннов Аттилы, Чингис прожил довольно долго и был достаточно мудр, чтобы не только разрушать, но и строить города. Первой столицей империи Чингизидов (Золотой орды) стал город Каракорум.

«В начале XX века ученые определили местонахождение столицы Чингисхана в верховьях реки Орхон в центре Монголии. Первоначально здесь находилась кочующая ставка монголов и только в 1219 г. был основан город. В китайских летописях описывается золотой шатер Чингисхана, большая юрта, вмещавшая несколько сот человек. Столбы и порог в ней были обернуты золотом, поэтому ей и было присвоено название «Золотой шатер». Одно из первых описаний кочующей ставки Чингисхана на берегах Орхона принадлежит даоскому монаху Чан Чуню, который сообщает, что стан кочевников состоит из многих сотен войлочных шатров, паланкинов и «палаток», более или менее постоянных»⁷.

В 1235 году в Каракорум была официально перенесена столица Золотой Орды. В течение тридцати лет в город непрерывным потоком стекались караваны с добычей и данью из всех концов монгольской империи. Город был переполнен золотом, а дворец Тумэнамгалан, резиденция Угэде-хана, наследника Чингиса, сравнивали по богатству с дворцами Багдада. Однако в 1263 году столица Золотой Орды была перенесена в Пекин

(Ханбалык), а в 1380 году Каракорум был разрушен китайскими войсками. От великого и богатого города не осталось практически ничего. Археологи спорят, можно ли отнести к легендарному Каракоруму найденные остатки фундаментов в верховьях реки Орхон, но возможно, первая столица Чингиса исчезла бесследно. Впрочем, перенос столицы в древний китайский город обернулся для монгольских завоевателей культурной ассимиляцией. Китайская культура «переварила» пришельцев, сперва превратив их в еще одну династию в череде китайских династий, а к 1368 году с эпохой Юань было и вовсе покончено.

Японцы перешли от кочевого образа жизни к оседлому гораздо раньше монголов. Однако в японской культуре следы номадичности все еще легко различимы. Особенно в традициях синто, древнейшей религии Японии.

В трехстах километрах к западу от Токио находится небольшой городок Исэ, а в нем – комплекс храмов Исэ Дзингу. Именно здесь хранится величайшая реликвия синто, зеркало ята-но кагами. Когда неблизкая богиня Аматаэрасу Омиками обиделась на выходки своего буйного брата Сусаноо-но-Микото и спряталась в пещеру, младшим богам удалось выманить ее оттуда, показав ей зеркало. Японские императоры, потомки Аматаэрасу, хранят бронзовое зеркало в Исэ с III века нашей эры.

Начиная с VII века каждые двадцать лет Исэ дзингу становится местом проведения красочных церемоний, именуемых Сикинэн сэнгю. Раз в 20 лет главных богов религии синто, обитающих в храмах Исэ, из старых храмов переносят в новые, только что построенные по образцу старых. Традиция этих важнейших синтоистских церемоний насчитывает уже 13 веков. Первая церемония Сикинэн сэнгю была проведена еще в 690 году при императрице Дзито. С тех пор 20-летняя последовательность нарушалась только дважды: между 1443 и 1585 годами, когда страну сотрясали междоусобные войны, и в годы Второй мировой войны. Последняя церемония Сикинэн сэнгю произошла в 1993 году, так что следующая намечена на 2013 год⁸. Богиня – прародительница императоров – кочует, чтобы не зависеть от гениуса лоци.

При этом синто включает в себя и поклонение бесчисленным богам пейзажа. Гений места – ками – весь-

7. Киселев С. Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
8. www.japantravel.ru/rus/japan/city/index.htm

Гранитная черепаха (возможно, из Каракорума) рядом со стенами монастыря Эрдэнэ-дзу. По преданию, город охраняли от наводнений 4 гранитных черепахи. Это все, что осталось от великой столицы кочевников. Фото Сергея Волкова
Granite Tortoise (probably from Karakorum) near the walls of Erdene Dzu Monastery. Photography by Sergey Volkov

Один из храмов комплекса Исе Дзингу. Единение с природой вовсе не обязательно означает привязанность к определенному участку земли
One of the Temples of Ise Jingū Complex

ма уважаемое божество, он есть у каждой скалы и каждого ручья. Но древние японские боги, пришедшие на эти острова с легендарным первым императором Дзимму, не привязаны к земле. Воинственные захватчики протояпонцы, бродяги и кочевники, принесли своих богов, но те гармонично уживаются с гениями здешних мест. Божества пейзажа, kami, живут сами по себе, не споря и не соперничая с богами императоров.

Парадоксальное мирное сосуществование кочевничества и оседлости, впрочем, не уникальное достижение японской культуры. Перевоспитавшиеся, осевшие на землю кочевники сыграли в свое время огромную, определяющую роль в формировании всей западной

культуры. Следы перехода от номадического образа жизни к оседлому сохранила одна из древнейших книг человечества – Библия.

Зенон Косидовский писал: «Рассказы о патриархах обладают всеми особенностями народных сказаний и отражают мышление первобытных племен. Нетрудно представить себе тогдашних скотоводов, которые, сидя у костра, рассказывали друг другу забавные истории о предках: как Авраам обманул фараона, как слуга Исаака встретил Ревекку у колодца, как хитрый Иаков выманил у брата право первородства, а потом отнял у Лавана почти все имущество, как Лия и Рахиль состязались в деторождении...

Иширусай Хиросигэ (1798–1858). Исе Дзингу зимой. Ксилографюра

Ichiryusai Hiroshige (1798-1858). Ise Jingū in Winter. Xylograph

Город Харан, из которого праотец Авраам отправился искать обетованную землю. Наверное, именно так и выглядели жилища полукочевников XXI века до н.э. Фотография Asafros. www.flickr.com
 Haran – the town from which Forefather Abraham set out in search of the land of promise.
 Photography by Asafros. www.flickr.com

В своих сказаниях кочевники давали волю фантазии. Совершенно исключено, чтобы все эти детали, с такой достоверностью воссоздающие жизнь древнейших эпох, сочинили жрецы, жившие в шестом веке до нашей эры, то есть в совершенно других социальных и бытовых условиях. Это было бы не под силу даже талантливому писателю»⁹.

Первые книги Библии (ТаНаХ) как раз и рассказывают о том, как скотоводы-кочевники, праотцы, странствовавшие между великими городами шумеров, постепенно прикреплялись к земле. Потеснив народ иевусеев, перед лицом угрозы извечного врага – филистимлян (палестинцев), кочевники объединялись в новый народ – иврим. Само слово «иври» (единственное число от «иврим»), по мнению историков, происходит от аморрейского «ибру», означающего «переход» (например, через реку). Возможно, в этом имени отразилось важнейшее событие в жизни аморрейских племен: уход из Месопотамии в начале II тысячелетия до н.э. Так, вероятно, называли себя люди, принадлежавшие к аморрейским племенам, после ухода в начале II тысячелетия до н.э. из Месопотамии через Евфрат в Сирию и Палестину. Разумеется, состав этих племен не совпал со сложившимся позже еврейским народом. Однако в «Бытии» Аврам обозначается как «иври» – термином, к которому, как полагают, через греко-византийский язык восходит русское «еврей»¹⁰.

После гибели первого еврейского царя Саула из колена Биньямина к власти пришел царь Давид из колена Иегуды. Давид построил свой город и обнес его крепостной стеной. Город получил название Иерусалим (Иерушалаим). Первоначально город строили приглашенные финикийские архитекторы. Собственная градостроительная школа появилась у иврим только после 960 года до н.э., когда царь Соломон (Шломо) строил первый Храм и город, призванный стать духовным центром всех колен (племен) народа, переходящего от кочевничества к оседлости.

Из корней, заложенных праотцами, вырастают три мировых «авраамических» религии. Возникновение христианства исторически совпадает с разрушением

average Moscover, spending 3-4 hours on driving every day, depends on whims of traffic as well as a steppe dweller of the XIIIth century or a cattle breeder of the XXIst century B.C. depended on the mood of gods of heaven, sun or wind. Such gigantic urban agglomerations as Tokaido, BosWash, San-San are on the whole as structureless and disorderly as Karakorum or a Gypsy camp. How on earth is it possible to come to an agreement with the genius of the place if this “place” spreads hundreds of kilometers long?

A megalopolis ignores a landscape or just destroys it. Present-day construction machinery and air-conditioning create an illusion of independence from relief, climate, soil structure, flora and fauna. Global standardization of living conditions leads to indistinguishability of dwelling in different parts of the world. A new nomad does not need to carry his house with him. Wherever he comes he will find just the

Иерусалимского храма и новым, уже вынужденным кочевничеством евреев. Еще через шесть веков возникает ислам, и его появление также связано с переходом от кочевничества к оседлости. Пророк Мухаммед, после смерти своего отца, по обычаю был воспитан в семье кочевников, – считалось, что в кочевом шатре дети растут более крепкими и здоровыми. Вернувшись к родне, он и услышал голос Бога.

Приведенные исторические примеры показывают общую закономерность в связях кочевничества и градостроительства. Преодолевая номадический образ жизни, люди каждый раз учились строить города. От беспорядочного скопления шатров, кибиток или юрт они делали качественный скачок к упорядоченной структуре, значительно большей, чем дом для одной семьи. У города оседлых, в отличие от города кочевников, есть свои «внутренние органы», своя органическая жизнь, привязанная к особенностям рельефа и пейзажа. Город оседлых – результат договора и диалога людей с гением места.

Прошли века, и современный нам мир вновь столкнулся с кочевничеством. Сегодняшний житель мегалополиса, маятниковый мигрант живет кочевым образом жизни. Его дом – пузырек порядка в хаотическом космосе гигантского города. Рядовой москвич, ежедневно проводящий три-четыре часа в дороге, так же зависит от капризов дорожного трафика, как степняк тринадцатого века или скотовод двадцать первого века до нашей эры зависел от настроения богов неба, солнца и ветра. Гигантские урбанистические агломерации – Токайдо, Босваш, Сан-Сан¹¹ – в целом так же бесструктурны и беспорядочны, как Каракорум или цыганский табор. Да и можно ли вообще вести речь о каком-то договоре с гением места, если это «место» растянуто на сотни километров?

Мегалополис игнорирует пейзаж или просто уничтожает его. Современная строительная техника и кондиционеры создают иллюзию независимости от рельефа, климата, состава почвы, флоры и фауны. Глобальная стандартизация условий жизни приводит к неотличимости жилья в самых разных частях света. Новому номаду не нужно возить свой дом с собой. Куда бы он

9. Косидовский З. Библийские сказания. М.: Изд-во политической литературы, 1987.

same standard dwelling with the same uniform set of life necessities. A tempting charm of freedom from obligations toward the genius of the place instigates people to build cities huger and huger.

Many times nations changed from nomadism to sedentism. Many times at such moments new religions, new cultures and new architectural and town-planning tendencies arose. Probably some day the urban growth trend and aspiration for nomadic freedom from the landscape will be replaced by "a new settled life". Megalopolises will split back into habitual cities, or entirely new structuring principles on a new scale will be found. Architects and town-planners will get orders to design master plans for continents, and construction practice will turn from standardization to ideals of variety. And a new agreement between a man and the superior forces of nature will be written on laser tablets.

Аэрофотография Мехико, район Нецакаулькоатль. Мегалополис игнорирует рельеф местности, состав почвы, воздушные и водные потоки. Плоский, как Великая степь, пейзаж – место обитания современных номадов
Aerophotography of Mexico City, Netzahualcoyotl municipality

ни приезжал, там его будет ждать точно такое же, стандартное жилище с тем же унифицированным набором жизнеобеспечения. Соблазнительное обаяние независимости от обязательств перед гением места подталкивает людей стоять все более огромные городища.

Много раз в истории народы переходили от кочевого образа жизни к оседлому. Часто именно в такие моменты возникали новые религии, новые культуры и новые архитектурно-градостроительные течения. Возможно, тенденция к росту городов и стремление к

номадической оторванности от пейзажа когда-нибудь сменится «новой оседлостью». Мегалополисы рассыплются обратно на привычные города, или же будут найдены совсем новые принципы структурирования – в новом масштабе. Архитекторы и градостроители будут получать заказы на генеральные планы целых континентов, а строительная практика повернется от стандартизации к идеалам разнообразия. И на лазерных скрижалях напишут новый договор человека с высшими силами природы.

10. Тантлевский И.Р. История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
11. Лидин К.Л., Якобсон А.Я. Мегалополис Черембайк // Проект Байкал / Project Baikal / 2006. № 9. С. 3–9.

Карта Иерусалима, изданная в Вене в конце XVIII века. Город оседлого народа – это структурированный микрокосмос, привязанный к очертаниям холмов, ручьев и окруженный стеной против номадического хаоса
Jerusalem map produced in Vienna at the end of the XVIIIth century

Двор Метаморфоз

There are three basic principles of urban environmental transformation. The first one is dominant; it presupposes evolving concepts and arranging accent objects in the central urban space. The second principle is metamorphosing, it changes idea of contents, filling and structure of the surrounding space. The third one is a context principle, which increases the expressiveness of urban environment.

There are still both stationary and nomadic developments of the society existing objectively in the world. It is their cooperation and mutual enrichment that give rise to the lively modern urban structure. Constant changes in the space are necessary not only for the dwellers of the Steppe – more and more they fill in the contemporary world. The events coming into the city make it active and culturally rich. The today's city is truly successful and developed if it is capable to attract people, to be wide open to events and to respond to new cultural impulses.

Variability as a Quality of the Contemporary City Environment Изменяемость как качество среды современного города

ТЕКСТ
Людмила Козлова

Как никогда не войдешь в одну реку дважды, так и пространство, способное к изменению, всегда остается манящим и привлекательным. В природной среде такие изменения заложены изначально, и подсознательно мы всегда стремимся находиться именно в такой живой атмосфере, способной вступать в диалог со временем.

Есть народы, культура существования которых во многом отразилась в современных крупных городах. Это кочевники, обитающие в пространстве безгранич-

ной Великой степи. Считавшаяся неполноценной и варварской, она стала ареной для развития неповторимой культуры кочевого мира, вобравшей в себя богатство разных языков, культур и религий.

В кочевой философии есть как устоявшиеся стабильные элементы – исторически сложившиеся обычаи и традиционная культура, так и подвижные – возможность и желание перемещения с места на место. Образ жизни кочевников, безусловно, нашел свое отражение в нашем современном мире, притом именно в самых актуальных тенденциях к трансформации, мобильности, подвижности пространства и человека в пространстве.

«Человек должен двигаться, потому что солнце, месяц, звезды, вода, животные, птицы, рыбы – все движется, только земля и мертвые остаются на месте» – эти слова из книги «Путешествие по Средней Азии» (СПб., 1865) знаменитого путешественника А. Вамбери, и принадлежат они обычной казахской женщине, которая так коротко и просто смогла объяснить, почему ее народ ведет кочевой образ жизни.

Эта фраза в какой-то мере дает нам представление о мировоззрении кочевых народов. Своей подвижностью они, как мы видим, в первую очередь обязаны постоянно меняющейся природной составляющей пространства. Современная урбанизированная среда выросла из среды природной, и не стоит забывать об этом, ежедневно формируя и совершенствуя пространство города, которое существенно влияет на мироощущение человека.

Можно заметить, что элементы природы в структуре города потенциально являются привлекательными – набережные, парки, бульвары. Например, в Иркутске, набережная Ангары, где можно полюбоваться на живую стихию реки, является главным местом для прогулок, пробежек, встреч, торжественных мероприятий и т. д. Задача города – сохранение и окультуривание этого пространства, отношение к нему как к Великому.

В зависимости от сезона, времени суток и других природных явлений изменяется и образ окружающего нас пространства. И эти изменения заметны и важны не только для открытых степных просторов, но и для сов-

Двор Света

ременного города. Хорошо продуманное пространство учитывает эти изменения и реагирует на них.

В градостроительной монотонности структур очень сложно уловить фактор времени и развития. Для интеграции времени и пространственных форм необходимо такое средство как метаморфоза, то есть развитие, трансформация элементов и превращение форм одного объекта в другой. Это понятие вышло из природного мира, где посредством метаморфоз мельчайшие элементы растений связаны друг с другом так, что законы создания форм проявляются в многообразных превращениях.

В жилых кварталах Германии очень часто можно встретить перетекающую структуру сопряженных дворов. Если раньше считалось, что дворы имеют отношение только к живущим в них людям, то сегодня идет тенденция к раскрытию их для города. Квартал искусств (Kunsthofpassage) в Дрездене один из ярких тому примеров. Созданный по проекту архитектора Хайхе Воттхера группой дрезденских художников в 1999 году, он объединяет пять внутренних дворов, у каждого из которых своя тема и своя атмосфера.

Во Дворе Сказочных существ фасады украшены различными существами, мифическими или вымышленными, каждый решает сам для себя. В создания существ, заполняющих фасад, была вложена кропотливая ручная работа, которая и оживила этих сказочных персонажей. И как часто вы бы сюда не приходили, настенная история будет всегда разной и для каждого своей. Этот двор через пассаж примыкает ко Двору Света – центру событий, где проходят театральные представления, мультимедийные шоу и инсталляции.

Войдя в следующий двор – Двор элементов, сразу вспоминается фраза Маяковского: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?» Именно это инженерное оборудование превращается здесь в произведение искусства. Когда идет дождь, трубы, пропуская внутри себя воду, играют настоящую музыку архитектуры.

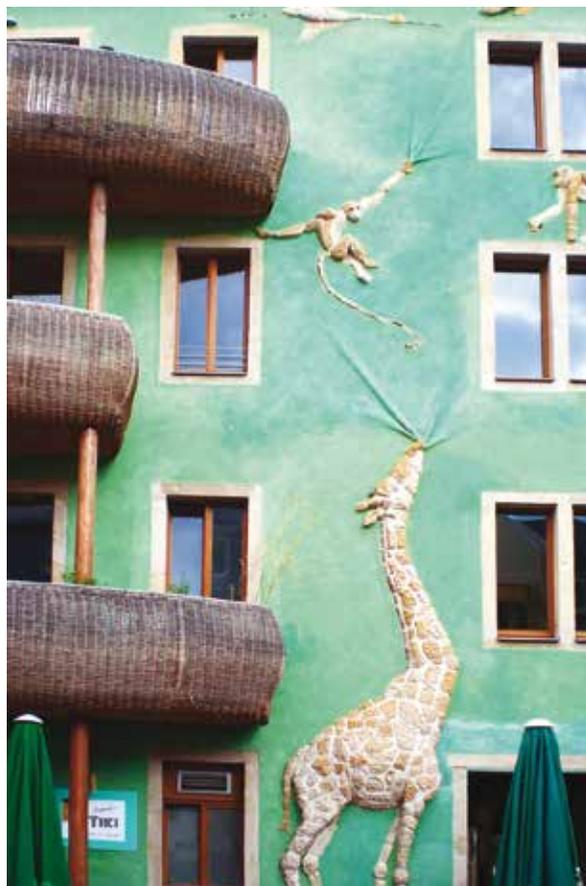
На одном из фасадов Двора Метаморфоз помещены две 15-метровые стелы из оцинкованного стального каркаса. Особая сталь позволяет слою ржавчины оставаться на поверхности, но препятствует дальнейшей коррозии. Эти стелы, с разрезом посередине, в ночное время превращаются в огромные лампы. На двух боковых стенах внимательный посетитель найдет 24 небольших квадрата, – это различные виды бумаг, смоченные в льняном масле и обрамленные металлическими каркасами. Они подвергаются воздействию погоды и постоянно изменяются.

Посреди Двора Зверей сооружен своеобразный пруд из песчаника, на окружающих его фасадах размещены различные животные из того же материала. Плетеные балконы, зеленые стены и деревянные колонны создают соответствующую тропическую атмосферу.

Таким образом, каждый двор рассказывает нам свою историю, меняющуюся и реагирующую на влияние внешних воздействий. Такие концептуально организованные пространства с заложенной возможностью изменения во времени, не портящему, а, наоборот, вдыхающему новую жизнь, всегда остаются актуальными в городской структуре.

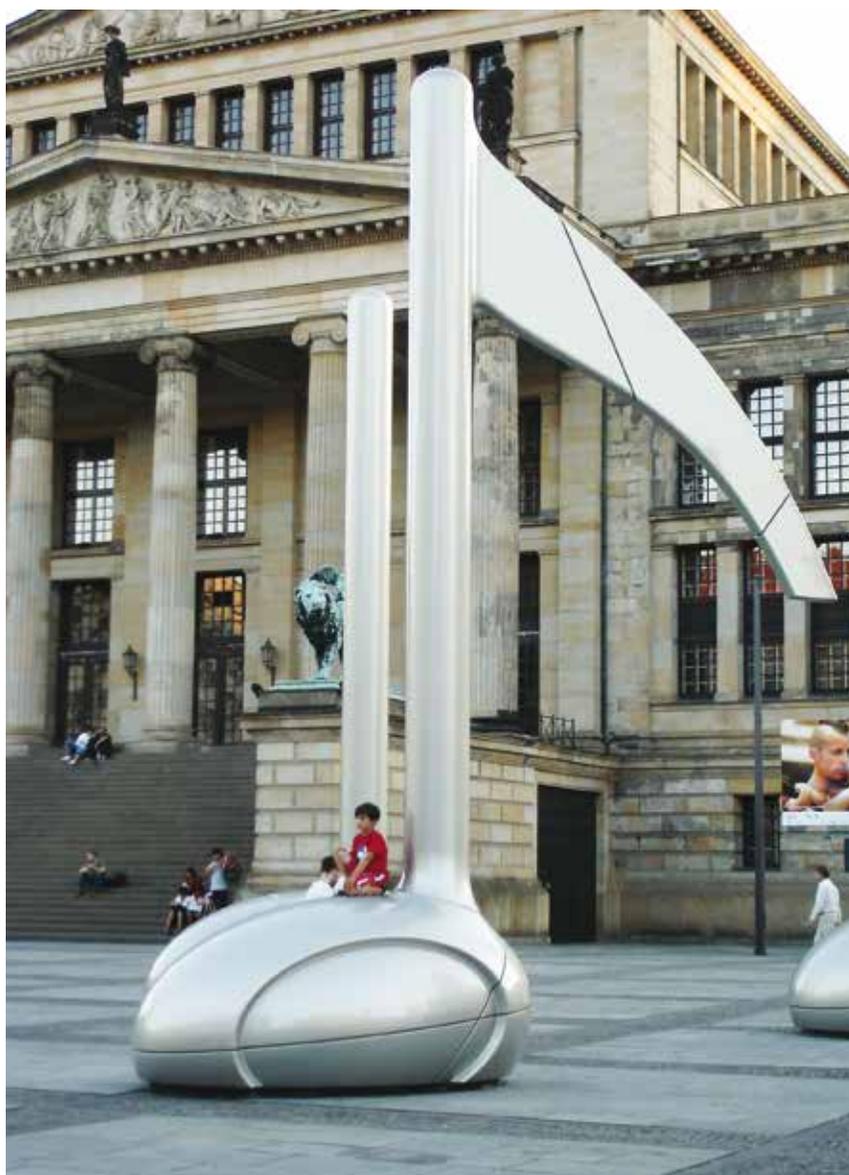
Если посмотреть на поселения кочевых народов, то мы увидим, что они формировались в городах, имеющие стационарную основу. Сложная, специфическая классовая структура кочевого общества, сложившегося на территории Великой степи в XIII веке – в Монгольской империи, породила своеобразное явление во всеобщей истории архитектуры – кочевые города. Такой город представлял собой поселение, которое, с одной стороны, включает в себя элементы кочевой архитектуры и, с другой – элементы обычного города оседло-земледельческих народов: укрепления, валы, рвы, ограды, торговые, политические и идеологические центры.

Это пример того, как из кочевой основы образуется город. Современные крупные города сегодня наоборот

Двор элементов

Двор Зверей

показывают нам, как изменения входят в стабильное городское образование. Эти изменения – события, приходящие в город: праздники, концерты, выставки, фестивали и т.д. Такие культурные мероприятия в первую очередь привлекают внимание, и не только к себе, но и к пространству, в котором они происходят.

Международные олимпиады, чемпионаты и фестивали являются самыми яркими примерами событий, «кочующих» по крупным городам всего мира. Такое крупномасштабное событие, безусловно, приносит в город новые элементы, новые сценарии. Поток из сотни тысяч людей в кратчайшие сроки наполняет город, закручивается в событийном водовороте и столь же быстро утекает. Но чтобы принять такое пришествие, городу требуются грандиозные приготовления, занимающие несколько лет. Например, союзом промышленников и предпринимателей «Германия – земля идей» была инициирована выставка «Тропа идей», прошедшая в Берлине с марта по сентябрь 2006 года и приуроченная к чемпионату мира по футболу.

«Тропа идей» лишь маленькая часть в цепочке городских сценариев Германии, охваченной чемпионатом, но и по ней можно судить о масштабах события. Выставка приглашает посетителей пройти по Берлину через шесть гигантских скульптур, представляющих изобретательность и богатство идей Германии: «Новаторские футбольные ботинки», «Медицина», «Автомобили», «Современное книгопечатание», «Шедевры музыки» и «Теория относительности». Пример того, как можно напомнить местным жителям и гостям города о своей истории и ценностях в простой прогулке по центру города. Скульптуры были выставлены на известных местах Берлина. Первыми была торжественно открыта скульптура футбольных ботинок – эта спортивная обувь, разработанная семьей Дасслер, произвела революцию в футболе.

Идеи Германии скрывались также в самих скульптурах: они были сделаны с использованием инновационного пластикового материала неопор (Neopor) и покрыты специальной новой краской, разработанной BASF Coatings.

Каждая из художественных работ – 12 метров в высоту и весит около 20 тонн. И тем не менее даже за период выставки некоторые из них меняли свое местоположение, как бы заигрывая со зрителями. Воспринимаясь на новом месте уже по-другому, скульптура делала акцент и на самом местоположении.

Экспозиции в городских пространствах – довольно частые гости в европейских городах. В том же Берлине перемещающиеся экспозиции сменяют друг друга несколько раз в году, постоянно оживляя собой город. Приведем в пример еще одну выставку, проходившую в этом городе с 25 мая по 1 ноября 2007 года – “Look@ Me” – Квартал искусств – 2007. Эта выставка уже не являлась частью более крупного события, она интегрировалась в город сомасштабно его среде.

В городском пространстве были представлены скульптурные, звуко-, видео-, свето-инсталляции, как автономные и одновременно организующие пространство формы современной художественной практики в общественном пространстве, контрастируя с уже существующими художественными произведениями прошедшего времени. В этом напряженном поле взаимодействия старого и нового, воображаемом и художественно инсценированном пространстве, возникает новое восприятие окружения. Разнообразные зоны городского центра втягивались в выставочное пространство: квартал Дома-Аквариума, расположенный напротив Берлинский собор, променада Шпрее с видом на Остров музеев и парк Монбижэ, образуя уникально сформированное выставочное пространство. Эстетика и характеристика охваченного пространства через актуальные сегодня исторические, структурные, политические и культурные факторы становится главной темой.

Основным концептуальным мотивом этой выставки являлась специфическая форма художественного фланирования, которая дает возможность раскрыться продуктивно возбуждающему восприятию множественности и культурной открытости скульптурных позиций на границе живописи, видео и концептуального искусства. Работы можно было

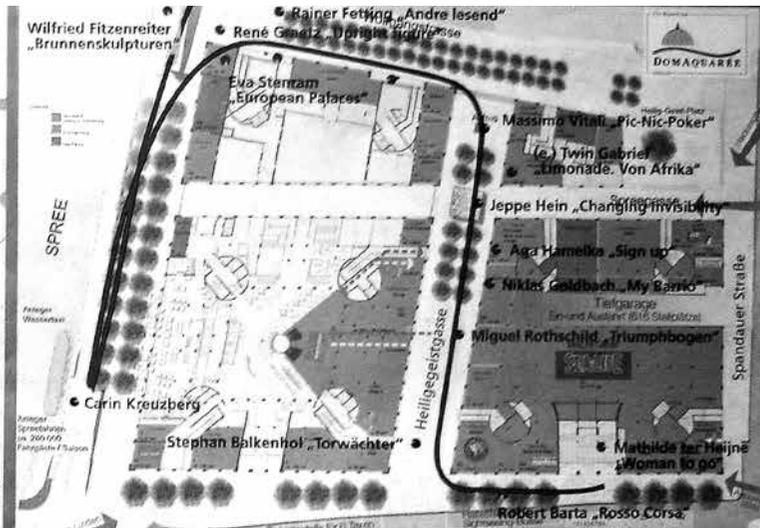

Фотовыставка в центре Копенгагена

Скульптор Beate Spitzmueller. «Свен Элегантный», «Бьёрн Благородный» и «Ларс Аристократичный»

Скульптор Thomas Moecker. «Матрас»

увидеть в экстерьере и интерьере, витринах, пассажах и на зеленых площадках, они приглашали наблюдателя к взаимодействию со скульптурным искусством. «Учись видеть» в обыденном городском окружении – центральный художественный смысл выставки “Look@Me”.

Чтобы освежить взгляд зашоренного человека, сегодня необходимо событие, которое заставит его посмотреть вокруг и во время перемещения в пространстве города получить свежие положительные эмоции и культурно обогатиться. И именно временные событийные изменения в исторически сложившемся силуэте и масштабе города могут помочь в этом.

Пауло Бурони (Paulo Bironi) в течение многих лет проводит грандиозное проектное шоу на улицах европейских городов, превращая старинные дома, памятники и целые площади в ожившие картины.

Этот особый язык, представляющий нечто среднее между кинематографом и фотографией, Бурони назвал Multivision –многостороннее видение.

Самой характерной чертой работ дизайнера Пауло Бурони является использование четырех пространственных измерений и взаимодействие между проектируемым изображением и архитектурными сооружениями, которые становятся неотъемлемой частью события. Создание визуального спектакля на улицах города оживляет исторически неподвижную среду, дает возможность по-новому взглянуть на нее.

Его работы называют «вторжением в город» за порыв захватывать городское пространство и приносить в него новое качество своими видеоизображениями. Говоря о своем искусстве, Пауло Бурони замечает, что образ города для свидетелей этого вторжения уже никогда не будет прежним.

Приведенные выше примеры в целом отражают потенциал городского пространства и трансформацию городской среды на различных масштабных уровнях: локальном, центральном, городском. Вместе с тем можно выделить основные принципы трансформации городской среды: первый – доминантный, с созданием концепций и размещением объектов-акцентов в центральном городском пространстве, второй – метаморфозный, меняющий представление о содержании, наполнении и структуре окружающего пространства, третий – контекстный, усиливающий выразительность городской среды.

В мире по-прежнему объективно сосуществуют как стационарное, так и кочевое развитие общества. Но именно там, где они взаимодействуют, обогащая друг друга, возникает современная живая городская структура. Постоянные изменения в пространстве необходимы не только жителям степей, они все больше наполняют современный мир. События, входящие в город, активизируют и культурно обогащают его. Успешным и развитым городом сегодня является тот, в который стремятся и который способен радушно принимать события в свою среду, отвечая на новые культурные импульсы.

Вселенная кочевника

Marina Tkacheva

Among a number of subjects concerning Dashi Namdakov's works and interesting to describe and to analyze there is a conflict and problem one – the monumental sculpture which has become popular in Russia and the whole world within a couple of late decades.

What occurs when the sculpture is created by such a sculptor as Namdakov? He says it is foreign to his purpose to create figures alienating and not evoking a desire to approach them, "to communicate", to experience relationship, to make an attempt to read the author's message. A sculpture in the open space attracts life and gives rise to it all around.

In order to organize the space, to realize its ideological purpose, a monumental sculpture does not have to be particularly completed or aesthetically perfect. Here the first paradox of Namdakov arises: to erect his work is prestigious, attractive but in fact it means to make other city monuments lose their

value, partially or completely. Neighborhood with a genius is hard to bear...

The second paradox is the absence of any distance between Namdakov's sculptures and surrounding people.

Dashi neither deals with ideology in its accepted meaning nor writes any history. Quite different are his relations with mythology and a modern method to fix archetypical senses. At a first glance, his return to the past seems to be eclectic: the motives of different epochs and cultures meet in a common field of his imagination; he handles easily Iranian, Chinese, Egyptian, Buryat, Mongolian stories and symbols without direct borrowing. It is no doubt a mark of the present day, the highest value of which is individuality.

His artistic method may be called "a concrete generality". "Concrete" – because it is visible and material, and "generality" – because there is nothing portrait

текст

Марина Ткачева

фото

Надежда Комарова

A Nomad in the City

Кочевник в городе

Хан Шаим, Астана

in his sculpture. “A Steppe Dali’s” creation is rooted in this generality, which is perceived not only in image interpretation, but also in a mixture of different mythological traditions.

Concretion is connected with one of Dashi’s characteristics: he is utterly oriented to a visual image of the world. Fineness of decoration indicates that his sculpture is connected with perceptive and tactile sphere; it evokes a strong desire to touch, to stroke, to palpate the sculpture. Dashi’s sculptures have a mission to enculturate and artistically educate our tactile sensations, while adding a pleasure of real or desirable touching of a subject’s surface to a pleasure of viewing a wonderful form.

So the sculpture is a place for conciliative dialogue of communities, a dominant of the balance of social powers, a connection of space and existence, of time and passage highly typical of nomadic cultures.

Четверо дружных
(Туншээ), Агинск

Весь ход труда остается погруженным
в событие ландшафта.
М. Хайдеггер

Omnia mea mecum porto.

Статью о художнике Даши Намдакове можно уже не начинать с похвалы и славословия. Практически все публикации о его выставках и отдельных работах удостаиваются вполне заслуженного восхищения уникальностью дарования Даши, изобретательностью фантазии, изощренностью техники и требовательностью к завершающему этапу создания скульптуры.

Намдаков появился очень вовремя: на волне чрезвычайной популярности разговоров об архетипах, легенд о проникновении в потустороннее, шаманских предсказаний и предназначений появляется истинный гений. А ведь сущность гения так «ложится» на все темы, которые тревожат сознание нашего современника: самородок, которому, к счастью, удалось сохранить оригинальность; шаман-художник, принадлежащий современности и прошлому одновременно; человек мира, безгранично преданный родовым корням, семье, своей земле и традициям. Гений невыразим, но может выражать все, а его образы укоренены везде, легко поддаваясь интерпретации воспринимающего.

Большинство авторов публикаций обязательно упоминает, что Намдаков родился в маленьком поселке Забайкалья. Фантастическая траектория его успеха, начавшаяся с персональной выставки в Иркутске, в глазах рядового зрителя обозначает ценность суждения столичных сообществ, экспертные мнения которых закрепили, а отчасти создали имя и репутацию Даши. Возможно, это и так. Но для самого скульптора жизнь в культурных и административных столицах – расширение возможностей, увеличивающих его творческий диапазон, позволяющих свободнее фантазировать и точнее осуществлять замысел. Значение «случая Даши», помимо неоспоримости утверждения его творческой индивидуальности, заключается в кардинальном изменении акцентов понимания соотношения столичности и провинциальности. Традиционный кон-

текст опровергается, традиционные отношения столицы и провинции переворачиваются: теперь, во многом благодаря активности Намдакова, становится очевидно, что провинция – особый мир, оригинальный и первичный по отношению к любым снобистским мнениям и экспертным оценкам. Популярность темы кочевников и Чингисхана также подпитывается культурными инициативами художников, подобных Намдакову, и им самим.

Среди множества тем, касающихся творчества Даши и интересных для описания и анализа, есть одна, оказавшаяся конфликтной и проблемной в исследовательском отношении – тема уличной и монументальной скульптуры, которая за последние полтора-два десятилетия приобрела популярность в мире и России.

В памятниках императорам, политическим деятелям, выдающимся военачальникам и деятелям культуры утверждается государственническая идеология, наиболее привычная и для скульпторов, и для горожан. Она подпитывается продолжающимися стоять на площадях и в скверах монументами, уже имеющими солидную историю. Высоко поднятые головы, размашистые многозначительные жесты, возвращающие зрителя к поэтике классицистического театра и его условности, эполеты, шинели, шпаги, ряды орденов или орденские планки безошибочно распознаются как предметные символы власти, а высокие постаменты и значительные размеры героев формируют феномен «дистанцированной созерцательности».

Проблема эстетического качества монументальной скульптуры стерта отчасти из-за солидного возраста самих памятников, утверждающего их «как бы» художественные достоинства, отчасти из-за внехудожественной значительности прототипов или обстоятельств возникновения этих изображений. Образцовой моделью возникновения подобного рода объектов можно считать сравнительно недавно описанную Г. Данелией историю «памятника» герою фильма «Тридцать три» Ивану Травкину. После съемок уже ненужный бюст из папемаше оставили на привокзальной площади небольшого среднерусского городка. Спустя два месяца вокруг бюста уже был разбит газон, и пожилой рабочий красил ограду. Местное начальство выделило из бюджета средства на его

Усть-Орда

благоустройство, решив, что московским властям виднее: раз поставили памятник, торжественно открыли его, и говорить речь приехала сама Нонна Мордюкова, значит – так надо. Этот пример доводит до абсурда решение старой дилеммы о том, что важнее: качество самого художественного предмета или те ожидания, которые энергия зрителя направляет в его сторону, так сказать, его конструкционистская функция.

Монументы и памятники в городах соседствуют с изображениями, рассчитанными на принципиально иной способ взаимодействия со зрителями: их обнимают,жимают им руки, надевают шарфики и шапочки, тянут за одежду... Скульптура представляется сценой, точнее, декорацией, которая подсказывает способ представления, его способ и логику. Она не требует много времени для представления; действия людей похожи на клипы: они происходят быстро и – повторяются с другими участниками и в другое время. Зачастую то, что «нужно сделать», «запрограммировано» самими художниками (шемякинский Петр I с гротескно длинными пальцами и лысиной; томский Чехов с длинным носом, пенсне и зонтиком; иркутское яйцо). На скульптурное изображение предмета переносится привычный образ действия человека с самим предметом. Именно для этого размеры статуи находятся в прямом соответствии с ее действенностью: если скульптура монументальная программирует созерцательность, скульптура без постамента создает атмосферу для обще-

ния с нею и по ее поводу. Город как «зона согласия», где люди разыгрывают роли, не зная публики (К. Линч), приобретает новые «точки напряжения» публичной жизни в открытом пространстве. Происходит коммуникация по поводу видимого, которая зачастую не превращается в диалог или взаимодействие субъектов. Как правило, вокруг скульптур создается среда, позволяющая им фокусировать социальные смыслы в объемных предметах, подчас имеющих весьма отдаленное сходство с традиционными монументальными изображениями. Скульптура стационарна, поэтому коммуникация может бесконечно повторяться. И точно так же, как в случае с памятниками, эстетическое качество скульптуры оказывается второстепенным (или даже совсем не имеющим значения) для того действия или провокации, которые она вызывает.

Что же происходит, когда скульптуру создает такой мастер, как Намдаков? Нет ничего необычного, что спроектированные им монументы имеют значительные размеры. Например, Ханшаим в Астане (изображение прародительницы казахов сакской царицы Тамарис) – длиной 12 метров, высотой 10 метров, размах рогов быка – 8,5 метров. Во время интервью Намдаков рассказал, что вокруг монумента постоянно бьются люди, а дети пытаются вскарабкаться на него – кто на хвост, кто на рога быка.

«Четверо дружных (Туншээ)» в Агинске – 3,5 метров скульптура плюс 1 метр постамент; учитывая небольшие масштабы Агинска, это довольно внушительная высота. Там горожане делают вокруг скульптуры «гороо» (обряд, при котором священное место обходят нечетное число раз по движению солнца, молясь о благополучии), порываются хотя бы потрогать клыки, хвост слона, пощупать его мускулы, хотя это и затруднительно, учитывая высоту постамента и препятствия в виде ограды-барьера вокруг скульптуры. Но, по всем признакам, площадь и скульптура приобретают значение священного места.

Девушка на коне из Усть-Орды, изящная и странноватая, и расположена не совсем удачно, и доступ к ней также затруднен. Но, как говорят жители, она «прижилась», стала городской достопримечательностью.

Скульптор много раз увлеченно рассказывал, что создавать фигуры, отталкивающие от себя, отчуждающие и не вызывающие желания сблизиться с ними, «пообщаться», почувствовать родство, попытаться прочесть послание автора – это не его цель. Например, о скульптуре бобра, мысль об установке которой давно будоражит умы иркутских властей и общественности, Намдаков высказался так: «Какого рода жизнь должна предполагаться вокруг памятника? Конечно, не официальная, с милиционерами и запрещающими надписями. Хочется, чтобы там было место встречи, и фонтан бы не помешал... Хорошо, что рядом творческая организация (предполагаемое место установки «Бабра» – около Союза художников и Музея города Иркутска). И скверик живой. Тот проект, который раньше предлагали иркутские власти, был очень резкий и жесткий, он-то предполагал холодно-официальное отчуждение. Сейчас Сергей Элоян по периметру постамента высек узнаваемые иркутские архитектурные достопримечательности, которые издали кажутся скалами и горами. И вот летит над городом хозяин-бобр с символом могущества и богатства нашего края – сободем – в зубах... Это красиво».

Итак, скульптура в открытом пространстве притягивает жизнь и рождает ее вокруг себя. Но это требование, которое можно отнести к любому объекту в пространстве города. Что же отличает существование скульптур Намдакова?

Когда-то давно моя учительница, преподававшая историю искусства, произнесла фразу: «Наиболее совершенно то, что при слайдировании кажется крупным». Действительно, даже очень маленькая статуэтка в репро-

дукции может казаться большой. В отношении Намдакова верно не только это, но и обратное: его любую, даже самую небольшую статуэтку можно без усилий представить большего размера и поместить в открытое пространство. Она приобретает новые смыслы, взаимодействуя с окружающим ландшафтом и людьми, находящимися около нее, но не утратит своей мощи, законченности и отточенности. У меня сложилось убеждение, что Даши – художник редкостного дарования, особого склада мышления еще и потому, что он может создавать универсальные по своему назначению статуи, подсознательно или осознанно конструируя их возможное существование в двух масштабах – камерном (настольном или напольном) – и монументальном. При этом они нисколько не утрачивают своих достоинств. В этом случае особый смысл приобретает отмеченная многими авторами требовательность художника к себе, его стремление добиться своего, пусть даже и ценой значительно больших затрат, чем если бы использовались менее дорогие материалы и более простые технологии изготовления проектов. Качество сегодняшней работы, кроме всего прочего, – для него вопрос долговечности сделанной работы. Не есть ли это бережливость кочевника к затрачиваемым усилиям: создавай раз и навсегда, не надейся на исправления, ибо сделать их не будет возможности...

А теперь вернемся к монументальной скульптуре. Для того чтобы выполнить свою задачу по организации пространства, осуществлению идеологического предназначения, она вовсе не должна быть особенно законченной или эстетически безупречной. Тогда и возникает первый парадокс Намдакова: установить его произведение – это престижно, притягательно, но, в сущности, это значит обесценить (полностью или частично) другие памятники, находящиеся в городе. Соседство с гением трудно перенести...

Парадокс второй: никакой дистанции между скульптурами Намдакова и окружающими их людьми нет. А как же привычное расстояние, на которое рассчитана официальная скульптура? В подсознании заказчика установка на такое расстояние закрепилась более чем прочно. Преодолеть ее непросто; скульптор, в свою очередь, идет на компромисс только до определенной границы: достоинство и нежелание тратить время попусту побуждают его идти дальше, отказываясь от реализации замыслов, казалось бы, уже близких к воплощению. Я вижу и в этом черту истинного кочевника: бережливость не только по отношению к вещам, но и к своим собственным силам, самому драгоценному и скоропреходящему достоянию.

Для сохранения жизнеспособности монументальной скульптуре уже недостаточно быть закреплением идеологических импульсов и напоминанием об исторических событиях. В полном соответствии с духом времени она впитывает мифологические токи, взбалачивая коллективное бессознательное, синкретически отзвучившееся на разломы времени и пространства. Даши не занимается идеологией в привычном смысле, никакой истории не пишет. Совсем иначе выстраиваются его отношения с мифологией, с современным способом закреплять архетипические смыслы. На первый взгляд его возвращение к прошлому эклектично: мотивы разных эпох и культур встречаются в едином поле его фантазии; он свободно оперирует иранскими, китайскими, египетскими, бурятскими, монгольскими сюжетами и символами, впрямую, однако, ничего не заимствуя. Это, безусловно, примета современности, для которой индивидуальность – наивысшая ценность. Эта же индивидуальность скрепляет, восстанавливает единство из культурных «обломков и мотивов»: в его исполнении полужабытые смыслы символов оживают, со всей серьезностью и неистовостью пробуждая родовую память человека, подчеркивая ее

общие для всех народов корни. В астанинской скульптуре огромный бык, по словам самого художника, должен восприниматься «как символ Казахстана: мощный, стабильный, как дубовый стол, как казахстанская земля, негиббаемый, стоящий на прочных ногах. Ковер, который натанут на его спину, выполнен в «зверином» стиле: там и смена сезонов, и орнамент из летящих коней – все в центрально-азиатских традициях. Вместо ножек трона с четырех сторон – архары. Два барса, стоящих на троне, – государственный символ Казахстана, святые животные; они держат меч. У самой царицы не должно быть никакого оружия. Пусть меч будет, но как средство защиты, как завещание жить в мире. Я горд, что мне удалось реализовать этот замысел. Эта скульптура, хоть и монументальная, – она совсем другая, чем нас учили. Но я думаю, что она войдет в анналы. Замечательно, что Нурсултан Назарбаев отозвался на мое условие – не мешать во время работы; я считаю, что только так и может получиться что-то значительное. А по-другому и работать и смысла не имеет» (из интервью с Д. Намдаковым).

Аверинцев писал когда-то: «Есть «Троица» Рублева, – значит, есть Бог». Иными словами, убедительность художественного образа есть основа для убежденности о правде истории или мифа. Это и есть дорога Даши: есть Тамарис в Астане, – значит, она была в реальности. Его художественный метод можно назвать «конкретной обобщенностью». «Конкретная» – потому что видимая, осязаемая; «обобщенность» – потому что нет ничего портретного в его скульптуре (и степная, и африканская Нефертити, и царица Тамарис похожи, но и отличаются друг от друга).

Обобщенность, заложенная в самом корне творчества «степного Дали», ощущается не только в трактовке образов, но и в смешении разных мифологических традиций. Мифы не зря называют образным воплощением коллективного бессознательного: они «перетекают» друг в друга, являясь универсальным языком культуры древности. Сам он чаще называет основой своего творчества не мифологией, а философией. Вот «Четверо дружных». У слона уши – крыло дракона; клыки растут из пасти дракона, а не слоновьей пасти. По боку слона гравирована ленточка, которая на самом деле дракон – символ Вселенной. Мышцы одновременно – облака, внизу, на поверхности земли, баранчики пасутся. На ногах слона вроде когти (тоже драконы), а поближе подойдешь – там кони просматриваются. В общем, как говорит сам автор, «здесь воплощается очень древняя философия: каждый по отдельности не достал бы ничего, только общими усилиями можно успешно завершить дело. Так слон, обезьяна, заяц и птица добывают плод и делятся друг с другом. Это очень близко самому духу Аги: объединение – благо. Я долго придумывал что-то, а после разговора с ламами все стало ясно. Ничего не надо выдумывать, надо воспользоваться уже сложившимися образами. Слон, как и дракон – это наша Вселенная, наша земля. Мышцы превращаются в облака, в космос. Изображение открывается как книга, и прочесть ее дано внимательному читателю. Это книга, где пишется твоя история».

Конкретность связана еще с одним обязательным качеством: Даши в высшей степени ориентирован на визуальный облик мира. Но «вылизанность» его скульптур (об этом можно прочесть в любой публикации о Намдакове; см. также мою статью «Прекрасный и яросный мир» в ПБ №14) – это не только индивидуальная требовательность, перфекционизм художника. Утонченность отделки указывает на связь скульптуры со сферой перцептивно-тактильного; отсюда идет почти непреодолимое стремление трогать, гладить, ощупывать скульптуру. У скульптур Даши есть миссия: с их помощью окультуриваются, художественно обрабатываются и

Скульптура во внутреннем дворе Эрмитажа, Санкт-Петербург

воспитываются наши тактильные ощущения, прибавляя к наслаждению от прекрасной формы и наслаждение от соприкосновения – действительного или желаемого – с поверхностью предмета. В сегодняшнем виртуально-созерцательном мире его статуи утверждают ценность плотной, материальной поверхности, без восприятия которой невозможно проникнуть в суть формы. Даши объясняется с миром не с помощью слов, но с помощью предметов, из которых выстраивается иерархия значений. В этой иерархии то, что сохраняется, не изменяя формы, имеет наивысшую ценность, ибо прошло экспертизу на устойчивость во времени, доказало универсальность использования в жизни, следовательно, достойно сохранения, выживет и в будущем.

Универсальное не должно быть и не бывает огромным; напротив, оно компактно. Поэтому его можно украсить тем, что может содействовать длению предмета. Дление – это пульсация предмета и его применения; мы используем предмет не только в меру его утилитарности, но и потому, что он красив. Эстетическое продлевает время бытия. А поскольку предмет жив, пока он находится в контакте с действиями, то и в сугубо «созерцательной» форме статуи образ побуждает к действию. Возможно предположить, что это своеобразная рефлексия самосознания себя и своей национальной культуры: от тактильного – к зрительному; от зрительного – к конкретно-духовному, активно-действенному поведению в культуре... Хорошо, когда образ воспринимается как message национального духа, пробуждающий память. Иная по исторической траектории культура должна найти в этих образах свои ходы и зацепки. А для бессильных мира сего остается одно: оставить себе «на память» кусочек плоти от фантазии скульптора, как это порой случается то здесь, то там.

Как современная, так и классическая мифология никак не предполагают пассивности: они обязательно настраивают либо на наше собственное действие в качестве участников, либо на личное присутствие при действии. Присутствие обязательно предполагает сопричастие, партиципацию: «Я смотрю, ощупываю, переживаю и – тем самым – участвую, так как «завожу» участников-зрителей». Сопричастие двойственно: оно как позитивно, так

и провокативно, возбуждает агрессию, беспокойство, провоцирует тревогу, причиной которых является «подвижная конфигурация городских пространств, ситуаций и практик». Среди смыслов города, большая часть которых никогда не возникла бы в традиционных устойчивых сообществах, обнаруживаются «вкрапления страха в повседневную жизнь» (Бауман). В таких случаях особый смысл приобретает то качество скульптур Намдакова, которое критики с восхищением называют «покоем», «остановившимся мгновением, которое может длиться вечно». Яркий пример – скульптура, которую предполагается поставить в Улан-Удэ, «Полет». Конь устремился вверх, а на его спине прижался к шее и обхватил ее руками щуплый мальчишка. Он ведь и упасть может. Но потому и захватывает эта, казалось бы, простая по идее вещь, что в ней неустойчивый баланс силы и слабости, надежда на хорошее будущее.

Так скульптура являет собою место умиротворяющего диалога сообществ, доминанту равновесия социальных сил, соединение пространства-существования и времени-прохождения, в высокой степени присущих кочевым культурам.

Закончить этот текст я хочу словами самого Даши: «Когда попал в Европу, я удивился, как непохожа их скульптура – любая – на нашу. Чтобы понять Генри Мура, понадобилось много времени, он совершил во мне просто революцию... Мне кажется, что любая скульптура должна приносить эстетическое удовольствие. Хочется, чтобы скульптуры «вжились» в пространство. Я не знаю, получится ли это, но ведь это и интересно. Если бы знать точно, тогда бы я потерял интерес. А когда нет интереса, для меня уже работа не имеет смысла. И конечно, это особая ответственность, когда ставишь вещь в среде. Приходится учиться каждый раз заново».

Каким бы пафосным ни показался итог этой статьи, но – обращаю внимание – умение и стремление учиться у мира, собирать его опыт есть также черта истинного кочевника.

Автор благодарит Надежду Комарову за предоставленные для подготовки статьи материалы

Основные даты жизни и творчества
1967 – родился в Забайкалье, село Укурик.
1986–1988 – работает в мастерской скульптора Г. Г. Васильева в городе Улан-Удэ.
1988–1992 – учится в Красноярском государственном художественном институте, мастерская Л. М. Головницкого, академика Академии художеств.
2000 – состоялась первая персональная выставка, которая прошла в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева.
2001 – был принят в Союз художников РФ, иркутское отделение.
2002 – скульптура «Хозяин» становится призом Международного фестиваля документального кино, г. Иркутск.
2003 – за цикл выставок в Москве награждается Серебряной медалью Академии художеств РФ.
2003 – удостоен почетного звания «Сибиряк года».
2003 – скульптуры «Маска» и «Актер» становятся призами Российского фестиваля современной драмы им. Александра Вампилова, г. Иркутск.
2003 – создает ландшафтную скульптуру «Усть-Орда», которая установлена в поселке Усть-Орда Иркутской области.
2005 – создает организацию «Творческая мастерская Даши Намдакова» в Москве.
2006 – художнику было присвоено почетное звание заслуженного художника Республики Бурятия.
2007 – удостоен национальной кинематографической премии «НИКА» в номинации «Лучшая работа художника по костюмам» за фильм «Монгол» (режиссер С. Бодров-старший).
2007 – был принят в Российскую академию кинематографических искусств.
2008 – монументальная скульптура «Ханшаим» установлена в Астане, Казахстан.
2008 – монументальная скульптура «Четверо дружных» установлена в поселке Агинск, Забайкалье.
2009 – работает над проектом монументальной композиции «Золотая Шория» для Кемеровской области. Присуждена Государственная премия Правительства Российской Федерации 2009 года в области культуры за выставочный проект «Преображение: скульптура, графика и ювелирное искусство Даши Намдакова».

Персональные выставки Даши Намдакова

2000

Иркутск, Областной художественный музей им. В. П. Сукачева.

2001

Иркутск, галерея «Классика».

Улан-Удэ, Музей истории Республики Бурятии.

2002

Москва, Галерея искусств Зураба Церетели.

2003

Екатеринбург, Музей изобразительных искусств.

Санкт-Петербург, Российский этнографический музей.

Москва, Государственный музей искусства народов Востока.

Красноярск, Красноярский культурный и исторический музейный комплекс. Музейная биеннале.

2004

Гонконг, Международный выставочный центр.

Атланта (США), Gertsev Gallery (Галерея Герцева).

Нью-Йорк (США), Tibet House, NYC.

Москва, Государственный музей искусства народов

Востока. Выставочный проект «Вселенная кочевника» (при участии музея Бурятского научного центра и коллекционеров Сибири).

2005

Гаосюн (Тайвань), Исторический музей. Выставочный проект «Всадник под небесным сводом» (совместно с

А. Иващенко, коллекционером буддийских икон-танга). Сингапур, галерея «Сунцзин».

Гонконг, Hanart Gallery (галерея «Ханарт»).

Тайбэй (Тайвань), галерея Jeff Hsus Art («Джефф Хсу Арт»).

Тайбэй (Тайвань), Исторический музей. Выставочный проект «Всадник под небесным сводом»

2006

Тайчжун (Тайвань), Выставочный проект «Всадник под небесным сводом».

Пекин (КНР), Beijing World Art Museum (Пекинский Музей Мирового искусства). Проект «Вселенная кочевника», совместно с музеем истории Республики Бурятия и Иркутским областным краеведческим музеем.

2007

Москва, Государственная Третьяковская галерея.

Чжуншань (КНР), Municipal Museum of Zhongshan

(Муниципальный музей). Выставочный проект

«Бронзовая Азия Даши».

Гуанчжоу (КНР), Guangzhou Museum of Art (Музей

искусств). Выставочный проект «Бронзовая Азия

Даши».

Дунгуань (КНР), Dongguan Exhibition Center

(Выставочный центр). Выставочный проект «Бронзовая

Азия Даши».

Улан-Удэ, Чита, Иркутск. Проект «Вселенная кочевника»

(совместно с музеями).

Москва, Государственный центральный музей современной

истории России. Галерея «Дом Нащокина».

Групповая выставка «Экспрессия духа».

Алматы (Казахстан), Государственный музей искусств

им. Кастеева.

Астана (Казахстан), Дворец мира и согласия.

2008

Далянь (КНР), Dalian Modern Museum.

Иркутск, Областной художественный музей им.

В. П. Сукачева. Выставочный проект «Преображение».

Москва, галерея «Дом Нащокина». Выставочный проект

«Преображение».

2009

Улан-Удэ, Бурятский республиканский художественный

музей им. Ц. С. Сампилова. Выставочный проект

«Преображение».

Омск, Омский областной художественный музей им.

М. Врубеля. Выставочный проект «Преображение».

Москва, Московский государственный выставочный зал

«Новый Манеж». Выставочный проект «Стихия Даши

Намдакова».

2010

Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.

Выставочный проект «Ностальгия по истокам.

Вселенная кочевников Даши Намдакова».

23 декабря 2009 года вышло распоряжение премьер-

министра России Владимира Путина о присуждении

премии Правительства в области культуры за 2009

год. Даши Намдаков стал одним из 20 лауреатов. Его

кандидатуру на соискание правительственной награ-

ды предложило министерство культуры Бурятии.

Скульптор удостоен премии за выставочный проект

«Преображение: скульптура, графика и ювелирное

искусство Даши Намдакова». Второго апреля 2010

года состоялась церемония вручения наградных

комплектов лауреатам премии Правительства России

2009 года в области культуры. Награды вручал

заместитель председателя Правительства России

Александр Жуков. Редколлегия журнала «ПРОЕКТ

БАЙКАЛ» искренне поздравляет художника и желает

ему творческой энергии и успехов.

Использованы материалы сайта www.dashi-art.com

Тотан, архитектурный Кощей

Интервью с Тотаном Кузембаевым

текст
Андрей Иванов

Тотан на просторе.
Пос. Боровое,
Казахстан. Фото
Андрея Иванова, 2007

1. Так с 1962-го по 1992 год называлась Южно-Казахстанская область Казахстана.
2. Ныне Кызылординская область, административный центр г. Кызылорда. От г. Арыса до Кызылорды по казахским понятиям не так далеко – около 400 км (на северо-запад). От Арыса до Ташкента – около 120 (на юг).

АНДРЕЙ ИВАНОВ

Известный тебе иркутский журнал «Проект Байкал» темой очередного номера выбрал «Номады». Попросят поговорить с тобой как с главным кочевником современной российской архитектуры. Начнем с того, что автор твоей любимой книги «Аз и Я» Олжас Сулейменов возводит слово «кощ» к тюркскому «кочевать».

Поэтому интервью будет называться «архитектурный Кощей». Как тебе такое название?

ТОТАН КУЗЕМБАЕВ

Мне очень лестно, конечно... Кощей Бессмертный.

АИ

Ну да, с намеком на то, что твои произведения будут жить вечно.

ТК

Здорово. А можно вот в этом месте интервью закончить?

АИ

И сам бы рад, но нельзя. Журнал ждет. Скажи, ты ощущал себя когда-нибудь кочевником?

ТК

Конечно.

АИ

Серьезно? А как же ты мог это ощущать?

ТК

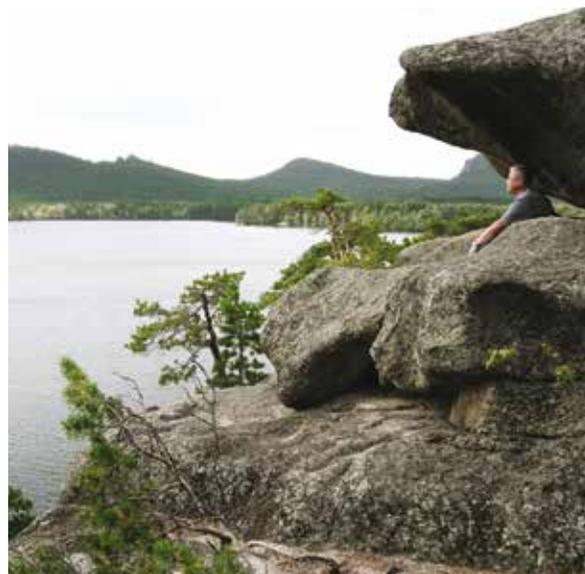
Да я ведь родился в юрте.

АИ

В процессе кочевания?

ТК

Конечно. У меня даже в паспорте значится: место рождения – Казахская ССР, Арысский район. И все – ничего

конкретнее нельзя было написать. Так что у меня такое официальное доказательство есть.

АИ

У вас что, был скот, который нужно пасти? Почему вы кочевали?

ТК

Вообще казахи, если вглубь копнуть, почти все были кочевниками. Отец был сын батрака, чабана... В молодости он добывал соль, где-то на станции был осмотрщиком – семью кормил. Когда начался голод 32-го года, многие казахи подались на юг, в Ташкент, Самарканд, и мой отец тоже где-то около Ташкента батрачил. Там он научился выращи-

Т.Кузембаев.
Инсталляция
«Nomad».
Архитектурная
биеннале в Венеции,
2008. Проект.

вать виноград, что-то еще, и потом так и остался на юге, в Чимкентской области¹, хотя родом был из Кзыл-Ординской². Выдал там старшую дочь замуж за местного южанина, ставшего потом председателем колхоза. Я там и родился. А отец работал чабаном. И почему-то, хотя овец пас сам, записал чабаном маму. Моя мать три раза приезжала в Москву, у нее три золотых медали за выращивание каракульных (не мясных) овец. Но на самом деле за овцами смотрел отец, а еще охотился. У него было 12 гончих собак, азиатских, очень красивых, два табуна лошадей, где-то 80 своих овец. Так что он был таким кулаком, а зять, герой соцтруда, его прикрывал.

АИ

И вместо того, чтобы построить себе хороший «коттедж», он кочевал?

ТК

Понимаешь, тогда самым престижным у нас было иметь хорошую лошадь, которая выигрывала бы на

Т.Кузембаев.
Стул кочевника.
2010

Т.Кузембаев.
Инсталляция
"Nomad".
Архитектурная
Биеннале в Венеции,
2008. Реализация

Т.Кузембаев.
Скворечник «И мой скворец со мною».
2002

скачках. Такая стояла тогда в Казахстане две-три «Волги». У отца была пара таких лошадей, и еще были иноходцы, которые тоже ценились. И гончие собаки. Вот это было престижно, на это тратили деньги. А на обустройство быта, дом там или машину купить – нет, как-то к этому легко относились, может потому, что не было опыта, знания, что можно жить комфортно. Так что жили в суровых условиях, в юртах, кочевали, а деньги вкладывали в собак, скакунов. А еще отец любил кумыс пить, поэтому были кобылы, дававшие молоко. То есть ценности были другие. Другой менталитет: зачем в степи дворец? Ты же будешь привязан к нему, а если вокруг кончится трава, что ты будешь с этим дворцом делать?

АИ

Значит, ты лично застал очень важный переходный момент – от юрты к дому?

ТК

Да, я застал именно перелом. Ведь когда мы переехали из Чимкентской области на родину отца, в Кызыл-Орду, а там зима была суровая, не как на юге, мы с отцом и старшим братом построили дом для семьи, а потом я отдельно – свой дом. Так вот, наша пожилая бабушка в дом не заходила, боялась, что он упадет, и жила в юрте. Старушка плохо видела, еле двигалась – она не заходила в дом, хотя там было комфортнее, теплее...

Когда советская власть решила за казахов – хватит кочевать, надо рис выращивать, этим пришлось заняться поколению моих дядей, чуть помладше отца. А их родители тосковали – как это, не слышать, как блеют овцы, стучат копытами кони, мычат коровы? Каждой семье тогда разрешили оставить по пять-шесть овец, их вместе собирали и пасли по очереди, и вот когда эта отара возвращалась, старики ждали ее, выходили на дорогу и плакали... Вспоминали молодость – вот тогда была жизнь, овцы идут, пыль вокруг – праздник для них это был, а здесь ничего нет, все застыло.

И когда строили первые дома, из кирпича-сырца, то вокруг ничего не сажали, так и стояли дома в голом поле – жуткая картина. В соседних аулах, где люди с традицией земледельчества жили, корейцы, турки, сады цвели, а у казахов ничего не было, они просто не понимали, как это делать. Что-то пытались сажать, а ничего не росло. Не знали, что за посаженным еще и ухаживать надо.

А сейчас, когда я приезжаю на родину, у нового поколения уже в погребе все свое есть. Научились.

АИ

Быстро все произошло?

ТК

Ну как, три поколения сменилось. Не так уж быстро.

АИ

Что хорошего было в кочевничестве? Вот я прочитал о таком правиле: «Если встретишь человека, обрадуй его: может быть, ты видишь его в последний раз». Вся жизнь динамична, не знаешь, с кем завтра встретишься... По-моему, здорово.

ТК

Да, настолько динамична, что даже экстремальна... Что хорошего? Привычка. Когда ты каждый раз приезжаешь на свежее место, где трава зеленая, это, наверное, как инстинкт. Как птица – что хорошего, что она прилетает на юг, потом улетаёт? Так и люди, у них были свои джайлоо (родовые угодья для выпаса), туда и возвращались.

Ну как в турпоходе, такое же действие происходит, в постоянной динамике. А сказать, что жизнь была хорошей – ничего хорошего в этом не было, очень аскетичная жизнь. Ничего лишнего ты себе не мог позволить. Потому что весь свой комфорт ты должен был с собой возить. А какой в те времена мобильный комфорт? Суровые были условия, но люди жили, и им нравилось. Выпитая кружка чая казалась царским блаженством. Нам этого не понять.

АИ

Сейчас уже не осталось кочевников в Казахстане?

ТК

Нет, сейчас уже нет, конечно.

АИ

А если бы не советская власть, остались бы, или все равно произошел бы этот переход?

ТК

Я думаю, что произошел бы. Время другое. Технологии другие. Главное в том, что кочевой образ жизни стал нерентабельным. Сейчас можно корма заготовить, гораздо лучше вырастить овец в других условиях, чем на кочевье. Так что свой срок он, наверное, отжил.

АИ

Для кочевника важна согласованность циклов жизни с ритмами природы. В городе мы эту связь потеряли, здесь – совершенно другие ритмы.

ТК

Конечно. Еще что было важно – рациональное природопользование. Почему они уезжали на джайлоо зимой? Там трава сохранялась. Овцы копытами снег копали, и под ним – травка. И у каждого рода был свой ареал, в одном месте не селились. Юрты ставились на расстоянии пять-шесть километров одна от другой. Когда кочевали, шли вместе, когда селились – снова расходились.

АИ

А границы как устанавливались? Они были известны?

ТК

Ориентиры были – места с названиями, какие-то строения, каменные бабы. Каждый род ставил тамгу (родовой знак), отмечавший его границу. И эти знания передавались из поколения в поколение.

АИ

Ты, как бывший кочевник, сейчас ощущаешь недостаток контакта с природой?

ТК

Конечно. Не хватает. Поэтому каждые выходные уезжаю на дачу. Думаю – что же это меня туда так тянет? Вот поэтому, наверное...

МАША, жена Тотана, присутствовавшая при разговоре
Ну да, и лежишь там все выходные, упершись в телевизор. Нет, чтоб выйти в поле...

ТК

Я вижу там природу вокруг – мне достаточно. Когда я выбирал место для дачи, мне не нравились участки, окруженные лесом. Я хотел, чтобы были поля, чтобы даль видна. Это тоже, наверное, такой запятанный ген... Это не просто «так хочу». И не просто любовь к простору. Вот когда отдыхаем на море, неудобно мне там. Когда плаваю, не чувствую под собой опоры. А на берегу – сидишь, смотришь – ничего не происходит. Вот у нас в Казахстане – тоже ведь море, до горизонта, стоишь, смотришь – тушканчик пробежал, конь проска-

3. Инсталляция «Nomad» архитектурной мастерской Тотана Кузембаева участвовала в выставке куратора биеннале Аарона Беcki среди 23 работ всемирно известных архитекторов (Ф. Гери, М. Фуксаса, Х. Рашида и др.).
4. Абылай хан (1711–1781) – один из самых знаменитых казахских ханов Среднего жуза.

кал, пыль поднялась... Что еще у меня, наверное, от кочевников: я неприхотлив в еде, в одежде. Еда – это просто еда, чтобы быть сытым.

МАША

Ну да, попробуй что-нибудь невкусное приготовить...]

ТК

Ну это уже московская привычка, приобретенная...

АИ

Тотан, а где для тебя сейчас сильней ощущение дома: там, в дальнем Подмоскowie, в деревне Новая, или здесь, на Новом Арбате?

ТК

В деревне, конечно.

АИ

То есть, выходит, что ты и в Москве кочуешь?

ТК

Да, квартира – это не дом. Ты здесь не хозяин. А туда я приезжаю, ворота открыл, свой порядок навел. Здесь же, начиная с подъезда, ничего не можешь сделать. Все общественное. Хотя это никакого отношения к кочевникам не имеет.

Вот ты говоришь, что кочевники приветливы были... Конечно, там же редко кого увидишь. Как на необитаемом острове. В степи появление другого человека – действительно событие, ты с радостью его встречаешь, расспрашиваешь. Другого-то источника новостей нет.

АИ

Я работал какое-то время в Киргизии, в Джалалабаде, в других городах, и ко мне там постоянно подходили совершенно незнакомые мальчишки и здоровались за руку. И я как-то прочитал, что есть такое поверье: обязательно поздоровайся с прохожим – каждый седьмой может оказаться пророком.

ТК

Нет, думаю, это не то, просто детей учат уважению к старшим. По крайней мере, меня отец учил со всеми здороваться – знакомый, не знакомый, особенно со

старшими, ты должен первым руку подавать, даже две руки. Это такая традиция.

АИ

Ну хорошо, перейдем к архитектуре. На прошлой биеннале в Венеции ты поставил юрту³. Сейчас мне кажется, что это все же была в какой-то степени формальная попытка подтвердить свою идентичность. Вроде «вот я казах, что же я могу построить в Венеции – конечно, юрту». Меня это не очень интригует – слишком простой путь. Такая формальная попытка напомнить (в том числе самому себе) о твоих корнях. Спекуляция идентичностью. Я не увидел там глубины...

ТК

На самом деле я хотел копнуть этот кочевой образ жизни глубже. Но, наверное, это не получилось. Моя вина, что этого никто не понял.

АИ

Значит, ты согласен, что это было слишком любовое решение?

ТК

Я специально поставил там не просто юрту, но внутрь ее – автомобиль. Юрта становилась как бы гаражом... Столкновение двух кочевников: совершенный продукт древних – юрта – и символ кочевников современных – автомобиль. Вот в этом сопоставлении должно было родиться что-то новое. Такая двухходовая комбинация... Сейчас думаю, что стоило более четко показать идею. Ведь когда приходится что-то дополнительно объяснять – что-то неправильно было придумано.

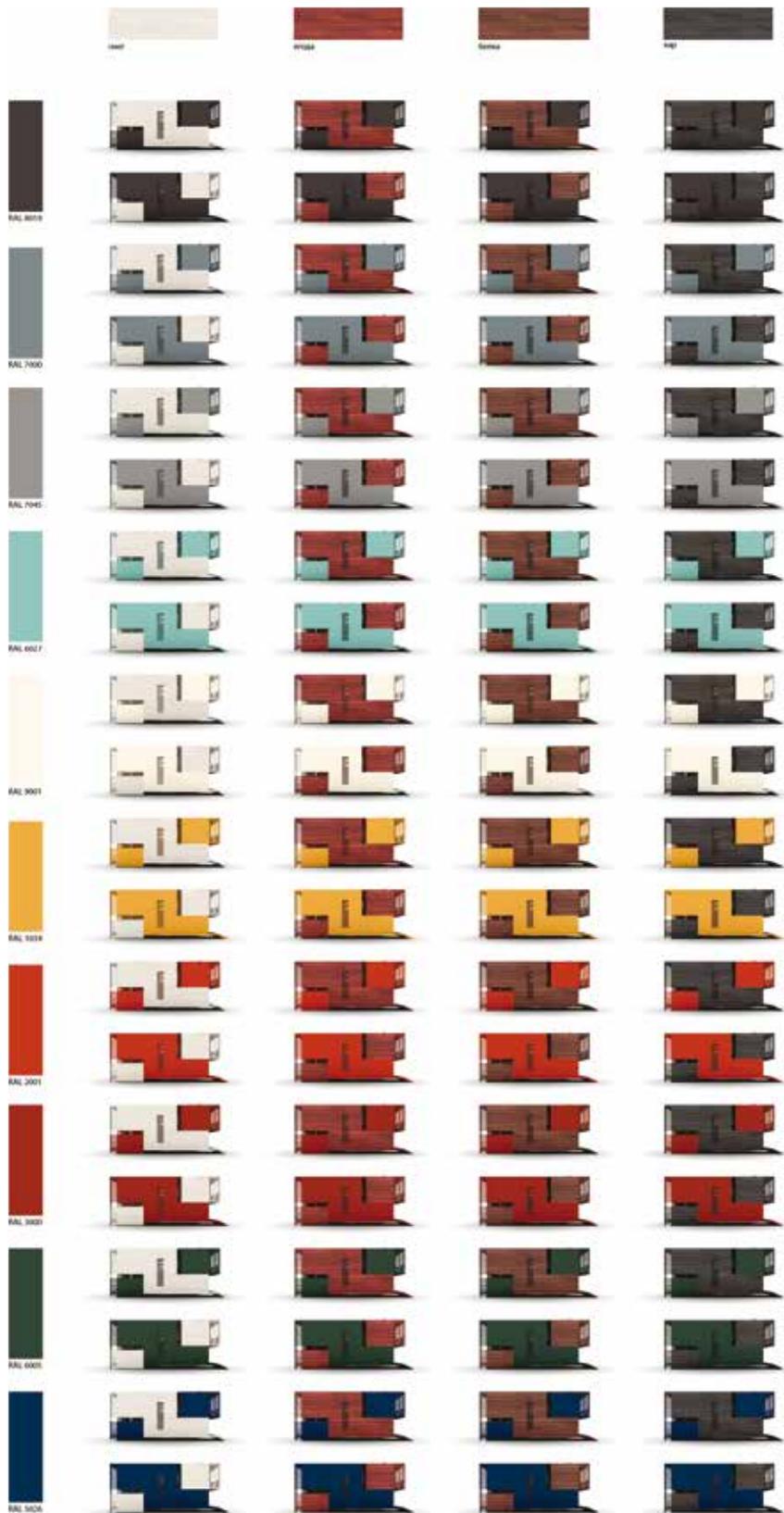
АИ

Если юрта – действительно сложный продукт культуры – это прежде всего дом с очагом, с укладом, пусть и мобильный, то автомобиль – все же не дом.

ТК

Почему не дом? Он гораздо комфортнее, чем юрта, и можно жить в нем. Просто я хотел передать в этом сопоставлении какое-то сожаление или опасение, что

Кочевья Тотана.
Арысский район из космоса

Т. Кузембаев.
Дом Белка для поселка Западная Долина, Московская область. Варианты фасадов. 2010. Проект.

ли, о потере идентичности кочевников. Ведь сейчас сами казахи предпочитают юрте машину. Машина для них гораздо дороже, чем юрта, чем традиция. Поэтому они сами будут на улице жить, а машину в квартиру поставят. Помещая машину в юрту, я об этом хотел сказать: идет подмена ценностей. Машина на самом деле ничто, юрта гораздо ценнее, дороже, но этого уже не понимают, и вот юрта становится гаражом.

АИ
Если бы ты это сказал где-нибудь в Астане или Алма-Ате, это бы сильнее прозвучало.

ТК
Наверное, там бы это прочитали. В Венеции – нет. Ну что же, на ошибках учатся.

АИ
Место кочевья – степь. Степь – это пустота, и в то же время – свобода, открытость идеям. Не поэтому ли ты так легко вбираешь в себя чужие идеи и переваришь их, усваиваешь, используешь? Другими словами, как бывший кочевник, ты готов ко всему. Есть тут какая-то связь, как ты думаешь?

ТК
Степь – пустота? Тогда все можно назвать пустотой.

АИ
Нет, вот город – не пустота, тут плотные напластования разных смыслов...

ТК
Это не совсем корректное сравнение – степи и города. Сравни тогда лес и город, море и город...

АИ
В лесу и море не живут люди, а в степи живут – кочевники.

ТК
И в степи были города, которые мало чем отличались от городов в более цивилизованных местах. Ну а то, что я легко воспринимаю чужое, – мне кажется, так и должно быть. Ты что-то интересное видишь, через себя пропускаешь, и потом делаешь по-своему. Не знаю, характерно ли это вообще для степняка или нет, лично для меня это характерно, и я считаю это правильным. Нет человека, кто сказал бы: я родился на пустом месте и все сам придумал, мы все используем чужой опыт – задача на его основе придумать что-то новое, хоть на сантиметр продвинуться вперед.

Мы живем в мире информации, все доступно, и притворяться, что ты чего-то не видел, если видел, неправильно. Кстати, сейчас я все чаще вижу, что многие наши идеи как-то используются другими, и это тоже правильно.

АИ
То есть идеи тоже кочуют?

ТК
Раз появившись, идея обязательно придет в голову еще кому-то. Какой-то великий человек сказал, что идея, которую ты придумал, уже не твоя. Это уже принадлежит... миру.

АИ
Кочевники и вообще кочевничество – это всегда динамика. Юрта собирается, разбирается, меняется постоянно. Если бы ты думал об этом, ты мог бы изобретать какую-то динамичную архитектуру. А ты все же занимаешься статичными вещами, строишь частные дома, которые стоят себе и стоят. В твоей архитектуре

динамики немного. Может быть, в этом есть какой-то потенциал на будущее?

ТК

Нет, ну почему. Есть у меня и такие идеи, я предлагал, но пока это никому не нужно, нет спроса. Нельзя же заставлять заказчика: ты давай по участку кочуй...

Ну а потом, известно много примеров мобильных домов или раскладной мебели – но ты ее один раз разложил, и больше не хочется. А с другой стороны, вспоминаю детство: юрта это ведь была одна комната, где спали, готовили, ели – все время нужно было что-то разбирать, собирать...

АИ

И никого это не напрягало?

ТК

Напрягало, но это было необходимо. Думаю, что если бы у людей была возможность поставить вместо одной четыре юрты, они бы сделали это. У богатых людей так и было, а также верблюды, которые их юрты возили, слуги, которые их собирали. А у бедных все было универсально, все в одном. Короче, я хочу сказать, что кочевой образ жизни – не оттого, что это нравилось, а потому что была такая необходимость суровая. А еще когда кто-то нападал – нужно было убежать. Но и ты мог на кого-то напасть, что-то отнять. Это как такая бандитская романтика: украл – выпил – в тюрьму. Степь была в какой-то степени тюрьмой.

АИ

Нет, Тотан, мне это что-то не нравится. Я думал, ты скажешь, что вы кочевали не просто по нужде, а еще из-за какой-то особой тяги к такому образу жизни. Ну что мешало казахам построить города и жить там постоянно, как это сделали по соседству таджики, построившие Бухару, Самарканд? И вы могли бы, места много... Но ведь не сделали...

ТК

Кочевниками не только казахи были – и другие тюрки, и монголы. И все с ростом знаний, благосостояния в какой-то момент понимали, что лучше жить оседло. Все-таки кочевой образ жизни менее комфортабелен. А города были и у казахов, на юге. Зимовки, где хранились припасы, где можно было купить одежду и т. д. Когда говорят, что весь Казахстан кочевал, это упрощение.

АИ

А кто еще жил в этих городах?

ТК

Казахи, узбеки, татары.

АИ

Ну тогда можно представить, что узбеки с татарами там торговали, а казахи приходили, покупали и уходили.

ТК

Нет, и казахи тоже торговали. Не все племена казахов жили как кочевники. Казахи были разные. Как и среди монголов было много монахов, которые не кочевали, а постоянно жили в монастырях. Вообще это была многоликая культура, сейчас уже почти утерянная, и только по рассказам и легендам можно пытаться восстановить ее во всей полноте. Скажем, казахские ханы не очень-то кочевали. Кочевали люди, которые трудились. Это была работа. А тот же Абылай хан жил себе у озера, и у него было множество овец, лошадей, которым и так хватало корма – зачем ему кочевать⁴?

Он сидел во дворце, управлял оттуда и наслаждался жизнью. А кочевать – это работа, были чабаны,

кто кочевал, но были и воины, которые никуда не уходили, жили при хане и выполняли его приказы, их кормили и содержали.

АИ

Итак, старых, традиционных кочевников уже нет. Уже в советское время вас пытались прикрепить к месту, в том числе и потому, что так контролировать было удобнее. А с другой стороны, власть культивировала такое советское кочевничество – романтика перекапти-поля, от одной ГЭС к другой. Нужна была мобильная рабочая сила, задарма возводившая стройки коммунизма. Но и это уже закончилось. Сейчас в арабских странах мы видим таких декоративных кочевников, бедуинов, которым платят за изображение номадов для туристов. А что происходит в Казахстане, насколько ты знаешь? Там появились города, и люди, предки которых всегда жили в степи, теперь живут в городах. Вот эти постсоветские посткочевники, как они себя ощущают? Получается у них городская жизнь, что там за проблемы?

ТК

Думаю, что получается. Они цивилизованные люди, может быть, еще немного провинциальные, но уже урбанистические. Хотят жить именно в городе, не хотят жить в колхозах. И это уже давно. Я помню, что когда я оканчивал школу, в Союзе уже были проблемы с продовольствием, и появились идеи возродить массовое выращивание овец – уже в колхозах. Стали звать туда молодежь – и никто не пошел. Все говорили: я хочу ездить на машине и жить в городе. Изменился менталитет. Цивилизация изменила людей. Кто добровольно выберет суровые условия жизни? Овцы просыпаются в пять утра. Их надо выпустить и следить за ними, направлять, беречь от волков, и возвращаются они в загон часов в десять вечера, на сон остается четыре-пять часов.

АИ

Ну что же, вывод такой: кочевники быстро адаптируются.

ТК

Я думаю, это касается не только кочевников, а вообще людей. Я читал про ГУЛАГ, люди и там привыкали жить, сначала было очень тяжело, но привыкали, и когда им давали чай с сахаром, это был праздник. Я думаю, что кочевой образ жизни настолько суров, настолько полон разных лишений, что когда ты получаешь маленькое расслабление, ты уже счастлив. Конечно, люди быстро привыкают к хорошему. Они долго привыкают к плохому, хотя тоже привыкают.

Когда нас призвали в армию, и три раза там кормили, давали первое, второе и еще компот, а за это нужно было немного побегать, поподтягиваться на турнике, нам это казалось раем. А рядом служили ребята из Москвы, Ленинграда, им было так тяжело, что некоторые убежали. А мы не понимали – как можно оттуда бежать, это же курорт? Все относительно.

АИ

В общем, Тотан, никакого культурного смысла в кочевничестве ты не видишь.

ТК

Там, понимаешь, другая культура – очень аскетичная, такой минимализм. Почему там не было ничего построенного – потому что ты это с собой не возьмешь. Как Микеланджело, ты отсекаешь от себя все лишнее и оставляешь только самое необходимое, то, что можешь носить с собой.

Nomad is Settling Down

Transformation of Ideas at the Personal Exhibition of Totan Kuzembaev “Metamorphoses”

text
Andrei Ivanov

photography
Ilya Ivanov

The exhibition held in VKhUTEMAS gallery in late May – June 2009 looked like this: on the walls there was a show of photos of sixteen realized objects and four objects under construction produced by Totan Kuzembaev’s studio, as well as their sketches, field supervision notes, pieces of cost calculation, other notes, words on stickers and pieces of paper, gestures and glances of staff members in random photos, other odds and ends – or beginnings? – of the creative process. In the center there is a large podium with a number of inventive models along the edges (a tribute to the Chair of Sculpture formerly located here?) and a neatly covered white bed in the middle.

I think with all this Totan tried to slightly lift the veil of mystery and to show how a creative idea occurs

and what happens between its birth and realization in the form of a sheet of graphics or a fireplace, a building or an exhibition.

And to explain that all these apparent results always turn to be intermediate like a pupa, immediately producing new ideas, the circulation of which is probably perpetual.

This discovery of something new in himself as an impetus to creation is crucial with respect to personality: a hodgepodge composed of the images once seen and taken from the context of separate keen ideas is digested and becomes a factor of a new architecture of greater originality. Thus the dung of the world art fertilizes the ground for Totan’s resented refined aesthetic ecological constructions.

Оседание номада

Превращения идей на персональной выставке Тотана Кузембаева «Метаморфозы»¹

текст
Андрей Иванов

фото
Илья Иванов

Выставка, прошедшая в галерее ВХУТЕМАС в конце мая – июне 2009 года, выглядела так: по стенам – калейдоскоп снимков шестнадцати построенных и четырех строящихся объектов мастерской Тотана Кузембаева, а также их эскизов, фиксаций авторского надзора, обрывков смет, всевозможных почеркушек, записок и просто отдельных словечек на стикерах и бумажных полосках, жестов и взглядов ребят из мастерской на вроде бы случайных бытовых фотках, прочих отходов – или начал? – творческого процесса. В центре – просторный подиум с множеством изобретательных макетов и макетиков по краям (дань когда-то располагавшейся тут кафедре скульптуры?) и аккуратно застеленным белоснежным ложем посередине.

Думаю, что всем этим Тотан попытался слегка приоткрыть тайну и показать, как появляется творческая идея и что происходит между её рождением (тут он, как крольчиха, сам много раз видел – плодоносит неутомимо) и материализацией – в форме листа графики или камина, постройки или самой выставки.

И объяснить, что все эти видимые результаты всегда оказываются промежуточными как куколка, тут же порождая новые идеи, и что этот круговорот, наверное, бесконечен.

Задачи вполне философские, и не случайно при очевидном девизе выставки – ахматовских строчках о «стихах и соре», буквально обыгранных «открыточными» фото наверху планшетов (автор большинства Илья Иванов) и мусорными корзинками внизу, – скрытым «внутренним» эпиграфом стала полюбившаяся Тотану цитата китайского мудреца Чжуана цзы (Чжуан Чжоу, около 369 – 286 до н.э.): «Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он бабочка, счастливая бабочка, которая радуется, что достигла исполнения

желаний, и которая не знает, что она Чжуан Чжоу. Внезапно он проснулся и тогда с испугом увидел, что он бабочка, или же бабочке снилось, что она Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, существует различие. Это называется превращением вещей».

Рискну утверждать, что эти слова должны были понравиться Тотану независимо от происхождения их автора. Но все же стоит вспомнить о его корнях: Казахстан это большая степная страна между двумя еще большими, Россией и Китаем, и отчего бы восточному культурному вектору не быть в этой истории столь же важным, как (северо-)западный? При видимой пустоте степь предельно открыта развитию и идеям. И самым новым, и очень старым – времени степь не знает...

Так что, вполне возможно, постель, придуманная вроде бы в самый последний момент перед открытием выставки, не случайно стала ее символическим фокусом. Плоский алтарь снов. Образ творческого акта. Белый бархан, дарящий всё новые миражи... что и передано центробежными волнами смыслов – от эскизных макетов к готовым зданиям.

«Изобретают с нуля, а не с единицы» – как подметил в недавнем «Неприкосновенном запасе» Игорь Смирнов, перенося действие на нашу уже общую родину: «...нигде не думается и не создается так хорошо, как из пустого места, из черной космической дыры, которой являешься ты сам, из России».

Я спрашивал Тотана, видел ли он когда-нибудь выставки Херцога и де Мерона, состоящие исключительно из тысяч макетов их знаменитых построек, – нет, не видел. Но, думаю, было бы побольше людей в мастерской, подороже заказы, было бы и макетиков побольше.

1. Впервые опубликовано (в сокращенном виде) в журнале «Проект Россия». 2009. №3 (53). С. 48.

Ну а Юрий Аввакумов, более искушенный в истории современного искусства, на постверсиной ночной посиделке спросил покаверзней: намеренно ли Тотан «повторил» знаменитую инсталляцию «Моя постель» Трейси Эмин, номинированную в 1999 году на престижную Тернеровскую премию? Хотел поддеть, но не тут-то было: невозмутимый автор ответил: ничего не знал, необразован, мол, всё сам придумал... Охотно верю. Да и Тотанова постель была, в отличие от британской, усыпанной окурками, презервативами и нижним бельём художницы, девственно чистой... что, видимо, и смутило одного из монтировавших выставку ребят, подложивших под край отвернутого одеяла металлический макет непостроенного пешеходного моста в Марфино, в чувственных изогнутых линиях которого тут же проявилось нечто женственное. Но не исключаю, что и видел когда-то, да забыл, а когда надо, припомнилось и переплавилось в личное. Возможно, таков один из механизмов Тотанова творчества, и не знаю, хотел ли он именно об этом рассказать нам этой выставкой... но вот рассказало.

Кочевье по степи глобальной культуры, со стоянками в оазисах, как Тотанова юрта в прошлогодней Венеции, с лагерями-инсталляциями, как эти «Метаморфозы».

И если бы это было только ре-открытием уже где-то кем-то открытого, то вряд ли имело бы ценность с точки зрения мировой революции. Но это прежде всего открытие нового в себе как импульса к творчеству, и важно в личном плане: винегрет когда-то виденных образов, выхваченных из контекста отдельных острых идей, переварившись, становится фактором новой, всё более оригинальной архитектуры. Так навоз мирового искусства вздобривает почву для рафинированных, эстетских, экологических построек Тотана последних лет, прежде всего пироговского гольф-клуба. К сожалению, моё уговаривание пришедших на вернисаж знакомых девушек прилечь на креативное ложе было безрезультатным. Но думаю, что многие, и не только девушки, сделали это мысленно, и если им и не удалось там что-нибудь присниться,

как китайскому философу, то у них наверняка появилась в этой связи какая-нибудь идея. Или замысел. Или ощущение... Ну а потом, возможно, и началось самое интересное: вдохновленный примером перепархивающего от идеи к идее, постоянно перерождающегося Тотана-Чжуана, каждый мог наблюдать, что происходило с этим появившимся в нём дальше, — и может быть, наконец, понял, из какого именно

спора

сюра

с(о)на

со...

состоит творчество.

Ну а я бы пролил на подушку немножечко черной туши. Rotring...

Personal Exhibition of T.Kuzembaev "Metamorphoses". Moscow, VKhUTEMAS Gallery, 2009

Персональная выставка Т. Кузембаева «Метаморфозы». Москва, галерея ВХУТЕМАС, 2009

This issue being prepared, graved news came to us. On April 11, 2010 Numkena tragically died after being hit by an automobile. This article had been prepared specially for the main topic of PB 24 "Nomads" and by the fatal coincidence is being published now as a memorial of a talented artist, designer, decorator and architect of great originality – a Hopi American Indian.

text
Brian Spencer

As the old man speaks softly to the boy,
the sun sets behind urban towers,
recalling silhouetted monuments from the
old man's valley.
Strands of smoke twist upward from the kiva
and faint spirits begin to dance.

The old man tells a story
of years long gone, of people past.
The small boy must listen intently to the words
as cars and buses rush by, or a plane rises overhead.
The story, a tradition, is passed on,
through a new generation.

Interpreted for today.

Look closely
as a small desert flower pushes upward
through the concrete now on the desert valley floor.
Listen, quietly,
for the words and song of the old man,
now carried on the winds.
And, follow the spirits as they dance across the skies.

The Hopi rain cloud symbol
enriches the earth and the lives of fellow men.

NUMKENA НУМКЕНА

Когда верстался номер, пришло печальное известие. 11 апреля 2010 года Нумкена трагически погиб, попав под автомобиль. Эта статья готовилась специально для главной темы номера ПБ 24 «Номады» и по фатальному совпадению публикуется теперь уже как память о талантливом и самобытном художнике, дизайнере, декораторе и архитекторе – американском индейце из племени хопи.

текст
Брайан Спенсер

Пока старик тихо рассказывает мальчику
свою историю,
солнце садится за городские башни,
воскрешая силуэты из долины его памяти.
Струйки дыма вьются из кивы,
и начинают свой танец невидимые духи.

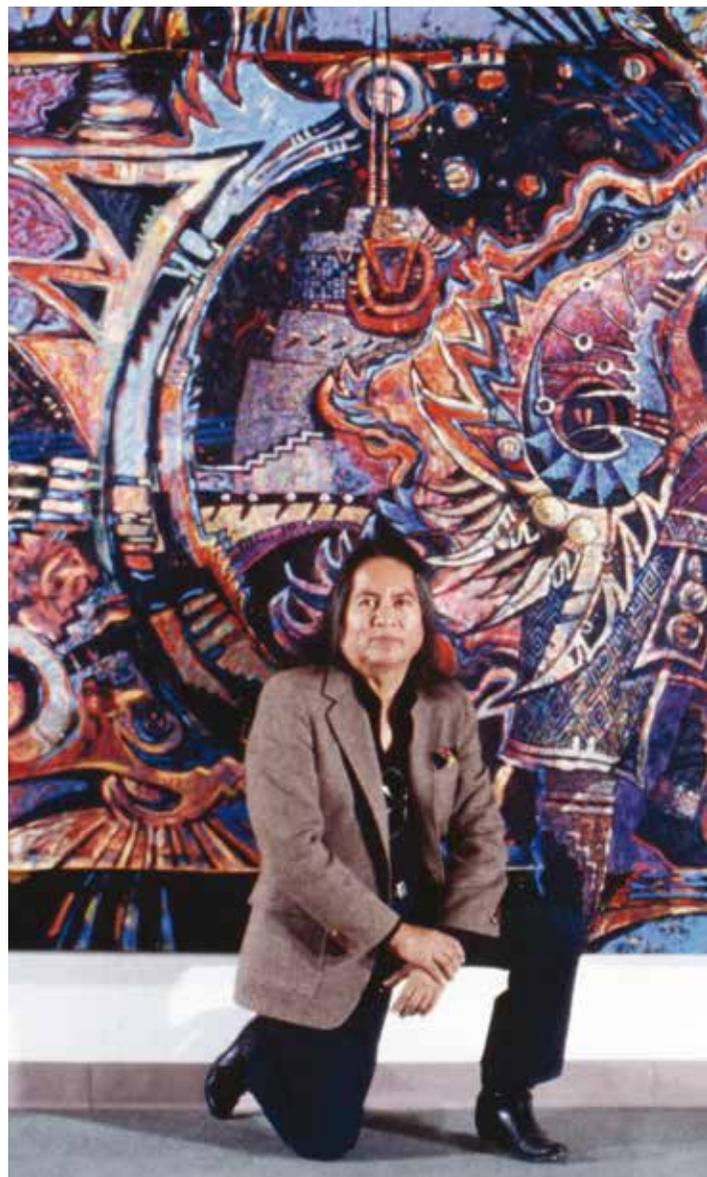
Старик рассказывает
о далеких годах, о давно ушедших людях.
А маленький мальчик должен внимательно вслуш-
иваться в его слова,
ведь мимо проносятся машины и автобусы, в небо
взлетает самолет.
Эта история, или традиция, передается сейчас ч
erez новое поколение.
Она объясняется на современном языке.

Вглядитесь, и вы увидите,
как маленький цветок пустыни пробивается
сквозь бетон, теперь покрывающий дно долины.

Прислушайтесь
к словам и песне старика, которые приносят ветра.
И следуйте духам, танцующим на небесах.

Символ дождевого облака хопи
Питает землю и улучшает жизнь людей.

Огонь костра освещает нашу жизнь
красотой истории и традиций,
которые мы должны продолжать,
лелеять и сохранять.

The flame of the fire enlightens our lives to the beauty of histories and traditions, continued, savored and preserved.

They help define us, who we are no matter where we will go.

The story I just told I wrote while working with my friend Numkena on a masterplan proposal for the Heard Museum of Native American Arts in Phoenix, Arizona (U.S.A.). We had known each other for less than ten years and working on this project allowed us to strengthen our friendship. We've now added twenty more years of friendship. Numkena's friendship strengthens my own endeavors as I've learned a living importance of history, tradition, culture and how it is such an inherent part of «who we are, no matter where we will go».

Numkena, a full-blooded member of the Hopi People, was born a member of the Snake Clan of Moenkopi, Second Mesa, in northern Arizona. Numkena learned of his culture and history through his father, a Hopi tribal leader and keeper of the «Kiva», the spiritual retreat of the tribal elders.

The Hopi People are descendants of the Anasazi, Mayan and Aztec inhabitants of southwestern United States and Central America. After a long series of migrations, the Hopi People eventually settled in an isolated area of the sacred San Francisco Mountains near Flagstaff, Arizona and the location of what is believed to be the "Place of

Emergence", which they call "Sipapu". They have lived in northern Arizona since 1150 AD in villages like Old Oraibi and Walpi on lands known as the First, Second and Third Mesas. The Hopi People, because of geography and their preference for anonymity, eluded the impact of the Spanish and Anglo invasion of the Americas.

Then and now, the Hopi People observe elaborate rituals dedicated to the quest of understanding time and harmonizing with nature in universal fellowship. The rare Hopi «Sahlako» ceremony is attended by delegations from Native American tribes across North America whose reason for the pilgrimage is that only the Hopi People still remember how to capture time and set it in motion again in response to the discordance and broken symmetry of the universe.

Hopi stories teach the dangers of evil, of living in disharmony with one's community, of the peril of forgetting how sacred life is in all of its forms, and the potential still locked within humanity to burst the boundaries of space and time – to reach the stars.

And so it is that Hopi art (painting, sculpture, music and architecture) has a rich spiritual life that connects us to the forces of nature, a holy link to time itself and all that is possible in time.

The work of my friend Numkena is now better understood, as it is transcendental art and architecture in which is felt the memories, prayers, songs, dances and culture of time captured.

Typical for many Native American communities, the Federal Government established schools in larger urban areas, away from their native homes. Shortly after his tribal initiation ceremony in the “Kiva”, Numkena was placed in the care of the Phoenix Indian School, the government sponsored boarding school in Arizona. He ran away during his second year and was taken in by a local teacher allowing him to finish his secondary education at Scottsdale (Arizona) High School. Numkena was quickly identified as an extraordinary student and was offered a scholarship to the Severn Naval Academy Preparatory School in Maryland. Numkena’s thoughtful consideration could not picture himself, a spirit of the high, dry mesas of Arizona, at sea for months at a time. A deep understanding of himself prompted him not to pursue studies at the naval school but, rather, transfer to the army where he trained in computer engineering.

While in the army at 22 years of age, standing in the concrete canyons of New York City versus the vast open lands

and canyons of northern Arizona, Numkena stood in Frank Lloyd Wright’s Guggenheim Museum. The understanding of interpreting nature, as Wright had done with the Guggenheim, inspired Numkena to become an architect, as well as artist. For Hopi People, there is no separation of the arts as readily seen in Numkena’s movement through architecture, painting, sculpture, theatre set and costume design to objects.

After his apprenticeship training in several Phoenix area architectural firms and taking the State of Arizona architectural licensing examination, Numkena formed his own professional studio.

As Numkena Architects, his early work was dedicated to providing architectural services for the Native Americans of the southwest United States, including native peoples of the Hopi, Navajo, Hualapai, Hoopa, North Paiute, San Carlos Apache, Fort McDowell Apache and the Salt River Pima nations.

His first project to bring him regional recognition was the Yavapai Apache Cultural Center in central Arizona. Numkena’s

Казино для индейской общины Пима Солёной Реки, апачи Форта Мак-Доуэлл / резервация Пима

Salt River Pima Indian Community Casino
Fort McDowell Apache / Pima Reservation

Они помогают нам определить, кто мы есть, неважно, куда идет наш путь.

Историю, изложенную выше, я написал во время работы с моим другом Нумкеной над проектом генерального плана для Музея Херда – музея искусств коренного народа Америки в г. Фениксе, штат Аризона (США). До этого мы знали друг друга почти 10 лет, и работа над этим проектом позволила нам укрепить нашу дружбу. Сейчас к стажу нашей дружбы добавилось еще два десятка лет. Дружба с Нумкеной дает силу моим собственным стремлениям, поскольку я стал понимать жизненную важность истории, традиции, культуры, являющихся неотъемлемой частью того, «кто мы есть, неважно, куда идет наш путь».

Нумкена, чистокровный представитель народа хопи, родился в роду Змей Моенкопи в поселении Вторая Меса на севере Аризоны. Нумкена узнал о культуре и истории своего народа от отца, вождя племени хопи и хранителя «Кивы» – духовного приюта старейшин этого племени.

Народ хопи произошел от племен анасази, махан и ацтеков, живших на юго-западе США и в Центральной

Америке. После продолжительных миграций народ хопи в конечном счете поселился на изолированной территории священных гор Сан-Франциско рядом с Флагстафом, штат Аризона, и это «место возникновения» на языке хопи называется «Сипапу». Они живут на севере Аризоны с 1150 года н. э. в таких деревнях, как Олд-Ораби и Валпи на землях, известных как Первая, Вторая и Третья Меса. Народ хопи, благодаря своей географии и склонности к анонимности, избежали влияния англо-испанского нашествия на Америку.

Сейчас, как и в прошлом, народ хопи усердно соблюдает ритуалы, стараясь понять время и достичь гармонии с природой во всемирном сообществе. На редко происходящих церемониях «Сахлако» присутствуют делегации из индейских племен со всей Северной Америки. Они приезжают сюда, потому что только народ хопи все еще помнит, как можно завладеть временем и снова пустить его в ход в ответ на разлад и нарушенную симметрию мироздания.

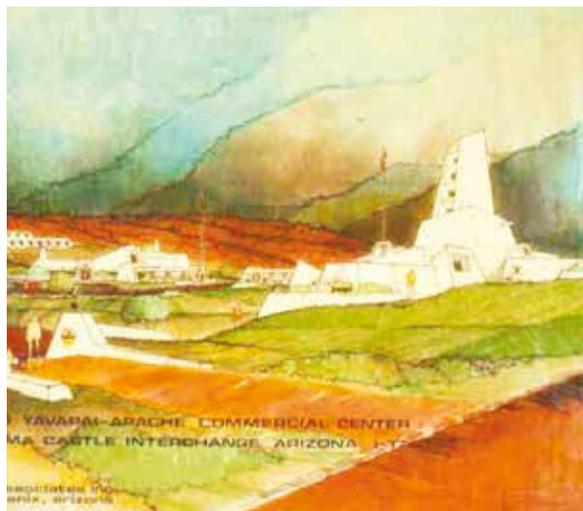
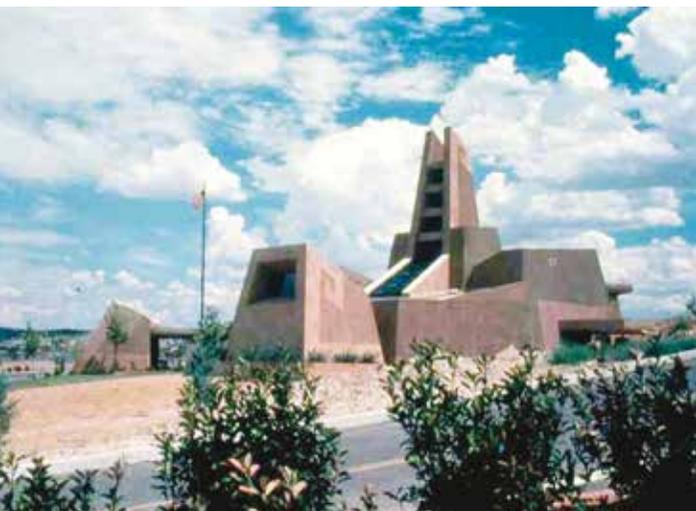
В легендах хопи мы узнаем об опасности зла и отсутствия гармонии с обществом, о том, что нельзя забывать, что жизнь священна во всех ее проявлениях,

1975 design for the Yavapai Apache Cultural Center near Camp Verde, takes its character from the strong land forms of Arizona as well as geometric interpretation of the Anasazi / Hopi petroglyphs... story-telling symbols often cut into the rock landscape. It is not a comparison to look at the architecture of the Yavapai Apache Cultural Center, Numkena's earlier study for the mural «Pachavu: the Initiation Ritual» and the landscape of Monument Valley in the four corners area of Arizona, New Mexico, Colorado and Utah... it is the synthesis of architecture, art and landscape as one expression, the essence of Hopi life and tradition. Even the detail reflects symbolisms apparent in everyday Hopi life... the symbols for the emergence and migration as seen in petroglyphs left by the Anasazi and Hohokam peoples reflected in the tailings of the handrails of the Cultural Center stairway. Details such as these are not imposed as sheer ornament rather, they are intrinsic elements in the lives of the Hopi people.

In 1977 Numkena was asked to design the stage sets and costumes for the Arizona Opera company's production of

Mozart's opera «The Magic Flute» by the director of the opera company who had become familiar with Numkena's painting. It was a marriage between an ancient American culture and classical European music. The story and the music remain the same but the visual interpretation of stage sets and costumes carries the viewer into a new dimension. The vibrancy of the music is heightened to a greater sense by the sheer exuberance of color, form and pattern. Clearly, this interpretation provides a cross cultural understanding of both worlds.

Numkena's 1982 design for the Anasazi residential complex is sited on 9 hectares of lush Arizona desert that includes an adjacent 18 hole golf course, a complete fitness center, a community club house with state-of-the-art fitness center, billiards room, two party rooms, a fireplace terrace and five swimming pools. The one and two bedroom living units command views of Piestewa Peak in the Phoenix Mountain preserve to the south and Paradise Valley to the north. The deep entries, windows and passageways reflect

Культурный центр
Явапай-Апачи, Кемп
Верде, штат Аризона

Yavapai Apache Cultural
CenterCamp Verde, Arizona

а также о еще не раскрытом потенциале человечества, который поможет разрушить границы пространства и времени и достичь звезд.

Итак, искусство хопи (изобразительное искусство, скульптура, музыка и архитектура) имеет богатую духовную жизнь, которая соединяет нас с силами природы, дает нам священную нить, ведущую к самому времени и ко всему, что в нем существует.

Сейчас я лучше стал понимать работы моего друга Нумкены, ведь это особый вид искусства и архитектуры, пронизанный памятью, молитвами, песнями, танцами и культурой пойманного времени.

Зачастую для многих индейских общин федеральное правительство строило школы в больших городах, вдалеке от родного дома. Вскоре после церемонии посвящения в «Киве» Нумкена был отправлен на обучение в школу-интернат для индейцев в Фениксе, находящуюся на государственном обеспечении. Во втором классе он сбежал, но его приютил местный учитель, разрешив ему окончить среднее образование в школе Скоттсдейла (штат Аризона). Вскоре Нумкена уже считался экстраординарным студентом,

и ему была предложена стипендия для обучения в Северной подготовительной Школе морской академии в Мэриленде. В своих долгих размышлениях Нумкена не мог представить, как он, чей дух был неразрывно связан с высокими сухими землями Мес Аризоны, смог бы месяцами служить в море. Глубокое понимание самого себя подсказало ему прекратить занятия в морской школе, чтобы перейти в армию, где он занялся изучением вычислительной техники.

Во время службы в армии 22-летний Нумкена, находясь среди бетонных каньонов Нью-Йорка (в сравнении с простором открытых земель и каньонов северной Аризоны), однажды зашел в Музей Гуггенхайма Фрэнка Ллойд Райта. Понимание природы Райтом и ее интерпретация в Гуггенхайме вдохновили Нумкена стать архитектором и художником. Для народа хопи нет разделения на виды искусства, что без труда можно заметить в работах Нумкены, которые связующей нитью проходят через архитектуру, изобразительное искусство, скульптуру, театральные декорации и дизайн костюмов.

Закончив обучение в нескольких архитектурных фирмах Феникса и сдав экзамен на архитектурную

the structures of the historic Anasazi dwellings while the colors are those of the landscape of Arizona.

The 1983 Anasazi Office Building, near the Anasazi residential complex strikes a more contemporary pose while following the traditional Anasazi form. Deeper windows with a sweeping movement at the recess allow natural light but at the same time are positioned to shield the interiors from the strong east and west summer sun. With summer temperatures of 45 to 48 degrees Celsius the direct summer sun is extremely intense. Typically, window orientation in Arizona is focused on the north for natural light and to the south to collect the warmth of the winter sun.

The 1986 Greenberg Residence was designed as an adobe structure using 60 cm. thick traditional brick walls made hand-made from local clay. Again the windows and doors are deeply set with the windows taking a variety of expressions from larger expanses of fixed glass to smaller unitized and operating units. Headers over openings are full timber. Situated on a hillside

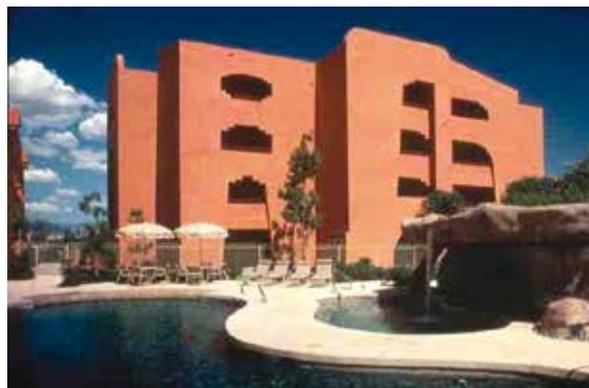
site in Cave Creek, Arizona, just north of Phoenix, the various activity areas of the house follow the slope of the landform.

In 1987 Numkena's interpretation and design of the Papal Stage for Pope John Paul's visit to Phoenix, Arizona again transcended cultures. Respectful of Pope John Paul's position in the Catholic tradition, Numkena quietly introduced the spiritual life of both the Hopi culture and Catholicism. The design for the Papal setting draws upon the natural world of the Hopi people. The Papal stage is defined by the four directions and the elements earth, wind fire and water. The banners over the Papal setting reinforce the directions along with the clouds and rain which bring life to the earth. The brilliance of the colors reflects the very landscape of Northern Arizona.

In 1989, Numkena served as a member of the design review panel for the National Museum of the American Indian, Smithsonian Institution, Washington, D.C. of which Douglas Cardinal, a member of the Metes Blackfoot native North American Nation, was the design architect.

Жилой комплекс Анасази,
Феникс, штат Аризона

Anasazi Apartment
Complex
Phoenix, Arizona

лицензию штата Аризоны, Нумкена создает собственную профессиональную студию.

Его ранние работы в студии «Нумкена Архитектс» были для индейцев юго-западной части США, включая народы хопи, навахо, хуалапаи, хупа, северный пайуте, апачи из Сан-Карлоса, апачи из Форты Мак-Доуэлл и пима Соленой реки.

Первым проектом, принесшим ему региональное признание, был Культурный центр Явапаи-Апачи в центральной Аризоне. Характер проекта Нумкены 1975 года для Культурного центра Явапаи-Апачи неподалеку от Кемп Верде формируется из сильных очертаний рельефа Аризоны и геометрической интерпретации петроглифов анасази и хопи – символов-повествований, зачастую высеченных на скалах. Не стоит сравнивать архитектуру Культурного центра Явапаи-Апачи, раннюю подготовку Нумкены к фреске «Пачаву: ритуал посвящения» и ландшафт Долины памятников на месте «четырёх углов» на границе Аризоны, Нью-Мексико, Колорадо и Юты, – это синтез архитектуры, искусства и пейзажа в одном выражении, сущность жизни и традиций хопи. Даже в малейших деталях отображена символика быта хопи – символы появления и переселения, которые можно увидеть на петроглифах, оставленных племенами анасази и хохокам и отображенных на перилах лестниц Культурного центра. Такие детали, как эти, не навязаны в качестве чистого

орнамента, скорее, они являются важнейшими элементами в жизни народа хопи.

В 1977 году Нумкене поступил заказ от директора компании «Опера Аризоны», который уже был знаком с рисунками художника, на изготовление декораций и дизайн костюмов для постановки оперы Моцарта «Волшебная флейта». Постановка стала тесным соединением старинной американской культуры и классической европейской музыки. История и музыка остались неизменными, но визуальная интерпретация декораций и костюмов переносила зрителя в новое измерение. Поток музыки превозносится до величайшего значения при помощи изобилия цвета, формы и узоров. Безусловно, эта трактовка дает понимание разных культур обеих частей света.

Жилой комплекс анасази, спроектированный Нумкеной в 1982 году, расположен на 9 гектарах Аризонской пустыни, покрытой буйной растительностью, и включает в себя площадку для гольфа на 18 лунок, оборудованный фитнес-центр, общественный клуб с новейшим фитнес-центром, комнатой для бильярда, двумя комнатами для проведения вечеров, каминной террасой и пятью плавательными бассейнами. Из жилых секций с одной и двумя спальнями на южной стороне открывается вид на вершину Пиестева-Пик в горном заповеднике Феникс, а на северной окна

The Avikin Cultural Center (1993) in Blanding, Utah is located on the site of a historic Anasazi «kiva». With the history of the site in mind, Numkena designed the new cultural center with the same historic context. The cultural center is not an imitation of a «kiva» rather; it is a contemporary interpretation that is respectful of the historic setting and context

Numkena designed the American Indian Veterans' Memorial (2001) to capture the spirit of the eagle and to incorporate the four elements of creation spirituality: fire, water, earth and air. These elements of ceremony will allow the bringing of the warriors spirits home. Clad in a translucent marble, the outstretched wings of the eagle will glow during the night. Numkena continues to describe the symbolism inherent in the monument. The memorial, designed forty-six (46) meters in diameter; the circular form represents unity, with the wings reaching twenty-four (24) meters in height. «These are the wings of the eagle that'll bring our spirits home».

выходят на Райскую Долину. Глубокие входы, окна и коридоры отражают конструкции исторического жилья анасази, в то время как цвета заимствованы из ландшафта Аризоны.

Офисное здание анасази (1983 год), находящееся рядом с жилым комплексом, имеет вид более современный, вместе с тем следуя традиционным формам анасази. Еще более глубокие, широко открываемые окна в нишах пропускают естественный свет, но в то же время расположены так, чтобы укрыть помещения от сильного летнего солнца с запада и востока, ведь при летней температуре воздуха от 45 до 48 градусов по Цельсию прямое солнце здесь чрезвычайно жаркое. Обычно для естественного освещения окна в Аризоне ориентированы на север, но иногда и на юг, чтобы сохранить тепло зимнего солнца.

В 1986 году был создан проект Резиденции Гринберг – постройки из сырца с традиционными кирпичными стенами толщиной 60 см, сделанными вручную из местной глины. И снова окна и двери посажены глубоко. Вид окон разнообразен – от широкого стекла до маленьких составных рабочих элементов. Несущие балки над оконными проемами полностью деревянные. Расположенные на холмистом участке в городе Кейв-Крик в штате Аризона, к северу от Феникса, разнообразные зоны деятельности дома повторяют уклон рельефа.

В 1987 году проект помоста, созданный Нумкеной для визита папы Иоанна Павла в г. Феникс, снова превошел границы культур. Отдавая дань уважения положению папы Иоанна Павла в католицизме, Нумкена с деликатностью представил духовную жизнь обеих культур: хопи и католической. Для дизайнера помоста использовано земное существование народа хопи. В основе лежат четыре стихии: земля, ветер, огонь и вода. Сверху, повторяя эти направления, натянуты полотна с изображением облаков и дождя, которые несут на землю жизнь. Яркость красок отражает сам ландшафт Северной Аризоны.

В 1989 Нумкена был членом экспертной комиссии, оценивавшей проект Национального музея американс-

Numkena and the author have made two lecture tours in Europe with an illustrated program titled «The Ancients & the Moderns: from the Anasazi to Frank Lloyd Wright». The three hour lecture with over six hundred illustrations brought to light that much of what we do in a contemporary sense has been employed and used for hundreds of years. We use the same principles but are able to introduce new materials, technologies and interpretations. The tour introduced Numkena to «new tribes» as we traveled through Germany, Denmark, Norway, Sweden, Finland, Poland and Russia. The consistency of the message that was delivered was the respect for our own cultures and history.

Reflecting on how it is impossible to separate Numkena's architecture from his art I, again, find that I have learned a living importance of history, tradition, culture and how it is such an inherent part of «who we are, no matter where we will go». We must believe in our own art, our own history, our own culture and ourselves.

ких индейцев Смитсоновского института в Вашингтоне (округ Колумбия). Архитектором музея был Дуглас Кардинал, член племени «черноногих» североамериканских индейцев.

Культурный центр Авикан (1993) в Блэндинге (штат Юта), расположен на месте исторической «кивы» анасази. Принимая во внимание историю этого участка, Нумкена спроектировал новый культурный центр с тем же историческим контекстом. Культурный центр – не имитация «кивы», а скорее современная трактовка, в которой видно уважительное отношение к исторической среде и контексту.

Нумкена спроектировал памятник американским индейцам-ветеранам (2001), передав в нем дух орла и объединив четыре стихии мироздания: огонь, воду, землю и воздух. Эти элементы обряда помогут вернуть домой души бойцов. Покрытые полупрозрачным мрамором, распростертые крылья орла светятся в ночи. Диаметр памятника – 46 метров; округлая форма символизирует единство, а крылья достигают в длину 24 метра. «Это крылья орла, который вернет наши души домой».

Нумкена и автор статьи дважды совершили тур по Европе с лекциями и иллюстрированной программой «Авторы древности и современности: от Анасази до Фрэнка Ллойд Райта». Трехчасовая лекция с демонстрацией более шестисот иллюстраций показала, что многое из того, что мы делаем и считаем современным, уже применялось на протяжении сотен лет. Мы используем те же принципы, но можем привлекать новые материалы, технологии и решения. Во время путешествия по Германии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Польши и России Нумкена был представлен «новым племенам». Миссия этого путешествия была основана на принципе уважения к нашим родным культурам и истории.

Размышляя над тем, что невозможно отделить архитектуру Нумкены от его искусства, я снова понял, что узнал жизненную важность истории, традиции, культуры, являющихся неотъемлемой частью того, «кто мы есть, неважно, куда идет наш путь». Мы должны верить в свое искусство, в свою историю, в свою культуру и в самих себя.

«Офис на колесах» в Нидерландах

Это уникальное сооружение спроектировал Пит Хейн Ик (Piet Hein Eek), оно находится в Хилверсюме (Нидерланды). Этот тихий маленький офис принадлежит Гансу Либергу. Наружные стены сделаны полностью из необработанных бревен. Дом внутри полон инструментов, так как принадлежит музыканту. Внутри комната совсем не похожа на темную избу, она яркая и современная. У домика есть колеса, он транспортабелен и всегда готов к путешествиям.

Архитектор: Ганс Либерг
Функциональный тип: мобильный офис

Павильон для передвижной выставки «Chanel Mobile Art»

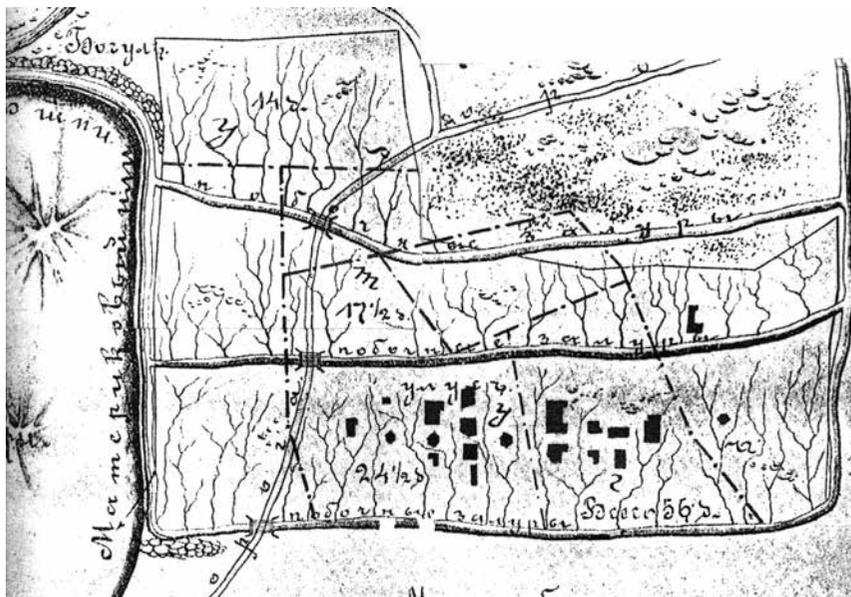
Известный архитектор Заха Хадид, по заказу Карла Лагерфельда, создала футуристичный павильон, для передвижной выставки «Chanel Mobile Art». Экспозиция рассказывает историю знаменитого аксессуара – стеганой сумочки, придуманной Коко Шанель, и показывает арт-объекты на эту тему. Стартовала передвижная выставка в Гонконге в 2008 году, далее выставка передвигалась по всему миру, охватывая такие города как Токио, Лондон, Сан-Франциско. Процесс сборки павильона общей площадью 700 квадратных метров занимает 2 недели, а затем все его 700 деталей весом 180 тонн размещаются в 51 контейнере и отправляются по новому адресу. В 2009 году размещение павильона планировалось в Москве. Завершится же выставка в 2010 году в столице моды Париже, отметив тем самым 55 лет с начала создания этой сумочки.

Архитектор: Заха Хадид
Функциональный тип: выставочный павильон

Территория кочевника

Орошаемые утуги – сохранившиеся памятники курумчинской культуры

Карта ирригационной системы

Ама, камни на утугах

Река времен в своем стремленье
 Уносит все дела людей
 И топит в пропасти забвенья
 Народы, царства и царей.
 А если что и остается
 Через звуки лиры и трубы,
 То вечности жерлом пожрется
 И общей не уйдет судьбы.
 Г. Р. Державин
 1816

текст
 Ольга Васильева

Сенокосение было известно бурятам задолго до прихода русских. Академик А. П. Окладников в работе «Шишкинские писаницы»¹ сравнил бурятские и якутские производственные термины и пришел к выводу, что сенокосение у них восходит к курумчинской культуре. Традиционное сенокосение у курыкан сохранилось на протяжении последующих веков и обеспечивало стойловое содержание скота в зимнее время. «Утуг² в хозяйстве всех иркутских бурят такое же обязательное угодье, как пашня у русских крестьян-земледельцев»³.

«Мы говорили уже о расчистках леса под пашни и покосы. Иркутская губерния знает еще расчистки камня под покосы. Эти расчистки в большом количестве производятся в Кутульском и Еланцынском вед. Верхоленского округа. Буряты этих ведомств, не занимаясь земледелием, главным образом живут скотоводством, но, окруженные со всех сторон бесплодными горами, не имея хороших пастбищ и покосов, принуждены прибегать к тяжелому и в высшей степени неблагоприятному труду – расчистке под покосы каменистых площадей. Высчитать, во что обходится этот труд, нет решительно никакой возможности, так

1. Окладников А. П. Шишкинские писаницы // Памятники древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959. С. 50.
2. Утуг (бур. удобрение) – удобряемый навозом, а иногда и искусственно орошаемый покос.
3. Молодых И. А., Кулаков П. Е. Иркутская губерния, или Сибирь на Нижегородской Всероссийской выставке 1896 г. СПб., 1896. С. 53.
4. Там же. С. 52.
5. Там же. С. 67.

Ирригационная система в Улан-Хан

как он производится долгие годы, прибавляя ежегодно к прежним покосным участкам клочки новых. ... Камни выворачиваются из земли и убираются в сторону, неровности сглаживаются мотыгами или засыпаются мусором и назёмом, где есть хоть какая-нибудь возможность провести воду, там роются водопроводные каналы, делаются большие и малые насыпи для задержки воды»⁴.

Оросительные системы состоят из плотин и запруд (богула), которые отводят часть воды из рек в специальные каналы (залуры). «Для усиления ключей, текущих в падах, по горам устраиваются террасообразно залуры, ведущие снеговую воду в материнский залур, расчищенное русло ключа. Для образования скопов снега около этих залуров на большом протяжении устраиваются загородки, наподобие щитов, предохраняющих от заносов полотно железной дороги»⁵.

Эти оросительные системы используются и сейчас. Хозяева утугов восстанавливают плотины и запруды, расчищают и углубляют каналы, собирают камни. Жизнь продолжается, не прерываясь, и вместе с ней продолжают жить древние ландшафтные артефакты. Эти до сих пор используемые и поддерживаемые в рабочем состоянии древние ирригационные сооружения либо следы заброшенных, но не успевших кануть в лету их собратьев можно увидеть, например, на побережье озера Байкал – от посёлка Сарма и далее на север до улуса Зама либо в других местах.

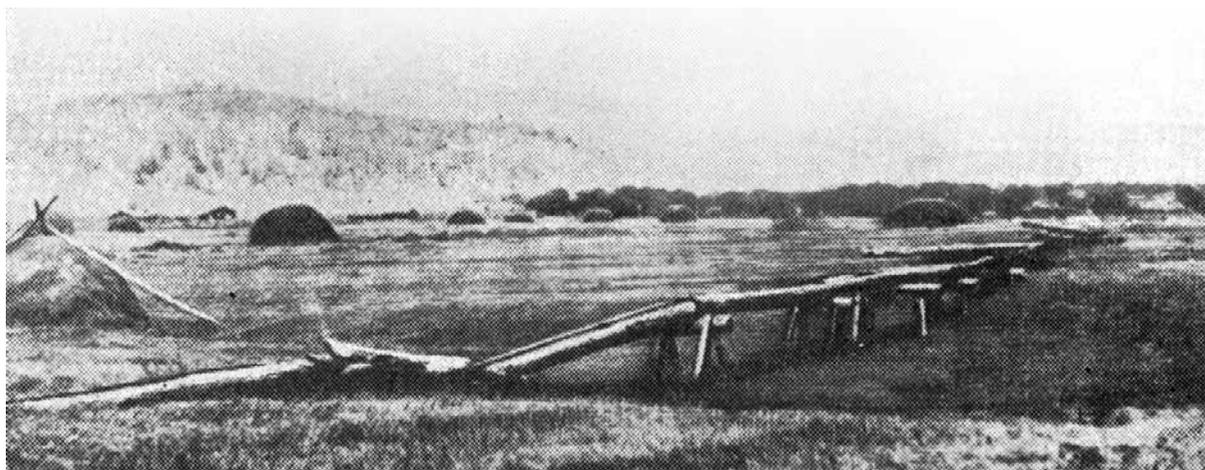
Ирригационная система в улусе Зама

Зама, ограждения на утугах

Ирригационная система в улусе Зама

Водовод в улусе Гушицком

О традиционных бурятских мерах длины и площади

текст
Ольга Васильева

Системы мер, появляющиеся у различных народов с доисторических времён, содержали в себе черты как общие для всех людей, так и зачастую отражали особенности отдельных этносов. Общие черты складывающихся систем мер отражали единство анатомической и биомеханической природы человека, что определёнными смысловыми гранями отражалось в таких античных выражениях, как «человек – мера всех вещей» и «всё своё ношу с собой». Отличия и особенности различных единиц длины (и др.) у различных народов складывались в силу различий и особенностей природно-климатических зон проживания и, как следствие, в силу различий и особенностей хозяйственной деятельности.

В качестве примера существенного количественного различия одной и той же по смыслу величины можно назвать «длину дневного перехода» у оленеводов, таёж-

ных охотников, степных кочевников, погонщиков верблюдов и горцев. Сходные и по смыслу, и по численному значению меры возникали у различных народов тогда, когда основами для них служили части человеческого тела – фаланги пальцев, длина локтя, ступни, шага, распахнутых рук и т. д. Антропометричность мер позволяла определять размеры, соотнося их с человеком.

У бурят существовали различные способы определения меры длины. Эти понятия были связаны с условиями кочевой жизни, строительной техникой, домашними ремеслами. Удерей ябадал (день пути) – мерило протяженности – расстояние, которое можно проехать верхом на лошади за день (примерно 20–30 километров). Два дня пути, пять дней пути, месяц пути означали расстояние, которое можно проехать за соответствующий отрезок времени. Другой способ определения протяженности – хараан – видимое расстояние (от горизонта до горизонта).

Для определения расстояния в несколько сот метров и меньше мерилом служило пространство, которое пролетает стрела. Такая мера существовала и у средневековых монголов. В описании Плано Карпини, присутствовавшего при провозглашении ханом Гююка, говорится о том, что все не допущенные к участию в собрании не могли приближаться даже к коновязи, которая находилась на расстоянии двух полетов стрелы¹. Мерилом длины служил и сам лук². Средний размер лука составлял 160 см, но измерения проводили снятой тетивой.

Небольшие меры длины определялись шагом человека – алха – и длиной ступни. Двойной шаг – мера длины в Древнем Китае (бу), в Древнем Египте иероглифы изображали шаг человека, направленный в разные стороны, имея в виду «прибавить» и «убавить»³.

Кроме шаговых мер, существовали пальцевые меры и ладони: расстояние между концами указательного и отведенного назад большого пальца руки – хоом; расстояние между концом отведенного назад большого пальца и согнутым указательным пальцем – мухар хоом. Толщину предметов измеряли пальцами (большим, мизинцем), фалангами пальцев, ладонью поставленной ребром.

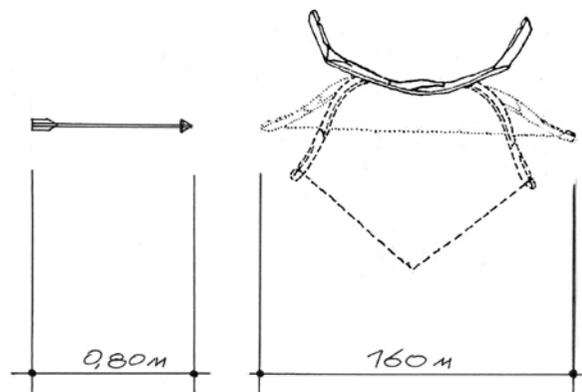
Часть руки от запястья до локтя (предплечье) как мера длины равняется 10 вершкам или 0,35 метра, или 10 дюймам. «Длинный локоть» – мера от локтевого сгиба до конца большого пальца, «куций локоть» – до края горсти. Существовали меры от локтевого сгиба до края кулака, от локтя до конца вытянутых пальцев.

Метрологическое значение слова локоть: ≈ 0,3 м, 10 дюймов – это размерность китайского фута tchi = 10 tsun (tsun ≈ 0,3 см). «По-видимому, монгольская мера локоть (т. е. длина предплечья), сохраняется как таковая в некодифицированной системе мер, в кодифицированной системе приравнивается к китайскому tchi; условием для такого приравнивания скорее всего является возможность пересчета локтя на более мелкие меры (ширина пальца) в исконной системе – тогда мы имеем соотношение⁴:

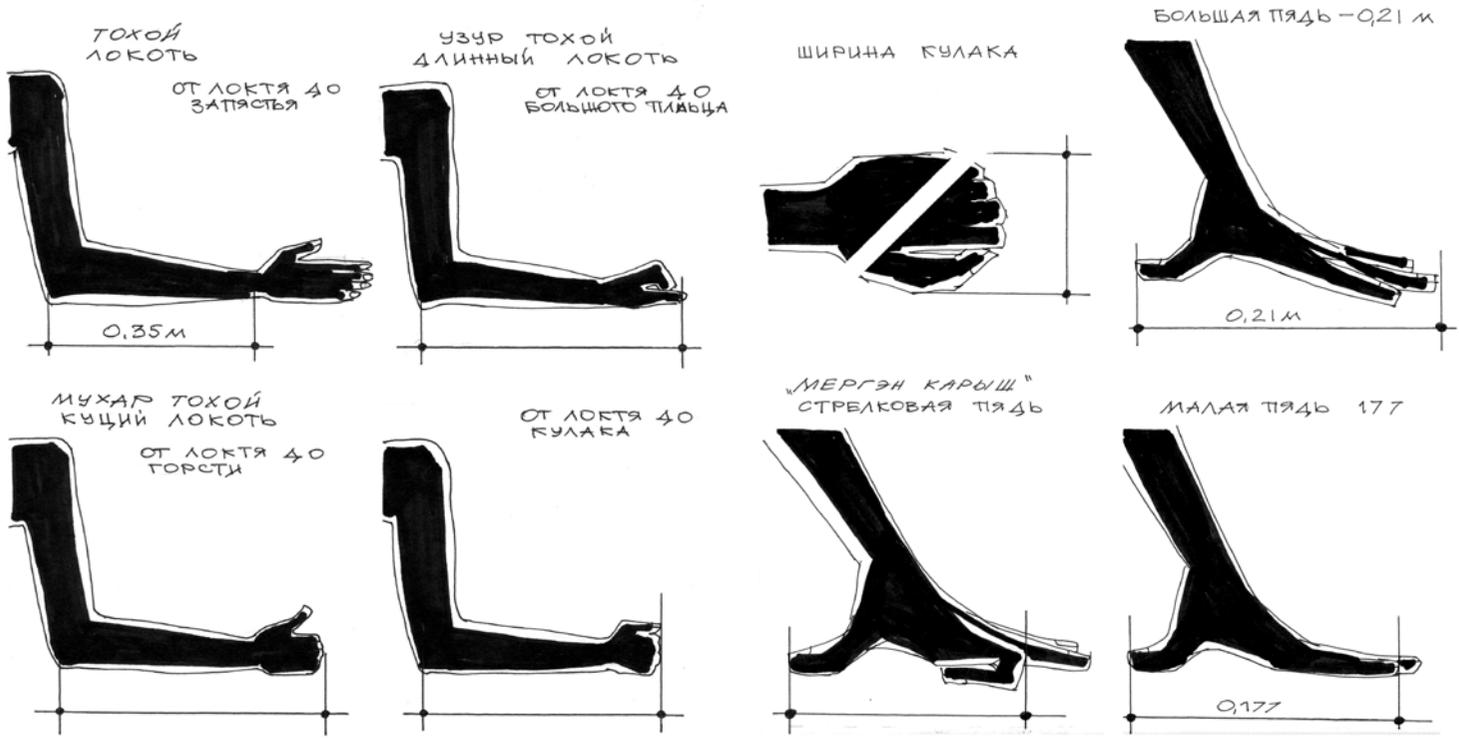
Базовая мера	монгольская палец	китайская Tsun дюйм
Следующая по величине мера	локоть	Tchi фут

Лук и стрела

Бурятский охотник

1. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1956. С. 75–76.
2. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1. С. 85.
3. Шевелев И. Ш., Марутаев М. А., Шмелев И. П. Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии. М., 1990. С. 29–30.
4. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Семантические термины (плечевой пояс). М., 1996. С. 230.
5. Монгольская национальная живопись «монгол зураг». Улан-Батор, 1986.

Размеры площади измерялись величиной ладони – альганай шэнэнэн, или площадь, равная основанию юрты, – гэрэй шэнэнэн, а также площадь измерялась числом голов умещавшегося на ней скота.

В ксилографических пособиях по монгольской икографии существовало несколько видов модулей, основанных на мерах ладоней и пальцев (ангулах). Изображая будд в состоянии покоя и бодисатв, использовали систему дошата – 10 ладоней, а дармапал и сахиусов изображали более широкой мерой – аштатала – 6–8 ладоней. Тело человека воспроизводили с помощью 9-ти вертикальных, 12-ти горизонтальных и 6-ти диагональных линий. Для лица использовали четыре горизонтали: темя, край волос,

кончик носа, подбородок, затем две диагонали, правой и левой щек, еще две – от кончиков правого и левого уха, всего шесть диагоналей. При правильном расположении линий получается размер 10 ладоней или 120 пальцев. Этот канон совпадает с классическим европейским пропорционированием человека Леонардо да Винчи и Альбрехта Дюрера⁵.

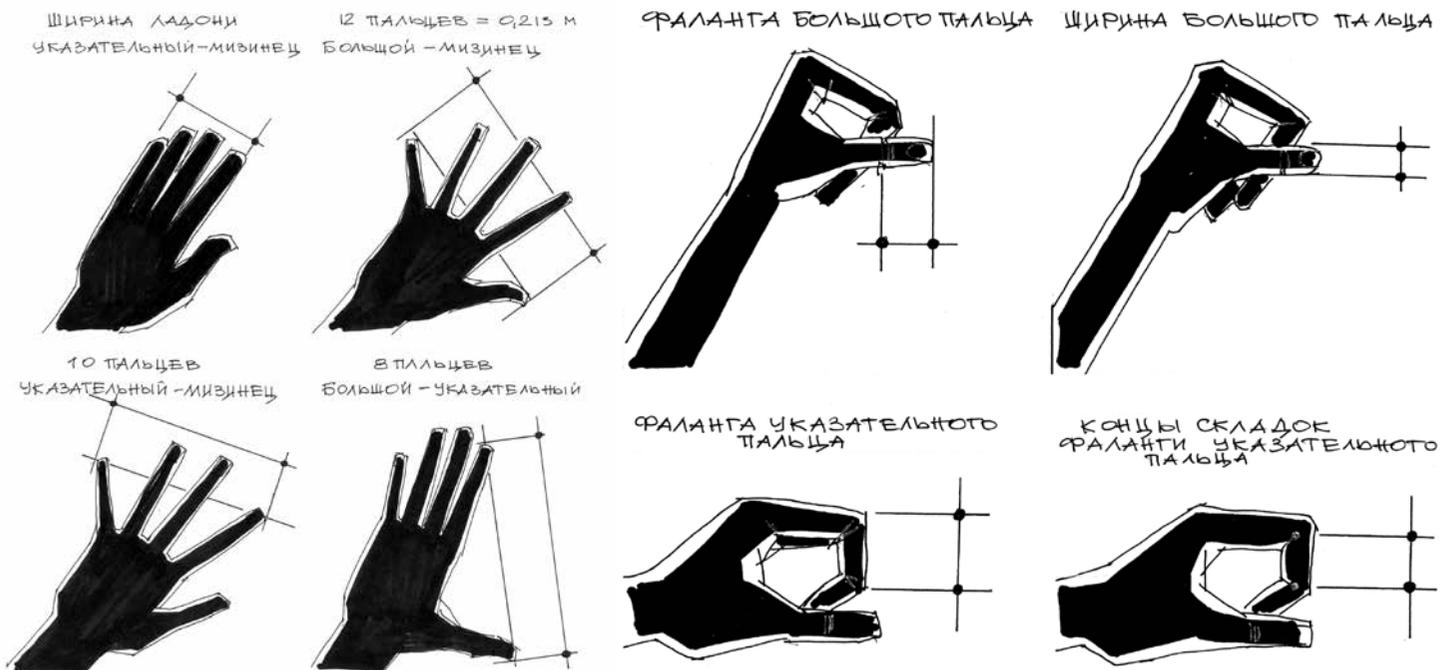
Чувство гармонии частей и целого, ощущаемое и постигаемое мастерами и художниками разных эпох и народов, очень точно было выражено античными философами в виде тезиса: «Человек – мера вещей». В этом тезисе категории эстетики, такие, как мера, соразмерность, пропорция и другие, одновременно выступают и как категории гармонии природы.

Локтевые меры бурят

Пядевые меры бурят

Ладонь как мера у бурят

Пальцевые меры бурят

Романтика

От самого слова «Антарктика» так и веет лютой романтикой. Южный полюс, целый континент, покрытый километровыми льдами. Где-то там, подо льдом, – замершие динозавры, залежи нефти, а может быть, корабли пришельцев или города атлантов... Легендарный материк, последний, открытый человеком. Да и открытый ли? Путешественников и бродяг Антарктика всегда манила к себе как последний форпост Неизвестной Земли. И сейчас побывать во льдах Антарктиды – почти как в космосе. Однако туристы, влекомые непобедимой жадой впечатлений, добираются и до полюсов планеты. Их не могут остановить ни бытовые трудности, ни расходы. Эти сотни миллиардов прокладывают дорогу туда, куда раньше, рискуя жизнью, добирались лишь отдельные герои. Огромный поток получается из множества индивидуальных ручейков энергии и денег. И все-таки Антарктида, Новый год в середине полярного лета, таинственная точка схода меридианов... Жива романтика.

текст и фото
Екатерина Антипина

Материк Антарктида – ледяная пустыня, крупнейшая зона карантина, омываемая Южным океаном. Здесь заморожено 90% запасов пресной воды всей планеты, и в этом месте пересекаются все 360 линий долготы.

Западная часть самого высокого на Земле материка, со средней высотой поверхности 2 тыс. метров, состоит из группы гористых островов, соединённых

между собой льдом. Здесь и расположен американский палаточный лагерь «Пэтриот Хилл» (Patriot Hill).

До ближайшего населенного пункта, города Пунта Аренас, что в южной части Чили, тысяча километров. Грузовой самолёт «Ил-76» пересечет это расстояние за 4 часа и доставит вас на зацементированную снегом и облизанную ветром до состояния речного

Лагерь ночью

Палатки для экспедиций

Быт жителя лагеря

Удобства на 5 тыс. метрах
над морем

камушка поверхность Земли, закрытую для обывателя, лишённого азарта испытать новые ощущения.

Три раза в году, с ноября по февраль, лагерь открывает молнии своих нейлоновых палаток для туристов, принимая не больше 30 гостей одновременно. Остальное время года не пригодно для жизни на снежном материке из-за низких температур, около минус 70 градусов по Цельсию.

Попадая в новое пространство жизнедеятельности, ограниченное несколькими закрытыми от ветра временными сооружениями, быстро учишься экономить и аккумулировать тепло внутри себя, так как отапливается в лагере только одна палатка, она же столовая. Температура там плюсовая, но пуховые жилетки, а иногда и перчатки там лучше не снимать, чтобы избежать переохлаждения. Еда готовится на керосиновых горелках. Теплом от этих горелок также можно погреться, находясь в зоне кухни.

Ещё есть двухместные «апартаменты» из нейлона, домик метеоцентра, а также пара-тройка биотуалетов (идея там уединиться радует недолго). Для поддержания тела в чистоте вам предложат растирания антисептическими гелями и мокрыми полотенцами. Снежные ванны тоже не возбраняются. Инфраструктура организована таким образом, чтобы человек получал только необходимое.

Солнечные батареи действуют постоянно, позволяя работать радиоустройствам и всему, что может подзарядиться от прикуривателя. Сточные воды, отходы и мусор помещают в резервуары и увозят с материка тем же грузовым самолетом.

Словом, посетив антарктический экотель, любой пляжник может почувствовать себя настоящим полярником и долго ещё потом вспоминать себя в спальном мешке на двухтысячной глыбе спрессованного льда.

Заброшенная чилийская база

Здание американской базы на Амундсенна Скотта

текст
Марина Ткачева

Летом 2011 года в Бурятии пройдут праздничные мероприятия, посвященные 350-летию ее добровольного вхождения в состав Российского государства. В республике активно обсуждается план празднований, которые пройдут по всей Бурятии.

На повестке дня – приведение в порядок исторических памятников, которые находятся в ненадлежащем состоянии, вызывающем тревогу общественности. Территориальному управлению Росимущества по Бурятии предложено заключить соглашение между Росимуществом и арендаторами объектов федеральной собственности по компенсации арендной платы в счет проведенных реконструкционных работ по улучшению содержания зданий. Глава Кяхтинского района В. Цыремпилов заявил, что, хотя памятники формально не являются собственностью города, нельзя равнодушно смотреть, как они разрушаются.

Глава республики В. Наговицын акцентировал внимание на необходимости установки новых памятных сооружений в честь знаменательной даты. Главам муниципалитетов предложено подумать о возведении мемориальных объектов на подведомственных территориях, а вопрос о месте возведения разумнее всего решать народным голосованием. Празднование должно начинаться от этих объектов. Президент предложил изучить архивы, поднять информацию о событиях, происходивших 350 лет назад и запечатлеть их в исторических табличках или объектах.

Один из новых памятников может появиться на горе Убиенная в Селенгинском районе. По словам руководителя Буряцкого научного центра Б. Базарова, именно в пади Тойон в 1688 году состоялась битва первого союзного войска русских казаков и бурятских отрядов, которые нанесли поражения монгольским воинам. По его словам, отряд из двухсот казаков и большого числа бурят устроил засаду против десяти тысяч монгольских воинов и победил их. Часть проигравших отпустили, чтобы они известили Монголию об объединении русских и бурят. Это был важнейший этап присоединения. Кроме того, по пади Тойон и горе проходила старая граница с монгольским миром, там было перекрестье многих исторических процессов.

В Улан-Удэ уже объявлен конкурс на создание архитектурно-скульптурного комплекса в центре города, который станет символом этой даты. Окончательный вариант монумента будет утвержден после голосования жителей города.

В программе подготовки к юбилею – реставрация, модернизация и реконструкция десятков объектов культуры, строительство образовательных учреждений (школ и детских садов), объектов здравоохранения. В. Наговицын проинформировал, что к этому событию в республике будет «реализовано» несколько сотен объектов. Уже определено более 300 объектов, сказал президент, которые получат финансирование. В их числе – 11 детских садов, 11 школ, стадион на набережной, физкультурно-спортивный комплекс, реконструируемые театры.

Особое внимание уделяется строительству и модернизации дорог, мостов и мостовых переходов; на эти цели республика собирается направить 2 432 миллиарда рублей. Из них половина будет пот-

рачена в 2010 году, а вторая половина – в 2011-м. Запланирована также реконструкция аэропорта в Улан-Удэ. Там же намечено строительство двух новых автовокзалов, чтобы устранить проблему отсутствия оборудованных мест отправления и прибытия регулярных пригородных и межмуниципальных автобусных маршрутов. Уже началось строительство одного из них – с рабочим названием «Южный». Автовокзал будет располагаться в центре города, на улице Корабельной, он должен быть достроен к июлю 2010 года. Заместитель министра по развитию транспорта, энергетики и дорожного хозяйства республики Юрий Кожухов заявил, что в качестве инвестора выступает иркутская управляющая компания «Унга». Решение о строительстве автовокзалов было принято Министерством по развитию транспорта, энергетики и дорожного хозяйства республики совместно с администрацией Улан-Удэ.

Правительство Бурятии предложило предпринимателям республики в честь юбилея разместить изображение эмблемы 350-летия добровольного присоединения Бурятии к России на их продукции.

На благоустройство Улан-Удэ в рамках программы празднования 350-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства будет потрачено 960 миллионов рублей.

29–30 июня 2011 года пройдет международная научно-практическая конференция «Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к Российскому государству». В конференции примут участие более ста иногородних и иностранных участников. Предполагается, что в рамках этой научной конференции будут продолжены дискуссии не только об историческом пути Бурятии в составе России, но и выработаны рекомендации по дальнейшему развитию межнациональных связей и культурного обмена.

Объявлен конкурс по разработке эскиза юбилейной медали, посвященной 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства. К участию в конкурсе допускаются как профессиональные мастера геральдического, медальерного искусства и ювелиры, так и все желающие. Медаль может отображать национальные и культурные обычаи, традиции, природные условия, исторический путь становления, взаимосвязь Бурятии с Российским государством.

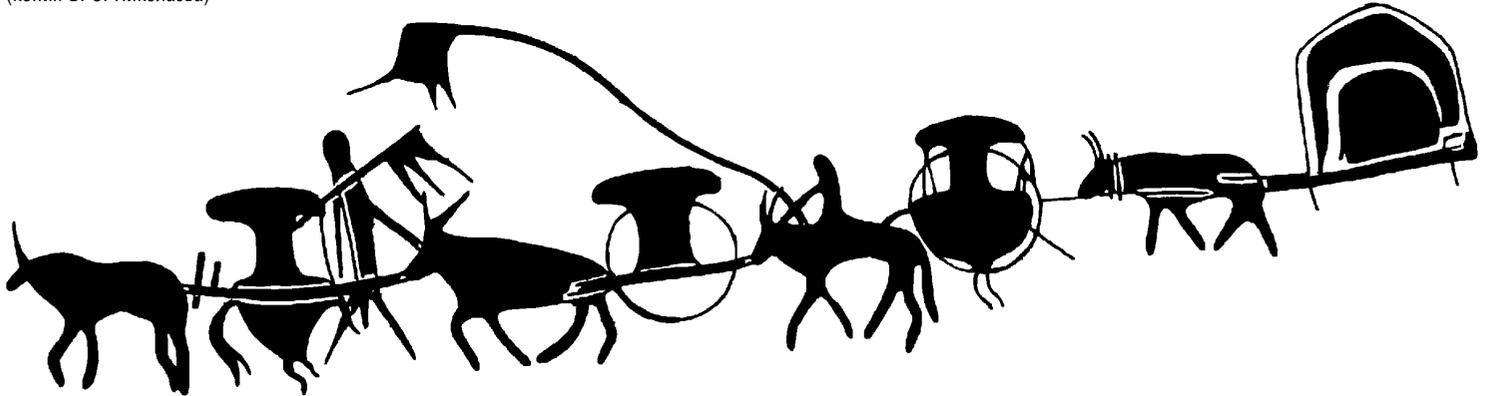
При подготовке публикации использованы материалы официального сервера органов государственной власти Республики Бурятия
<http://egov-buryatia.ru>

Жилище кочевника

Юрта. История и описание

Фрагмент композиции
Шишкинской писаницы
(копия В. С. Николаева)

текст
Лариса Мельникова

История возникновения юрты уходит своими корнями в I тыс. до н. э. В целом форма жилища сформировалась в условиях кочевого хозяйства племен, обитавших в степях Центральной Азии. Возможно, она уже была известна отдельным племенам, входившим в состав первой кочевой империи, созданной воинственными хунну. Сами хунну пользовались кибиткой, то есть крытым средством передвижения, которое одновременно служило им и жилищем. Данная информация содержится в китайских летописях, исследованных русским православным священником Н. Я. Бичуриным (Иакинфом) в первой половине XIX века¹. В них же имеются упоминания о круглой войлочной юрте, входом обращенной на восток, у племен ухань, живших у подножия Уханьских гор; у племен жужань, кочевавших по северной и южной границе Великой песчаной степи; у уйгуров, чьи кочевья располагались между рекой Аргунь и Тарбагатайским хребтом². Однако подробного описания устройства жилища кочевников, относящегося к этому времени, в летописях нет.

Тем не менее похожие на юрту сооружения отмечены среди петроглифов Малой Боярской писаницы, расположенной в бассейне среднего течения Енисея (совр. Хакасия). Наскальные рисунки датированы исследователем периодом II в. до н. э. – I в. н. э.³ Прямые стенки жилища поставлены с незначительным наклоном внутрь. В целом купол напоминает перевернутую воронку, узким коротким устьем направленную в небо. Приведенная информация показывает широкий ареал распространения войлочной юрты у кочевых племен к концу I тыс. до н. э.

Конструкция жилища была настолько удобной, что она осталась без изменений и в I тыс. н. э. На этой же территории ею пользовалась многочисленная этническая общность – турки (VI–X века н. э.), сменившая племена хунну на исторической сцене в процессе развития кочевого мира. Удивительный войлочный шатер, где летом всегда прохладно, а зимой тепло, однажды поразил китайского поэта Бо Цзюй-и, который написал стихотворение под названием «Голубая юрта»:

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив.
В северной прозрачной синеве
Воин юрту ставит на траве,
А теперь, как голубая мгла,
Вместе с ним она на юг пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердеет грудь,
Нет в ней ни застенков, ни углов,
Но внутри уютно и тепло.
Удалившись от степей и гор,
Юрта прибрела ко мне во двор.
Тень ее прекрасна под луной,
А зимой она всегда со мной.
Войлок против инея – стена,
Не страшна и снега пелена,
Там меха атласные лежат,
Прикрывая струн певучих ряд.
Там певец садится в стороне,
Там плясунья пляшет при огне.
В юрту мне милей войти, чем в дом,
Пьяный – сплю на войлоке сухом.
Очага багряные огни
Весело сплетаются в тени,
Угольки таят в себе жару,
Точно орхидеи поутру;
Медленно над сумраком пустым
Тянется ночной священный дым,
Тает тушь замерзшая, и вот
Стих, как водопад весной, течет.
Даже к пологу из орхидей
Не влечет из этих юрт людей.
Тем, кто в шалашах из тростника,
Мягкая зима и то горька.
Юрте позавидует монах
И школяр, запутанный в долгах.
В юрте я приму моих гостей,
Юрту сберегу я для детей.
Князь свои дворцы покрыл резьбой, –

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (часть первая). – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 150; Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный Дом, 2002. С. 266.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (часть первая). М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 142, 184, 190, 214, 215.
3. Дзвлет М. А. Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. С. 9, табл. VII-3.

Круглая печь внутри юрты. Монголия, музейный комплекс «XIII век» (фото Д. А. Козулева)

Крепление дымовой трубы в юрте, поставленной на платформу. Монголия, музейный комплекс «XIII век» (фото Д. А. Козулева)

Юрта на платформе. Монголия, музейный комплекс «XIII век» (фото Д. А. Козулева)

Просторы монгольских степей (фото Ю. П. Лыхина)

4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. : АСТ, 2004. С. 81–82.
5. Там же. С. 82.
6. Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1990. С. 27, 44, 47.
7. Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления суверенного хана. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. 408 с. ; Плано Карпини. История монгалов / Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Книга Марко Поло. М. : Мысль, 1997. 460 с.
8. Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления суверенного хана. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. С. 34.

Буряты. Восьмиугольная бревенчатая юрта (из Историко-этнографического атласа Сибири)

Что они пред юртой голубой!
Я вельможным княжеским родам
Юрту за дворцы их не отдам.

Эти великолепные строки (с немецкого подстрочника) приведены Л. Н. Гумилевым в его известной монографии, посвященной древним тюркам⁴. Ниже автор привел описание тюркской ханской юрты, выполненное одним из придворных византийского императора, побывавшего в составе миссии в степях Центральной Азии: «...шатер с золотым треном, который был так легок, что его могла тащить одна лошадь; другой шатер – «испещренный шелковыми покрывами», третий – где стояли позолоченные столбы и золотые павлины поддерживали ложе хана»⁵. Из чего следует, что ханские покои были представлены несколькими богато украшенными юртами, перемещаемыми по степным просторам при помощи тягловой силы. Следовательно, жердевая конструкция не являлась сборно-разборной. Однажды собранный шатер (юрту) ставили на деревянную платформу (без колес?), у которой имелись две длинные жерди – оглобли, крепящиеся к ярму, надеваемому на шею лошади (быка).

Древнее средство передвижения – платформа без колес – известно в этнографии как волокуша. Его абрис

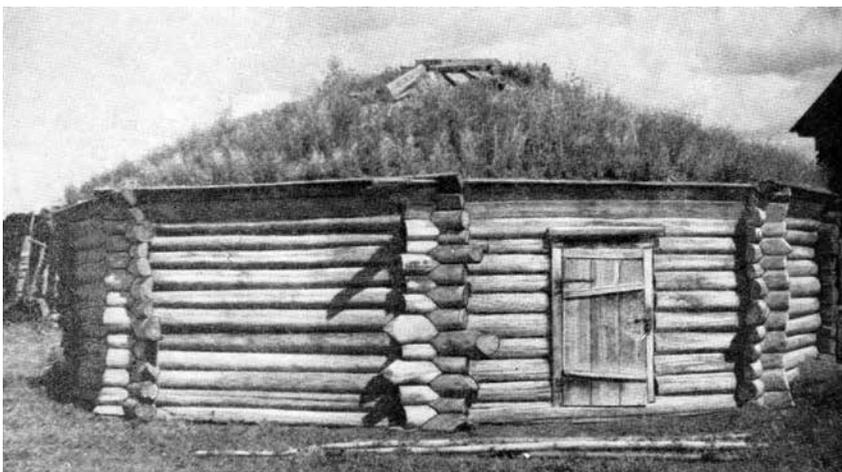
зафиксирован и в средневековых наскальных рисунках. В частности, изображения платформ-волокуш имеются на скалах «Шишкинские писаницы» в долине верхнего течения реки Лена (Иркутская область). В одной из композиций ярмо с волокушей тянет бык (рис. 1). На платформе стоит довольно крупное сооружение с прямыми стенками и конической крышей. Данный рисунок подтверждает факт распространения формы жилища и вариант его перемещения на обширной территории, в том числе и далеко на севере, там, где степь контактировала с тайгой.

Время появления колес у платформы с поставленной на нее юртой не известно. Из уникального литературного памятника монгольского народа «Сокровенное сказание монголов» известно, что в XII веке существовало два варианта войлочных юрт: походная и на колесах – «кочевая коляска»⁶. Однако подробного описания ни одной из них в тексте нет.

О том, насколько разнообразны по величине и внутреннему убранству были жилища монголов, можно составить представления из сочинений китайских авторов Пэн Да-я и Сюй Тина «Краткие сообщения о черных татарах», а также путевых дневников европейских путешественников Джованни дель Плано Карпини, Гильома де Рубрука, Марко Поло. Все они побывали в Центральной Азии в XIII веке⁷. Из текстов следует, что и китайцев и европейцев поразили два факта. Первый – огромные и многочисленные ханские юрты, а также их убранство. Второй – способ перемещения.

Что касается описания походной юрты, то его мы находим только у вышеназванных китайских авторов. Из краткого сообщения следует, что каркас связывался из ивовых прутьев, вверху имелось отверстие – «верхнее окно», через которое проникал свет и выходил дым от костра, входом сооружение ставилось на юг, сверху покрывалось войлоком. Дверь войлочная. Вся конструкция сборно-разборная, при перекочевках перевозилась на вьючных лошадях⁸.

Совершенно другое дело – огромные стационарные юрты правителей, вмещавшие несколько сотен человек, поставленные на колесные платформы. Их круглые

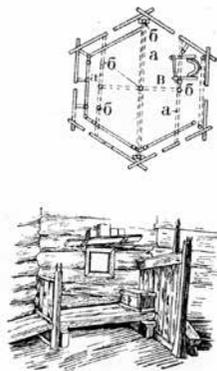
стены также сплетались из ивовых прутьев и закреплялись волосяными веревками. На каркас укладывали войлок и крепили «более чем тысячью веревок». Дверь войлочная. По четырем углам платформы втыкали древки, соединяющиеся «накрест сверху. Этим выражается почтение к Небу. Это называется [знаком моления о] пище». Внутренние стойки, поддерживающие купольное перекрытие, порог и кресло правителя украшались золотом (вероятнее всего, золотой фольгой)⁹.

Пышность внутреннего убранства ханской юрты отмечена и Марко Поло в его «Книге». Снаружи юрта покрыта «очень красивыми львиными кожами, полосатыми, черными, белыми и красными». Стойки, поддерживающие купол, сделаны из благовонного дерева. Внутри стены «обиты горностаем и соболем... Вережки в покоях и в залах шелковые, дорогие»¹⁰. А в юрте хана Гююка, в котором на приеме побывал Плано Карпини, стойки были покрыты золотыми листами, «прибитых к дереву золотыми гвоздиками». Резной деревянный ханский трон, украшенный слоновой костью, золотом, перламутром и дорогими камнями, стоял на помосте против входа. Сторона помоста, обращенная к стенке юрты, имела округлую форму, обращенная внутрь помещения, была прямой, ступенчатой¹¹. Таким образом, помост имел форму сегмента.

Европейские путешественники отметили расположение ближайшего ханского окружения внутри юрты. На приемах рядом с ханом на высоком помосте восседала одна из главных жен. Остальные жены располагались в порядке, соответствующем их положению¹². Родственники «братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже, посредине на скамейке, прочие же люди – сзади их, на земле, причем мужчины сидят направо, женщины – налево»¹³. Существовало незыблемое правило (с которым знакомили заранее) для всех, кто посещал ханскую юрту, каким образом следовало в нее войти. У входа стояли специальные люди, отслеживающие его выполнение. Посетители вначале «должны были трижды преклонить левое колено», а затем, «не задевая порога, его переступить»¹⁴. Смертная казнь ждала того, кто сознательно наступал на порог, то есть попирает его, выказывая тем самым неуважительное отношение к хану и его окружению.

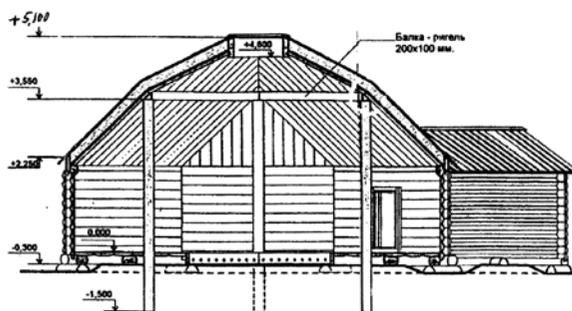
Рядом с ханской юртой стояли многочисленные юрты его жен и наложниц. Описание их расположения и внешнего вида сделал Гильом де Рубрук. Он отметил, что и эти сооружения также были великолепно украшены. Верхним покрытием служил белый или черный войлок. Купол и двери украшали яркой цветной тканевой аппликацией в виде «виноградной лозы, деревьев, птиц и зверей». У каждой жены (наложницы) имелась своя юрта. Посетив становище хана Бату Рубрук записал: «...у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок... с сундуками», которые ставятся между юртами так, «что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между стенами»¹⁵.

Колесные платформы по краю имели деревянные ограждения (рис. 2). Все юрты (большие и маленькие), поставленные на колесные платформы, были без окон. Свет проникал через дымник. Отапливались войлочные жилища при помощи невысоких железных круглых печек, жестко крепившихся к полу в его центре. Под печкой на деревянном настиле пола помещали толстый железный лист. Рядом ставили емкость с основным топливом – «травяным углем» – кизяком (рис. 3). В целях пожарной безопасности дымовая

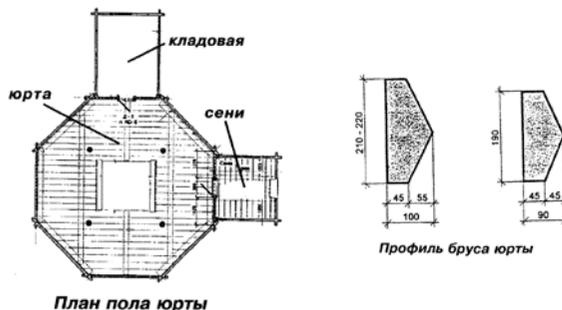

Срубные круглые жилища бурят и якутов. План якутского срубного жилища, сиденья по его периметру (из Историко-этнографического атласа Сибири)

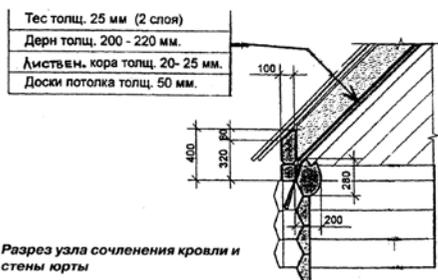
План и разрезы юрты из улуса Баянгазуй Эхирит-Булагатского района (из статьи В. В. Тихонова)

Разрез юрты

План пола юрты

Разрез узла сочленения кровли и стены юрты

9. Там же. С. 33–34.
10. Плано Карпини. История монголов / Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 262.
11. Там же. С. 78–79.
12. Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления суверенного хана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. С. 33.
13. Плано Карпини. История монголов / Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 73.
14. Там же. С. 71.
15. Там же. С. 92.

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Юрта из улуса Баянгазуй (фото А. К. Чертилова)

16. Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения улуса Джучи до начала правления суверенного хана. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. с. 33–34.

17. Плано Карпини. История монгалов / Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Книга Марко Поло. – М. : Мысль, 1997. С. 34.

труба фиксировалась железными цепями, прикрепленными к нижнему ободу дымника.

Такого рода необыкновенный составной дворец с большим количеством покоев, располагавшихся на одном горизонтальном уровне, благодаря рядной установке колесных платформ, послужил появлению названий, сохранившихся до настоящего времени, как «большая орда», а наличие золота в ханской юрте и собственно ханская юрта – «золотая орда»¹⁶. Еще один широко известный термин «ставка», применительно к юрте, относящийся к этому же времени: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделаны из прутьев и тонких палок»¹⁷. Позднее термин стал определять не только юрту, но и поселок, превратившись, таким образом, в синоним термина «орда».

Во время перекочевки в юртах оставались старики, дети, женщины, больные люди. Вероятно, сама перекочевка представляла собой грандиозное зрелище. Огромное количество платформ, не сталкиваясь между собой, под ржание лошадей, мычание быков, свист хлыстов и гортанные крики возниц, в определенном порядке перемещалось на новое место. Платформы с небольшими юртами мог тянуть один бык (лошадь, верблюд). Большие платформы, на которых стояли огромные юрты «тридцать футов в ширину», выдаваясь за их края «по крайней мере, на пять футов с того и другого бока», тянуло 22 быка, расположенных в две параллельных линии (в каждой по 11 животных). Ширина следа колес такой платформы составляла 20 футов. Толщина одной оси «с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков». Это

Остов разборной юрты (фото Ю. П. Лыжина)

Крепление концов жердей купола при помощи мягкой петли к верхнему краю решетки (фото А. К. Чертилова)

Крепление войлока на вертикальных стенках юрты (фото Ю. П. Лыхина)

описание сделано Гильомом де Рубруком¹⁸. Процессия выстраивалась колонной, где в одном ряду находилось пять платформ¹⁹. Рубрука поразил тот факт, что колесными платформами управляли женщины: «Самая слабая из женщин может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-либо плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык»²⁰.

Когда половина колонны достигала воды, она начинала перестраиваться. Данный момент перекочевки назывался «установкой лагеря». По сообщению Рубрука первыми ставились ханские юрты (входом на юг). За ними располагались юрты жен и наложниц, причем юрта старшей жены должна была находиться на западе, а самой младшей – на востоке. Между ними устанавливались юрты других жен по их статусу. При этом «расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня». В последнюю очередь устанавливались юрты приближенных и охраны²¹.

Описанный порядок установки юрт есть ни что иное как размещение людей в Модели Мира, где золотая орда хана являла собой Центр (Солнце). Линия расположения жилищ его жен тождественна направлению движения Солнца с востока (молодое) на запад (стареющее). Установка юрт входом на юг говорила об их внутреннем делении на две половины по линии север – юг, где восточную половину занимала женщина (Начало), а западную – мужчина (Конец). Все остальные (приближенные и охрана) вращались вокруг Солнца и находились в подчиненном к нему положении.

Понятно, что столь громоздкая конструкция (юрта на колесной платформе) могла возникнуть и существовать только там, где она беспрепятственно перемещалась в открытом пространстве степи (рис. 5).

В конце II тыс. н. э. (на рубеже XIX–XX веков) этнография уже не отмечает вышеописанного сооружения. В монгольских степях юрта сохранилась в сборно-раз-

борном варианте. Вместо войлочной двери в решетчатую основу прямых стен с использованием ременного крепления устанавливали цельный блок, в котором полотнище двери поворачивалось при помощи шипов. Все части его конструкции выполнялись из дерева.

С появлением монгольских племен на юге Восточной Сибири юрта (ее походный вариант) появляется в степях Забайкалья, а также в Предбайкалье. Однако на рубеже XIX–XX веков войлочное жилище широко используется только восточными бурятами. У западных бурят жердевая конструкция не прижилась, ее заменила стационарная бревенчатая (рис. 6, 7.1). Однако использование нового материала – цельных древесных стволов – не изменило традиционной конструкции. Жилище оставалось круглым (шести-, восьмиугольным), без окон, с прямыми стенами и куполообразной крышей, с отверстием для выхода дыма. Замена материала западными бурятами, по мнению А. А. Попова, произошла в результате отсутствия у них большого количества овец, обусловленного незначительными пространствами степей по сравнению с Забайкальем. Соответственно, содержание небольшого овечьего стада повлияло на объем получаемого войлока²².

Одно из описаний бревенчатой юрты, относящееся ко второй половине XIX столетия: «Юрты бывают... восьми- и шестиугольные (преимущественно). Строятся они из бревен или брусьев с треугольным сечением, толщиной в 3–4 вершка, длиною 4–6 аршин. Стена кладется из 12–16 рядов, вышиной 3–4 аршина. В юрте устраивается дощатый пол, прерывающийся в центре земляной квадратной площадкой 3,5–4 арш. в стороне. По углам этой площадки поставлены столбы, связанные сверху – на высоте 4–5 арш. над землей – брусьями. На этих брусьях и стенах юрты покоится потолок из 2–2,5 вершковых плах. Плахи верхними концами лишь немного заходят за брусья, оставляя квадратное отверстие для прохода дыма. Сверху потолка, на стенах юрты, устроены борта, удерживающие землю, насыпанную на потолок слоем в 4–6 вершков. По большей части земля эта прикрывается тесовой или дерновой крышей... иногда же крыша заменяется просто дерном»²³.

18. Там же. С. 92.

19. Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления суверенного хана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. С. 33.

20. Там же. С. 93.

21. Там же. С. 92–93.

22. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический Атлас Сибири. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 159.

23. Там же. С. 152.

Оформление дверного блока с наружной стороны (фото Ю. П. Лыхина)

Примером юрты, сложенной из тесаного бруса (рис. 8, 9) может служить шестигранная юрта, вывезенная в 1990 году из улуса Баянгазуй (Эхирит-Булагатский район Иркутской области) на территорию архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (под Иркутском). С восточной стороны к ней примыкала кладовая, с южной – сени. Технические характеристики сооружения: «Баянгазуйская юрта построена полностью из лиственницы. Ее диаметр составляет 9 м. Стены... сложены из бревен и опираются на лиственничные стулья. Бревна в сечении пятигранные, высотой 22 см и шириной 10 см... Площадь юрты 60 кв. м. Площадь кладовки 12,5 м, сеней – 10,5 кв. м. Стены сеней и кладовки выполнены также из пятигранных бревен. Полы юрты и сеней выстланы плахами толщиной 10 см. Пол кладовки земляной. В центре юрты на месте очага (2 Ч 2 м) пол земляной. По углам четырехугольного очага располагаются четыре столба (3,6 м), поддерживающие кровлю. Кровля многослойная. Нижний слой – потолок из струганных лиственничных плах толщиной 5 см и шириной 25–30 см. По плахам устилается лиственничная кора, придавливаемая дерном. Над дерном устроена двухслойная кровля из галтельной доски. ...В центре кровли над очагом на высоте 4,6 м от пола есть отверстие (1Ч1 м) для выхода дыма...»²⁴

Рожденная в степях Центральной Азии, юрта переместилась далеко на север, в долину среднего течения Лены (совр. Якутия). Принесли ее с собой тюркские племена, выходцы с юга Сибири, ближе к XVI–XVII векам. Так же как и у западных бурят, войлочная конструкция была заменена бревенчатой (срубной). Форма жилища осталась прежней – круглой (рис. 7.3). Изменилась опорная конструкция, поддерживающая куполообразный потолок (рис. 7.2). Описание якутского бревенчатого многоугольного жилища, выполненное во второй половине XX века: «Сруб имеет в высоту 2 м, сложен из 15 венцов, соединенных... в лапу. Ширина каждой стены 3,70 м. Внутри сруба стоят 7 столбов, подпирающих три матицы, идущие параллельно стене, в которой расположена дверь. На трех средних столбах

лежит плаха, которая соединяет собой все три матицы. Под концами главной матицы, состоящей из двух бревен, положены бруски, делающие крышу слегка выпуклой посредине. Крыша состоит из жердей, сверху засыпанных землей. Дверь выходит на восток... В пяти стенах семь окон размером 30 Ч 30 см»²⁵.

В условиях низких температур севера в круглом жилище изменилась также система отопления. Вместо открытого костра, занимавшего центральное место, стало использоваться специальное сооружение, называемое камелёк. Он располагался на женской половине справа от входа, ближе к спальному супружескому месту (рис. 7.2). Камелёк представлял собой одну прямую трубу, выполненную из толстого полого дерева. Если такового не было, то его сооружали из жердей, сложенных трубой. Чтобы жерди не сдвигались, их связывали. Дополнительно внутри и снаружи обмазывали глиной. Общая форма камелёка напоминала ствол дерева, расширенного в комлевой части, верхняя зауженная часть которого выходила за пределы крыши. Камелёк ставился на глиняный подиум квадратной или прямоугольной формы. Одна его сторона в нижней части оформлялась в виде арки, внутри которой горизонтально подиуму помещали шесток, на нем навешивались крючья для удержания над огнем чайника и котлов. Огонь разводился на свободной части глиняного подиума. Камелёк являлся не только местом приготовления пищи, он давал тепло и освещал жилище, ибо ставился под небольшим углом относительно стен жилища (наклон в противоположную сторону от зева). Вдоль стен, по периметру всего помещения, располагались лавки (рис. 7.4) в местах соединения углов разделенные короткими перегородками. Днем лавки служили для сиденья, в ночное время являлись спальными местами. Под лавками находились ящики, куда хозяева помещали необходимые в хозяйстве предметы и одежду. Собственно лавки являлись крышками ящиков²⁶.

Мы рассмотрели юрту на рубеже XIX–XX веков у народов Восточной Сибири. Такие же круглые жилища (каркасные/срубные) в указанный период были распространены и на территории, граничившей с Великой степью (ныне юг Восточной и Западной Сибири, Забайкалье и Дальний Восток): у тувинцев, алтай-кижи, качинцев, бельтиров, кызыльцев, забайкальских эвенков, ульчей.

Прошло более двух тысяч лет, как возникла и продолжает существовать уникальная конструкция. Проверка временем и климатическими условиями (тайгой и низкотемпературным поясом) внесли только некоторые коррективы. Основа строения – круглая форма с прямыми стенами и куполообразной крышей с дымовым отверстием – осталась прежней. В наступающее время (начало III тыс. н. э.), в Монголии и Гоби используется это скромное, но очень удобное жилище. Его каркас не изменился (рис. 10, 11). Он все также покрыт белым войлоком, пропитанным жиром для приобретения водоупорных свойств, поверх которого натягивают белый хлопчатобумажный чехол (рис. 12). До сих пор жива традиция украшать двери. Только вместо деревьев, птиц и животных на них наносят орнамент, символизирующий все ту же Модель Мира (рис. 13). Четыре угла двери обозначают стороны света. Сложный треугольник в ее углах говорит о трехчастной вертикальной структуре мира. Замысловатый узел, помещенный в центральную часть поверхности двери, является символом единства всех вещей и переменчивого характера времени в бесконечно перерождающемся Мире. Имея еще одно широко распространенное семантическое значение, известное как «узел счастья», он призывает в жилище монгола счастье и благополучие. Данная информация всегда передавалась из поколения в поколение (рис. 14).

Автор благодарит коллег Д. А. Козулева, Ю. П. Лыхина и архитектора А. К. Чертилова за любезно предоставленные фотографии, сделанные ими на территории Монголии, Гоби и Забайкальского края в начале XXI века

Бурятский народ: внутриродовые отношения, обычаи, предания, обряды

Вместе с вами, уважаемые читатели, продвигаясь вперед шаг за шагом, мы воссоздадим образ жизни трудолюбивого и мужественного народа на протяжении двух последних веков. А помогут нам это сделать ныне совершенно забытые брошюры, изданные в 1918–1928 годах в Иркутске тиражом не более ста экземпляров каждая. Отпечатанные на серой послереволюционной бумаге, имеющие большие типографские изъяны, эти простенькие брошюры тем не менее в полной мере передают дух ушедшей эпохи. Да и как иначе: ведь авторами работ были известные в начале XX века, имеющие непререкаемый авторитет в университетской среде сибирские ученые Б. Э. Петри, П. Ф. Требуховский, П. П. Хороших, В. Н. Флоренсов, А. А. Балдунников.

Наш первый рассказ – о членах рода, их взаимных отношениях и запретах.

Главой в каждом роду является самый старший по возрасту – иехэ-эсыгэ, глава в каждом семействе – отец (вабэ). Второй подчиняется и слушается первого точно так же, как его дети слушаются его самого. У старшего в роду нет абсолютной власти, но есть непререкаемый авторитет, который, главным образом, обусловлен его положением, унаследованным им от отца, и установившемся с давних пор уважением к его юрте. Старший в роду наследует свое старшинство по прямой мужской линии, а в случае прекращения его ветки на «пост заступает» тот, который по родословному дереву стоит следующим по старшинству линии.

Старшего в роду почитают всюду. Если он в гостях, то его особенно усердно угощают, так как в его лице угощают главу всего рода. Если в улусе свадьба или другое празднество, то всем присутствующим старшим других родов дают «держат голову». В ожидании почетного гостя хозяева колют барана, сваренное мясо которого складывают в корыто, а поверх кладут баранью голову. Ее почетный гость должен поднять вверх и, держа выше своей головы, произнести благопожелание гостеприимному дому. Лишь после этого обряда приступают к еде, послав первую порцию огню.

Если старший в роду является на празднество (тайлага) другого рода, то все спешат поднести ему кусочек из своей порции жертвенного мяса и дать выпить тарасуна из своей чашки. У себя на тайлага старший рода во время молитвы стоит справа, и его березовая веточка (тургэ) ставится тоже справа относительно других тургэ. Березовую веточку ставят на тайлага от каждого семейства перед посудой и позади молящихся мужчин; веточки ставятся справа налево в порядке старшинства рода и символизируют юрту хозяина.

Старший в своем роду пользуется большим уважением и почетом. Внутри рода у него судебно-мировая власть: он разбирает ссорящихся, устраняет недоразумения между супругами, отцом и детьми и увещевает дурных членов рода вести хорошую жизнь. Вместе со стариками производит разделы и выделы сыновей. Часть домашних религиозных отправлений у сородичей, например поминание предков, лежит на нем. Он же является для членов своего рода главным советником во всех торговых и хозяйственных делах. Такого рода власть и авторитет он поддерживает помимо своего происхождения еще и тем, что действительно ее заслуживает. С одной стороны его власть и сан заставляют его держаться соответственно со своим положением, с другой – большое значение имеет воспитание. Присутствие многих людей в юрте, большая состоятельность, которой всегда обладают старшие в роду, занятие торговлей, влияние умного отца – все имеет

глубокое воспитательное значение для сына. Когда он вырастает и получает сан старшего в роду, то обычно оказывается на высоте своего положения.

Кроме внутриродовых обязанностей, у старших в роду есть обязанности межродовые. Так, если шаман объявляет, что жертва, которую приносили общему божеству нескольких родов, не принята, то старшие в роду всех родов, приносивших жертву, собираются на совещание и обсуждают вопрос о новом жертвоприно-

текст
Людмила Елизарова

фото
Жанна Измайлова

шении. В старину они советовались о проведении больших общественных охот (зэгтэ-аба), в которых участвовали несколько родов. Они же являлись примирителями при возникновении споров между родами, улаживая конфликты путем уступок. Изредка бывает съезд старших в роду для совещания о совместном тайлага нескольких родов. Так, приблизительно в 1910 году было совещание старейшин ашехобатских родов, ведущим свое происхождение от общего предка Ашехобата, которому жительство в горе того же имени на реке Верхней Куде и являющемуся одним из главных покровителей ашехобатских родов. На этом съезде старшим и наиболее почетным лицом явился старший в роду старшего рода, считая по детям Ашехобата, их родоначальника.

Каждый род делится на группы, в зависимости от количества детей родоначальника, или одного из его ближайших потомков, если родоначальник имел лишь одного сына. Эти группы внутри рода связаны между собой более тесными узами родства. Каждая группа делится в свою очередь на семейства.

В каждом семействе глава – отец. Насколько власть старшего в роде ограниченная, настолько же власть отца в семье неограниченно-патриархальная. Но такая власть не опасна, так как она регулируется авторитетом старшего в роду и мнением общества и смягчается врожденной добротой и благодушием бурят. Хотя отец неограниченно распоряжается своими детьми, но не было случаев, чтобы он их бил до смерти или калечил. Поэтому бурятский кодекс не предусматривает таких случаев. Добродушные буряты удивлялись, когда их спрашивали о том, что сделают с отцом, если он станет истязать детей, и недоумевали, зачем он так будет поступать, если самому от этого будет только вред. Дочерьми отец распоряжается до их выхода замуж, когда власть над ними переходит к мужу, а над сыновьями – до их полного совершеннолетия. Совершеннолетие для мужчин наступает в 18 лет, но власть отца продолжается до 35–40 лет, то есть до полного совершеннолетия, пока сын не сделается «полным

хозяйном» (дурэн-эжин), тогда голос отца делается лишь совещательным. Впрочем, и раньше сын может освободиться от власти отца, если последний состарился или выжил из ума.

Тогда можно лишь делать вид, что слушаешься отца, на самом же деле поступать по-своему, но перечить ему или не выслушивать его – невозможно. «Выслушать надо, – говорят буряты, – ну а сделаешь уже, как сам рассудишь». Даже в случае, если отец разоряет хозяйство, сыновья никому не могут жаловаться или просить о назначении опеки или о лишении отца власти. Первое не существует у бурят, а второе совершенно невозможно. Просить о разделе или выделе нельзя, так как это добрая воля отца. Даже если отец растратил собственные сыновние деньги, то, кроме старшего в роду, некому пожаловаться. Последний увещевает отца образумиться. Его авторитет настолько велик, что обычно увещевания действуют на отца.

В хорошей бурятской семье господствует любовь и взаимное уважение прав и прерогатив каждого члена, начиная со старших и кончая правами младших, даже самых маленьких детей. Эта атмосфера спокойствия, взаимного уважения и любви к детям создает особое настроение, когдаходишь в бурятскую юрту. Все строго разграничено, все обязанности разделены, и каждый делает свое дело, не вмешиваясь в чужое. Не слышно в улусе ни брани, ни крика; проходя по улусу,

не наткнешься на безобразные сцены порки; рукой детей никогда не бьют, считая это вредным для здоровья; если нужно наказать их, то срывают крапиву и ею грозят высечь ребенка, но угрозу очень редко приводят в исполнение. С малышами обращаются очень бережно и нежно. Если кто-либо из взрослых очень шумит, и это пугает ребенка, то достаточно матери заявить об этом, чтобы взрослые прекратили шум. Маленькие дети представляют предмет неустанных забот своих родителей и находятся в особом состоянии бережения (никтырха), так как смертность среди бурятских детей в их самом нежном возрасте большая. Часто легкий гастрит, который просто было бы приостановить примитивным домашним средством, ведет к хроническому расстройству кишечной системы маленького. Причиной этого является также то обстоятельство, что в начале XX века пища бурят сильно изменилась, и, вместо прежней, исключительно мясной и молочной, в число их съестных продуктов введен в значительном количестве дурно выпеченный ржаной хлеб. Часто можно видеть, как бурятка сует в рот ребенку кусочек жеваного мякиша. Конечно, организм маленького ребенка, происходящего от народа, непривыкшего вообще к хлебу, трудно переносит подобное кормление.

С бурятской точки зрения такая большая смертность детей объясняется большим количеством злых духов, которые чрезвычайно алчны и вымещают свою злобу главным образом на маленьких детях. Такими духами, среди прочих, являются дахабари, избравшие себе специальностью душить маленьких детей. Если ребенок долго плачет, мучается, значит, его душит дахабари.

Кроме них существует немалое количество самых разнообразных духов, нападающих на детей с различными целями: одни просто из-за дурного характера, другие вымогают этим жертвы со стороны родителей, иные мстят за нанесенные им родителями оскорбления или обиды. От всех этих духов и приходится бурятам принимать меры предосторожности, оберегая детей, начиная со дня рождения и кончая пятью-шестью годами. Как только родится ребенок, тотчас же перед юртой протягивают шнур (зэг) из конского волоса (из хвоста и гривы), к которому привязаны ленточки и деревянные кубышечки; иногда привешиваются колокольчики. Плетут зэг старые женщины. Звон колокольчиков отпугивает злых духов.

Вообще же злые духи не могут перейти линию зэга. Он висит перед юртой обычно целый год – период самый опасный для новорожденного, когда ребенок наиболее подвержен влиянию злых духов. Когда зэг протянут, то все знают, что в доме новорожденный, и в этот дом входят лишь те люди, которым разрешается. Разрешается заходить каждому мужчине, сородичу отца ребенка. Чужеродец входить не должен. Для последнего делается исключение только в случае, если у него тоже есть зэг. Под него входить не должен мухэун, то есть дурной человек, придурковатый, косой, физический урод. То есть такой, которому сопутствуют разные духи: он может завести их с собой.

Шаман всегда может зайти в юрту с зэгом. Из чужеродцев может зайти еще нахса – дядя по матери, но его жена – нахса-изи – входить не должна. Женщины вообще не должны входить, потому что их преследует всегда большое количество злых духов. Под зэгом проходить могут лишь жены братьев отца, его мать и жены ближайших сородичей. Женщины более дальних сородичей, то есть с другого конца улуса, не могут заходить в юрту, перед которой протянут зэг. Этот запрет относится только к женщинам и девушкам. Исключение делается для женщин (своего рода), присутствовавших

при родах или постоянно бывающих в юрте у матери ребенка. Для них и для тех, которым разрешен вход под зэгом, благодаря их близкому родству, не делается никаких различий. Если же кто из ближайших родственниц, хотя бы даже сестра отца ребенка, будет выдана замуж (бурятский род эзогамен), то эти женщины, как принадлежащие к чужому роду, не могут проходить под зэгом. Сестры матери ребенка тоже не могут проходить. Из чужеродных женщин под зэгом проходить может лишь мать матери ребенка. Но и то она, приехав в род, должна зайти сначала в юрту одного из ближайших родственников отца ребенка, посидеть там, попить чаю, отдохнуть с пути, словом, провести часа три-четыре, и лишь тогда она имеет право пройти.

Единственное исключение делается для русских и евреев, как для мужчин, так и для женщин. Это явление, казалось бы, противоречащее всему предыдущему, буряты объясняют очень просто. Русские, по их мнению, «не могут принести с собою несчастья, так как боги у них другие». Иными словами, за русским или русский не может увязаться какой-нибудь дух, вредящий бурятским детям. Зато тунгус (хамнаган) ни в коем случае не может быть пропущен под зэгом: «Вера одна – шаманская», – бьются буряты. Кроме того, из юрты, перед которой протянут зэг, нельзя вызывать отца или мать ребенка, если вызывающий сидит на телеге или верхом на коне: могут услышать духи, прибежавшие за приездом и проскочить под зэгом. К сказанному надо прибавить, что есть семьи, где не так строго придерживаются запретов относительно зэга. В таких семьях под ним пропускаются чужеродцы-мужчины, заведомо известные как хорошие и дружелюбно настроенные к данному семейству люди.

В запрещении проходить под зэгом буряты не видят обиды. Каждый из них знает, кому можно, кому нельзя пройти. Вообще же, если протянут зэг, то многие, даже имеющие на то право, избегают заходить из опасения, что в случае несчастья их могут считать виновниками. Другой мерой предосторожности является давание дурных имен детям. Имена ребенку дают старики и старухи, отец и мать участия не принимают; выбирают имя счаст-

ливое, для чего существуют особые приметы. Если в данной юрте дети не выживают и умирают один за другим, то родившемуся ребенку дают какое-нибудь имя, которое имеет дурное значение, полагая, что духи, конечно, не возьмут такого ребенка, который так плох, что не заслуживает даже хорошего имени. Нередко можно встретить людей, именуемых нохой (собака), мунохой (плохая собака), хара-нохой (черная собака), мухэ (дурной, грязный, паршивый). Иногда дают имена животных, полагая, что злой дух будет этим введен в заблуждение.

Часто ребенку дают два имени: одно настоящее, хорошее, тщательно скрываемое, другое плохое, которым и называют ребенка до того периода, когда опасность от злых духов уменьшится. Наконец, бывают слу-

чай, что дают детям имена, неизвестные в улусе, чтобы злые духи не знали происхождения ребенка.

Кроме этих домашних мероприятий существует еще обращение к шаману. Он приглашается к ребенку и берет его под свое покровительство, в знак чего дает ему онгон-хранитель (хяхюган). После этого шаман становится духовным отцом ребенка. За это шаман получает ежегодно барана, или теленка, или коня, сообразно состоянию родителей ребенка. Иххюган – это обычный бич из дерева (хухе), увешанный многочисленными тряпочками и ленточками и снабженный колокольцами. Хяхюган вешается где-нибудь в юрте и служит для устрашения духов и для оповещения их, что ребенок состоит под покровительством шамана, и при покушении на ребенка духу придется иметь дело с шаманом.

Эту ласковую нежность, любовь и заботливость к детям следует объяснить не только родительскими инстинктами и общим добродушием бурят, но и стремлением иметь больше детей и большое потомство. Буряты постоянно молятся, чтобы боги даровали им детей. Лучшее пожелание, которое можно сказать буряту, – иметь много внуков и богатства. Конечно, здесь играют некоторую роль и материальные соображения: за девочку отец получит калым, а мальчики будут его кормить на старости лет.

Хотя радость в семье по случаю рождения ребенка всегда большая, но мальчикам гораздо более рады и их больше любят в семье, чем девочкам. Причину этого явления нужно искать и в заботах о своей загробной жизни: мальчики, как продолжатели рода, будут поминать впоследствии и приносить жертвы. «Дети нужны для потомства, чтобы род продолжался; род – гордость – дороже всего», – говорили старики буряты.

Человеку, у которого есть дети, оказывают больше почтения. Его называют уже не его собственным именем, а по имени ребенка. Дети платят родителям большим уважением, послушанием и любовью. Впрочем, внешние проявления их взаимных чувств, при общей сдержанности буряты, совершенно отсутствуют, и с первого взгляда отношения между родителями и детьми могут показаться даже холодными. Любопытную чер-

тою является то уважение и индивидуальным склонностям детей и, если можно так выразиться, уважение к их личности, которым проникнуты родители по отношению к своим детям. Да и дети того заслуживают. В них нет шkodливости и желания сделать какую-нибудь вредную шалость, что так характерно для их европейских сверстников. Они рассудительны, очень положительны и необычайно любознательны. Учителя инородческих школ не могут нахвалиться своими учениками и ученицами, их любовью к учению и добросовестному отношению к делу. Их детские игры, которые в большинстве случаев есть не что иное, как подражание разным работам или религиозным отправлениям старших, не назойливо шумны и надоедливы, но ведутся обычно где-нибудь на выгоне около улуса. Малые ребяташки помогают матерям выгонять скот и немножко в домаш-

нем хозяйстве. Старшие дети помогают отцу в его полевых работах и уже к 11–12 годам делаются прекрасными работниками: уходят с отцом на заимки дня на два, на три и с увлечением там работают.

Они беспрекословно подчиняются авторитету отца, но в то же время проявляют много личной инициативы. Сознание своей осведомленности и полезности, и уважение, которое оказывают им старшие, делают этих подростков очень уверенными в себе и несколько не по годам серьезными и положительными. Старшие дети (16–18 лет) уже считаются совершенно большими и пользуются полным равноправием. Девушки и девочки проводят до выхода замуж все свое время, не отходя далеко от юрты, помогая сообразно с возрастом по мере сил матери в уходе за детьми, скотом и в домашнем хозяйстве.

Мы живем вокруг Байкала

Вокруг Байкала издавна жили разные народы: буряты, якуты, эвенки, русские, тофалары. Предки бурят и эвенков жили в районе священного озера с глубокой древности. Позднее сюда пришли русские казаки, затем татары, переселенцы из Белоруссии, Украины, ссыльные поляки. Поэтому так важно познакомить детей с национальными культурами народов, населяющих Прибайкалье, воспитывать в ребятах дружеские чувства, эмоционально-положительное отношение к соседним народам. Именно эту цель и преследовала Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева, приступив к изданию серии мини-книжек «Мы живем вокруг Байкала», посвященной различным сторонам культуры и быта народов Прибайкалья.

Первый выпуск серии посвящен одному из самых многочисленных коренных народов Сибири – бурятам. Книга «Буряты: культура, традиции, обычаи» рассказывает о необычайно интересной культуре этого степного народа, о его семейном и общественном быте, который строился на основе вековых традиций, обычаев и обрядов. Из книжки ребята смогут узнать о том, что означает обычай «сагаалха», чем угощают буряты своих гостей, о почитании семейного очага, о традиционном жилище бурят – юрте, национальной одежде, праздниках и многом другом.

Эту книгу очень тепло приняли читатели – и дети, привлеченные картинками, и взрослые, которые оценили как содержание, так и качественное полиграфическое исполнение.

Второй выпуск посвящен малочисленному коренному народу Сибири – эвенкам. Книга «Эвенки: культура, традиции, обычаи» знакомит ребят с обычаями и традициями этого кочевого народа, с его верованиями, семейным бытом, фольклором, праздниками, самыми популярными блюдами национальной кухни и даже с некоторыми эвенкийскими словами.

Нам кажется очень своевременным появление этой книжки, ведь если спросить ребят, что им известно об эвенках, то, скорее всего, вопрос поставит их в тупик, а ведь история этого народа – часть истории Сибири. Сейчас же – при нехватке популярной литературы – дети могут узнать об эвенках, пожалуй, только в Интернете и краеведческом музее, но не у всех есть такая возможность. Поэтому-то так важно было создать яркую, увлекательную книжку о культуре и традициях этого народа. Составитель Елена Шульгина, учитывая особенности детского восприятия, подобрала интересный познава-

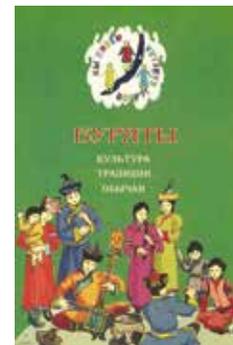
тельный материал о разных сторонах жизни эвенков. Из книги, например, можно узнать о том, что, согласно переписи 2002 года, в России живет около 35 тысяч эвенков, из них в Иркутской области – примерно 1 400 человек. Несмотря на малочисленность и ассимиляцию в русскую культурную среду, этому народу удалось сохранить свою самобытность. Из главы о фольклоре эвенков ребята узнают, что многие старинные обычаи и традиции соблюдаются ими и по сей день. Так, эвенки неукоснительно следуют заветам предшествующих поколений – брать от природы ровно столько, сколько необходимо для жизни, делиться добытым на охоте со старыми и одинокими людьми, отмечать приезд гостей как праздник. Из поколения в поколение передается и благоговейное отношение к огню, почитание добрых духов, уважительное отношение к старикам, женщинам и детям. Все эти традиции нашли отражение в коротких наставлениях – сгустках народной мудрости: «Нельзя рубить дрова около огня, чтобы его не ударить», «Не ругай женщину-мать, а то ее ребенок вырастет плохим человеком», «Помоги старому человеку. Радость старого человека осчастливит других людей».

Появление этих двух книжек можно назвать настоящим событием, ведь книг для детей, рассказывающих о культуре других народов, при этом изданных на достойном полиграфическом уровне, не так уж много. Книжки легко и с интересом читаются, а рассматривать иллюстрации просто доставляет удовольствие, настолько они яркие, выразительные, полные жизни.

Книги серии «Мы живем вокруг Байкала» оформлял известный иркутский художник Сергей Григорьев. Говоря о своей работе, он отметил, что всегда с большим интересом относился к этнографии. Прикосновение к этой теме каждый раз дает замечательную возможность получить новые знания, и это, по словам художника, доставляет ему настоящее удовольствие. Невозможно отобразить в картинках жизнь народа, не зная особенностей его мировосприятия, его философии, считает художник. Поэтому, создавая иллюстрации, он старался понять менталитет каждого народа. Наверное, именно поэтому персонажи, изображенные художником, будь то старый эвенк с трубкой или шаман, ударяющий в бубен, – законченные образы, каждый со своей индивидуальностью.

Следующая книга серии «Мы живем вокруг Байкала» будет посвящена культуре и быту тофаларов – исчезающего коренного народа Сибири.

текст
Инесса Бражникова

Буряты: культура, традиции, обычаи / сост. Е. Шульгина; худож. Сергей Григорьев. – Иркутск: Изд. обл. дет. б-ки им. Марка Сергеева, 2008. – 40 с. : цв. ил. – (Мы живем вокруг Байкала).

Эвенки: культура, традиции, обычаи / сост. Е. Шульгина; худож. Сергей Григорьев. – Иркутск: Изд. обл. дет. б-ки им. Марка Сергеева, 2009. – 46 с. : цв. ил. – (Мы живем вокруг Байкала).

Деревянная юрта бурят

76

текст
Наталья Жуковская

На протяжении тысячелетий Центрально-Азиатский регион населяли кочевые племена, основным занятием которых была война, охота и скотоводство.

Кочевой образ жизни этих народов требовал легких разборных жилищ, простых в изготовлении и позволяющих быстро менять места стоянок. Во время переселений юрты в собранном виде устанавливались на двух-, четырехколесные повозки, запряженные быками, либо разбирались и перевозились. Такую картину до сих пор можно наблюдать, путешествуя по Монголии: небольшой караван из быков, запряженных в повозки, погоняемый людьми и собаками, с разобранной юртой и хозяйственной утварью кочует на новое место или ближе к городу, школе.

В старину на территории Прибайкалья и Забайкалья у живших здесь племен (якутов, тунгусов, бурят) были разные типы жилища. В лесных и северных районах у кочевых охотников – балаганы (шалаша), южнее – у степных скотоводческих племен – войлочные юрты.

У якутов балаган строился из четырех столбов, соединенных балками, к которым крепились поставленные наклонно тонкие бревна или жерди. Эти стены якуты покрывали толстым слоем обмазки из глины и навоза. Пол также был глиняный. Внутри балагана устраивались нары, в центре – очаг.

Балаганы северных бурятских родов назывались бухэки. «Слово БУХЭК происходит от бурятского БУХЭХЭ – наклонятся, т. к. вход был очень низкий. В землю втыкали несколько жердей, верхние концы которых упирались один в другой и крепились снаружи. Сооружение покрывалось большими полостями из шкур, а верх оставался незакрытым и между щелей выходил дым. Летом меховые покрытие не употреблялось, а жерди закладывались хвойными ветками»¹. Зимой балаганы засыпали снегом и землей. Такой шалаш при

необходимости легко можно было перенести – перекочевывая, с собой брали только шкуры.

Юрты из войлока появились у северных бурят позже, к XVII веку, и, очевидно, были заимствованы у забайкальских бурят-скотоводов.

За тысячелетнюю историю устройство юрт практически не изменилось. Это было самое идеальное и комфортное жилище, отвечавшее всем требованиям кочевников.

Юрта кочевников-скотоводов (гэр) состояла из деревянного решетчатого каркаса (хана) и войлочного покрытия. Изначально каркас делался из ивовых прутьев. При установке юрты каркас ставился по кругу и связывался волосяными шнурами, свитыми из конского волоса. С южной (или юго-западной)² стороны каркаса устанавливали дверную раму, которую закрывали войлоком. Позже стали делать двери из дерева.

На стены устанавливали купол из наклонных шестов, которые сверху крепились к ободу, служившему дымоходом. Через него же в юрту проникал свет. Обод делался из березы, в нем выдалбливались отверстия, в которые и вставлялись верхние концы купольных палок. Нижние их концы крепились на решетках каркаса. Сверху юрта покрывалась кусками войлока, каждый из которых длиной около трех метров, и обвязывалась веревками. Традиционно войлок накидывали по определенной схеме: сначала юго-западный кусок, затем юго-восточный, затем накрывали остальными таким образом, чтобы их края закрывали края первых кусков.

Пол юрты был земляной или настлан досками. В центре устраивался очаг – гуламта. Гуламта представлял собой глинобитную площадку с тремя камнями (дуэл) в середине.

В XVII–XVIII веках изменилась геополитическая карта Центрально-Азиатского региона. Российское

1. Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1, гл. 3., ч. 1. Жилище.
2. Тюркские народы (хакасы, якуты) устраивали вход в жилище с восточной стороны (прим. автора).

государство постепенно присоединило земли Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья. Земли вокруг Байкала стали трансграничной зоной между Российской империей и кочевниками. Русские казаки, продвигаясь на восток и ставя остроги, сообщали о постоянных нападениях на ясачных людей и о приходе под остроги «брацких», «мунгальских» и ойратских «воинских людей».

Но, несмотря на сопротивление, влияние русских на быт и культуру воинственных кочевников было значительным. Из-за сокращения свободных земель и развития земледелия, коренное население Прибайкалья и Забайкалья к концу XVIII века перешло на другую форму скотоводства – с закрепленными за родами зимними и летними стоянками. И в это время среди бурят получили распространение стационарные деревянные юрты.

Деревянные юрты строились всем родом. После строительства хозяева устраивали угощение, праздник. Юрта была и домом, и крепостью. Есть исторические свидетельства, что в случае внезапного нападения прибайкальские буряты укрывались за стенами деревянных юрт.

Поселения состояли из нескольких семей, или общин. Юрты ставились в долинах без всякого плана и порядка, присущего русским поселениям. Впоследствии, в начале XIX века, такая же беспорядочная планировка была перенесена и на бурятские села с усадьбами и домами русского типа.

Юрты строились шести-, восьми- либо десятиугольными. Для строительства использовалась сосна и лиственница. Сруб из девяти-, двенадцати венцов ставился на деревянные стулья или камни. Внутренние стены стесывались, наружные оставались круглыми либо отесывались до трех, пяти или восьми граней.

Углы соединялись «в обло» или «в лапу», а венцы между собой крепились на шкантах. В центре вокруг будущего очага устанавливались четыре столба с перекладинами, образующими верхнюю обвязку (харааса). На нее и верхние венцы сруба опиралась кровля. Пол делался из лиственничных досок. Вход в юрту традиционно был ориентирован на юго-восток. В зажиточных семьях к юртам пристраивали крыльцо.

Внутреннее зонирование деревянных юрт повторяло вековые традиции юрт войлочных: в центре располагался очаг, на котором готовили пищу и который обогревал в холодное время. Остальное пространство делилось на две половины: слева от очага было место хозяина; справа – место хозяйки. Там, где мужская и женская половины смыкались, – за очагом, напротив входа, находились домашние святилища. В левой части юрты ставились сундуки и шкафы, где хранилось оружие, седла; в правой части – место для посуды, кровать, сундуки для одежды и домашней утвари. Вся мебель располагалась вдоль стен, оставляя свободным место перед очагом.

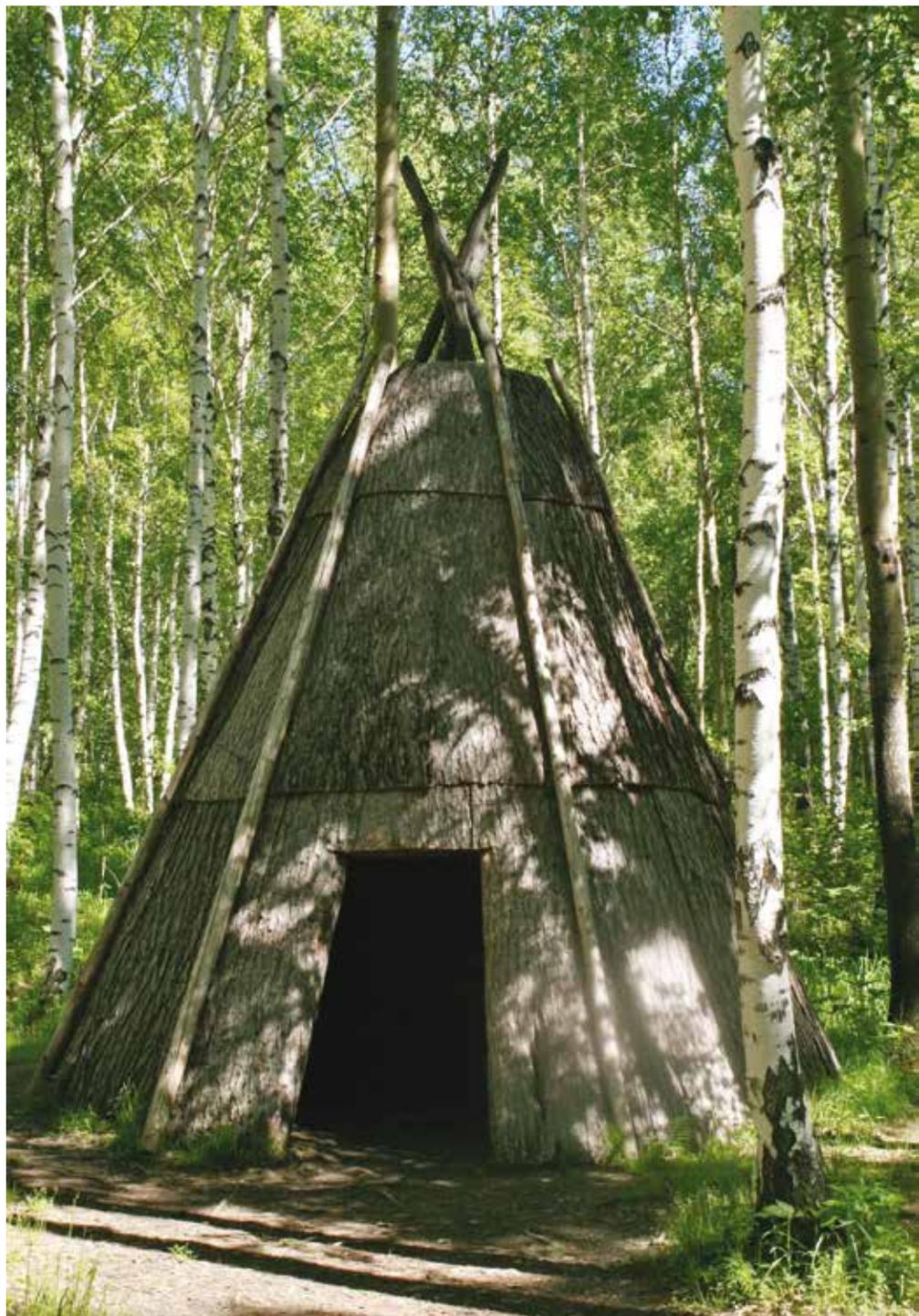
Юрта служила также и своеобразными часами: время определялось по месту падения солнечных лучей через дымовое отверстие на те или иные части юрты.

К началу XIX века кочевое скотоводческое хозяйство сохранилось только у якутов, эвенков и юго-восточных бурят. В других районах Прибайкалья и Забайкалья преобладал скотоводческо-земледельческий уклад. Кочевники-воины, кочевники-скотоводы переселились в дома, построенные по русским канонам, и их быт уже мало отличался от быта богатых русских крестьян. Традиционная юрта заняла почетное место в бурятской усадьбе как место, где принимают уважаемых гостей, и как память рода. Однако почти до середины 60-х годов XX столетия существовал полукочевой уклад жизни

сельских бурятских семей: летом они отправлялись вместе со стадами на летние пастбища (летники), а к зиме возвращались в поселки.

Сейчас, на экологической волне, такое жилище как юрта, проверенное веками, вновь стало интересно и актуально. Ее форма и конструкция идеальны в сейсмических условиях, ее покрытие также идеально защищает от степных холодных ветров и летнего зноя. Возможность быстро поставить и также быстро разобрать целые городки из юрт позволяет применять эти конструкции при чрезвычайных ситуациях, в местах, где требуется мобильное и максимально комфортное жилье.

Очень часто возвращение к истокам дает новые силы и качественные позитивные изменения. Возможно, древние технологии – это технологии будущего? И возвращение к ним – это шаг вперед?

текст и фото
Алексей Чертилов

Ханда, Агджени, Алларук, Дивиткан...

Зимовье-чум и другие таежные постройки в местах бывших эвенкийских кочевий

78

текст и фото
Алексей Чертилов

В сентябре 2008 года автор этой фото-зарисовки участвовал в экспедиции архитектурно-этнографического музея «Тальцы», организованной по брошенным селам, деревням Казачинско-Ленского района Иркутской области с целью поиска экспонатов для планируемого районного музея деревянного зодчества под открытым небом «Ленская деревня». (Журнал публиковал курсовой проект на эту тему, выполненный на кафедре истории архитектуры и основ проектирования ИрГТУ. См. ПБ22, стр. 108–113). Музейной концепцией предполагается организация нескольких экспозиционных зон, основные – «русская деревня» и сектор коренной, аборигенной культуры.

До появления в первой половине – середине XVIII столетия русских в Приленье в этой местности были распространены кочевые племена эвенков (тунгусы), которые

практически не оказали сопротивления государевым землепроходцам, и на протяжении трех с половиной веков постоянно увеличивающееся пришлое население и катастрофически убывающее аборигенное уживались достаточно мирно.

Кроме обследования русских населенных пунктов, одной из задач было знакомство с эвенкийскими поселениями, сегодня стационарными. До второй половины прошлого столетия это были кочевые стойбища. Времени на ту экспедицию было отпущено мало, поэтому в последние дни пришлось разделить: две подгруппы продолжили изучение русских деревень, расположенных вдоль реки Киренга, мне же досталась поездка в таежно-болотные владения современных эвенков. С теми яркими во всех отношениях впечатлениями о незабываемом, роскошном

Рис. 1. Верховыми болотами на вездеходе – до земли обетованной, таежных владений эвенков вдоль реки Ханды в Казачинско-Ленском районе.

Рис. 2, 3. На «бурундучке» (плоскодонке) по северной реке Ханде, притоку Лены.

путешествии захотелось поделиться. А так как фотоаппарат является основным инструментом архитектора-исследователя, само собой удалось многое из увиденного запечатлеть, иллюстративный ряд – тому подтверждение.

Не будучи специалистом по этнографической архитектуре (архитектуре этносов), таежной архитектуре, тем не менее всегда обращаю внимание на этот уникал. Тем более что жизнь большинства этих строений из-за тонкомерного материала, из которого они сделаны, в отличие от тех же бревенчатых деревянных изб, их расположения в удалении от поселений, скоротечна – примерно полвека. Короткий срок жизни, в частности, жердевых этнопостроек есть объективная причина отсутствия таких подлинников в музеях деревянного зодчества, поэтому этнографические экспозиции музейные сотрудники вынуждены зачастую формировать из «новоделов», сооружаемых либо по аналогам позднего происхождения (прошлого века), либо используя в качестве источников исторические фото, зарисовки, описания. (Возможно, и моя фотофиксация когда-нибудь пригодится.)

Специалисты-этнографы дадут свою профессиональную оценку запечатленному, с архитектурной же точки зрения интерес представляет, помимо прочего, использование в современных таежных постройках коренного населения того же строительного материала, которым пользовались и русские, – бревна, применения «оседлыми» эвенками

тех же или схожих строительных приемов, конструктивных узлов. Объяснить последнее можно тем, что на протяжении так называемой русской истории Сибири аборигенное население перемешивалось браками с русскими и, насильно (именно так) лишившись в советское время оленьих стад, составлявших основу их жизненного уклада, было вынуждено переключиться только на таежный, рыболовецкий промысел, занимаясь этим «бок о бок» с русскими промысловиками. Отсюда – сегодняшняя оседлость эвенков (отпала надобность гонять оленей на выпас) и взаимозаимствование приемов строительного ремесла при возведении «произведений таежной архитектуры».

Ханда

Население эвенков, когда-то многочисленное, за советский «мудрый» период правления превратилось в прямом смысле в «малую народность», точнее – совсем малую, вымирающую в буквальном смысле. По сути, сегодня в районе существует в качестве поселка лишь один эвенкийский населенный пункт – Ханда. Расположен он практически в недоступном месте, на таежно-болотной возвышенности, на берегу реки с тем же названием, впадающей в Киренгу, которая, в свою очередь, пополняет воды легендарной Лены. Этот же поселок является и «столицей» эвенкийского народа, проживающего в Казачинско-Ленском районе.

Рис. 4. Общий вид бывшего колхозного охотничье-рыбачьего стана на озере Агджени

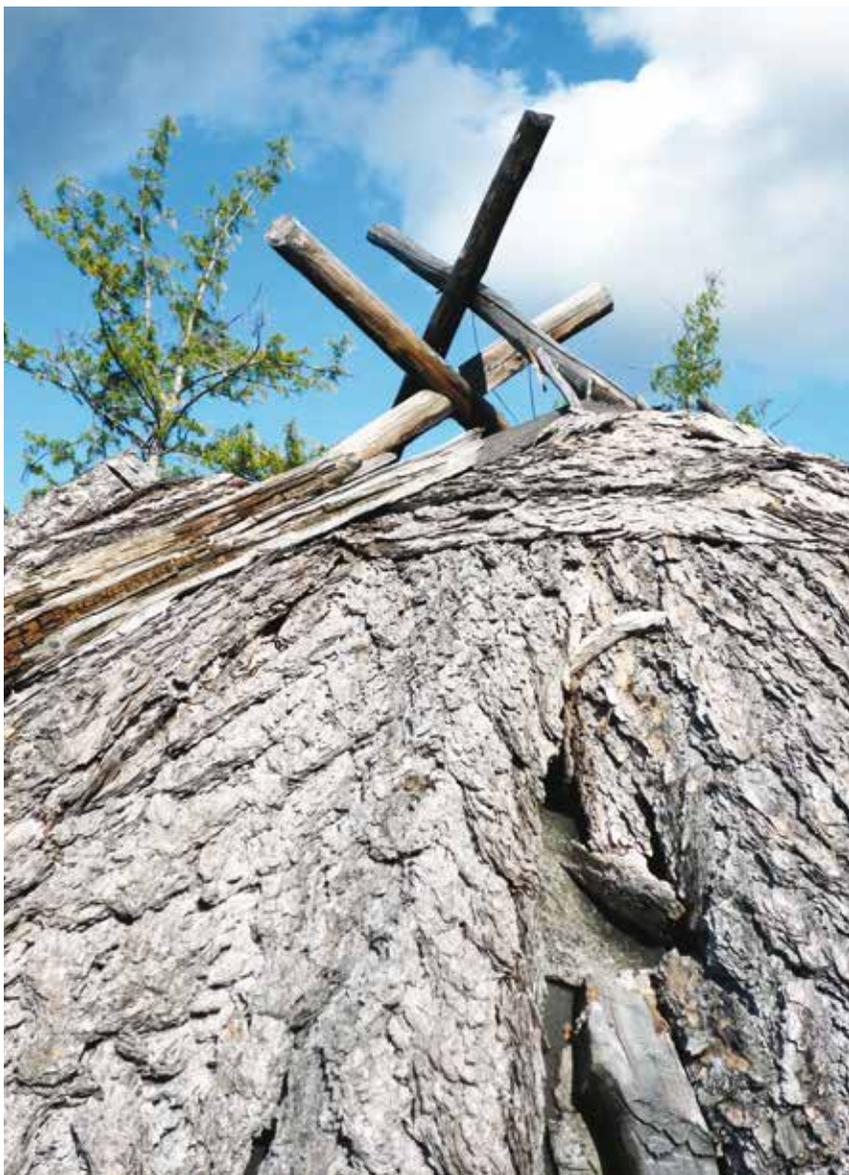

Рис. 5. Традиционное зимовье с «брутальным» выносом кровли, образующим своеобразный козырек над входом (Агджени)

Рис. 6. Жилая группа в комплексе стана Агджени – традиционное зимовье и парное ему зимовье-чум, необычное, по моему мнению, для других мест

Рис. 7, 8. Наиболее характерное в комплексе Агджени зимовье-чум – крыто корой. Дымоход над очагом, как и у других, «оформлен» эффектным выпуском жердей, конструктива «стропильной системы»

Добраться до поселка можно либо пешком, либо на вездеходе, и то не в любое время года (дороги попросту нет, проще – зимником, когда болота замерзают). Другой способ – «только вертолетом можно долететь» (при этом обустроенной посадочной площадки также нет). Регулярные рейсы в Ханду не организованы, транспорт туда ходит, летает крайне редко, только по великим праздникам и во время избирательных компаний. Поэтому поселковые жители, в том числе учащиеся интерната (школы в Ханде, увы...), сначала добираются по асфальту, потом грунтовой дорогой попутным автотранспортом, а дальше – идут зачастую пешком и, как правило, груженые продуктами и разным скарбом (магазин в поселке также отсутствует), порядка 30 километров по тропе, ими и протоптанной, по верховым болотам. А здесь хозяевами себя чувствуют не кинутые властью на произвол судьбы путники, а на законных природных основаниях всякое дикое зверье, обитающее в этих охотничьих угодьях в изобилии. По рассказам местных, бывало всякое...

Мне повезло: специально для экспедиции районная администрация помогла организовать транспорт, и добились мы с несколькими счастливыми хандинцами (не пешком!) на их малую родину вдоль той самой тропы на списанном, когда-то военном, гусеничном вездеходе, основательно модернизированном местными умельцами для таежных дел (рис. 1). Дорога от райцентра Казачинского до Ханды заняла у нас почти целый день, не обошлось без приключений, но это отдельная история...

Поселок Ханда возник в прошлом столетии. Как принято отмечать в научно-исследовательских отчетах, «градостроительной, архитектурно-художественной ценности не представляет»: состоит из хаотично разбросанных десятка дворов с набором обыкновенных жилых домов без какого-либо декоративного излишества, зимовий (второй, «летний» домик), банек да неказистых хозпостроек, обеспечивающих элементарное выживание в не совсем северных, но очень суровых условиях.

Агджени

На следующий день по приезде в поселок отправились (и тогда для меня началось самое интересное путешествие и во времени, и в пространстве) с проводниками – профессиональными охотниками, на моторной плоскодонке, ласково называемой местными «бурундучка», вниз по течению красавицы Ханды (рис. 2, 3). При медленном движении (суденышко тихходное) от окрестностей глаз не оторвешь, забываешь даже про выедающий эти самые глаза и везде (без преувеличения) достающий гнус. Первая остановка – охотничье-рыбачий стан (рис. 4), пригорюнившийся на болотистом берегу мелководного озера с красивым названием – Агджени, естественно образовавшегося по течению реки и изобилующего (как и река) разнообразной промысловой рыбой, дичью, пушниной...

Соответственно, стан называется по имени озера. По моей оценке, Агджени – во многом уникальный комплекс. Первое – окружающие пейзажи! (Городской житель такое диво только «по ящику» и видит). Второе – стан колхозный, в прямом смысле, так как был организован в советский период именно как колхозно-рыболовецкий, где добывали, обрабатывали и переправляли «на материк» коллективный улов.

Третье, пожалуй, главное – стан этот не только эвенкийский, его можно с полным основанием отнести к феномену смешения совсем не похожих культур – эвенкийской и русской, по-видимому, по причине колхозной жизни, тех же смешанных браков и совместного охотничьего, рыбного промысла. Как был устроен стан Агджени во времена «ударного коммунистического труда» подробно выяснить не удалось, существовал ли он до этого – неизвестно

(предмет будущих чьих-то исследований). Сегодня комплекс состоит из нескольких «фамильных» групп жилых построек и двух, более крупных «колхозных» строений.

Каждая жилая группа состоит из обычного, известного всем таежникам современного отапливаемого железной печкой зимовья (рис. 5) и рядом стоящего сооружения, по моему дилетантскому разумению – экзотического (рис. 6). Ничего подобного раньше не встречал, хотя и бывал в эвенкийских поселках соседних Жигаловского, Качугского районов. Строение это представляет собой симбиоз зимовья и чума: на невысокую (≈ 1 м) нижнюю часть в виде квадратной в плане ($\pm 4 \times 4$ м) клетки (сруб из 4–5 венцов) опирается крыша. И не было бы ничего удивительного, любую порядочную жилую постройку должна покрывать крыша – это аксиома, если бы эта конструкция не напоминала чум (рис. 7). Правда, есть существенные отличия от древнего, как сама Мать-Земля, лесного укрытия ее аборигенного жителя: это не островерхий многогранный конус, а четырехскатная шатровая конструкция с более пологими уклонами – в пределах 25–35°. Высота над срубом крыши достигает двух метров. Ее основу составляет тот же жердевый каркас, что и у чума, с частыми, наклонно-верно расставленными жердями вместо обрешетки, крытыми сосновой, лиственничной корой. Жерди в стыках скатов крыши, несущие основную нагрузку, массивнее других, их верхние концы выпущены наружу, образуя оригинальную композицию и обозначая дымоход над очагом (рис. 8). Другой, совсем прозаичный вариант – кровлей служит утилитарный рулонный толь (рис. 9). Кстати, это строение ныне продолжает использоваться как коллективная кухня – отголосок дружной общественной жизни, рядом с ней – «столовая».

Вход в постройку осуществляется через дощатую дверь, похожую на плотницкую, вставленную в дощатый каркас. По бокам двери в образовавшихся треугольных проемах устроены своеобразные окна, дающие хоть какой-то свет внутрь (других окон в жилище нет): затягиваются полиэтиленом или чем-либо подобным, например белой искусственной тканью от хозяйственных мешков.

Внутреннее пространство зимовья-чума совершенно. Оно пригодно не только для выживания. По сути, это продолжение «интерьерной» традиции чума сибирских аборигенов или бурятской юрты. В центре – очаг, главный, самый жизненный компонент. Вокруг него, по периметру бревенчатых стен, – широкие скамьи-лежаки, набранные из мелких жердей (или досок) и застилаемые звериными шкурами. (Это – вчера, сегодня – матрасами, спальниками, всякими старыми одежками.) Пол – земляной или жердевой. Над очагом, в вершине шатра – «выход в Космос» – квадратный дымоход через перекрещивающиеся концы жердей «стропильной системы». Такое внут-

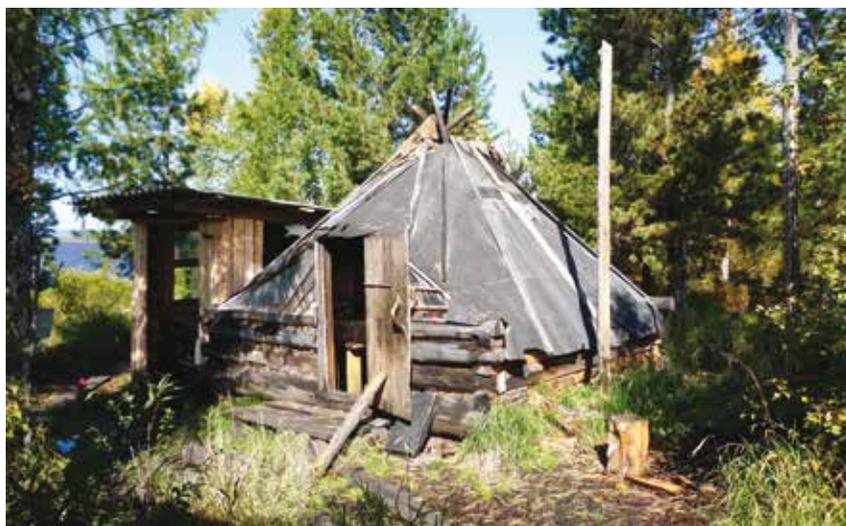

Рис. 9. Другой, облегченный вариант – та же крыша зимовья-чума (сегодня – коллективная кухня) покрыта утилитарным толем

реннее устройство жилища есть воплощение философии быта: в долгие вечера, особенно зимние (где, слава местному Богу, нет теле- и прочих бедствий цивилизации), вокруг очага рукодельничают, ремесленничают, решают семейные дела, ведется неторопливая беседа обо всем...

По внешнему облику и «интерьерной» структуре это сооружение напоминает одну из разновидностей бурятской стационарной жилой постройки – бревенчатую четырехгранную юрту (чум), а функционально соответствует, по аналогии с русской жилой усадьбой, второй, «летней» жилой постройке (кухне). В таком благодатном жилище на ночлег могут устроиться минимум пятеро-шестеро (если по одному на лежаке) или десять (если по двое).

Могу, конечно, ошибаться, но зимовье-чум, возникшее в XX столетии (когда точно, вряд ли кто скажет) на стыке двух культур – эвенкийской и русской, появилось только в этом регионе.

Из «общественно-колхозных» строений в Агджени к нашему приезду сохранилось два сарая (может быть, во времена коллективного рыболовства было больше) и общественная кухня, по форме – тоже зимовье-чум. Один сарай – для скарба, инвентаря. Другой – особенно интереснейший – для коллективной разделки рыбы, в комплексе (под одной крышей) с ледником, в этих местах – вечная мерзлота, для хранения готовой для транспортировки колхозной продукции (рис. 10). В сельскохозяйственных русских колхозах аналог ему – «подтоварник» (гумно под навесом). Обе хозяйственные постройки не отапливаемые, продуваемые всеми ветрами, сделаны по одному принципу: главное, крыша над головой. Их стены сложены из тонкомера намеренно со щелями с прозаической

Рис. 10, 11. Стан Агджени. Колхозный сарай для разделки рыбы и хранения коллективного улова (своеобразный «подтоварник»)

Рис. 12. «Усовершенствованный», современный (по всей видимости, начало 2000-х) образец зимовья-чума, в комплексе рыбацкого стана, расположенного далеко ниже по Ханде. Бревенчато-жердевую конструкцию заменили на более «технологичную» в возведении, с применением исключительно пилочного материала – бруса, доски

целью освещения помещения, полы – из того же лесного подручного материала – жердей, полубревен малого диаметра. Интерьеры «подтоварника» впечатляют (рис. 11). Сегодня это сооружение не используется, а значит, скорее всего, исчезнет, если не поторопится вывезти его в планируемый музей деревянного зодчества «Ленская деревня».

В другую поездку, случившуюся несколькими днями ранее в том же районе, далеко ниже по Ханде, встретилась совсем уж чудная, современная модификация эвенкийско-русского зимовья-чума, поэтому отождествление увиденной постройки тогда не произошло, только позже, после посещения Агджени. Ее нижняя часть сложена из банального бруса, верх – полностью дощатый, весь крыт «цивильным» толем. Традиционный жердевый каркас заменен «пиловкой» – брусьями (рис. 12). Поэтика, гармония с природой тут не причем: этот перевалочный охотничье-рыбацкий стан находится совсем рядом с оживленной автомобильной трассой Жигалово–Казачинское, менее километра.

На заглавном фото: берег озера Агджени: слева – описанное экзотическое сооружение – зимовье-чум, справа – самое востребованное транспортное средство передвижения по воде в этих местах – «бурундучка» (правда, уже не рабочая, ее оттащили от озера умирать, годится лишь для музейного экспоната). Представляет собой длинную (4–6 м) узкую дощатую лодку-плоскодонку (прототип древней долбленки), усовершенствованную навесным мотором, на которой сегодня успешно ходят по мелководным рекам втроем, вчетвером, как эвенкийские, так и русские рыбаки, охотники.

Алларук, Дивиткан

Ниже по реке Ханде в тот же день – следующие выходы на берег, в двух местах с такими же красивыми названиями – Алларук (Агларук) и Дивиткан. Это также бывшие места кочевых стойбищ эвенков. В отличие от Агджени, берега сухие, возвышающиеся над рекой, сейчас здесь стоят стационарные охотничьи зимовья. А вот парных им зимовий-чумов уже нет.

На Алларуке зимовье, принадлежащее хандинскому эвенку, необычно тем, что к стене со стороны реки, во всю

длину сруба, пристроен отсек из жердей в виде короба без крышки. Догадка русского проводника-охотника: временный склад для пойманной рыбы, рыбного инвентаря. Косвенное подтверждение тому – поперек его продольной стенки примыкает столик, должно быть для разделки рыбы (рис. 13, 14).

Зимовье на Дивиткане расположено на месте бывшего стойбища эвенкийского племени Чинагириков (рис. 15, 16). В конце прошлого столетия здесь располагалась заимка с развитым хозяйством русского охотника, женатого на эвенке, которые жили с двумя детьми (девочка, мальчик) за тридевять земель от цивилизации. Держали скотину, большой огород, то есть находились на полном самообеспечении. Позже из-за необходимости посещения детьми школы, обосновались в Ханде. От заимки сохранилась баня на самом берегу реки (сегодня используется как зимовье), зимовье, построенное, судя по зарубкам на срубе, в мае 1973 года, и постройка в виде все того же зимовья для дизельной электростанции. То есть заимка была электрифицирована, был даже телевизор со спутниковой антенной. Дом, скотник, другие хозяйственные постройки сгорели в начале 2000-х.

Современные зимовья ставятся идентичные старым, традиционным, как внешне, так и по организации внутреннего пространства. Это подтверждает уникальность, универсальность таежных, речных домиков, их безупречное, выработанное веками самим народом объемно-пространственное решение, основанное, в первую очередь, на функционализме. Таежное жилище представляет клеть под односкатной или двускатной крышей, сруб набирается из подручного круглого леса, снятого где-то совсем рядом, какого есть диаметра и качества, не всегда желаемого (рис. 17, 18). Иногда, при возможности доставки пиломатериалов, устраиваются входные дощатые тамбуры. Встречаются модификации с мощным выносом кровли, образующим «брутальный» козырек над входом, навес над столиком (рис. 5, 6).

Рис. 13, 14. Традиционное зимовье на Ханде, в местечке Алларук, с необычной пристройкой жердевого отсека (для временного хранения рыбы?)

Рис. 15, 16. Дивиткан – место давно исчезнувшего стойбища, кочевавшего здесь в прошлых веках эвенкийского племени Чинагириков, сегодня – занято зимовьем русского охотника

Рис. 17, 18. Примеры «неиндустриальных» срубов современных зимовий, сложенных из бревен, заготовленных в окрестностях Ханды

Помещение простого зимовья устроено соответственно его лаконичному объему – очень экономно: перегородками не разгорожено, делится «мебелью» на две зоны. Входная: печка-буржуйка в одном углу, в противоположном от входа углу – вешалка для одежды, место для оружия, «заплечников» (самодельных «станковых» рюкзаков для переноски охотничьей добычи, местное название – «паняга»). Жилая зона: лежаки (широкие скамьи) вдоль продольных стен, иногда – двухъярусные, между ними – столик на все случаи таежной жизни, примыкающий к торцевой стене с единственным в доме оконцем (над столиком). Таким образом, размеры сруба в плане напрямую зависят от набора, размеров и расстановки «мебели» и составляют оптимальные параметры – 2,5–3,0 × 3,5–4,0 м. Высота потолка обусловлена ростом человека и режимом экономии тепла, составляет ± 2 метра.

Самые рациональные крыши для подобных аскетических построек – невесокие, с пологими скатами. Сегодня они кроются чем придется, что есть под рукой (жерди, доски, толь, кора, даже шифер). Сложные в изготовлении самцовые крутые кровли, дранье, тесовые покрытия, тяжелесные накаты в полбревна, распространенные еще в середине прошлого века, канули в Лету. Теперь они применяются разве что в самых недоступных районах, куда изделия пилорам доставить проблематично. Конструктивные чердачные узлы, очень простые в изготовлении и сборке, также претерпели «эволюцию» (рис. 19): за эту короткую поездку удалось «собрать» небольшую фото-коллекцию таких таежных изобретений – от проверенных временем (а, б) до современных ноу-хау (в, г).

Р. S.

Когда планировалась поездка, мечтал найти, зафиксировать самые, на мой взгляд, характерные для таежной архитектуры постройки – лабазы. К сожалению, со слов местных охотников, а им можно доверять: это их уголья, на много десятков километров в округе этих оригинальных сооружений уже не осталось. Если и встретишь, только далеко в лесах соседних районов. (Будем мечтать дальше.)

Рассматривать эвенкийскую, охотничью да и любую таежную архитектуру, в отрыве от природы невозможно

и бессмысленно, поэтому фото-ряд говорит (нет, только шепчет) и про неё родную, северную красу.

Во время того памятного короткого путешествия и позже не покидал вопрос: почему этот богатейший «дарами природы», а потому лакомый для браконьеров разных мастей, экзотический, на взгляд городского жителя, райский уголок земли, обетованной когда-то лишь кочевниками-эвенками, не «покрыт» вездесущими туроператорами. Ответ прост: места эти непроходимы, значит непригодны для проживания (кроме стойких, закаленных суровым климатом и различными невзгодами, лишениями хандинцев), недоступны для неподготовленного туриста, потому и являются девственными. Не испорчены эвенкийские земли и цивилизацией. Недалеко, в соседнем Жигаловском районе, – обратный тому пример, наглядный и ужасающий, – исковерканная тайга в окрестностях Кавыктинского месторождения. Не приведи Господь, чтобы рядом с Агджени, Алларуком, Дивитканом геологи нашли черные или газовые «запасы», чтоб кто-то из ненасытных и беспринципных промышленных вампиров сосал кровь Земли и здесь.

Может быть, экзотические туры по этим местам для охотников, рыбаков, любителей девственной природы и будут организованы. К примеру: до поселка Ханда – вертолетом, далее сплав по красавице-реке на «бурнудучках» (хоть до Лены, с продолжением удовольствия и по ней) с остановками в зимовьях. Тогда охотничье-рыбацкий стан на озере Агджени можно вообще превратить в базовый, беспрецедентный музейно-туристический комплекс... Может быть, возродят стада оленей...

Но совсем немногочисленные потомки кочевников-эвенков – хандинцы, а также редкие русские промысловики, живущие с ними в одном, всеми забытом, поселке, зная, видя, что происходит в северных «перспективных для промышленного освоения» районах, считают по-своему. Прошло почти два года после описанного чудного путешествия по их землям, и автор этой заметки с ними солидарен, они совершенно правы: пусть туристическое нашествие случится не сейчас и не завтра, а когда-нибудь. После того, как мы научимся бережно относиться к Богом данной нам Матери-Природе, перестанем быть «цивилизованными дикарями», доморощенными варварами...

Рис. 19-а, б, в, г. Варианты конструктивных чердачных узлов, обеспечивающих поддержание в устойчивом (или не очень устойчивом) состоянии крыши современных таежных жилищ промысловиков в Казачинско-Ленском районе Иркутской области (а – Алларук, б, в – Агджени, г – Дивиткан)

Тихоокеанские юрты

текст
Алан Бэйр

Соединение древней мудрости с современной технологией
Вдохновленные практичностью традиционных юрт монгольских кочевников, инженеры штата Орегон разработали легковесную недорогую версию, которая сохраняет смысл целостности древнейшей формы, обеспечивая качественное освещение и конструктивное единство, необходимые современным потребителям. Обычно установленные на настиле на основе простых стоечно-балочных конструкций, тихоокеанские юрты оказывают минимальное воздействие на почву и, будучи долговечными, в то же время при необходимости могут быть убраны, не оставляя никаких следов. Полный комплект весит всего несколько сот килограммов, и с момента своего создания в 1978 году такие комплекты перевозились в разные части света. Их воздвигают в качестве конструкций для отдыха и развлечений в общественных парках и на коммерческих курортах и широко используют частные лица. Их трансформируемость позволяет служить как в качестве простых хижин, так и в качестве полностью меблированного роскошного жилья на лыжных курортах и в тропических странах. Играя ключевую роль в экотуризме, эти юрты не разрушают чувствительную экосистему и приспособлены к различным традиционным и альтернативным источникам энергии и технологиям подачи и забора воды.

Дизайн и конструкция

Каркас у юрт деревянный, а покрытие – изготовленный специальным образом термостатический материал. Для стен использована сплошная решетка из искусственно высушенной Дугласовой пихты. Решетка крепится к настилу, что служит опорой для растяжки авиационной прочности. Растяжкой поддерживаются радиальные балки 2x3 или 2x4 со стальными стержнями, которые втыкаются в многослойное компрессионное кольцо из пихты наверху конструкции, покрытой акриловым куполообразным световым люком. Виниловая крыша прикреплена к стене при помощи нейлонового шнура и накладывающегося бордюра для защиты от атмосферных воздействий. Стандартный комплект включает запирающуюся дверь и два окна, покрытых 20-миллиметровым прозрачным винилом, а также застекленную дверь и дополнительные окна в качестве альтернативы. Дерево обработано прозрачным маслосодержащим отделочным составом, не закрывающим поры древесины, а все стандартные элементы сделаны в Орегоне либо из древесины порослевых пород, либо из материала, который впоследствии можно использовать вторично. Крыша имеет 15-летнюю гарантию, что сравнимо с крышами более долговременных конструкций.

Другие составляющие элементы включают в себя навесы над входом, полупрозрачную арку, вставленную в крышу для дополнительного дневного освещения, распорки 2x3 под каждой балкой, выдерживающие снеговую нагрузку, разработанную НАСА отражательную изоляцию, водозаборные гидроузлы и обогреватели. В отличие от других объектов для отдыха и развлечений эти юрты оборудованы широкими дверьми, рычагами для открывания дверей и пандусами на входе, которые могут использовать люди с ограниченными возможностями.

Компактная форма юрты и ее легкие элементы в своем натяжении и сжатии обеспечивают высокую эффективность конструкции, максимум прочности при минимуме материалов. Экономичность материалов

также означает недорогую транспортировку комплектов юрт. Комплект удобно помещается в кузов небольшого грузового автомобиля-пикапа, и с его сборкой легко справятся два человека. Вес комплекта, включая транспортный ящик, варьируется от 300 кг (версия диаметром 3,7 м) до 1000 кг (диаметр 9 м). Кроме того, есть еще четыре промежуточных размера.

Чаще всего используется стоечно-балочная конструкция на бетонной опоре, но основание можно установить также на профилированном или утрамбованном грунте. Когда настил установлен, юрту можно собрать быстрее, чем за один день.

Пригодность для экотуризма

Благодаря множеству своих качеств юрта отлично подходит для экотуризма. Возможность выбора цвета для стен и крыши позволяет юрте адаптироваться к местной среде. Ее органичная форма помогает хорошо сочетаться с общим фоном. Настил на стоечно-балочной основе оказывает незначительное влияние на почву.

Широкий выбор вариантов делает юрты еще более гибкими в эксплуатации. Наличие изоляции, обогревателей и поддерживающих стропил дает возможность использовать их на горнолыжных курортах, в то время как цветной открывающийся купол, отражательная теплоизоляция крыши и дополнительные окна для вентиляции делают юрты подходящими для тропического климата. От Австралии до Саудовской Аравии, от Гавайев до Аляски эти юрты создают тепловые комфортные условия для любителей экстремальных путешествий и отдыхающих. Основной комплект представляет собой спартанское укрытие для отдаленной местности, но его оснащение электроэнергией, водой и системой обработки отходов дарит жильцам все прелести домашнего уюта. А выбор размера юрты позволяет использовать ее для любых целей, от маленькой студии до просторного зала заседаний. Юрты утверждены Службой охраны лесов США и используются Департаментом парков штата Орегон и коммерческими курортами по всему миру.

Несмотря на то, что их обычно классифицируют как «палатки», юрты намного прочнее и устойчивее к погодным явлениям, чем традиционные палатки. Поскольку юрты можно устанавливать в отдаленной местности, они дают жильцам возможность почувствовать единение с природой, и в то же время обеспечивают комфорт, безопасность и защиту даже от самых суровых условий окружающей среды.

Адаптация и использование

Еще одна важная адаптационная характеристика юрт – это их трансформируемость. Некоторые пользователи строят внутренние перегородки и верхние спальные помещения в юртах большого размера. При помощи расширяемых настилов и крытых проходов, соединяющих несколько юрт, создаются многокомнатные жилища. Окна можно располагать в любых направлениях для получения наилучшего вида.

В любом месте на стенах и полу можно проводить монтажные работы, поэтому юрты легко оборудовать практически любой традиционной водопроводной, электрической или отопительной системой. Но поскольку юрты часто устанавливают в отдаленных местах, то отдают предпочтение альтернативным системам. Сюда входят газовые плиты, холодильники на фотоэлементах, биотуалеты и так далее.

Поскольку юрты могут предоставлять широкий спектр возможностей, от минимализма до роскоши, они хорошо сочетаются с более долговечными конструкциями. Например, туристическая база может иметь центральную большую юрту со всеми необходимыми атрибутами и предлагать стандартные юрты в качестве небольших хижин-сателлитов. В некоторых случаях, таких как экологические парковые зоны, эта стратегия дает возможность планировщикам расширить «застройку» мест отдыха на

территории, непредусмотренной для традиционного строительства.

Действительно, эта технология может послужить практическим решением в продолжительных спорах между теми, кто хочет развивать места отдыха и теми, кто хочет сохранить природу. Ведь юрты дают возможность застройщикам создавать выгодную инфраструктуру, отдыхающим наслаждаться естественной средой и гарантируют специалистам по охране природы минимальное воздействие на окружающую среду.

Юрты сегодня

Современное использование традиционного жилища кочевников – юрты – встречается и в нашем регионе, и не только в музеях под открытым небом. В Красноярске юрта собрана в популярном у горожан месте – на площадке у Музейного центра на берегу Енисея для выставочного использования. В УланБаторе (2) мы видим процесс сборки юрты тоже в центре города около выставочного комплекса.

По сообщению Телеинформа, в Туве собираются построить юрточные городки для туристов. Два юрточных городка

«МонгунБулак» (Серебряный родник) и «АлдынБулак» (Золотой родник) появятся в Туве в нынешнем году, объявленном в республике Годом туризма. Презентация разработанного Министерством культуры и туризма Республики Тыва проекта двух юрточных комплексов состоялась 20 января в правительстве республики. Как сообщает официальный сайт правительства Тувы, требуемые финансовые вложения составляют около 18 миллионов рублей. При планируемом потоке более 3 тысяч туристов в сезон, считают специалисты, кемпинги окупят затраты за 4 года.

Юрта у музея (Красноярск)

Каждый комплекс будет состоять из юртыресторана, двух-трех VIP-юрт и нескольких юрт экономкласса. Кроме них в кемпинге расположат 5 берестяных оленеводческих чумов с кострищем, спортивную площадку, смотровые беседки, туалеты, баню, сауну, а также административные здания и автопарковки.

Новые комплексы, в отличие от обычных лагерей, будут более обустроены в бытовом плане: их оборудуют сануздами с септиком, подведут систему водоснабжения и канализации, электрифицируют с помощью портативных электростанций. В административных зданиях разместятся торговые точки для продажи сувенирной продукции, кухня, столовая и обслуживающий персонал.

Самое большое по размеру здание юртыресторана рассчитано на 100 посадочных мест. Диаметр ее составляет 15 метров, высота стен 3 метра, общая высота – 5 метров. Пол заливается раствором и покрывается ковровым покрытием. Юртылюкс предполагается изготовить

по специальному заказу. Юрты классом пониже рассчитаны на 5 человек и представляют копию традиционного жилища тувинских чабанов, до сих пор используемого ими. Чумы, помимо культурнопознавательной роли, тоже могут служить еще одним экзотическим местом размещения туристов. Желающим переночевать в них будут предоставляться спальные мешки из овечьей шерсти.

Дизайн территории кемпинга также решен в этническом стиле. Городок «МонгунБулак», например, распланирован в форме известной археологической находки тувинского кургана Аржаан – скифской подвески в виде свернувшейся пантеры. Второй кемпинг «АлдынБулак» сверху напоминает макет Вселенной, где юрты расположены как планеты. В оформлении дорожек и других элементов экстерьера турбазы разработчики предлагают использовать природный камень песчаник – это и экологично, и красиво, и менее затратно по сравнению с другими покрытиями.

Сборка юрты у торгово-выставочного центра (Улан-Батор)

Культ и культура

Ступа

Буддийское культовое сооружение на острове Огой на Байкале, в проливе Малое море

Архитектурно-конструктивное проектирование, разработка технологии возведения и подбор строительных материалов с высокими эксплуатационными показателями, техническое сопровождение работ: «Иркут-Инвест»

Основные виды работ:

- инженерные и топографические изыскания;
- архитектурное и конструктивно-технологическое проектирование;
- возведение ступы в монолитном железобетоне;
- скульптурные и отделочные работы, благоустройство прилегающей территории.

Сроки выполнения работ: май – сентябрь 2005 г.

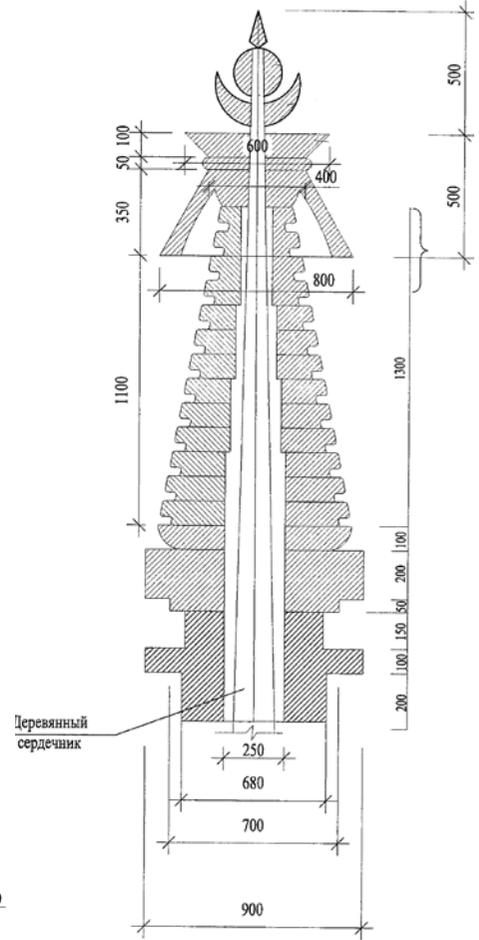
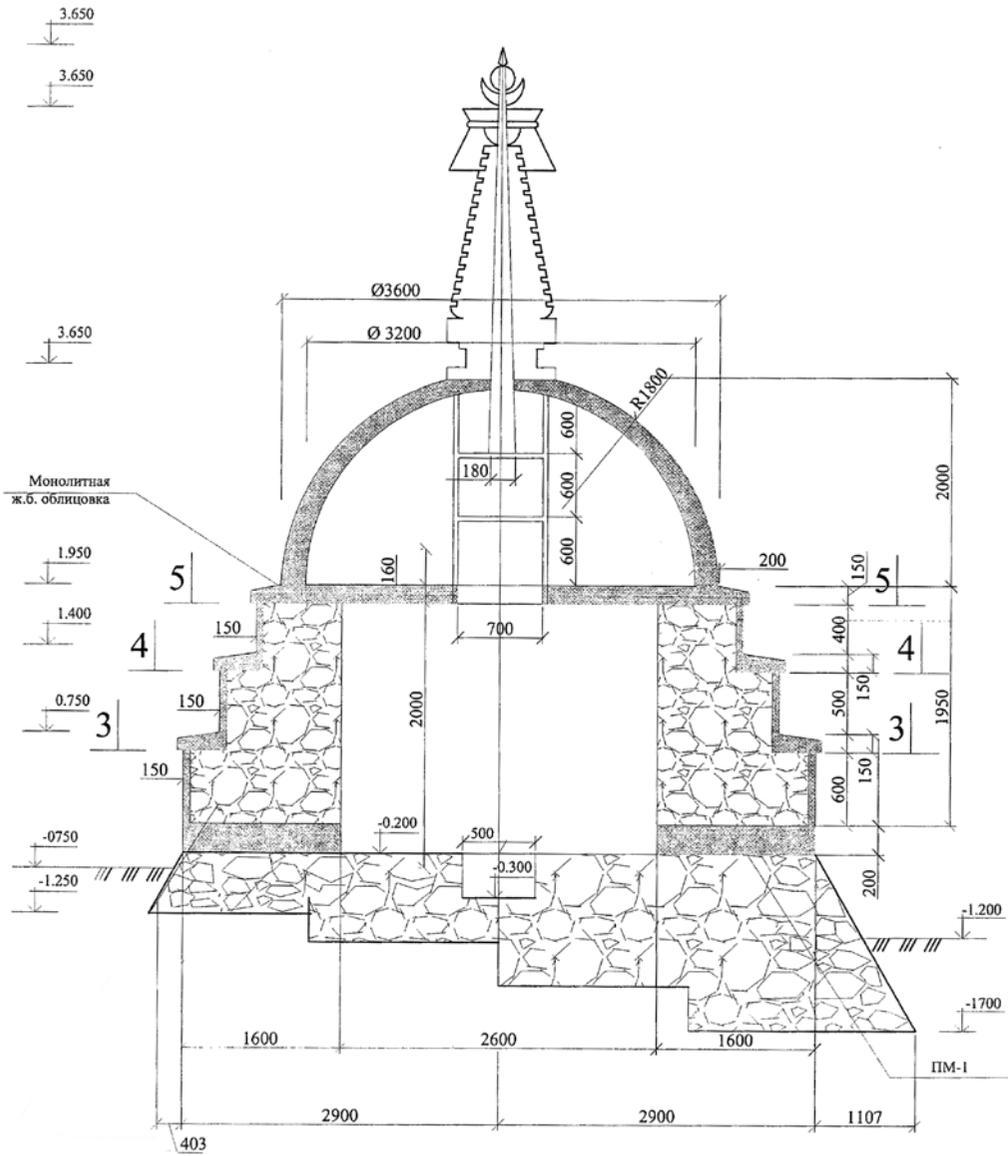
Буддийская святыня «Материнская ступа» – опора ума Будды. Возведена по инициативе члена Ассоциации буддийских центров Ирины Мащицкой.

Внутри священного холма лежат материальные и духовные достижения человечества, собранные со всего мира. В святыне есть: орудия труда – лопаты, пилы; земля из разных святых мест – Индии, Непала и Иерусалима; вода со всех океанов Земли; абсолютно все минералы Сибири. «Материнская ступа» хранит в себе оружие с Великой Отечественной войны и Чечни, символизирующее силу и мощь наших солдат.

В ступе лежат 2,5 тонны свертков мантры – буддийских молитв, 3 тысячи глиняных фигурок, 700 килограммов священных книг. Высота «Материнской ступы» – 8 метров. Основание – 5,8 на 5,8 метров.

Для исполнения любого желания святыню надо обойти вокруг по часовой стрелке несколько раз. Только при этом следует верить в чудо – тогда оно обязательно произойдет.

Храм Всех Стихий

О проекте храма автор концепции архитектор Николай Жуковский рассказывает корреспонденту ПБ Марине Ткачевой.

НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ

С детства, немного увлекаясь астрономией, еще почти бессознательно я пытался использовать движение Солнца и его постоянство: изобретал различные конструкции солнечных часов (часы и сейчас стоят у меня на садовом участке). Их работа не требовала постоянного ухода и внимания! Вечность...

Проектировал благоустройство микрорайона Университетский с использованием ливневых стоков: гряда монолитных конструкций превращается в каскад водных потоков во время дождя, а не тогда, когда чья-нибудь воля включает насосы.

И вдруг – все эти замыслы, оказалось, можно реализовать в строительстве православного храма! Проект был официально заказан для поселка Магистральный на БАМе. В 1993 году появились эскизы; я их делал с соблюдением всех планировочных и композиционных канонов, под пристальным наблюдением настоятеля Михайло-Архангельской церкви. Идея была – отказаться от сделанной человеком театральности процесса в храме, отдаться силам и воле высшей, не зависимой от человека!

Классическое помещение храма заполняется солнечным светом; многократно играя, отражаясь и проникая сквозь толщу стекла, он создает образы. Кому дано их увидеть, для кого будет создаваться праздник – на все воля не наша!

Бетонное пространство заполняется звуком журчащей и капающей воды, многократно отражаясь эхом, когда идет дождь, а не тогда, когда включили воду.

Ветер наполняет пространство органным звуком, сильным или слабым, приятным или нет – на это тоже не наша воля! Торжество высших для нас сил, сил природы – храм стихий...

В силу разных причин проект не осуществился.

А храм этот получился не православный и не католический... Но я и не пытаюсь эти силы превратить в человеческие образы; неужели мы и наш интеллект сегодня не можем принять эти силы, силы природы такими, какие они есть?

Как будто мы не можем обожествить Светило и подчиниться его ритмам, от которого зависит все!

Просверливая дыры в плоти материала, архитектор может в нужное время и с нужной стороны направить свет Солнца и заполнить им не только храм, но и обыкновенный дом, превращая силы природы в мелкие или торжественные аттракционы, на радость человеку...

Пожалуй, пора, не дожидаясь заказа, строить – для души и для дела. И храм стихий, и архитектурную лабораторию, где все идеи отточить и проверить. Найдется работа и художникам, и музыкантам. И пусть физики исследуют и применяют преобразования естественных магнитных полей архитектурными формами и пространствами! Роль архитектора в этом деле второстепенная: чуть-чуть мазками подправлять и направлять естественный ход природных сил.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Храм четко сориентирован по сторонам света, а специальным образом расположенные проемы позволяют запланировать световые эффекты в зависимости от естественного хода Солнца, в строго определенные дни и время. Панно из наслоений стекла и зеркал создает сияние и эффект воображаемых фигур, которые зависят только от состояния природы. Свет проникает через систему проемов – и мощными отражениями заполняет пространство.

В храме предусмотрена водоотводная труба, которая направлена к чашам, по форме напоминающим блюдца. Чаша собирают воду, падающая вода образует систему каскадов и

насыщает пространство храма звуками, попутно ионизируя воздух. Система труб «ловит ветер», создавая эффект золотой арфы; звуки в зависимости от состояния природы навевают ужас или радость. Для осуществления этой идеи нужны, кроме архитектора, специалисты из разных областей: оптики, акустики с хорошим слухом, химики, метеорологи, астрономы, знатоки свойств разных материалов...

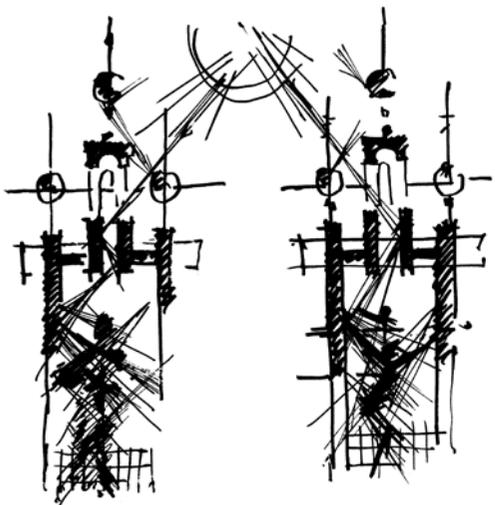
Автор постепенно уходит от чисто православной риторики. Вырисовывается вполне языческая концепция храма: ведь все языческие культы основываются на поклонении стихиям. И трактовка жизни богов связана с ритмами Вселенной, с циклами планет и светил (рождение Иисуса Христа – не исключение).

В конструкциях храма используются архетипические формы: вписанный в круг крест, шар, треугольник. Символы всех религий близки друг другу, имеют общие корни, что и воплощается в концепции.

Силы природы применяются, причем очень давно: ветряки, мельницы, ГЭС, прибойные электрогенераторы, солнечные батареи показывают, что природа всякий раз оказывается сильнее человека. И не напрасно человек тяготеет к максимальному их использованию.

Этот принцип можно использовать в малых формах; он может стать целым направлением в архитектуре. В конеч-

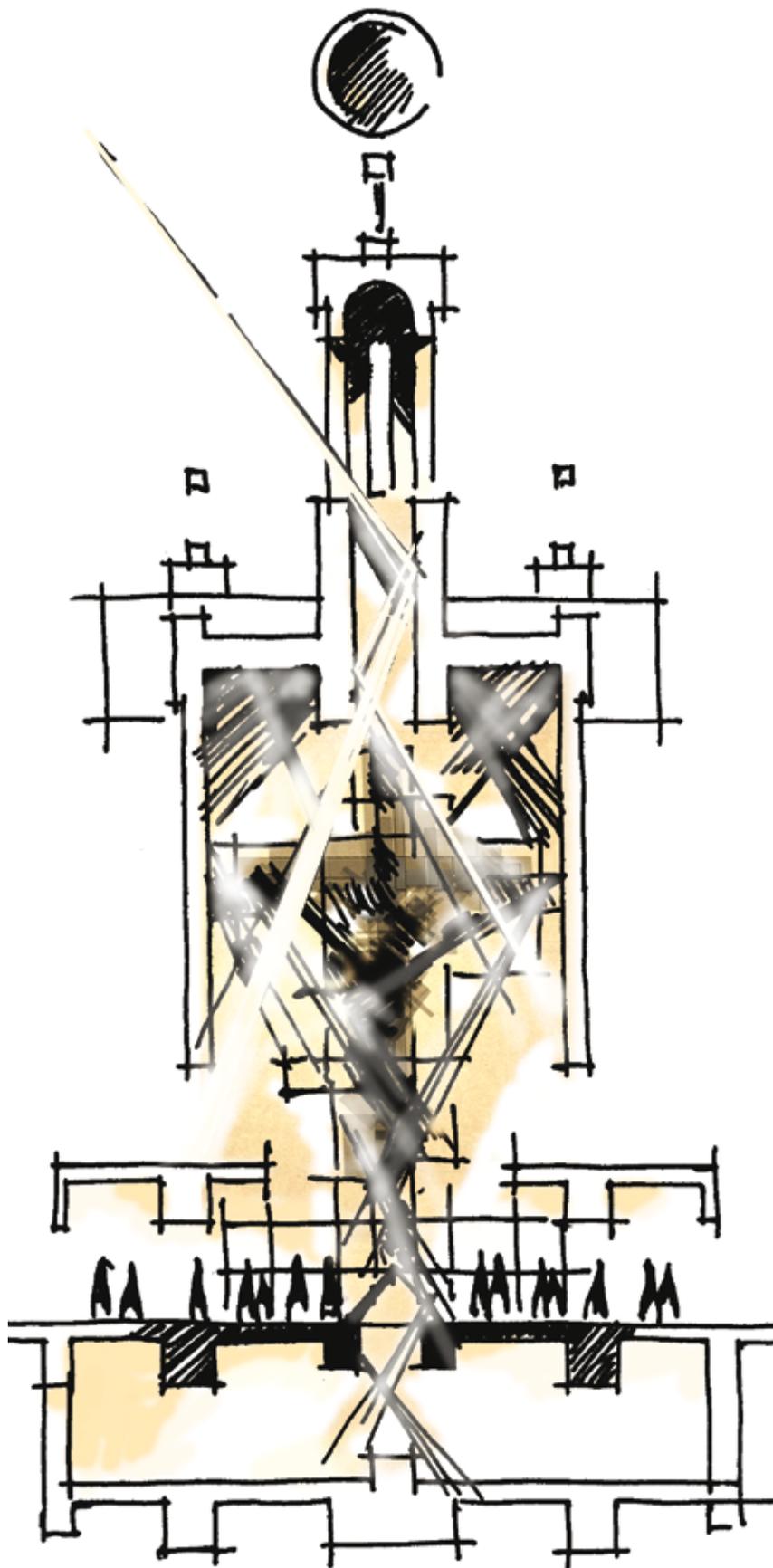
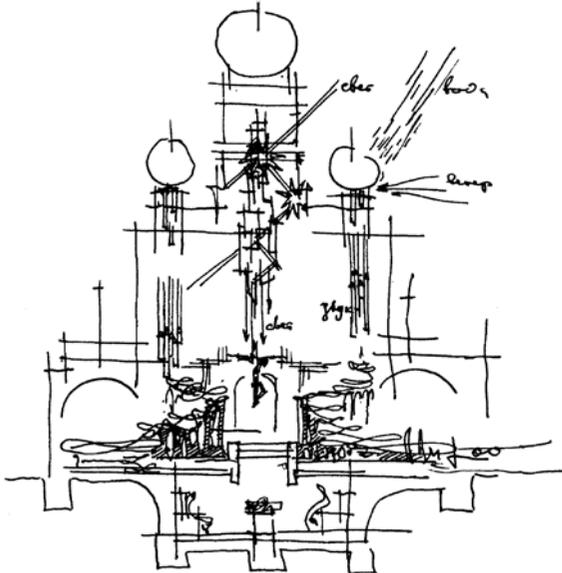

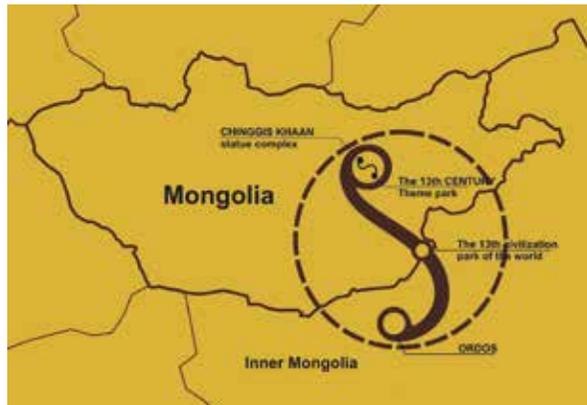
ном счете, это и есть экономичность: главные затраты происходят более всего в интеллектуальной области, а не в области материальных затрат.

В таких неосуществленных проектах становится особенно видно авторское понимание роли архитектора: он не столько преобразует, сколько лишь использует, чуть-чуть направляет, прикрывается, подделывается под силу природы. Этот принцип естественного роста можно считать универсальным и для проектирования, и для градостроительства: ведь градостроитель тоже приспосабливается к росту территории, наблюдая и подправляя естественные преобразования в обществе, подобные разворачиванию сил природы. Это можно назвать принципом органического роста, при котором заселение и распространение людей на территории подчиняются традиции и естественному закону.

Архитектурная лаборатория, о возможном создании которой говорил Н. Жуковский, может стать не только полигоном для экспериментов специалистов разных профессий, но и местом, где студенты – архитекторы и дизайнеры – учатся технологиям работ с материалами, вырабатывают навыки междисциплинарного мышления.

Культурный комплекс XIII века

Статуя Чингисхану
Скульптурный комплекс «Чингисхан» расположен в четырех километрах от Улан-Батора на живописном природном ландшафте берега реки Туул, на историческом месте «Цонжин Болдог». Месторасположение объекта дает ему преимущество по сравнению с другими достопримечательностями, до которых приходится добираться по неровной дороге не менее 480 километров. Общая высота статуи от земли – 40 метров, включая 10-метровый постамент, окруженный колоннами. Чингисхан в правой руке держит золоченый кнут. Места для отдыха, рестораны и сувенирные магазины будут расположены в основании статуи, откуда посетители могут подниматься в выставочный зал на лифте, находящемся в задних

CHINGGIS KHAAN statue complex

"Chinggis Khan statue complex" is located 54 km from Ulaanbaatar among beautiful natural scenery on the bank of river Tuul, in the place called "Tsonjin Boldog", memorial place connected with historic events. It's one of the biggest advantages of the project, if comparing the location of other historical sightseeing places, located not less than 300 miles rough drive. The statue in total is 40m high from surface erected at about 10 m high foundation and surrounded by columns. Far sighted Chinggis Khaan holds a golden whip in his right hand. Recreation area, restaurants and souvenir shops will be located in the column surrounded base of the Statue and from here visitors will ascend to the exhibition hall using elevator at the back of the horse. The visitors will walk to the head of the horse through chest and back neck of the horse, where they can have farseeing and good panorama view over the complex area. The main area will be surrounded by "gher" camp, designed and arranged like the pattern of the horse seal that were used by the 13th century Mongol tribes. In these "gher" camps tourists can have a night out at this spot.

The 13th CENTURY theme park

“13th Century National Park” is located in Erdene country, Yol mountain 96km from Ulaanbaatar.

The goal of “13th century” national park is build and establish real-time micro kingdom to make the lively feeling for its guests during their stay by genuinely providing true environment of the way of living and working of the 13th century.

Visitors can enjoy annual celebrations, customs such as making felt cover for gheers, sling wool sacred ceremony to praise flag, heaven by sacrificing, wedding, weeping camel, mare milking, sealing folks and organizing three games of men. Here the guests can dine with Khans and Queens visit the residents of lords and learn to write in Mongolian scripts and play in horse-headed fiddle /Morin khuur/.

“13th Century National Park” consisted with six camps and tribes provide the service to the tourists.

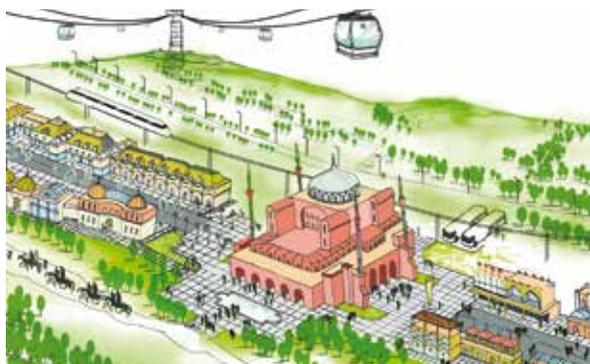

ногах лошади. Проходя через грудной и шейный отделы лошади, посетители попадают в ее голову, где смогут насладиться панорамным видом территории комплекса. Вокруг этой территории расположен лагерь из юрт «гэров», повторяя рисунок клейма, который ставили на лошадей монгольские племена XIII века. В этом лагере туристы при желании могут остаться на ночь.

Тематический парк XIII века

«Национальный парк XIII века» расположен на земле Эрдене, у горы Уул, в 96 километрах от Улан-Батора. Целью создания «Национального парка XIII века» было строительство микроимперии и воспроизведение подлинной картины быта XIII столетия для того, чтобы гости получили живое представление о том времени.

Для посетителей проводятся ежегодные праздники, демонстрируются такие обычаи, как, например, изготовление войлочного покрытия для гэров, священная церемония прославления флага и небес путем жертвоприношения, свадьба, плач верблюда, доение кобыл, клеймение и проведение трех мужских состязаний. Здесь гости могут поужинать с ханом и его женой, посетить их резиденцию, обучиться монгольской письменности и игре на скрипке в виде лошадиной головы (Морин хуур). «Национальный парк XIII века» состоит из шести лагерей и племен, предоставляющих услуги туристам.

место
г. Белоярский,
Ханты-Мансийский АО

исполнитель
архитектурно-проектная
мастерская
ЗАО «Сити-Арх», Москва

заказчик
администрация
Ханты-Мансийского АО

генподрядчик
ООО «СХСеверСтройИнвест»

проектирование
2004–2007 гг.

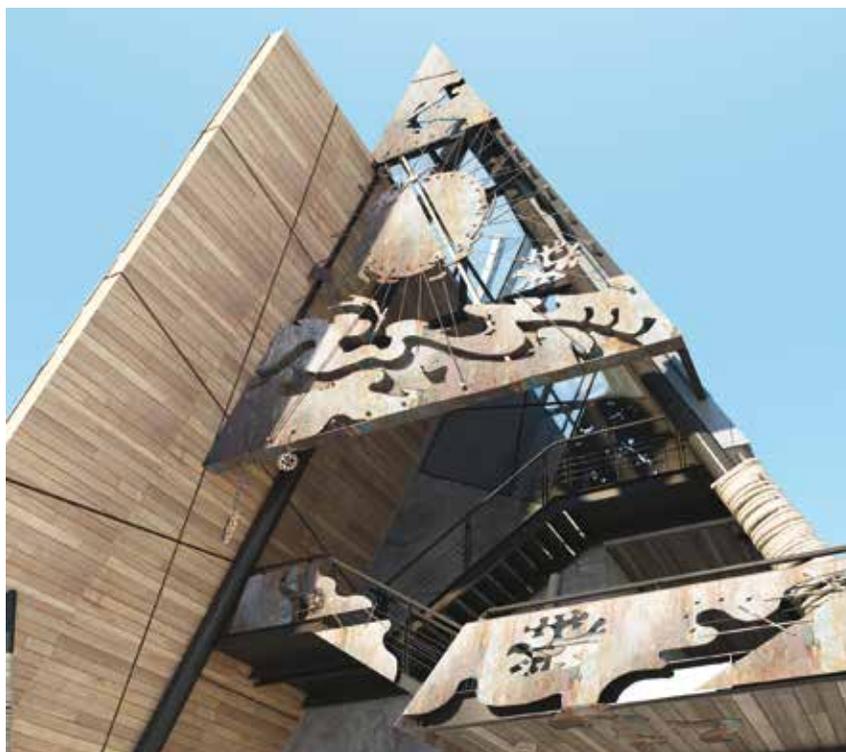
строительство
2008–2010 гг.

Музы Севера

Центр особо охраняемых территорий «Музей Нумто»

Испокон веков с приходом музыки связывались самые прекрасные и самые светлые моменты в жизни – моменты озарения и вдохновения, появления нового, встречи с мечтой. Момент, когда в нашем сознании возникает первый, еще нечеткий образ того, о чем мечтаем, называли посещением музыки. С этого мгновения мечта поселяется в нашем сердце, и мы уже понимаем, что не можем жить без нее.

Такой мечтой для творческой группы архитектурной мастерской «Сити-Арх» и стало создание и дальнейшее воплощение объекта «Центр особо охраняемых территорий “Музей Нумто”», расположенного в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа.

Поначалу администрацией округа была выделена территория для проектирования административного здания с комнатой-музеем в 100 квадратных метров.

Идея и композиционный принцип представления Музея природы как единого пространства были разработаны в прежнем нереализованном проекте архитектора, ныне генерального директора ЗАО «Сити-Арх» Валерия Лукомского. Именно поэтому диалог с главой администрации Белоярского района Сергеем Маненковым о будущем объекте, об увеличении музейной зоны и определении окончательного местоположения объекта был уже предметным.

текст
Ольга Титова

гл. архитектор
В. В. Лукомский

архитекторы
И. В. Лукомская
Ю. А. Морозов

гл. конструктор
И. Н. Азаренко

конструкторы
Н. А. Томилин,
Н. Н. Капачевич

общая площадь
1 940 м²

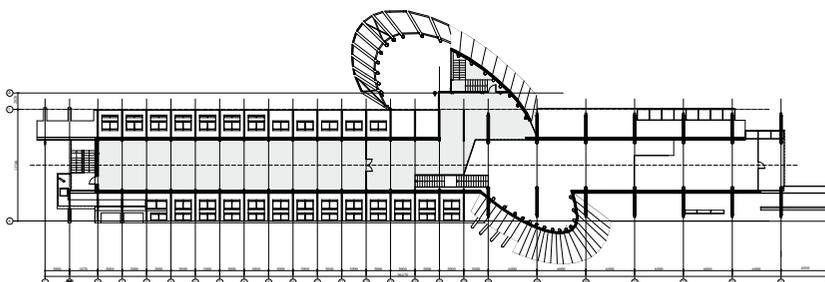
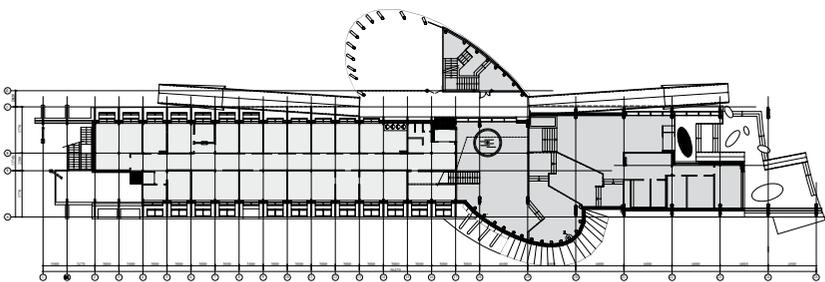
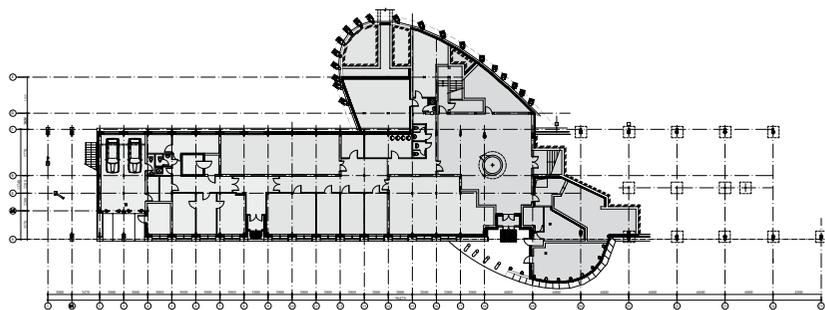
площадь застройки
1 550 м²

строительный объем
10 450 м³

количество этажей
3 этажа

конструкции
1. Фундамент – монолитный железобетон
2. Несущие конструкции – металлический каркас
3. Ограждающие конструкции – стальные панели
4. Кровля – декоративно-металлическое покрытие фирмы RHEINZINK
5. Оконные системы – витражные окна с алюминиевым профилем

Работа над созданием Музея Нумто велась с 2004 года. Авторский коллектив пришел к выводу о необходимости расширения проектируемых площадей, была поставлена амбициозная задача – сочетание будущего объекта с существующим зданием международной гостиницы, объединение комплекса зданий в единый архитектурный ансамбль. Наличие гостиницы в месте застройки выгодно решало проблему взаимодействия объектов, неизбежно влекло за собой усиление их социальной роли, развитие инфраструктуры в перспективе.

Белоярский район по праву называют «краем голубых озер»: огромные пространства, покрытые водой, заболоченные территории и подлинная жемчужина края – самоедское озеро Нумто, называемое «божьим озером». По территории протекают такие крупные реки как Обь и Казым с притоками Лыхма, Сорум, Помут, Курьех. Множество озер, расположенных здесь, зачастую просто не имеют названий.

Уникальность района состоит в том, что практически более 20% площади района занимают охраняемые территории. Незначительное количество нефтедобывающих предприятий в районе обусловило сохранение большей части территории в первозданном виде. Одним из самых крупных по площади является природный парк окружного значения Нумто.

Пожалуй, нет на карте Белоярского района, да и округа в целом, места более загадочного, чем район озера Нумто. Не случайно идея создания музея – жилища самих муз, Мусейона в древности, храма, посвященного им, откуда современные «музей», «музыка» – так удачно воплотилась в зоне расположения этого магического озера. Музы узнали сдержанную и строгую красоту Севера.

А богатству хантыйского пантеона можно только подивиться. Главное место в нем занимают два божества – две могучие силы, ведущие между собой войну, сила света и силы тьмы – Нум и Нга. Оба они – участники Сотворения всего живого на земле. Спор о том, «кто есть первый», Нум или его извечный соперник Нга, происходит в югорской мифологии от Сотворения да «пересотворения», охватывая каждый год, день, человека, вещь. Озеро Нумто в переводе с хантыйского означает «Небесное» или «Божье

озеро». С давних пор озеро является одним из главных священных мест хантов и ненцев, коренных народностей этой территории. В центре озера находится Святой остров, на котором происходят все обряды жертвоприношения и куда не ступала нога ни одной женщины.

Важную роль в сегодняшней жизни коренных народов играет традиционное мировоззрение, отличающееся высокой степенью экологичности и направленное не на «покорение» природы, а на приспособление к ней человека.

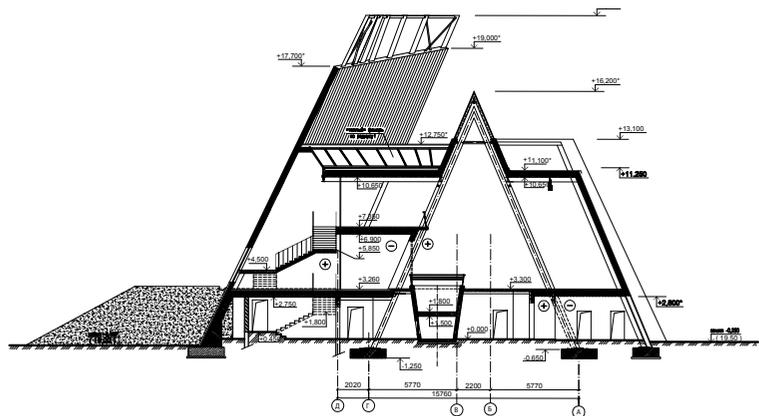
Возможно, годы детства и отрочества, проведенные в Эстонии одним из авторов проекта – Ириной Лукомской, отразились на концепции и помогли пониманию «северной души». Эстонцы, финно-угорский народ, принадлежат к той самой ветви, к которой относится и хантыйская народность. Нежаркие объятия суровой северной природы, не пышные, но строгие формы. Пришла пора ожить нордической сказке в реальности.

Предлагаемое архитектурное решение образно отражает традиции древних верований. Сменяется череда суток, и человеческий век постепенно перетекает с востока на запад. На востоке располагается обитель Нума, откуда приходят души людей, на западе – страна Нга, куда они, покинув человеческое тело, уходят.

Экспозиция объекта решена так, что для зрителя, поднимающегося по ступеням здания, постепенно открываются различные уровни пространства. По мере движения экспозиция сопровождается звуковыми и световыми эффектами.

В мифологии представлены семь уровней подземной жизни и семь уровней наземной жизни существ. Основное внимание уделено музейной зоне здания, включающей в себя многоуровневое пространство – соответствие подземному и небесному мирам в хантыйской мифологии. Верхний уровень открывает простор для обзора флоры и фауны с вкраплениями этнографической экспозиции, а нижний уровень проводит в земной срез с содержащимся в нем подземным живым миром.

Во всем архитектурном решении не случайно присутствует энергетика воды, водного пространства. За основу образа музея взяты формы национального судна: охотни-

чья легкая, ходкая, надежная лодка-обласок. Ее перевернутая форма легко угадывается в образе всего здания.

В основе конструктивного решения лежит принцип постройки и традиционного северного дома – чума, с его острыми кольями и пересечением по кровле пластин, частично покрытых оленьей шкурой. Деревянный брус на кровле с лоскутами шкуры, оббитый толстой бечевой с пропиткой, декоративные элементы – вырезанные профили на металлических листах с «эффектом ржавчины» – имитируют национальные приемы, осмысленно и функционально дополняют друг друга. Панно на торцах и над входом в здание несут служебную нагрузку, являясь ограждающими конструкциями, мощный лук в руках фигуры Охотника, обозначающего вход, одновременно служит ручкой входной двери. Пандус здания «охраняют» фигуры идолов, выполненные хантыйскими мастерами, своеобразие фасада определяет долбленая лодка, «спрятанная» под ворохом кедровых игл у входа, – таким образом, музейная экспозиция вписана непосредственно в массив здания и начинается уже на улице.

Особое внимание уделено ландшафту. Внутреннее пространство соотносится с окружающим рельефом. Прилегающая территория разделена на пять локальных участков, символизирующих собой пять природных зон, характерных для края.

Культура номадов: пространство интерпретаций

текст
Ольга Железняк
Татьяна Ерошенко

1. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
2. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1987.
3. Садохин А. П. Культурная идентичность в межкультурной коммуникации // Искусство и цивилизационная идентичность (опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме): материалы международной конференции // Искусствознание. 2007. № 1 (XXIX).
4. Содномпилова М. М. Природные и культурные ориентиры жизненного пространства номадов Центральной Азии. Улан-Удэ, ИМБИТ СО РАН.
5. Кафедра дизайна Иркутского государственного технического университета факультета изобразительного искусства (зав. кафедрой О. Е. Железняк) обеспечивает подготовку по специальностям «Дизайн» и «Декоративно-прикладное искусство» и специализациям: «Дизайн среды», «Дизайн графический», «Дизайн костюма», «Художественная керамика». За программы обучения дизайнеров в 2003 г. кафедра представлена к Почетному знаку профессионального стандарта (Высокий дизайн); за последние пять лет сотрудники кафедры стали лауреатами и дипломантами 53 международных, российских и региональных выставок и конкурсов. Студенческие работы за это же время получили около 300 наград, среди которых – медаль, дипломы и грамоты Министерства образования РФ; 75 наград международных конкурсов и выставок, 70 дипломов и премий российских выставок, дипломы и грамоты творческих союзов России.

Кочевник. Дипломник А. Тыкешкин, руководители доц. О. Ю. Копенкина, преп. Т. А. Ерошенко, А. А. Билькина

Вызовом сегодняшнего дня становятся новые условия, которые требуют поиска иных оснований для самоидентификации, будь то обращение к ценностям индивидуализации через преодоление национальной / коллективной идентичности; сохранение специфики национальной идентичности и развитие личностной самоидентификации; формирование современной цивилизационной идентичности или какая-либо другая парадигма.

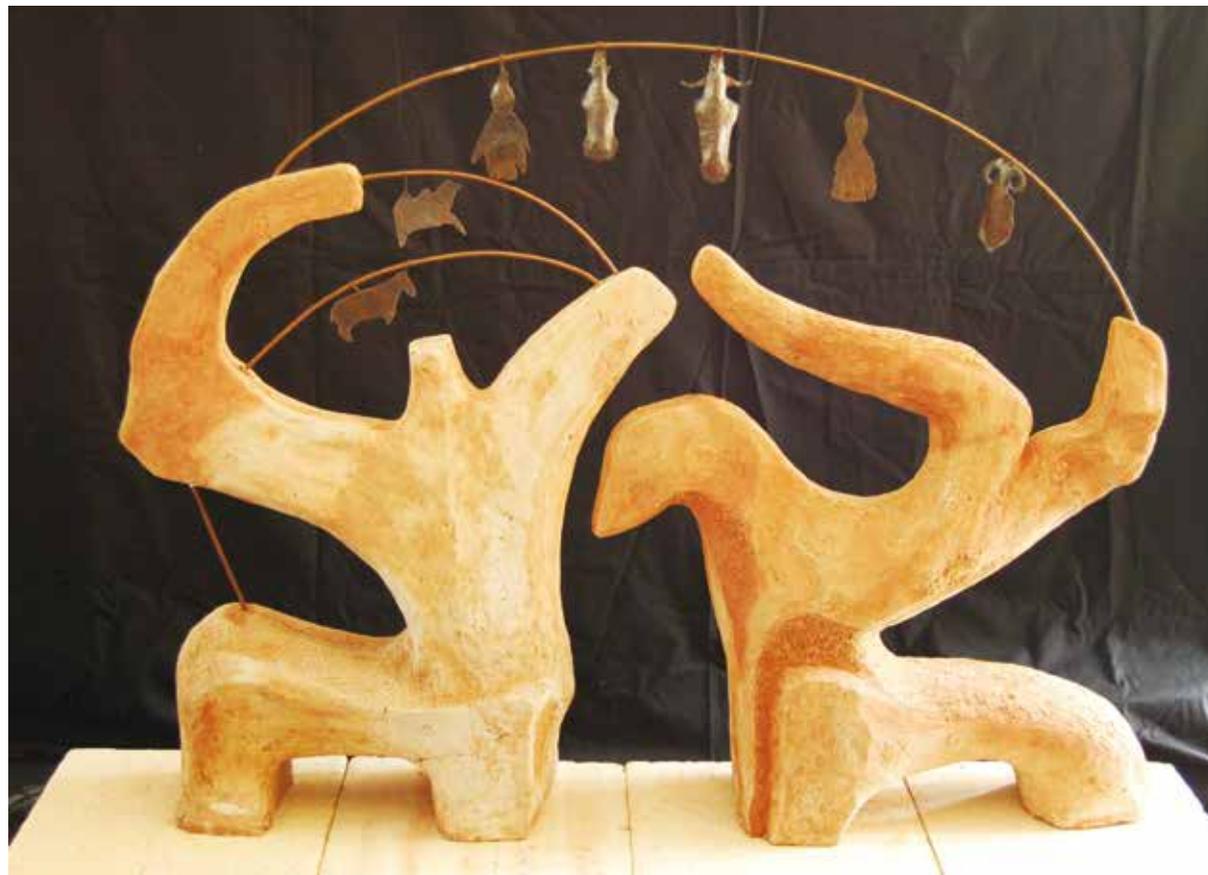
Призывы отказаться от идеи коллективной (национальной, этнической, конфессиональной и пр.) идентичности в пользу ценностей самосознания отдельного индивидуума представляют собой один из полюсов обсуждения проблем идентичности. Второй полюс дискуссий, напротив, ориентирован на определение новых оснований коллективной идентичности, отвечающих на вновь поднятый вопрос «кто мы?» и соответствующих современным устремлениям различных видов общностей (наций, народов, конфессий, цивилизаций и др.).

Все это вместе находится под воздействием «деятельной, творческой памяти всего человечества» или, как ее называет А. Моль, «памяти мира»¹. Связуя прошлое, настоящее и будущее, будучи процессом творческим, память фиксирует то, что для жизни значимо: «Запоминается то, что нужно, и запоминается постепенно, иногда мучительно трудно...»². Именно такой отбор, деятельный и сущностный, совершают традиционные способы воспроизводства и трансляции феномена культуры. Исторически складываясь, они позволяют воспроизводить и транслировать общезначимые для социума и культуры нормы-эталоны – «память мира», сохраняют и передают систему основных отношений субъекта, группы, отдельных культур с природной (биологической), социальной и культурной средами.

При этом самоидентификация народа и нации будучи «перманентным историческим процессом» во многом обусловливается базовым элементом этнической принадлежности – исторической памятью. В свою очередь, историческая память (со всей ее выборочностью) оказывается определяющим фактором, обеспечивающим становление мифов, обрядов и ритуалов, традиционного искусства и фольклора, актуальных образов культурной идентичности и личностной самоидентификации. Принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе непосредственно влияет на формирование ключевых ценностей культуры: «ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом»³.

Не безынтересно в этом плане обращение к культуре номадов (от греч. nomados – кочующий), чья историческая память сформировала и сохранила специфическую систему мифов, хозяйственных и пространственных представлений, оказавших влияние на последующее развитие базовых идеологий и культурных традиций различных регионов мира. Кочевая культура как манифестация «человеческого здесь-бытия» (по версии Ауезхана Кодара) – это также тот тип культуры, обсуждение которого чрезвычайно важно при разговоре о культуре сибирского региона и современной культуре в целом и особенно при подготовке современного специалиста, ориентированного, в том числе, и на будущую работу в регионе.

Ключевые образы «кочевой» культуры, их интерпретация, картины мира, традиционные материалы и их современное использование, взаимодействие и взаимовлияние различных культур, особенности «жизненного пространства номадов Центральной Азии, обознача-

Декоративное панно «Стихии». Дипломник Е. Герасимова, руководители доц. О. Ю. Копенкина, преп. Т. А. Ерошенко

Буряточка. Автор В. Ангархаева, руководитель О. Ю. Копенкина

емого как нутаг – «своя земля», «Родина» у бурят и монголов, и выявление наиболее характерных черт пространства, организующих кочевое пространство и придающих ему значимость»⁴ – все это становится постоянным объектом исследования и творческого переосмысления преподавателей и студентов кафедры дизайна факультета изобразительного искусства ИрГТУ⁵.

Прежде всего, различные авторские трактовки в работах кафедры приобретает один из базовых образов традиционной культуры номадов – образ кочевника / номада – этого «покорителя больших пространств», умеющего «путь найти по звездам... и защитить кочевье от нападения врага, и распознать недобрые помыслы ложного друга»⁶, способного «странствовать» в духовных сферах среди стихий и духов предков и передвигаться в пространстве мира на коне, в повозке, на верблюде или быке.

Так, в скульптурной композиции Т. А. Ерошенко кочевник, как вечный путник, человек, находящийся в гармонии с природой и зависящий от нее, представляется многосоставной композицией из трех персонажей: быка, человека и его кибитки. Единение с природой, неспешность освоения пространства, философское отношение к жизни – вот смысловое наполнение композиции, ментальный идеал номада, кочевника-странника, постоянно перемещающегося по не терпящей хаоса Великой Степи. Знаком постоянного движения, круговорота жизни, смены дня и ночи, времен года служит Колесо, выбранное автором в качестве основного символа и образа кибитки.

Другая версия «Кочевника»⁷ отражает авторские размышления о прародителях бурят и их мироощущении, попытку показать преемственность бурятской культурной традиции через классическую для кочевника триаду «Человек – Конь – Вселенная». Работа представляет собой двухфигурную композицию, объединённую дугой небесного свода. Конь, отчасти напоминающий птицу, «подпирает» человека, отдавая ему свою силу и выносливость. Культ почитания коня, заимствованный из культуры монгольязычных народов, остаётся и сейчас важным символом искусства

номадов, так как это священное животное воплощает в себе ум и красоту, силу и преданность человеку. У кочевников Азии отношение к коню, как к близкому другу, подтверждается его вторым именем – «драгоценность». По-бурятски это «эрдэни». Поэтому, по замыслу автора, и конь, и человек в композиции приобретают одинаковый размер. Пластический образ выполненных в шамоте фигур номада и коня находит развитие в серии обереговых мифологических животных, родовых онгонов из металла, разработанных автором на основе традиционных аналогов.

Для воплощения замысла не случайно были выбраны шамот и металл, так как эти материалы сохраняют свои выразительные качества и естественный цвет после обработки. При этом шамот придаёт поверхности некоторую выветренность, что отсылает нас к образам песка

Хвоц. Автор Д. Ибрагимова, руководители Т. А. Ерошенко, А. В. Лукьянова

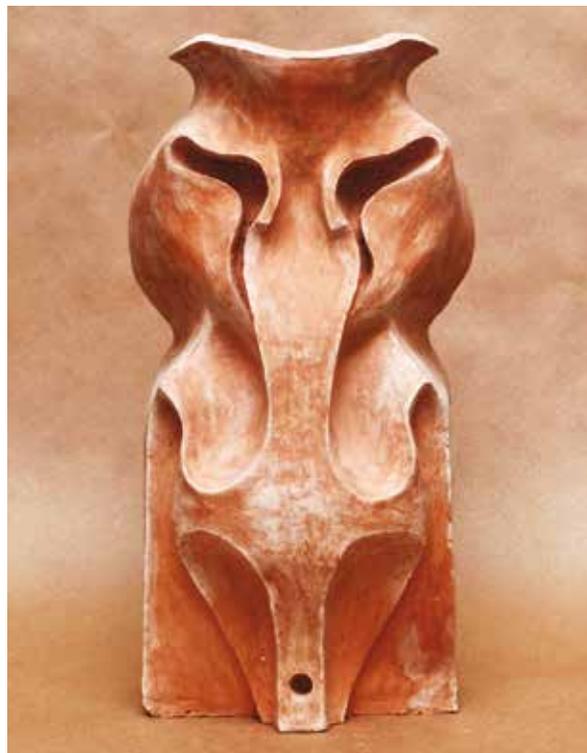
6. Ауезхан Кодар. Степное знание.
7. «Кочевник». Дипломник А. Тыкешкин, руководители доц. О. Ю. Копенкина, преп. Т. А. Ерошенко, А. А. Билькина,

Идол. Автор В. Ажунова, руководитель О. Ю. Коленкина

8. Процесс работы включает ряд технологических стадий, свойственных керамике, – пластическое формование, сушка и обжиг. Выбранный метод пластического формования с помощью гипсовых форм составлял особую стадию вспомогательной гипсомодельной работы. Предварительно выполненные модели из глины на деревянном каркасе были переведены с использованием гипсовых форм в шамотные пустотелые изделия толщиной в 2 см и обожжены при температуре 1050° С в окислительной газовой среде. Отдельную стадию представляла работа с металлом, с чеканкой. Завершающей стадией стал монтаж керамики и металла в одну композицию.

9. «Буряточка». Автор В. Ангархаева, руководитель О. Ю. Коленкина.
10. Содноппилова М. М. Природные и культурные ориентиры жизненного пространства номадов Центральной Азии. Улан-Удэ, ИМБИТ СО РАН.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст : из работ московского семиотического кружка. М. : Языки русской культуры, 1997.

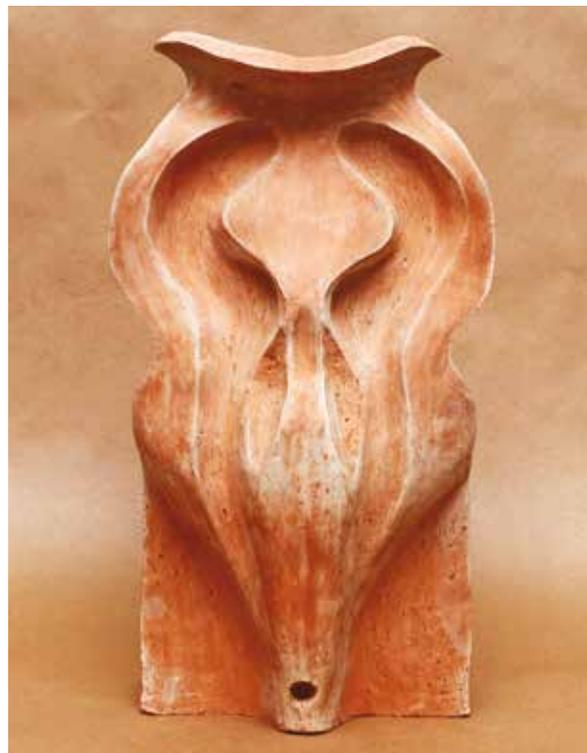
Кочевник.
Автор Т. А. Ерошенко

и ветра, в то время как металл оберегов олицетворяет «ограждающую» силу. «Минимальность» декоративной обработки материала также соответствует идее простоты и естественности⁸.

Скульптурная композиция подобного габарита располагает большими экспозиционными возможностями: может существовать в садово-парковой и городской среде, являться частью тематической выставки, а также играть роль декоративной скульптуры в интерьере. В работе автор стремится отразить мировосприятие современника и при этом сохранить неразрывную связь с исходной культурой номадов; в ней также проводится идея возрождения исторической памяти, удерживающей и транслирующей историю и традиции своего народа, свою религию и мифологию.

В противовес брутальной динамичности мужских образов кочевника женский образ («Буряточка»⁹), передает в пластике впечатление мягкой женственности и уюта, веющего от застывшей на мгновение женской фигуры, исполняющей обрядовый ритуал.

Индивидуализация пространства через различные способы его освоения и присвоения приобретают немаловажную роль в формировании представлений об ориентации в пространстве и формах ее фиксации, что особенно актуально для культуры номадов. При этом «обжитое пространство характеризуется наличием знаков-следов пребывания человека, его мировоззрения, в качестве которых могут функционировать и рисунки-петроглифы, и места обитания сверхъестественных существ, населенные пункты и похоронные места»¹⁰ и пр., тогда так «непроявленное пространство» характеризуется отсутствием следов. Обживает такое пространство, по мнению В. Н. Топорова¹¹, через множество природных и культурных объектов. Они не только «конституируют пространство через задание его границ, отделяющих обжитое пространство от непроявленного пространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение».

Образцом особого свернутого представления норм и ценностей, способом иррационального обозначения границ, квинтэссенцией понятий о мире, изобразительным представлением картины мира в восточной культуре служит мандала. Традиционно – это внешний круг со вписанным в него квадратом, в центре которого расположен второй круг. Квадрат разделен на четыре части, зоны входа в «обитаемый мир» окрашены в символический цвет, соотношенный с той зоной квадрата, которой он принадлежит. Стороны квадрата моделируют пространственные координаты вселенной и ориентированы по сторонам света. Внешний круг, чаще всего, трактуется как граница Вселенной, символизирует ее целостность и через различные атрибуты описывает пространственные и временные свойства Вселенной. Нередко сюда же встраиваются структуры этических и аксиологических норм, характерных для данного региона (например, система перевоплощений человека). Внутренний круг служит символом женского начала и иногда содержит знак мужского начала.

Присущая мандале комбинация квадрата с кругом, является основой композиции настенного панно «Пять стихий»¹². Дипломница обращается к теме пяти стихий,

Декоративное панно «Стихий». Дипломник Е. Герасимова, руководители доц. О. Ю. Копенкина, преп. Т. А. Ерошенко

так как в культуре Тибета считается, что мир был создан силой пяти стихий: воды, воздуха (ветра), земли, огня и человека, где Человек предстает частью природы, элементом общей цепи. Такое композиционное решение призвано символизировать единство Земли и Неба, при этом не только форма фигур-знаков передает характер стихий, но и орнаментальная структура, и расположение элементов служат метафорой жизни. Образы четырех стихий и четырех сторон света связываются в общий композиционный сюжет ключевым художественным образом, содержащим в себе знаки человека, как «общего знаменателя» всего живого, которому дано осознать и воспользоваться силой всего сущего на земле. Такая трактовка мира, свойственная тибетской культуре в целом и представленная в авторской версии в виде мандалы, характеризует еще одну часть традиционных представлений.

Интерпретация мандалы как «универсальной психокосмической системы» (К. Г. Юнг), объединяющей микро- и макрокосмос, в восточной культуре нередко кладется в основу организации структуры идеального города или ритуального сооружения, царских дворцов и восточных храмов. Важную роль в этой ситуации играет вертикальная ось, проходящая через центр мандалы, которая является еще одной пространственной координатой, означающей движение сверху вниз, с небес на землю, пришествие божества в мир и – возможное восхождение человека вверх. В интерьере мандала может выступать эталоном организации пространства и процессов в нем происходящих. В то же время мандала может четко фиксировать сакральное место, место божества, одновременно оберегая территорию, то есть является одним из способов наполнения реального пространства духовностью¹³ и своеобразными знаками, означающими освоенность территории.

Освоенность места, будучи значимым компонентом культуры номадов, напрямую связана с духами места, «хозяевами местности», покровительствующими той или иной территории, в роли которых на разных стадиях выступают Солнце и Луна, «животные и амбивалентные духи покойных людей, родовых предков,

12. Декоративное панно «Стихий». Дипломник Е. Герасимова, руководители доц. О. Ю. Копенкина, преп. Т. А. Ерошенко. Работа выполнена из металла и глины, применена авторская техника плетения из проволоки.
13. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1991.

Декоративная скульптура по мифу прибайкальских бурят Буха-Нойон” – дипломник: Билькина А.А., руководители: доц. Копенкина., преп. Ерошенко Т.А., Верхозина А.В.

Солнце и Луна.
Автор Д. Ибрагимова,
руководители
А. В. Алсаткина,
А. А. Билькина,
А. Н. Чимитдоржиева

Шаман. Автор
А. Смолькова,
руководитель
О. Ю. Копенкина

жрецов, шаманов, военных предводителей, властителей разного ранга»¹⁴ и которые, как правило, изображаются в различных техниках и материалах в качестве оберегов, культовых атрибутов и пр.

Попытка создать образ духа, покровительствующего людям, «распоряжающегося судьбами человека, народа и государства»,¹⁵ отвечающего за обильный лов зверей, удачу в промысле и ниспослание разных благ предпринята в работе «Идол». Идея образа сформировалась на основе мифологий народов Центральной Азии о «божественном небе, тождественном себе», «всезнающем, праведном божественном небе», «небе благой стороны», «небе дурной стороны» и др. и символизирует западный тэнгри,¹⁶ представляя часть «анимистических верований о небесном духе-хозяине», «неперсонифицированное мужское божественное начало».

Выполненные во время практики в виде оберегов Солнце и Луна,¹⁷ постоянные спутники людей и на земле и на небе, почитаемые у бурят как покровители человеческого рода, как божества чадородия, дарующие жизнь всему существу, созданы из традиционных материалов (конский волос, войлок, кожа, ивовый прут) для проекта этно-дизайн-театра. Солнце и Луна, обозначаемые числами восемь и девять, в традиционных представлениях древних монгольских народов являются персонажами астральных мифов и наделены глубокими смыслами: Солнце представляется матерью, женским началом, называется «восьминожкой»; Луна считается отцом, мужским началом, «имеет девять ног». Изображается Солнце в виде восьми концентрических кругов, а Луна – девяти. Кроме того, Солнце является духовным опекуном (найжа), а Луна – стражем-хранителем (нахуюхан), нередко представляются антропоморфными персонажами, состоящими в браке и имеющими имена: Солнце называлось госпожой Налуй, а Луна – господином Налуй, что отражает факт возникновения парного брака. Авторское толкование образов Луны и Солнца наполнено орнаментальной символикой и семантикой архаических зна-

ков, что в сочетании с творческим использованием традиционных материалов и старинных технологий образует своеобразную целостность исторических смыслов и современной формы.

Не случайным при разговоре о форме следов и знаков освоения, о культурных ориентирах является и обращение к интерпретациям природы. Так, образ композиции «Хвощ»¹⁸ навеян разнообразием природной палитры края¹⁹, родовое название происходит от латинских слов – equus (лошадь) и seta (щетина) – из-за внешнего сходства с лошадиной щетиной; народное название хвоща – конский хвост. У народов Прибайкалья конь, как было отмечено выше, – это ценность, имеющая тотемную природу, и попытка создать образ, связанный одновременно с интерпретацией растительных форм и мифами о коне, инициировала довольно нестандартное решение, обращающего нас к идее светильника. Светильник выполнен в сложной технике, с применением необычного синтеза материалов, а также их нетрадиционного декорирования: в данной работе употребляется два материала – керамика, декорированная в технике дымления, и войлок, натуральный материал, почитаемый у бурят и степных народов, который использован как структурная составляющая верхнего сегмента светильника для создания образа и его завершения.

В целом освоение пространства, его символическое и реальное присвоение подразумевает «заполнение территории, где проходит весь жизненный цикл кочевника... природными и культурными ориентирами», знаками и обозначениями. Нередко в случае миграции в отдельных группах монголоязычных народов культурные ориентиры переносятся на новые территории, что воссоздает своеобразный «каркас прежней Родины». Характерным примером служит перенос булагатами жертвенного камня, посвященного Буханойону из Тунки в Кудинскую долину на гору Ухэр-Манхай. «Тенденция переноса камней жертвенника с культового места на территорию современного проживания имела место и в среде эхиритов, считавших своим сакральным центром гору Байтог»²⁰.

14. Герасимова К. М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Вып. 5. Улан-Удэ, 1969. С. 105–145.
15. Мифы народов мира : в 2 т. М., 1992. С. 499–501.
16. «Идол». Автор В. Ажунова.
17. «Солнце и Луна». Авторы Д. Ибрагимова, В. Ажунова.
18. «Хвощ». Автор Д. Ибрагимова.
19. Растение хвощ зимующий повсеместно распространено на Байкале.
20. Содноппилова М. М. Природные и культурные ориентиры жизненного пространства номадов Центральной Азии. Улан-Удэ, ИМБит СО РАН.

Шаман. Автор
А. Смолькова, руково-
дитель О. Ю. Копенкина

Шаманы. Автор
Ю. Курилко,
руководитель
О. Ю. Копенкина

Знаками освоения, частью «культурного каркаса» и исторической памяти являются легенды, придания, сказки, мифы, песни, уносящие слушателя в мир героев далекой эпохи. Одним из интереснейших жанров устной народной поэзии бурят являются мифы о сотворении мира, появлении людей на земле, о богах и первопредках бурят, в которых сохранились отголоски древних представлений об окружающем мире. Цикл легенд и преданий начинается с известных мифов о Буха Нойоне – прародителе булагатов, посвященных волновавшим предков вопросам о происхождении бурятских родов и племен.

Скульптурной интерпретацией этого мифа Прибайкальских бурят является работа «Декоративная скульптура по мифу прибайкальских бурят Буха-Нойон».²¹ Обращение к традиционной культуре, к первоистокам вполне актуальное само по себе в ситуации тотальной транснациональности, захлестывающей сов-

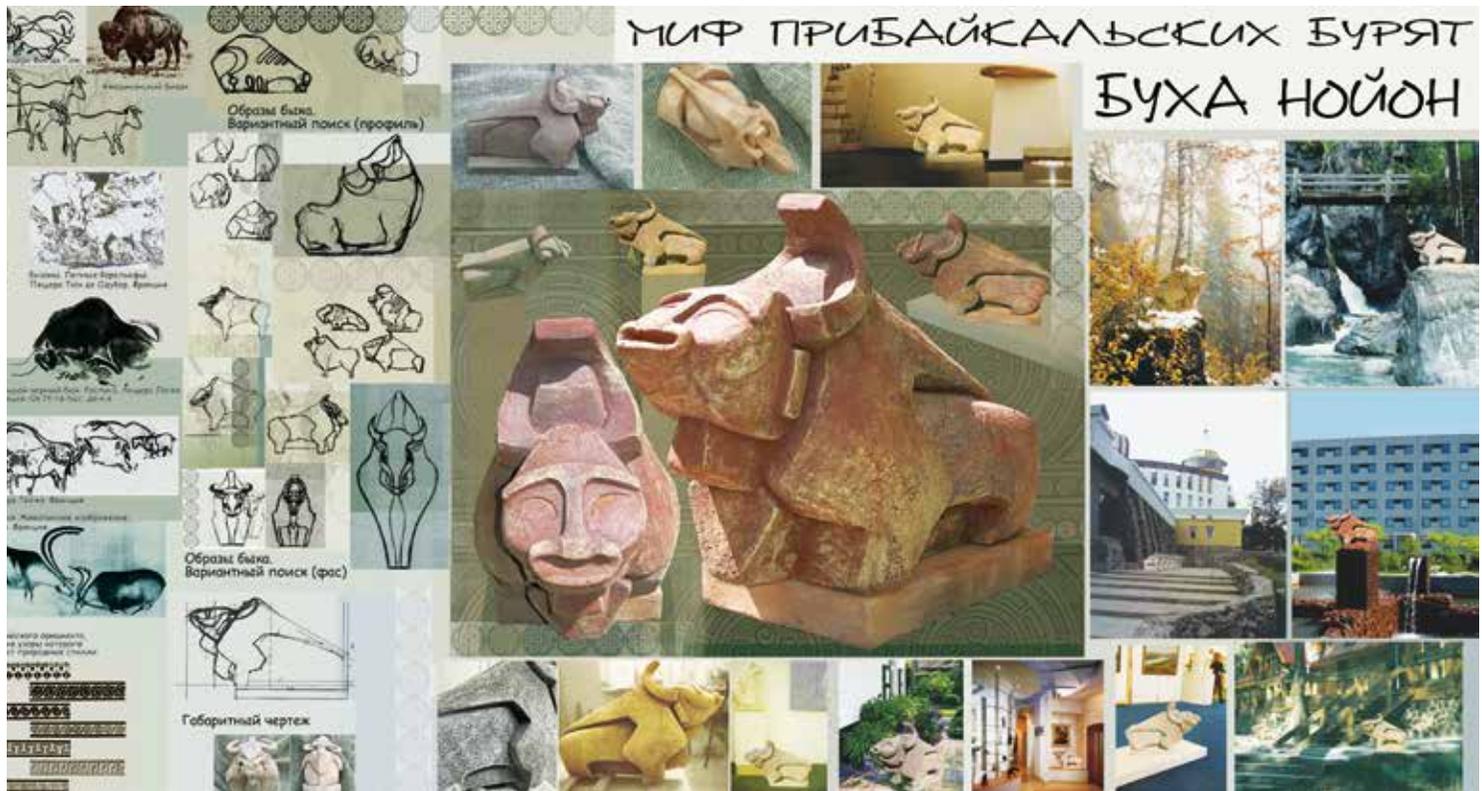
ременную культуру, приобретает еще больший интерес в попытке автора создать своеобразный знак-символ территории, выразить «эйдос» места. Автор ставит задачу подчеркнуть «особость» территории, ее способность «собирать» ей одной присущие смыслы и символы, сопровождаемые мифами и легендами, что отличает значимые и знаковые пространства города, исторически и культурно освоенные.

Для этого в работе проводится изучение мифов, преданий, научной литературы о первопредках Прибайкальских бурят, их духовной культуре, народном бурятском орнаменте и пр. История показывает, что среди трех основных племен Прибайкальских бурят, которые традиционно расселяются на территории вокруг Байкала, существенную роль играет племя булагат, которое в основном занималось скотоводством. Прародителем этого племени выступает тотемное животное – бык, которого буряты называют Буха-Нойон; отцом и начальником, богом плодovitости, чтят его в посвященных обрядах и ритуалах и восхваляют его в своих сказаниях и мифах. Именно этому сакральному животному, описанному в одном

Фактуры. Дипломник
О. Федоров, руководитель
доц. С. В. Мурашова

Солнце и Луна.
Автор В. Ажунова,
руководители
А. В. Алсаткина,
А. А. Билькина,
А. Н. Чимитдоржиева

21. Декоративная скульптура по мифу прибайкальских бурят «Буха-Нойон». Дипломник А. А. Билькина, руководители доц. О. Ю. Копенкина, преп. Т. А. Ерошенко, А. В. Верховзина.

из ключевых мифов Прибайкальских бурят посвящена дипломная работа.

В авторской версии декоративной скульптуры быка прекрасно считываются сила и мощь, присущие этому мифологическому герою бурятского эпоса; грубая пластика основного объема сочетается с детальной проработкой отдельных элементов и орнаментацией солярными знаками. Появление солярных знаков не случайно, так как они являются достаточно распространенным элементом в орнаментах бурятских народов, несущим множество смыслов (в трактовке автора диплома солярный знак означает начало жизни и ее развитие). Подиум скульптуры символизирует образ священного места, на котором располагается тотем: скульптура символически «вырастает» из «места» и, в то же время, вбирает в себя знаковую сущность территории.

Чтобы подчеркнуть фактурность, первобытность прообраза Буха-Нойона, для исполнения работы выбраны глина и шамот; обжиг проведен при температуре 1 120 градусов для достижения необходимого цвета глины (темно-коричневого).

Декоративная скульптура спроектирована как садово-парковая (с возможностью размещения в одном из прибайкальских ландшафтных парков – предложены различные варианты размещения); но может быть также использована в качестве знаковой городской скульптуры и даже в интерьере общественных зданий (например, в здании администрации Бурятского национального округа).

Выполненная в традиционной технике грубой керамики (глина и шамот) работа по мотивам бурятского эпоса «Буха-Нойон» представляет собой наглядный образец авторского художественно-пластического языка.

Обсуждая культуру номадов, их мифологию и религиозную систему, нельзя обойти вниманием культ шаманизма, который традиционно «принято рассматривать как особую стадию в развитии религиозных верований» и форму политеизма, сочета-

ющую «совокупность мировоззренческих идей и культовых действий... Важную часть шаманизма составляют представления о многоуровневом строении Вселенной (концепция Мирового дерева – три мира) и возможности перемещения внутри неё; одушевление всего окружающего мира; равнозначность человека и других форм жизни; общение священнослужителя (шамана) с духами и т. п. в состоянии экстаза; тесная связь человека и общества с космосом и некоторые другие»²².

Как ранняя форма религии со сложившимся мировоззрением и культовой практикой шаманизм существует в культуре многих народов мира. Традиционное для шаманизма представление о многослойности мира сопровождается особым распределением «живых существ по соответствующим уровням мироздания», верой в загробную жизнь «душ праведных умерших людей в «верхнем мире»», вероятной возможностью «общаться с представителями иных миров (духи, боги) посредством вхождения в особое состояние экстаза»²³.

При этом именно шаманы, служители культа, как представители «особой иерархической группы» оказываются тем связующим звеном между миром реальным и ирреальным, миром людей и миром духов, вступая в непосредственный контакт с духами и влияя на их решение и расположение, а также выполняют в социуме одновременно «функции мага, знахаря, мистика, поэта и жреца»²⁴. Поэтому обращение к образу шамана и атрибутам его сакральной деятельности неизбежно как в изобразительном искусстве, так и в прикладном творчестве, в том числе и в работах преподавателей и студентов ДПИ на кафедре дизайна ИрГТУ.

Двухфигурная композиция шаманов²⁵, совершающих обряд, выполнена из фаянса и напоминает традиционные ритуальные статуэтки. Целостность по общему образу и композиционному решению «в дуэте», каждая фигура тем не менее имеет свой собственный образ, индивидуальный характер и персональную

22. Дашковский П. К. Синкретизм религиозно-мифологической системы и служители культа у кочевников Горного Алтая скифской эпохи (см. также работы В. Н. Баилова, Н. В. Миллер, М. Элиаде и др.).

23. Дашковский П. К. Синкретизм религиозно-мифологической системы и служители культа у кочевников Горного Алтая скифской эпохи.

24. См. работы П. К. Дашковского, М. Элиаде и др.

25. «Шаманы». Автор Ю. Курилко, руководитель О. Ю. Копенкина.

«партию» в обряде «шаманского путешествия» и в композиционном сюжете.

Однофигурная композиция «Шаман»²⁶, выполненная в двух вариантах – с росписью и без росписи, не только демонстрирует авторское прочтение темы как разных ипостасей шамана во время камлания, но и различные возможности декоративных материалов по созданию образа. В частности, расписанная фигура, в отличие от бесцветной, белой, воплощающей целостность личности шамана, может олицетворять одно из состояний шамана – духа-посредника, выступающего в образе птицы.

Таким образом, традиционно в культуре кочевников / номадов «освоение пространства достигалось посредством осмысления всех объектов, заполняющих пространство номадов и всех зон обживаемого пространства. Посредством особых знаков – ориентиров – мир приобретал черты космического порядка, в

котором человек был способен ориентироваться и обживать его»²⁷. Апелляция к системе этих знаков, к культурным идеалам в целом служит прообразом и источником творческого вдохновения для профессиональной работы, с одной стороны, и постоянным материалом, к которому обращаются в учебном процессе, в том числе в ходе курсового и дипломного проектирования, учебной практики и циклов творческих заданий на кафедре дизайна ИрГТУ, – с другой, позволяя не только получить качественную профессиональную подготовку, но и погрузиться в традиционную культуру региона, освоить ее как ресурс культурной идентичности. Особое внимание уделяется этому в курсах различных дисциплин при подготовке специалистов по декоративно-прикладному искусству, о чем свидетельствуют представленные работы, выполненные студентами специальности «Декоративно-прикладное искусство» под руководством преподавателей кафедры.

26. «Шаман». Автор А. Смолькова, руководитель О. Ю. Копенкина.
27. Содномпилова М. М. Природные и культурные ориентиры жизненного пространства номадов Центральной Азии. Улан-Удэ, ИМБит СО РАН.

Пространства культурной идентификации: семейские Забайкалья

Книга О. Е. Железняк, Г. И. Охрименко «Пространства культурной идентификации. Семейские Забайкалья» посвящена актуальнейшей на сегодняшний день проблеме самоидентификации культур в глобальном, транснациональном мире.

Отнесение «идентичности» к категории духовных ресурсов, представление ее как «дополнительной ценности» формы позволяет отметить новый взгляд на идентичность и рассматривать необходимость и потребность идентификации, отождествления себя с тем или иным комплексом культурных норм как важный для каждой истории и культуры акт осознания, обязательный шаг для выявления самобытности и индивидуальности личности или цивилизации в целом.

Книга является результатом глубоких исследований авторов семейской культуры, погружения этого материала в общекультурный контекст, поисков связей и аналогий, а также – выявления противоречий внутри поликультурного пространства Сибирского региона.

В теоретической части представлена авторская концепция культурной идентификации как идеологии развития современной культуры, выделены пространства идентификации и особенности региональных представлений.

Обращение к выявлению ресурса идентичности традиционной культуры в целом и ее специфики является достаточно современным и своевременным, также как и сама задача представления традиционной культуры как одного из базовых ресурсов идентификации культур.

Особо следует отметить материал, включающий огромный пласт натуральных обследований, представленный по культуре семейских, который является ключевым сюжетом исследования и сопровождается обширным иллюстративным рядом.

Тщательное исследование предметно-пространственного комплекса жилища дает не только подробное описание видов жилья, его декоративного убранства, интерьеров и их предметного наполнения, но и определяет линии преемственности и заимствований, глубинных культурных связей внутри региона и вовне, идентифицируя при этом семейскую культуру как самодостаточное, вполне сформировавшееся явление.

Представляет интерес предложенная авторами идея исследования росписей как системы идентификации и самоосознания в корпусе культурных норм и представлений, как специфического способа фиксации и отражения картины мира. Соотнесенная с мировым опытом такая интерпретация роли и значения росписи выглядит вполне убедительно.

Важную роль в сохранении, воспроизводстве и трансляции культурных норм, особенно в ситуации относительной консервации, играет ритуально-обрядовая сфера. Авторы показывают, как типы одежды, правила ее ношения, да и вся предметно-пространственная среда конституируются ритуально-обрядовыми комплексами. При этом, космополитичность одних норм и локальность других во многом задают своеобразные правила самоидентификации отдельной культуры в общекультурном пространстве.

В целом книга представляет собой законченное авторское исследование, актуальное, изложенное ясным языком, и может быть рекомендована широкому кругу специалистов в области культуры и искусств, различных сфер художественной и проектной деятельности, а также в качестве учебного пособия для вузов, готовящих специалистов по архитектуре, дизайну, монументально-декоративному и декоративно-прикладным искусствам и др.

текст
Ирина Азиязян

Железняк О. Е., Охрименко Г. И. Пространства культурной идентификации. Семейские Забайкалья : монография / О. Е. Железняк, Г. И. Охрименко. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009.

Моя душа безумно влюблена¹

текст
Константин Лидин

Что первым делом приходит на ум при словах «цыганская любовь»? Оперетта Франца Легара, мексиканский сериал, жестокий романс... Нечто яркое и пестрое, пряное и горько-сладкое, надрывно хватающее за душу. Странное и сложное состояние, в котором перемешаны восторг и смущение, безумная дерзость и насмешливая ирония.

Существует теория, согласно которой цыгане не нация и не народность, а каста². Эти древнеиндийские музыканты, артисты и кузнецы (касты формировались по профессиональному признаку) вышли из Северной Индии в VI веке и пустились в странствия в поисках новых рынков и новых зрителей. Полторы тысячи лет они кочуют по Евразии и Африке, продолжая петь и танцевать, дрессировать медведей и обрабатывать металлы.

Впрочем, цыгане не единственные номады в оседлом мире. Кочевники и теперь живут в самом сердце упорядоченной и предельно цивилизованной Европы. В Ирландии их называют «путешественники» (тревеллерс), самоназвание — пэйви. Один из героев фильма «Большой куш», в русском переводе названный цыганом — забытый пьяница и непревзойденный боец — на самом деле пэйви. И даже в Швейцарии, этом оплоте германского порядка, встречаются ениши, цыганоподобные (это официальный термин) кочевники и бродяги. Их мало, они вынуждены постоянно бороться за свои права, но они живут, и вот уже много веков привлекают к себе внимание своей диковинной живописностью.

Кочевникам испокон веков приписывались страшноватые магические знания и тайные умения. Древние греки превратили скифов в кентавров, в русских былинах ордынцы предстают летучими змеями, а современный горожанин наполовину всерьез верит в цыганский гипноз и гадание. Но все-таки не страх, не ненависть и даже не интерес к экзотическому образу жизни устойчиво повторяются в восприятии номадов. И облик, и магия, и творчество европейских кочевников изначально окрашены в тона любовные, эротические.

Великий философ Платон посвятил восхвалению бога Эрота один из своих самых знаменитых диалогов — «Пир». (Надо заметить, что во времена расцвета афинской демократии философом назывался не пишущий, а говорящий. Тот, кто умел красиво, образно и умно мыслить — вслух и публично. С такой точки зрения величайшими из современных философов следовало бы признать Жванецкого, Задорнова и Окуджаву.) На платоновском Пире философы по очереди хвалят Эрота. Он и самый старший из богов, он и самый юный, он — воплощенная красота, мудрость, и совершенство. Да нет же, отвечает им величайший из мудрецов Сократ. Эрот вовсе не совершенен, не прекрасен и не мудр. Именно поэтому он способен стремиться к мудрости, красоте и совершенству. Эрот — не идеал, а движение к идеалу. Поэтому каждое движение к идеальному и совершенному — эротично. Все люди, достигшие зрелости, беременны духовно и стремятся породить прекрасное. «Поэтому, приблизившись к прекрасному, беременное существо проникается радостью и весельем, родит и производит на свет, а приблизившись к безобразному, мрачнеет, огорчается, съеживается, отворачивается, замыкается и, вместо того чтобы родить, тяготеет задержанным в утробе плодом»³. В потомстве людьми достигается бессмертие.

Завершается «Пир» выступлением пьяного в стельку Алкивиада, который случайно забрел на сей философский симпозион. В своей речи Алкивиад хвалит Сократа и сравнивает его с сатирами, силенами и прочими диковатыми божествами отнюдь не олимпийского

характера. Наслушавшись речей Сократа, люди впадают в безумие, как «беснующиеся корибанты»⁴, сердце у них колотится, а из глаз льются слезы.

Романтическое, эротическое безумие срывает людей с места и гонит на поиски прекрасного. Вот так, почти полвека назад в Иркутске высадили «архитектурный десант» – выпускники вузов из трех столиц (Москвы, Ленинграда и Киева), молодые, дерзкие, полные творческих планов и энергии. Беременные духовно.

Они породили иркутскую школу архитектуры. Позже эротический огонь творчества стал остывать: кого-то заел быт, кто-то рассорился с чиновниками... Многие уехали. Немногие остались. К счастью, в Иркутске продолжает жить Владимир Федорович Бух – обаятельный, яркий, жизнелюбивый и непосредливый странник. Из послевоенной украинской глубинки духовная жажда повела его в столицу республики, а оттуда, томимый той же жаждой, он очутился в Сибири. Мы уже публиковали конферюшки этого замечательного человека и шестидесятника, а теперь возвращаемся к теме под знаком эротичности и романтичности. Героические профили (впрочем, вполне ироничные, а местами по-доброму карикатурные) соседствуют с романтическими портретами мужественных женщин. У них твердые, волевые подбородки и смелый взгляд, пухлые чувственные губы и сильное тело. Иногда они странным образом перекликаются с фантастическими образами из скифских курганов Пазырыка, а иногда – с палаточными первопроходцами из песен Городницкого. Это ведь у него, после нешуточного пафоса «Атлантов» запросто, под прикрасительный перебор, звучит «Жена французского посла». Не постеснялся же заметить, «...как высока грудь ее нагая! / Как нага высокая нога!». А еще океанолог!

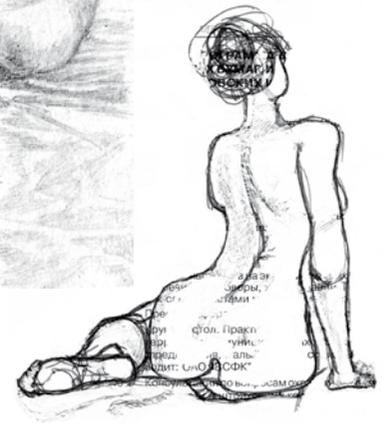
Впрочем, и А. С. Пушкин мимоходом признавался в рисовании женских ножек «... меж неоконченных стихов». А женские ножки во времена Александра Сергеевича, надо сказать, были предметом настолько пряным, что и не всякая современная «жесткая эротика» с ним сравнится.

Творческий человек не боится выглядеть смешным, неуклюжим и слабым перед лицом эротических соблазнов и страстей роковых. Да он, творческий человек, и не претендует на моральную устойчивость. Вот ведь жуткая же цыганщина: «Гляжу, как безумный, на черную шаль, / И хладную душу терзает печаль...» И ничего, Пушкин сочинил, Верстовский положил на музыку, так и поют с тех пор.

Каждый творческий человек – кочевник. Он хочет странного, вот и странствует. Обратное, впрочем, неверно: кочевничество само по себе еще никому творческих успехов не обеспечило. Всякий поэт бродит по своей «внутренней Монголии», но не всякий бродяга – поэт. Но тем-то и манят нас, оседлых, цыганские страсти, таинственные пэйви, ениши, банджара. Кажется: вот, сорвусь с места, брошусь в белый свет – и обрету свободу, магию творчества, кипение эмоций!

Ан нет. Эрот – божество капризное, у него, как у пташки, крылья. Будешь стараться и напрягаться, ничего не выйдет. Мастерство нельзя демонстрировать, а то получится порнография. Точная, плавная и упругая линия рисовальщика не лезет в глаза, а существует незаметно, играючи. Так и цыганский романс – его исполнение требует высокой профессиональности, иначе будет полное безобразие, да и голос сорвешь. Самое эротичное – то, что случается невзначай, в игре, без дальнего умысла и тяжких стараний. Однако, чтобы такое случилось, надо быть к этому готовым – все время, или хотя бы подолгу.

Среди конферюшек В. Ф. Буха есть забавный, почти мультяшный ворон. Глаза умные, осанка интеллигентная, сутуловат. И здоровенный клюв – такая эротично-ироничная деталь. Автопортрет духовно беременного странника.

- 1 Строка из цыганского романа «Английский вальс», перевод П. Лещенко // Очи черные: старинный русский романс. М. : Эксмо, 2004.
- 2 Демерт Н. Г., Бессонов Н. В., Кутенков В. К. История цыган: новый взгляд. Воронеж : ИПФ «Воронеж», 2000. 334 с.
- 3 Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. М. : Мысль, 1999. 528 с.
- 4 Корибанты – жрецы культа Великой Матери Реи-Кибелы, славились дикими, экзотическими песнями и плясками во время богослужений.

Дизайн одежды: семантика костюма кочевников как источник вдохновения

текст
Марина Дагданова

Идеи достаточно редко бывают абсолютно новыми: дизайнеры творят, преобразовывая окружающий мир. Для дизайнера одежды источником вдохновения может служить любое явление. Идеи не появляются по волшебству, они являются результатом систематической переработки средовых образов, понятий, явлений. Частой ошибкой дизайнеров-новичков является создание серии разрозненных моделей, не объединенных единым стиливым решением и не имеющих конкретного источника вдохновения. Мода представляет собой трехмерное структурное искусство, и хотя ничто не устаревает так стремительно как мода, обращение за идеями к прошлому, к устоявшемуся, традиционному часто дает прекрасный результат. Творческий процесс – это достижение единства формы и содержания. Личностный подход к той или иной идее делает дизайн актуальным. При изучении этнического источника важно собрать как можно большее количество культурных ассоциаций, чтобы исследование и вдохновение автора трансформировались в дизайн, сохраняющий влияние источника, но не повторяющий его. Ведь модель тогда является удачной, когда она интерпретирует традиционные образы, раскрывая их под другим углом. В свете этого костюмные комплексы разных народов, в том числе кочевых, являются одним из основных источников вдохновения для дизайнеров одежды по всему миру. Более глубокое ознакомление с костюмом и его семантикой может явиться еще одним мощным стимулятором для творчества, поскольку позволяет осознать всю красоту, глубину, многовековую логику и неслучайность всех элементов костюмного комплекса, что нам бы хотелось продемонстрировать на примере костюма кочевников.

Кочевничество – это особый мир, отличный от мира земледельческих обществ. Исследователями выделяются характерные признаки, свойственныеномадным цивилизациям – схожее отношение к категориям времени и пространства, гостеприимство, система родства, неприхотливость, выносливость, милитаризованность, и, несомненно, главный отличительный маркер – это культовое отношение к скоту – главному источнику существования кочевников. Современный научный подход рассматривает номадизм как некую квазичивилизационную общность, где предлагается не выделять единую для всех кочевых обществ цивилизацию, а рассматривать их как локальные цивилизационные культуры (например, арабийский полуостров был ареалом, где в VII веке возникла арабская цивилизация; регион Внутренней Азии, где, начиная с хуннского времени, сущес-

твовала единая степная цивилизация с такими характерными признаками, как административное деление на крылья, использование десятичной системы, особое представление о власти, популярность скачек и верблюжьих бегов, особое мировоззрение). Поскольку номады были вынуждены поддерживать длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и государства древнего мира, арабы, хазары, тюрки и Византия, Китай и кочевники Центральной Азии), поэтому империи кочевников являлись милитаристическими «двойниками» аграрных цивилизаций, поскольку зависели от поступающей оттуда продукции. Мобильность и кочевой образ жизни накладывал свою специфику на организацию быта и мировоззрение номада: неприхотливость, отсутствие недвижимого имущества, небольшой набор личных вещей, разборное жилище, наличие транспорта и тягловых животных.

В современной науке изучение костюмного комплекса стало одним из важнейших направлений в исследовании не только материальной культуры, но и когнитивной антропологии, поскольку способствует познанию таких областей традиционной культуры, как мировоззрение (система космологических представлений), символическое поле культуры, социальная стратификация (выполнение одеждой дифференцирующих функций), формирование художественных традиций. Традиционный костюм является выразителем религиозных представлений народа об окружающем мире, его этнического самосознания и этническим определителем категорий «свой» – «чужой». Вообще традиционная культура рассматривается учеными как особая семиотическая система, возникшая в дописьменную эпоху. Обычаи и традиции передаются от старших к младшим; человек в традиционной культуре органично взаимодействует с обществом и природой, он един с ними. Власть традиции в таких обществах очень сильна и освящена мифологическими представлениями. Мир воспринимается как целостность, и всё в мире: явления и вещи – является полифункциональными. И костюм, согласно этим представлениям, является материальной оболочкой, своеобразным звеном, связывающим человека с пространством окружающей среды, с внешним миром; в костюме закодирована сложная и сущностная информация о миропонимании человека. Все, что относилось к телу человека, в равной степени могло относиться и к одежде, покрывавшей тело. По законам мифологической логики с мужским и женским началом могли ассоции-

Коллекция детской демисезонной одежды на тему «Монголия. Дети». Автор Татьяна Гаврилова, группа ДИ 06-2, руководитель М. Б. Дагданова, доцент кафедры дизайна ИргТУ

Коллекция женской одежды на тему «Африканские кочевники». Автор Мария Демкова, группа ДИ 06-2, руководитель М. Б. Дагданова, доцент кафедры дизайна ИргТУ

роваться любые объекты, на которые только возможно перенести эти атрибутивные свойства, поскольку деление человечества на два пола наиболее существенно. Большинство символов парны, то есть каждому «мужскому» соответствует свой «женский». «В случае, если какой-либо тезе нет соответствия в анатомии, оно создается искусственно, культурой...». Список таких бинарных оппозиций хорошо виден на примере компонентов и периферийных элементов комплекса одежды: голова и шалка, рука и рукав, нога и штанина, пуговица и петля.

В подавляющем большинстве традиционных культур Европы и Малой Азии противопоставление брючной и юбочной одежды играет функцию половой стратификации. Но «традиционные этнографические знания не способны объяснить, почему именно брюки являются знаком мужской одежды и, наоборот, юбка – женской». Одним из возможных объяснений может служить то, что женщина оседлых народов сидела дома у очага, поэтому у нее одна штанина – юбка, а мужчине приходилось много передвигаться, быть добытчиком – поэтому у него две штанины. Беря данное объяснение за парадигму, можно сделать вывод о причине наличия в культуре кочевников брючной одежды и у мужчин и у женщин: кочевникам приходилось постоянно передвигаться – поэтому все носили две штанины. Хотя, несомненно, помимо хозяйственного уклада и образа жизни, сильное значение имели и естественно-климатические условия. Имея две штанины, женщина у кочевников «вообще занимала... несколько более высокого положение, чем у земледельческих народов...», еще античные авторы отмечали это с неизменным удивлением. Причины относительной свободы женщины в семье и в обществе кроются в особенностях кочевого скотоводческого хозяйства, где женщина играла исключительно большую роль в производстве материальных благ, а потому находилась в постоянном контакте с мужчиной. «Женщины, отличавшиеся очень деятельным образом жизни, разделяли со своими мужьями заботы о стадах, шили одежду, изготавливали войлок, правили повозками, вьючили верблюдов и ездили верхом на лошади также смело, как и мужчины».

Стержнем знакового содержания комплекса одежды, по мнению И. В. Кузнецова, является избегание предметов

и явлений с мифологической точки зрения причастных к смерти. К числу основных инстинктов человека относится страх перед соматической смертью. Само происхождение одежды представляется попыткой человека примирить жизнь и смерть с помощью последовательных медитаций: первобытный охотник убивает животное «и переодевается в это животное, пытаясь примириться с убийством, приведшим к пугающей его новой смерти, а также сохранить целостность природы и культуры, уже начавшую разрушаться». Определенной противоположностью смерти является половая любовь, создающая гарантии для продолжения потомства (культ плодородия). Таким образом, идея избегания смерти является главным критерием, по которому определяется ценность того или иного проявления среды и культуры.

Для мифологизированного человеческого сознания все является частью космоса. Мир мыслится как мировая ось, «мировое древо». Костюм являлся моделью окружающего человека пространства, куда входят основные зоны Вселенной: верхняя (небесное царство), средняя (земля), нижняя (подземное царство). Эти миры соединены мировым деревом, горой или космической рекой. С помощью этой *axis mundi* различимы много других сфер, в частности: прошлое – настоящее – будущее (временная сфера); благоприятное, нейтральное, неблагоприятное (этиологическая сфера); три части тела: голова, туловище, ноги (анатомическая сфера); три вида элементов стихий: огонь, земля, вода («элементная» сфера) и т. п. Согласно этому вертикальному членению головной убор ассоциируется с верхним миром, верхняя одежда – средний мир, а обувь – с нижним миром. Вообще, часто один и тот же предмет (например, орнамент на одежде или сама одежда, какая-либо подвеска, деталь прически и т. д.) в одних случаях выполнял знаковую функцию, информируя о социальном статусе своего владельца, в других служил простым украшением, а в-третьих, играл роль фетиша – амулета, оберега, талисмана и получал соответствующее наименование.

В архитектуре и в одежде был последовательно проведен один и тот же принцип размещения «заклинательного» орнамента: орнаментировались все проемы и отверстия, через которые всевозможные вредоносные силы могли проникнуть к человеку. Важно было защитить те

Коллекция женской одежды на тему «Арабы». Автор Мария Демкова, группа ДИ 06-2, руководитель М. Б. Дагданова, доцент кафедры дизайна ИрГТУ

литература

Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII – 1-я пол. XIX в. – Уфа, 1989. – 88 с.
 Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. – Улан-Удэ, 1959. – 180 с.
 Банчиков Г. Г. Брак и семья у монголов. – Улан-Удэ, 1964. – 59 с.
 Гринкова Н. П. Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике // Советская этнография. – 1935. – №1. – С.60–89
 Д’Оссон К. История монголов от Чингиз-Хана до Тамерлана. – Т. 1. Чингиз-Хан. – Иркутск, 1937. – 248с.
 Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1970. – 400 с.
 Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. – М., 2006. – 557 с.
 Кузнецов И. В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. – М., 1995. – 294 с.
 Новик Е. С. «Вещь-знак» и «вещь-жест»: к семиотической интерпретации фетишей // Вестник РГГУ : вып. 2. – М., 1998. – С.79–97
 Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969. – 402 с.
 Садохин А. П. Этнология : учебник. – М., 2001. – 256 с.
 Сарияниди В. И. Золото безымянных царей // Курьер Юнеско. – 1980. – №1. – С. 29–35
 Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира. – Т. 1. – М., 1980. – 672 с.
 Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988. – 225 с.
 Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск, 1989. – 243 с.
 Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М., 2003. – 781 с.

места, где кончалась одежда, и начиналось тело человека. В одежде магическим охранительным узором покрывались: ворот, обшлага, подол, разрезы, проймы, вообще все края одежды. У славян сама ткань считалась неприкосновенной для духов зла, так как при ее изготовлении участвовали предметы, обильно снабженные магическим орнаментом (трепало, прялка, ткацкий стан). Нарушение целостности образа, утрата части экипировки (пояса, платка, воротника, пуговицы и т. п.) в ритуально-мифологической традиции кочевников была связана, согласно бытовавшим представлениям, с опасностью обезличивания, социальной, а порой и реальной смерти. Вещи, принадлежащие человеку, его одежда ассоциируются с владельцем и ее целостность или повреждения говорят о том, что случится с человеком – хорошее или плохое: «все случившееся с одеждой отражается и на самом человеке, даже если он в это время находится далеко». Данные представления справедливы для большинства этносов. У монгольских народов для защиты детей от злых духов, для сохранения их жизни часто давали некрасивые имена, отдавали на воспитание кому-нибудь, одевали амулеты-обереги или в костюм взрослого человека. Считалось, что вредоносные силы примут человека (ребенка) за кого-нибудь другого, не найдут его, он им не понравится.

В представлениях тюрко-монгольских народов явно прослеживается идея о вредоносном влиянии вещей, принадлежащих женщине. Женские вещи являли собой как бы средоточие женских (отрицательных, «вредоносных») качеств. Большим оскорблением было для мужчины у монголов, если женщина вешала свою одежду поверх мужской. У бурят невестка не могла повесить на одну вешалку свою одежду вместе с одеждой братьев ее мужа.

Основной символической функцией вещей также является передача некоей информации, например социального плана. И ее в основном несут части костюма не обусловленные непосредственно защитной функцией. Например, у тувинцев старые девы носили мужскую одежду или же одну косу, как мужчины, а холостяки – рваную и плохую одежду.

Таким образом, на одежду переносились все соответствующие соматико-сакральные представления, и она

осмыслялась не только как покров человека от физического воздействия, но и как защита тела, разума и воли её владельца от возможного злого умысла со стороны посторонних сил. По поверьям, злые духи могли сильно повлиять на человека, вызвать разные болезни, слабоумие, дурные поступки. Поэтому существовали обряды изгнания злых духов, очищения и обереги. Человеку традиционного мировоззрения было свойственно всякую защиту упорочивать с помощью магических действий и знаков (орнамент и т. п.). Большое значение придавали в этом и одежде. Узоры на ней, тотемные украшения должны были способствовать укреплению здоровья и духа человека.

Любая вещь несет информацию о мировоззрении ее создателей, тем более в культуре, не обремененной большим количеством вещей. Если тенденция выделить, подчеркнуть какую-либо деталь является устойчивой, то значит, она является очень устойчивой и прочно и твердо обусловленной в мировоззрении женщин, изготавливавших одежду.

В этом кратком изложении мы затронули лишь малую часть той огромной, интересной и глубокой информации, связанной с семантикой костюма в представлении номадов. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что более глубокое ознакомление с семантикой костюмных комплексов может явиться одним из мощных стимуляторов творчества.

На кафедре дизайна факультета изобразительного искусства ИрГТУ при подготовке специалистов по направлению «Дизайн костюма» большое внимание уделяется изучению традиционных костюмных комплексов разных народов как одного из главных источников вдохновения. В программе курса «Проектирование костюма» данной теме уделяется 120 часов. Курс проектирования костюма учит проектировать и профессионально создавать и представлять единичные изделия, комплексы и ансамбли, а также полноценные авторские коллекции одежды и аксессуаров. Цель курса – свободное выражение творческого замысла дизайнера по проектированию коллекций одежды (и аксессуаров) от идеи до реализации. Целью является создание четко выстроенного ряда моделей, складывающихся в единую коллекцию. В процессе прохождения курса «Проектирование костюма» студент – будущий

Коллекция женской одежды на тему «Степные кочевницы». Автор Роксана Галстян, группа ДИ 06-2, руководитель М. Б. Дагданова, доцент кафедры дизайна ИргТУ

дизайнер одежды, учится образно мыслить, развивает свой творческий потенциал. Дисциплина учит анализировать проектное задание, обобщать материал, выполнять эскизы, макеты; способствует развитию объемно-пространственного мышления студента, повышает уровень его художественной подготовки; дает представление о роли композиции в процессе проектирования костюма. Студент овладевает навыками дизайнерского проектирования, которые в дальнейшем сможет использовать в своей творческой деятельности. Тщательно изучается источник, выбираются наиболее привлекательные аспекты, интерпретируются этнические мотивы и применяются при создании одежды. Этапами курсового проектирования поданной тематике являются: выполнение зарисовок традиционных этнических костюмов с использованием различных графических материалов и их анализ; создание серий костюмов женской одежды на основе трех различных этнических источников в графике и цвете, просмотр и отбор эскизов – идей, изображение выбранного комплекта в увеличенном формате, выпол-

нение модели в материале, и наконец, последним этапом является защита проекта и его демонстрация. Критериями оценки курсового проекта являются оригинальность творческой переработки этностиля, острота замысла, современность и актуальность; качество, оригинальность и выразительность графического языка и колористического решения. Таким образом, в результате успешного освоения данного курса студент приобретает следующие знания и умения необходимые для дальнейшего профессионального становления: освоение основных этапов проектирования; понятие о функциях одежды и ее классификация; освоение различных приемов декоративной стилизации, умение разбираться и владеть богатым арсеналом средств изображения, стилизации и презентации моделей одежды на плоскости и в пространстве; навык поэтапного доведения творческой идеи до конечного результата – цельного ансамбля (коллекции); единство ее объемно-пространственной структуры и композиционного равновесия; выработка своего индивидуального художественного стиля.

Коллекция женской одежды на тему «Городские кочевницы». Автор Мария Ласкина, группа ДИ 05-2, руководитель М. Б. Дагданова, доцент кафедры дизайна ИргТУ

ГОРПРОЕКТ

М строительный альянс
магистраль

ЗАО Проектно-изыскательский институт «ИркутскЖилГорПроект»

664081, г. Иркутск, ул. Карла Либкнехта, 239в,
тел./факс (3952) 28-14-28. www.irkgp.ru

Реконструкция здания под размещение филиалов ОАО Банк ВТБ и ЗАО ВТБ 24 по ул. Российская в г. Иркутске

СМОТР-КОНКУРС: лучшие архитектурные произведения 2008–2010 годов
РАЗДЕЛ: постройки
НОМИНАЦИЯ: реконструкция
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:
Горбенко В. Ю., Нечаев А. Г.
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПОДРЯДЧИК: ГК «Магистраль»

Здание Государственной универсальной научной библиотеки им. Молчанова-Сибирского в г. Иркутске

РАЗДЕЛ: проект
НОМИНАЦИЯ: общественные
и промышленные здания
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:
Григорьев М. С., Нечаев А. Г.

Кочевники ХХ

«Награжденные трудом», или Кочевники поневоле¹

текст
Марк Меерович

В первые послереволюционные годы Россия испытывает острый недостаток рабочей силы. Текущее рабочих и служащих в начале 1920-х годов оказывается весьма значительной: люди переезжают с места на место в поисках лучших условий труда, из-за несоответствия квалификации требованиям конкретного производства, из-за конфликтов с руководством и т.д.

Советская власть, создавая дома-коммуны и коммунальное жилище покомнатно-посемейного заселения, надеется, помимо других задач, возлагавшихся на эти типы жилья, сформировать производственные коллективы, включенность в которые препятствовала бы текучести рабочих кадров. Предполагается, что коллективы членов нового общества будут не только спаяны трудовой дисциплиной, но еще и связаны узами совместного проживания. Здесь трудовые и бытовые процессы должны составлять единый неразделимый комплекс человеческих отношений (подобный отношениям в традиционной крестьянской артели), где все на виду, где личностное поведение и действие корректируется и регулируется коллективом, где плохо работать нельзя и спрятаться от работы некуда, потому, что все те, кто вместе работают, живут тоже вместе. В них, за счет единства коллективно-трудовых и коллективно-бытовых отношений, должна формироваться такая психологическая обстановка, в которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины, лодыри и разгильдяи чувствовали бы себя морально осужденными и изолированными в своей товарищеской среде и, наоборот, передовики производства получали бы дополнительные стимулы к трудовым подвигам благодаря всеобщему уважению, почитанию и восхищению. Эти коллективы должны являться «базовыми элементами» производительных сил нового общества.

Обеспечение промышленности рабочей силой осуществляется за счет: 1) перераспределения существующих трудовых ресурсов, 2) извлечения новой рабочей силы из сельского населения, рассматриваемого как основной резерв трудовых сил. Но усилия власти, направленные на осуществление плановых перемещений рабочих рук в требуемом количестве в нужные места с целью устранения избытка трудового населения в одних регионах и восполнения его недостатка в других; усилия по привязке рабочих к производству не дают эффективных результатов.

В этих условиях использование труда заключенных начинает рассматриваться как нормальный, плановый и законодательно регулируемый процесс. Так, еще 17 мая 1919 года принимается постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ»². В апреле 1920 года IX съезд РКП (б) принимает резолюцию, перечисляющую меры воздействия, которые должны применяться к лицам, отлынивающим от исполнения обязательной трудовой повинности (так называемым «трудовым дезертирам»): «...съезд одну из насущных задач советской власти видит в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности путем публикации штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный

лагерь»³. В конце 1921 года принимается декрет СНК «Об использовании труда заключенных в местах лишения свободы РСФСР и отбывающих принудительные работы без лишения свободы»⁴, согласно которому «советские, общественные, кооперативные учреждения, предприятия и хозяйства» обязаны представлять в Народный комиссариат труда (НКТ) (который, до передачи этих функций в ведение НКВД, осуществляет все работы по проведению трудовой повинности, трудовых мобилизаций, учету и распределению рабочей силы⁵), заявки на использование в своих целях «труда лиц, содержащихся в местах заключения». Эти заявки НКТ проверяются, обобщаются, систематизируются, превращаются в упорядоченные планы использования рабочей силы и направляются для исполнения непосредственно в Народный комиссариат юстиции (НКЮ) и НКВД, ведавшие трудовым использованием заключенных.

Подобная работа дает свои положительные результаты, и масштабы использования заключенных расширяются: 13 октября 1923 года Совет народных комиссаров СССР постановляет: «Организовать Соловецкий Лагерь Принудительных работ особого назначения... Обязать ОГПУ немедленно приступить к организации труда заключенных для использования в сельскохозяйственных, рыбных, лесных и пр. промыслах, предприятий»⁶. 16 октября 1924 года в Москве, в Кремле, ВЦИК принимает Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в статье № 4 которого говорится о «дальнейшем усовершенствовании и максимальном развитии, вместо оставшихся от прежнего времени тюрем, сети трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов, устраиваемых преимущественно вне городов»⁷.

Во второй половине 1920 годов государство в основных чертах уже выработало концепцию социалистического расселения и сформулировало стратегию колонизационно-переселенческих мероприятий, обеспечивающих ее реализацию. В ходе подготовки к широкомасштабному развертыванию программы индустриализации и практическому освоению отдаленных районов формируются специальные органы, осуществляющие плановые переселения. Так, с середины 1920-х годов общее руководство переселенческой политикой осуществляет Всесоюзный переселенческий комитет (учрежденный при ЦИК СССР), а также Отдел колонизации и переселения Наркомата земледелия. В регионах формируются, подчиняющиеся Наркомзему, местные переселенческие управления. Например, в Сибирском регионе создается районное переселенческое управление (РПУ). В результате их работы во второй половине 1920-х годов в Сибирь из других регионов перемещено уже почти 900 тыс. чел. А начиная с 1927 года, сюда ежегодно прибывает по 250 тыс. человек из Европейской России (70%), Украины (20%), Белоруссии (10%)⁸.

По структуре эти региональные переселенческие органы во многом повторяют дореволюционные переселенческие партии и переселенческие пункты; в местах вселения создаются подрайоны, в ведении которых формируются «участки водворения» и т. д.

Формально не меняются даже цели – «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов»⁹. Но содержание и формы практического осуществления советской переселенческой политики кардинально отличаются от дореволюционных: принудительные методы в деятельности советских органов, обеспечивающих народное хозяйство трудовыми ресурсами, твердо занимают ведущее положение.

В конце 1920-х годов активизируются естественные стихийные миграции. Во многом вследствие ухудшения продуктового положения в деревне из-за принудительных изъятий продовольствия. Так, после неурожая и стихийных бедствий 1928–1929 годов из северо-западных районов РСФСР на восток хлынули гонимые голодом крестьяне из Ленинградской и прилегающих к ней областей, а также Белоруссии. Только с октября 1928-го по март 1929 года в Сибири появилось до 100 тысяч мигрантов¹⁰. Но государству требуется, чтобы на север и в Сибирь прибывали не просто массы нового населения; ему нужно, чтобы в намеченные к освоению районы поступали трудовые ресурсы в необходимом количестве и на конкретно определенные новые места обитания. Причем не просто прибывали, а содержались в виде, обеспечивающем выполнение ими любой порученной работы, в заданные сроки и при любых условиях. Принудительный характер переселений оказывается в неразрывной связи с принудительным характером подневольного труда.

В соответствии с этим в конце 1920 годов резко изменяется отношение государства к миграциям.

Во-первых, оно стремится установить полный контроль над стихийными миграционными процессами и даже запретить их (чтобы лишить людей возможности высказываться из-под системы тотального надзора). Причем запрет стихийных миграций не связан с перемещением трудоспособного населения в определенные для него места нового обитания – известны факты противодействия власти в конце 1929 года самовольным перемещениям беженцев именно в те районы Сибири, куда затем государство само будет принудительно перемещать репрессированных крестьян и где затем, карательной системой, будет создаваться структура спецпереселений. Противодействие естественным миграциям проистекает из стремления заменить самостоятельные и своевольные перемещения и свободное трудоустройство тотальной системой принуждения к труду и вменяемому свыше образу жизни.

Во-вторых, параллельно с уменьшением естественных миграций, государство начинает планомерно наращивать объемы массовых принудительных перемещений трудоспособного населения в места, определенные концепцией соцрасселения.

К сожалению, до сих пор не раскрытым и требующим своего разъяснения остается вопрос о приоритетах советского государства в отношении репрессированных контингентов населения. В частности: а) почему в принудительной переселенческой политике государства, обеспечивающей планы ускоренной индустриализации страны, реализовался приоритет «переселения» перед «заселением» (т. е. почему важнее было принудительно переместить трудоспособное население в новые места обитания, нежели стимулировать добровольные перемещения в те же самые места); б) почему существовал приоритет «расселения» перед «освоением» (т. е. почему

принудительно направляемый поток переселенцев намного опережал колонизационные возможности территории; почему формы хозяйственного освоения не предполагали рачительного отношения к людям и территории; почему с такой небрежностью, ошибочностью и неподготовленностью определялись места размещения новых поселений – спецпоселений, соцпоселков, трудовых лагерей и проч.) и др.

К концу 1920-х годов принудительные переселения совершенно теряют обличье «сельскохозяйственной колонизации», под предлогом которой они проводились в послереволюционные годы с опорой на систему государственных переселенческих органов. Вместо этого усиливается роль органов НКВД и ОГПУ. Изменяется качественный состав мигрантов-переселенцев. Трансформируется структура органов осуществления переселений – весной 1929 года, в ЦК ВКП (б) образуется комиссия под председательством Н. Янсона, выработавшая предложения о новом применении труда заключенных¹¹, а с начала 1930-х годов задачи освоения территорий всецело возлагаются на систему ГУЛАГ. В 1930 году упраздняется Всесоюзный переселенческий комитет, и все вопросы переселения переходят в ведение специально образованного Переселенческого управления Наркомтруда, уже накопившего значительный опыт в осуществлении принудительных трудмобилизаций, трудповинностей, трудраспределений и т.п. Резко расширяются масштабы колонизационно-переселенческого движения.

Здесь важно подчеркнуть принципиальную взаимосвязь массового плано-принудительного переселенческого движения, с реализацией концепции соцрасселения, являющейся составной частью программы индустриализации. Традиционно принято считать, что массовые принудительные депортации начались с февраля 1930 года, с момента проведения в жизнь политики по ликвидации кулачества как класса. Однако уже со второй половины 1929 года в Сибирь, согласно плану соцрасселения, начинают поступать трудовые контингенты, высланные из западных районов СССР. Так, например, осенью 1929 года в Сибирь, впервые со времени окончания Гражданской войны, прибывает около 1 тысячи глав семей, высланных в административном порядке в результате «зачистки» приграничных территорий на западе (Украина, Белоруссия, Северо-Западный регион)¹² и т.п.

Заметим, что принудительные миграции основательно изучались историками и исследователями-крестьяноведами в контексте раскулачивания и массовых депортаций крестьянского населения. Но коллективизация фактически никогда не рассматривалась в связи с концепцией соцрасселения как инструмент плано-вого формирования трудовых ресурсов соцпоселков и соцгородов. Не изучалась в контексте индустриализации – как процесс целенаправленного превращения репрессированного крестьянства в универсальную рабочую силу, с плановым ее перемещением в места отправления принудительного труда в промышленности, строительстве, лесозаготовках, добыче природных ископаемых и проч. А именно такой профиль трудового использования определяла власть для раскулаченных крестьян и спецпереселенцев – к концу 1930-х годов, в комендатурах ГУЛАГ половина спецпереселенцев работала в сферах промышленности и строительства, четверть на лесозаготовках и только оставшаяся четверть – в сельском хозяйстве.

В конце 1920-х годов Госплан определяет величину трудовых ресурсов, необходимых для решения

задач индустриального развития страны в контексте геополитических, организационно-административных и социально-экономических принципов, положенных сталинским руководством в основу индустриализации, и неразрывно связанной с ней концепции социалистического расселения. Примерно 10 миллионов новых рабочих рук необходимы для возведения новых промышленных предприятий и поселений при них, для транспортного строительства и освоения сырьевых регионов. В соответствии с этим в мае-июне 1929 года под грифом «Совершенно секретно» выходят сразу три постановления Политбюро ЦК ВКП (б) с одинаковым названием: «Об использовании труда уголовных арестантов». В первом предписывается: «Перейти на систему массового использования... труда уголовных арестантов»¹³. Во втором: «... ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в р-не Ухты...»¹⁴. В третьем: «Именован в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями»¹⁵. В приложении № 3 к третьему постановлению разъясняется более детально и подробно для чего надо организовывать новые концлагеря, называемые теперь исправительно-трудовыми: «Организовать новые концентрационные лагеря... в целях колонизации этих (отдаленных. – М.М.) районов и эксплуатации их природных богатств»¹⁶.

Контингенты заключенных направляются в зоны хозяйственного освоения – в места лесозаготовок, добычи полезных ископаемых, на трассы строящихся автомобильных и железных дорог, водных каналов, а также к местам возведения заводов-гигантов и соцгородов-новостроек. То есть в места, которые планом первой пятилетки намечены в качестве ареалов индустриального развития – Урал, Северный край, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Южный Казахстан, Средняя Азия, Украина, Горьковский край, Ленинградская область, Средняя Волга, Башкирия и т.д.¹⁷ В 1933 году к списку мест перемещения переселенцев добавляется Белбалткомбинат НКВД¹⁸.

Перемещение и закрепление на местах трудовых контингентов осуществляются несколькими способами:

1) За счет добровольного приезда, которое осуществлялось в широком диапазоне мотиваций, начиная от вербовки, направлений по комсомольским путевкам и заканчивая приманиванием молодых людей возможностью получить на новостройках хоть какое-то жилище.

2) В результате вольного найма с последующим «добровольно-принудительным» удержанием. Так, например, на строительстве Сталинградского тракторного завода на строительных работах осенью 1929 года участвовали артели (общей численностью свыше 4 тыс. человек), срок договоров с которыми истек в ноябре месяце. «Строительство тогда было делом сезонным. На зиму обычно работы сворачивались, строители – а они, как правило, были сезонники – расходились по домам. На Тракторострое решили поломать эту традицию. Партком принял решение строить завод неослабными темпами и зимой 1929/30 г. Но для этого надо было удержать строителей-сезонников... отдельные артели уже стали отбывать. Партийная организация поставила задачу – закрепить сезонников на стройке, сделать их кадровыми рабочими, преобразовать артели в постоянные производственные бригады. Борьба разгорелась острая. Во главе артели стояли подрядчики, – это они подписывали договора и фактически были хозяевами артели, держали ее в

своих руках... открыто подбивали сезонников на уход со стройки, пугали их провокационными слухами»¹⁹. Подрядчиков объявили «кулаками» и припугнули репрессиями, бригадам задержали выплату денег и тем самым сорвали отъезд, посулили большие заработки, и, в конечном счете, «...основная масса сезонников осталась на зиму»²⁰.

3) В результате вынужденных миграций выселяемых из городов различных категорий населения (неработающих, деклассированных элементов, лишенцев и др., а также лиц, вынужденно меняющих место жительства²¹).

4) В процессе «добровольно-вынужденных» миграций: очистка городов от нетрудоустроенного населения инициирует значительный поток беженцев, так как, не дожидаясь репрессий, часть неработающего населения самостоятельно покидает города, переезжая на новостройки из-за страха быть арестованным и насильственно депортированным. Такие же причины порождают добровольно-вынужденные миграции из деревни в город. Так, например, в 1930–1931 годах не менее миллиона крестьян не дожидаясь репрессий, бегут в существующие города и на новостройки. В этот же период к ним присоединяются еще около двух миллионов крестьян, предназначенных на выселение по так называемой третьей категории (т. е. в пределах своей области), они также, не дожидаясь депортаций и бросив имущество, уходят из деревни в города²². В 1930–1932 годах страшный голод, унесший миллионы жизней, также выталкивает в города массы крестьянского населения.

5) В результате направлений на работу по комсомольским путевкам (в тех случаях, когда не желавшие это делать различными средствами морального воздействия принуждались к приезду на ударные стройки)²³, а также приказов-направлений на работу квалифицированных специалистов (инженеров, техников, мастеров, служащих, квалифицированных рабочих и др., т.н. «оргнабор»²⁴). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 года «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие»²⁵ власть окончательно закрепит принудительный характер подобных перемещений специалистов.

6) В результате направления на работу молодых выпускников средних учебных заведений (т.н. «распределение»), – 2 октября 1940 года, одновременным выходом двух постановлений²⁶, правительство законодательно утвердит практику принудительного перемещения к местам отправления трудовой повинности молодых специалистов среднего специального и ремесленного образования. Одно из постановлений однозначно предпишет: «Предоставить право Совету Народных Комиссаров СССР ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тыс. до 1 млн человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения... Установить, что все окончившие ремесленные училища, железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК СССР...»²⁷.

7) В ходе «замещающего» перемещения, осуществляемого в «приказном порядке». К подобного рода перемещениям относятся, например, массовые

переселения в 1930-е годы демобилизованных красноармейцев в пограничные районы страны (Украина, Северный Кавказ, Дальний Восток) для создания т.н. «красноармейских колхозов». Подобные переселения выполняли роль компенсирющих (замещающих) заселений на те территории, где после «чисток», коллективизации, депортаций, голодомора и др. причин образовался дефицит трудоспособного населения. Согласно официальной статистике Всесоюзного переселенческого комитета, с 1933-го по 1937 год в СССР в ходе подобного типа государственных плановых переселений было переселено 77 304 семьи (включая демобилизованных красноармейцев – одиночек и с семьями) или 347 866 человек²⁸.

8) За счет подневольного перемещения раскулачиваемых крестьян («спецпереселенцы», ссыльные). В 1929–1930 годы «на переселенческих земельных фондах общесоюзного значения» планируется поселить и хозяйственно устроить 100 тысяч переселенцев – бывших кулаков и подкулачников. В 1930–1932 годы планируется переселить 198 тысяч человек²⁹. Планомерное перемещение раскулачиваемых крестьян законодательно обеспечивается принятием 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б) постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое предписывает осуществлять массовые высылки репрессированных «в отдаленные местности Союза ССР», а также «в пределах данного края и в отдаленные районы края»³⁰, а также серии связанных с ним постановлений ЦИК и СНК СССР³¹, СНК РСФСР³², Наркомзема³³. «...В основу переселения кладется создание новых экономических районов», прежде всего, в целях планомерного освоения сырьевых ресурсов Урала, Севера, Сибири, Юга и Дальнего Востока. «Переселение отдельных хозяйств прекращается – переселяться будут только коллективы. Главная задача переселения – это не разгрузка аграрно перенаселенных районов, а открытие новых сельскохозяйственных и промышленных районов»³⁴.

9) В результате принудительного перемещения в осваиваемые районы лиц, выселяемых, например, в ходе очистки приграничной зоны и т.п. Подобный характер имело, «...организованное государством переселение 1935–1937 гг. сельскохозяйственного населения из европейской части страны (Воронежская и Горьковская области, Чувашия, Татария) в Восточную Сибирь. Оно затронуло около 10 тыс. семей, или до 45 тыс. чел.»³⁵.

10) В результате перемещения заключенных в составе контингентов исправительно-трудовых лагерей (репрессированные).

11) За счет удерживания досрочно освобожденных заключенных на «закрепленном поселении». В 1930-е годы подобное происходило, по меньшей мере, дважды: в 1933 году после акции по «разгрузке мест заключения», когда в спецпоселки и трудпоселения Западной Сибири и Казахстана было направлено свыше 100 тысяч заключенных, досрочно освобожденных из тюрем, лагерей и колоний. И в 1933–1934 годы, когда колонизационные поселения, создаваемые для осуществления программы освоения зоны БАМ, стали формироваться за счет заключенных, отбывавших сроки в БАМЛАГе и переводимых на режим поселения³⁶. Подобное происходило и в последующие годы, например, в виде локальных депортаций – перемещений спецпереселенцев из северо-восточных и южных (кузбасских и новосибирских) комендатур в северные (нарымские) спецкоменда-

1. Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009–2010.
2. СУ РСФСР. 1919. № 20. Ст. 235.
3. Об очередных задачах хозяйственного строительства: резолюция IX съезда РКП (б) от 3 апреля 1920 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. 1917–1967 гг. : сборник документов за 50 лет. М. : Политиздат, 1967. Т. 1. 1917–1926 гг. 783 с. С. 161–173, 171.
4. СУ РСФСР. 1921. № 77. Ст. 649.
5. «О взаимоотношениях Комтрудов с управлениями по учету и распределению рабочей силы отделов труда на местах : постановление Главкомтруда и Нармотруда» // Бюллетень Комгосоора. 1920. № 7. С. 2.
6. Там же. С. 20–30.
7. Там же. С. 30–31.
8. Красильников С.А. Серп и Молох: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2003. 228 с. С. 62.
9. Там же. С. 61–62.
10. Там же. С. 62.
11. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. : Республика, 1992. 270 с. С. 85.
12. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. 283 с. С. 44; Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в довоенные годы социалистического строительства : автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1978. 40 с.
13. Там же. С. 62.
14. Там же. С. 62.
15. Там же. С. 62.
16. Там же. С. 63.
17. Земсков В.Н. Судьба кулацкой ссылки (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147, 122.
18. Там же. С. 122.
19. Были индустриальные : очерки и воспоминания. М. : Политиздат, 1979. 408 с. С. 49–50.
20. Там же. С. 50.
21. Принудительное перемещение «неработающих» и «деклассированных элементов» законодательно обеспечивается принятием Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений» (СУ РСФСР. 1926. № 35. Ст. 282).
22. Сталин и Каганович : переписка. 1931–1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М. : РОСПЭН, 2001. 800 с. С. 14.
23. Например, 24 декабря 1929 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление: «Провести вербовку 7 тысяч молодых рабочих и батраков, проверенных на общественной работе... для направления на Тракторострой» (Были индустриальные : очерки и воспоминания. М. : Политиздат, 1979. 408 с. С. 50.). Далеко не все из них ехали исключительно по «зову сердца».
24. Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929–1945) [Электронный ресурс] : 2010. 1 п. л. Режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html#cutid1 – на рус. яз.
25. «О порядке обязательного перевода инженеров техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие» : указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 777–779.
26. «Об образовании главного управления трудовых резервов при Совнаркомех СССР» : постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 776–777; «О государственных трудовых резервах СССР» : указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 774–775. С. 775) (см. также: СЗ СССР. 1940. Отдел первый. № 16. Ст. 385).
27. «О государственных трудовых резервах СССР» : указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 774–775. С. 775) (см. также: СЗ СССР. 1940. Отдел первый. № 16. Ст. 385).
28. Красильников С.А. Указ. соч. С. 55, 67.
29. Там же. С. 2.
30. Там же. С. 22.
31. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. Новосибирск : ВО Наука. Сибирская издательская фирма, 1992. 283 с. С. 20; Секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4 февраля «ЦИКа и Совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам о мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» (Там же. С. 21–25).
32. Постановление СНК РСФСР от 10 апреля 1930 г. «О мероприятиях по упорядочиванию временного и постоянного расселения высланных кулацких семей» (Там же. С. 28–30); Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» (Там же. С. 33–34).
33. Постановление коллегии Наркомзема РСФСР «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации» (Там же. С. 27–28).
34. Реорганизация переселенческого дела // Известия ЦИК. 1930. 30 дек. № 29. С. 2.

35. Красильников С.А. Указ. соч. С. 55, 67.
 36. Красильников С.А. Указ. соч. С. 64.
 37. Там же. С. 65
 38. Положение спецпереселенцев как особых контингентов подневольной рабочей силы законодательно регулировалось – постановлением СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области»; постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 460. 262 л. Л. 81–83); постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г. «О спецпереселенцах» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 460. 262 л. Л. 165–174).
 39. Красильников С.А. Указ. соч. С. 63.

туры³⁷. Осуществлялись подобные перемещения и в послевоенный период.

12) За счет размещения эвакуированных и реэвакуированных.

14) За счет размещения беженцев и репатриантов.

15) В результате концентрации военнопленных.

В целом все эти способы осуществления в конце 1920-х – начале 1930-х годов (в ходе индустриализации и социалистического расселения), добровольных и принудительных колонизационно-переселенческих мероприятий, можно сгруппировать в четыре «потока»: а) добровольные и «добровольно-вынужденные» – по найму, по велению сердца, вынужденные покидать города и добровольно перебраться в соцгорода-новостройки и т.п.; б) «добровольно-принудительные» планомерно-мобилизационные переселения (расселение демобилизованных красноармейцев, направление специалистов и квалифицированных работников, направление по комсомольским путевкам и проч.); в) принудительные миграции (депортации; спецпереселения³⁸); г) репрессивные миграции (заключенные, распределяемые по сети трудовых колоний и лагерей).

Между этими четырьмя организуемыми государством потоками существует своего рода макрогеографическое разделение – нерепрессивные переселения используются государством для расселения людей в районах с относительно благоприятными природно-климатическими условиями (Украина, Северный Кавказ, Восточная Сибирь, Дальний Восток); принудительные миграции (крестьянские, а потом этнические депортации), сопровождаемые формированием системы спецпоселений (трудпоселений) распро-

страняются преимущественно на Европейский Север, Урал, Западную Сибирь, Казахстан³⁹; репрессивные (заключенные) направляются на освоение ресурсов необжитых территорий с неблагоприятными природно-климатическими условиями (Норильск, Колыма, зона БАМа и т.д.).

Советская экономика в период индустриализации развивалась, опираясь, прежде всего, на принудительное использование рабочей силы. Принудительное перемещение рабочей силы в соцгорода-новостройки, в результате извлечения ее из существующих городов после введения паспортной системы и прописки; принудительное перемещение трудовых ресурсов, «образующихся» в результате раскрестьянивания; принудительное удержание людей в новых местах пребывания (в различных формах и степенях ограничения свободы), а также принудительное закрепление населения на колонизируемых территориях после отбытия срока заключения – все эти способы расселенческой политики во многом определяют характер гражданских поселений, возникающих вокруг градообразующих промышленных предприятий (часто на месте размещения лагерей или вблизи от них). Степень обеспеченности жилищем, типы жилищ, качественные показатели жилой среды, состав объектов инфраструктуры и т.п., а также планировочная структура этих поселений и реальные процессы «обживания» населенных мест не только определены теми нормативами, шаблонами планировочных решений и расчетными показателями, которые вырабатываются с началом индустриализации, но и являются прямым следствием этой политики.

На работу по приказу: трудовые армии в СССР¹

текст
 Марк Меерович

1. Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи.ц. 2009–2010.
 2. Л. Троцкий. Вопросы хозяйственного районирования в связи с применением сил 1-й Армии Труда. (Письмо т. Пятакову) [Электронный ресурс]. 2009. 0,1 п. л. Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/trotsky/trot1562.htm – на рус. яз.

С первых же дней своего существования советская власть ставит вопрос об использовании труда солдат. Это решение в глазах власти является экономически целесообразным и, безусловно, моральным. Если уж «внеэкономическое принуждение к труду во всех его формах» предполагалось, по замыслу основоположников марксизма-ленинизма, применять к свободным гражданам, то что ж говорить о мобилизованных на армейскую службу в условиях отсутствия военных действий.

Расселенческая доктрина советской власти заключалась в формировании в целом рассредоточенной по территории страны дезурбанизированной структуры расселения, но при этом состоящей из опорных урбанизированных промышленно-селитебных образований – «соцгородов», концентрирующих промышленность и прикрепленное к ней пролетарское население и выполняющих административные функции управления по отношению к прилегающим зонам ресурсодобычи и транспортной инфраструктуры, сельскохозяйственным районам и т. п.: «...мы заинтересованы в том, чтобы территориально-административные единицы заключали в себе некоторый промышленный центр с тяготеющей к нему крестьянской периферией», – писал нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета РСФСР, а затем СССР Л.Д. Троцкий². Управление населением осуществлялось за счет организации его в производственно-бытовые коллективы, которые прикреплялись к местам работы и проживания, благодаря

распределительной системе, трудовым книжкам, а также введенной позже прописке.

Советская власть с первых дней своего существования пробовала различные приемы и способы закрепления людей при производстве. В частности, с этой целью в 1920 году формируется довольно своеобразная разновидность производственно-бытовых коллективов – «армейско-производственные» соединения³, 15 января 1920 года принимается постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О первой Революционной Армии Труда»⁴. 17–18 января 1920 года Политбюро ЦК РКП (б) одобрило решение о создании трудовой армии и приняло решение о целесообразности создания ещё нескольких. В начале 1920-х годов, кроме 1-й Революционной Армии Труда, были образованы: Украинская советская (из войск Юго-Западного фронта); Кавказская (бывшая 8-я армия Кавказского фронта); 2-я особая ж.-д. (бывшая 2-я армия Кавказского фронта); Петроградская революционная (бывшая 7-я армия Западного фронта); 2-я Революционная Армия Труда (бывшая 4-я армия Туркестанского фронта). В декабре 1920 года была образована Донецкая, а в январе 1921-го Сибирская трудовая армия.

Целью этого решения было приспособить армейские подразделения целиком к трудовым задачам, не разрушая аппарата армии, с тем чтобы она в любой момент могла быть снова переведена на боевые задачи⁵. «Необходимо выделить значительное число командиров, комиссаров и рядовых коммунистов для работы в

деле целесообразного проведения трудовой повинности на местах. На военных работников, привыкших руководить массами в самых трудных условиях, должна лечь значительная часть работы по организации и трудовому применению мобилизованных девятнадцатилетних»⁶.

В результате формирования трудовых армий только в первой половине 1920-х годов на работах по восстановлению народного хозяйства СССР участвовало 2,5 миллиона красноармейцев.

Использование армейских частей для производства гражданских работ в конечном счете все же оказалось не слишком продуктивным. Причин несколько: низкая мотивированность к производительному труду (воинская дисциплина оказывается не способной компенсировать отсутствие личного интереса); несоответствие между фиксированным количеством людей в трудовых частях и постоянно изменяющимся объемом гражданских работ (что приводит к невозможности занимать работой весь военный контингент); неквалифицированность исполнителей (квалификация и опыт требуются в любом деле, в том числе и для чернорабочих); дезертирство и т.д.⁷

Но партийно-государственное руководство не позабыло об опыте принудительной организации труда в трудовармиях: с началом подготовки сталинской индустриализации идея принудительного формирования трудовых контингентов, связанных воедино полуармейской дисциплиной и трудо-мобилизационными обязательствами, и насильственного удержания их в местах обитания обрела второе дыхание.

Осуществляя расселенческую политику, связанную с перемещением в соцгорода-новостройки нового населения в объеме 13 миллионов человек – в первой пятилетке – и 46,1 миллиона человек⁸ – во второй, власть в качестве основного ресурса для формирования пролетариата использует крестьянство, а основным средством становится «раскрестьянивание». Термин «раскрестьянивание» используется в специальной исследовательской литературе для обозначения целенаправленной совокупности действий партийно-государственной власти в СССР, направленной на лишение крестьянства экономической самостоятельности и независимости от государства⁹. Но цели этого процесса, как правило, не раскрываются в контексте индустриализации, несмотря на то что раскрестьянивание призвано было обеспечить отрыв больших масс крестьянства от сельского уклада жизнедеятельности, прежде всего для вовлечения их в уклад жизни городской. Раскрестьянивание являлось целенаправленно организуемым многофакторным процессом, включающим в себя кардинальную трансформацию экономических, социальных, демографических и психологических характеристик крестьянства (определяющих его как класс) с целью превращения его, частично, в новую страту общества («колхозники») за счет ликвидации единоличного (семейного) хозяйства, являющегося базисом его социальной самоорганизации¹⁰, но в основной своей массе – в «пролетариат». Потребность в трудовых ресурсах пролетарского типа определена тем, что государственная расселенческая доктрина основана на урбанистическом формировании «промышленных центров, концентрирующих пролетариат».

Раскрестьянивание (двумя взаимосвязанными составляющими которого являются раскулачивание и коллективизация) осознанно и целенаправленно превращено в СССР в инструмент осуществления индустриализации, в способ «поставки» трудоспособных контингентов, принудительно и планомерно распределяемых по стране, в соответствии со схемами размещения

новых промышленных предприятий, местами добычи сырья; причем в количестве, соответствующем потребностям наркоматов, нуждающихся в рабочих руках. Репрессируемые контингенты бывших крестьян сорганизованы в локальные поселения («спецпоселения»), отъезд из которых запрещен. Спецпоселенцы организованы по типу «армейско-производственных» соединений: а) совместное проживание и коллективная ответственность, б) трудовая дисциплина, в) четкое организационное иерархическое структурирование (звенья, бригады, участки), г) система трудо-дисциплинарных взысканий, д) взаимовыручка и взаимоподдержка, е) приказное определение необсуждаемых заданий, ж) принуждение меньшинства большинством и т.п.

Существование спецпоселенцев мало чем отличалось от содержания заключенных. Эта категория «подопечных» карательной системы и получает наименование «трудармейцев».

В соответствии с планами индустриализации приоритетным в использовании трудоспособных контингентов спецпоселенцев изначально является промышленный, а не сельскохозяйственный профиль. Уже на ранних стадиях формирования системы спецпоселений власть использует труд репрессированных сельских жителей в таких несельскохозяйственных отраслях производства, как строительство (возведение промышленных и добывающих предприятий, гражданских объектов, хранилищ для неприкосновенных запасов зерна – хлебогородков, оборонительных сооружений и т.п.), транспорт (строительство железных и шоссейных дорог, каналов, аэродромов), добыча полезных ископаемых (угля, слюды, нефти, асбеста, урана, золота, олова, железа и других полезных ископаемых)¹¹, промышленность, лесозаготовки, а также промыслы: «...признать необходимым при проведении спецколонизации: а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остроуждающейся в рабочей силе районах и б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах»¹². Например, в начале 1930-х годов в Западной Сибири (по данным СИБЛАГ) около половины трудоспособного населения спецпоселков имело неземледельческую специализацию – работало на приисках, лесозаготовках, шахтах, Кузнецкстрое и т.д. На Урале к 1932 году за промышленными и строительными организациями числилось 116 тысяч высланных, преимущественно крестьянских семей, и лишь около 15 тысяч было закреплено за сельскохозяйственными, то есть почти в восемь раз меньше¹³. В целом в сельскохозяйственной сфере была задействована приблизительно одна четвертая часть принудительных переселенцев.

С началом индустриализации основной массовой депортации становятся, прежде всего, производственные цели – контрольные цифры по высылке являются прямым следствием потребностей тех или иных наркоматов и ведомств в массовом и дешевом принудительном труде спецпереселенцев¹⁴. В 1930 году Госплан издает инструкцию, где говорится о необходимости более полного включения в плановую экономику труда лиц, лишенных свободы, а с апреля 1930 года для планового использования труда заключенных формируется сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ¹⁵ – создается специальное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ – УЛАГ. Оно быстро разрастается и с октября 1930 года получает статус Главного управления лагерей (ГУЛАГ), а «трудармейцы» оказываются одной из категорий организуемого им принудительного труда.

3. СУ РСФСР. 1920. № 3. Ст. 15; СУ РСФСР. 1920. № 4–5. Ст. 26; СУ РСФСР. 1920. № 4–5. Ст. 27.
4. СУ РСФСР. 1920. № 3. Ст. 15. С. 11–12.
5. Л. Троцкий. Задачи 1-й Армии Труда [Электронный ресурс]. 2009. 0,1 п.л. Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm – на рус. яз.
6. Там же.
7. Совещание Наркомтрудов, Зав. Област. Отделами Труда и Начальников Трудармий // Бюллетень трудового фронта. 1921. № 12. С. 14–19.
8. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. (1933–1937). Москва, 1934. Т. 1. С. 533–534.
9. Там же. С. 17.
10. Там же. С. 17.
11. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. Под ред. акад. А.Н. Яковлева / сост. А. И. Кокурин. Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с. С. 7 ; 63. (Россия. XX век. Документы).
12. Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению...». Указ. соч. С. 33–34.
13. Красильников С.А. Указ. соч. С. 15.
14. Там же. С. 16.
15. Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 85.

Иностранные архитекторы в сталинском СССР: переплетение судеб и вопросы истории советской архитектуры¹

текст
Марк Меерович

Советское правительство, начиная разворачивать в середине 1920-х годов немислимый по сложности и объему работ процесс формирования советского военно-промышленного комплекса, вынуждено обращать свой взгляд на значительно более развитый в технологическом отношении Запад. Оно рассчитывает приобрести передовые технологии, внедрить их, эксплуатационно освоить, ассимилировать, растиражировать по всей системе аналогичных производств и, в итоге, осуществить промышленный рывок. Высказываясь по поводу использования прогрессивного зарубежного опыта, Г.К. Орджоникидзе недвусмысленно раскрывал позицию политического руководства страны: «...каким образом пересадить достижения заграничной техники – американской, германской – к нам... самый важный вопрос. Тут нечего нам чваниться своим коммунизмом...»²

В СССР формирование производственной основы военной индустрии осуществлялось осмысленно, планомерно и целенаправленно. Именно оно и было названо «индустриализацией». Ради нее власть затевала экономические и социальные реформы, прокладывала транспортные артерии и разрабатывала природные ресурсы. Ради нее, в ходе коллективизации, массы крестьян принудительно отрывались от земли и перебрасывались на новостройки, где они включались в производственно-бытовые коллективы, «опролетаривались» и, либо оставались здесь же в качестве нового населения городов, либо в организованном порядке направлялись на возведение других объектов военно-промышленного комплекса. Ради успехов индустриализации пропаганда призывала советских людей напрягать все силы и жертвовать личным благополучием и комфортом, а карательная система заставляла их это делать.

Руководство страны отдавало себе ясный отчет в выборе приоритетов. Катастрофическое снижение уровня жизни населения до минимально возможного, сокращение производства товаров народного потребления, экспорт зерна в условиях массового голода (вызванного разрушением сельского хозяйства в результате принудительной экспроприации с/х продукции) и закупка на вырученные средства военных технологий – все это было осмысленными и планомерными действиями. Так же, как и оплата валютой приглашенных из-за рубежа специалистов в различных областях промышленного производства, в том числе технологического, архитектурно-строительного и градостроительного проектирования.

В 1929–1932 годах по договорам и контрактам архитекторов (не считая инженеров) приезжает не так уж и много – около 150 человек: немцы, американцы, швейцарцы, голландцы, англичане, венгры, чехи и др. До сих пор точная цифра так и не определена, а пофамильный список так и не составлен.

Иностранные архитекторы стремились в СССР потому, что родина победившего социализма казалась им страной архитектурного будущего, страной нового революционного градостроительства, качественно новой архитектуры. Отмена частной собственности на землю воспринималась как предпосылка реализации заветной

мечты – возможности планировать современные города, не оглядываясь на границы частных землевладений. Возникновение «государства рабочих и крестьян» связывалось с надеждой на осуществление огромной мощи (в сравнении с возможностями частных инвесторов) финансовых и материальных вложений в строительство массового жилья для рабочих, качество которого должно было превзойти все мыслимые достижения Запада. Невиданный размах нового проектирования сулила общегосударственные строительные программы, направленные не на обогащение кучки предпринимателей-капиталистов, а на удовлетворение стремления трудящихся в среде культурного отдыха, духовного развития, массового спорта, научного творчества.

Многие вопросы деятельности иностранных архитекторов в СССР в период индустриализации до сих пор остаются открытыми. До сих пор точно неизвестно их количество и пофамильный список, неясны мотивы их приезда и причины, побудившие их к сотрудничеству с советской стороной. Непонятен статус их пребывания в СССР – кто из них приезжал: а) добровольно, в поисках работы; б) по приглашениям на работу по контракту (в качестве сотрудников советских проектных организаций); в) в качестве представителей иностранных фирм по командировочным заданиям; г) как самостоятельный исполнитель конкретных проектных заказов и т.п.

Какие взаимоотношения (и рабочие, и личные) связывали иностранных архитекторов с их советскими коллегами. Какие совместные работы и с кем из советских архитекторов выполнили иностранные архитекторы? В чем заключалась особенность этих работ и отличались ли они от подобных проектов, но выполненных без участия иностранных архитекторов?

Эрнст Май

Эрнст Май знаменит как германский архитектор, спроектировавший поселки Praunheim, Westhausen, Lindenbaum, Rirdhof-West и др., застроенные комфортабельным, доступным для рабочих типовым жильем. Эти поселки были муниципальное строительство, осуществлявшееся в Германии в рамках социальных программ. Оно отвечало тем же требованиям, которые предъявлялись к жилищному, возводимому на общегосударственные средства ведомствами и городскими властями в СССР, – предельная экономичность, стандартизованность, максимальная экономия, рациональность. Потому и само жилище, и его автор привлекли внимание руководства ведомств, представители которых в 1927 году посетили германскую строительную выставку³: Строительного директората ВСНХ РСФСР, Стройконвенции, Мосстроя, Госпромстроя, Текстильстроя, 3-го Государственного хлопчатобумажного треста, Главэлектро, Югостали, Индустрия, ВСНХ Азербайджана, Азнефти, НИГРЭСа, завода «Красное Сормово». Эти ведомства в тот период были основными застройщиками жилья в СССР.

Э. Май был приглашен в СССР в 1929 году для проектной работы в Фонде финансирования строительства социалистических городов, созданном Цеккомбанком.

1. Разделы, посвященные Э. Маю, Б. Тауту, Г. Майеру выполнены при финансовой поддержке краткосрочной стипендии Фонда Герты Хенкель для проведения научного исследования в ФРГ по теме «Немецкие архитекторы в сталинском СССР – борьба за массовое жилище». StNr. 103/5703/0313. 2009–2010. Разделы, посвященные А. Кану, выполнены при финансовой поддержке краткосрочного гранта в области гуманитарных наук Американского совета научных сообществ по теме «Альберт Кан в истории советской индустриализации», б/н. 2008–2009.
2. Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В. И. Ленина. М.: Мысль, 1978. 251 с. С. 26.
3. Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат, 1929. 224 с.

Председатель Цekomбанка Э.В. Лугановский, находясь в Германии, заключил с ним и группой отобранных им сотрудников договор о 5-летней работе в специально создаваемом Проектно-планировочном бюро Цekomбанка по строительству новых городов и поселков.

Май был одним из немногих западных архитекторов, усилиями которого в СССР за короткое время были разработаны общие схемы и конкретные генеральные планы городов нового типа, называвшихся «соцгородами». Это города-новостройки, которые проектировались на пустом месте, подле заводов-гигантов первых пятилеток, и возводились фактически «с нуля» – Магнитогорск, Нижний Тагил, Щегловск (Кемерово), Кузнецк (Сталинск), Караганда, Балхаш, Ленинанкан, Ленинск, Автострой, Прокопьевск, Сталинград, Тырган (Прокопьевск), Макеевка, Орск и др. Но и отечественные и зарубежные исторические исследования, как правило, однобоко освещают творчество Э. Мая, оставляя почти совсем неизученной ту часть его деятельности, которая является самой интересной для истории советской архитектуры, – сотрудничество с СССР в 1930-1934 годы. Сам Э. Май не оставил воспоминаний о своем пребывании в Советском Союзе, не проанализировал опыт почти четырехлетней работы над уникальными проектами в очень специфических советских условиях, не рассказал о борьбе за реализацию своих идей, не охарактеризовал свое понимание той ситуации, в которой оказался.

Э. Май прибыл в Москву 10 октября 1930 года во главе группы, состоящей из 23 немецких, швейцарских, голландских и австрийских архитекторов и инженеров. Э. Май подбирал в свою группу с расчетом на то, что они должны комплексно решать все вопросы, связанные с разработкой планировок новых городов и разработкой новых типов зданий, необходимых для их застройки. В группе, наряду с архитекторами широкого профиля (М. Стам), были специалисты по планировке (В. Швагеншайдт, Вайс), транспорту (К. Леман), жилищу (Г. Шмидт), общественным зданиям (В. Шульц), больницам (В. Хеббрандт, К. Либкнехт), школам (В. Шютте), детским учреждениям (Г. Шютте-Лихоцкая) и др. Приехав, группа практически сразу же приступила к работе. Одной из первых стало проектирование генплана Магнитогорска.

В начале 1930-х годов в СССР опыт деятельности группы западноевропейских архитекторов, возглавляемой Э. Маей, целенаправленно изучался и описывался в советских научных журналах, популяризировался в общеполитических газетах. Более того, ВСНХ для осуществления практической подготовки специалистов, умеющих работать по методу Э. Мая, сформировал крупный институт градостроительного и жилищного проектирования – Стандартгорпроект, куда в сентябре 1931 года влилось проектно-планировочное бюро Цekomбанка. В Стандартгорпроекте Э. Май занял должность главного инженера. Сам того не подозревая, он оказался в роли мастера-организатора ускоренного планировочно-градостроительного и объемного гражданского проектирования. Кроме того, являясь членом Комиссии по выработке общесоюзных норм и технических условий строительного проектирования Всесоюзного комитета по стандартизации при СТО, Эрнст Май имел возможность непосредственно влиять на становление проектного дела в СССР. Но и эта сторона его деятельности остается абсолютно неизвестной.

Первая общественная критика работы группы Э. Мая разразилась в августе 1932-го. Правда, на первых порах, она несла чисто эстетические претензии. В 1934 году Э. Май покинул Советский Союз и отправился в Африку. Некоторые из его сотрудников уехали из

России еще раньше, некоторые нашли работу в других советских проектных организациях, а последние уехали из России лишь в 1936–1937 годах, когда иностранных архитекторов стали целенаправленно устранять из всех градостроительных проектных организаций «по соображениям безопасности».

В последующие годы информация о деятельности Э. Мая в Советском Союзе была целенаправленно приуменьшена, на него были обрушены обвинения в «ложно понимаемой стандартизации»; в «бездушности и безыдейности» его «архитектуры», состоящей из «домов-коробок» и «пресловутой строчной застройки», которая «не имела и не могла иметь ничего общего с советскими принципами проектирования социалистических городов»⁴. В результате его роль была не только искусственно приуменьшена, но фактически предана «заговору молчания».

Сокрушительный удар по советскому наследию Э. Мая нанес А. Мостаков – бывший русский сотрудник проектной группы Э. Мая. В статье «Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая»⁵ он безосновательно упрекал Э. Мая в использовании тех архитектурно-планировочных приемов и проектных решений (строчная застройка, жилые дома с обобществленным бытом, квартальная планировочная организация территории и т.п.), которые сам же, несколько лет назад, осыпал похвалами в своей же собственной статье: «...группа арх. Мая нашла правильные пути в определении четкой физиономии жилья»⁶. Критическая статья А. Мостакова была опубликована в официальном органе Союза советских архитекторов России – журнале «Архитектура СССР», где в тот период какие-либо материалы без одобрения и положительной санкции партийных чиновников, руководящих советской архитектурой, никак не могли появиться.

Почему в советской историографии фрагмент советской архитектуры, связанный с именем Э. Мая, оказался превращенным в тайну, укутанную ложью? Отчего восхваления сменились порицанием и покинувший СССР Э. Май был публично и облыжно обвинен во всевозможных «профессиональных грехах»? Почему он сам так необъяснимо мало и поверхностно писал о содержании своего почти четырехлетнего пребывания в СССР и фактически ничего не сообщил о причинах, побудивших его, в конечном счете, покинуть «страну победившего социализма». Почему, вернувшись домой и оказавшись в полной безопасности, он не ответил советскому режиму и не раскрыл подлинное содержание своей деятельности, почему не описал те проблемы, решить которые он был бессилен и которые не позволили ему воплотить свои идеи и проектные решения?

Имя Эрнста Мая как разработчика технологии стандартизованного ускоренного поточно-конвейерного проектирования генеральных планов городов оказывается тесно связанным с именем другого архитектора, разработавшего точно такой же метод, но в области промышленного проектирования, также приглашенного в Советский Союз в 1930-е годы, также вскоре покинувшего страну и точно также бессмысленно и беспочвенно обвиненного в том, что совершенно никакой пользы не принес СССР, – американца Альберта Кана.

Альберт Кан

Его роль в становлении советского промышленного проектирования остается такой же совершенно нераскрытой, как и роль Эрнста Мая. Хотя, по непроверенным данным, фирма Альберта Кана разработала в СССР за два с небольшим года проектную документацию по немыслимому количеству промышленных

4. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Т. 1. Поселковое строительство 1918–1941 годов. М. : Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 200 с. С. 22–23.
5. Мостаков А. Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая // Архитектура СССР. 1937. № 9. С. 63.
6. Мостаков А. На пути к дешевому и культурному жилью // Строительство Москвы. 1930. № 4. С. 27–30

объектов – более пятисот. Точная цифра и точный список также неизвестны.

Во всемирной истории промышленного строительства Альберт Кана известен как изобретатель скоростного метода проектирования больших автомобильных и тракторных заводов, как архитектор Форда. Эта методика произвела подлинную революцию в архитектурной проектной деятельности, так как превратила проектирование из «художественного творчества» в «индустриальное производство».

В чем заключалась эта методика? За счет чего она позволяла создавать комплекты чертежей крупных промышленных предприятий в немыслимо короткие сроки? Каким образом и благодаря каким принципам проектные решения изначально увязывались с сортаментом конструкций и возможностями строительных подрядных фирм, с технологией производственного процесса? Чем отличался проект, выполненный в фирме А. Кана, от проекта, выполненного в советском проектно-институте?

В истории советского промышленного проектирования имя Альберта Кана бесследно спрятано под толстым слоем безосновательной критики, наглухо замазано лживыми обвинениями и надежно укрыто под вывеской советского проектного института «Госпроектстрой», специально созданного в 1930 году для «снятия слепок» с инновационной методики разработки проектов, опробованной и внедренной Альбертом Каном в США.

Удивительно, но в результате этого «копирования» имя Альберта Кана оказалось накрепко сплетено не только с именами людей, которые от лица советского правительства вели с ним переговоры, заключали контракты и трудились в его детройтском офисе – С.Г. Брон, Э.И. Гуревич, А.Ю. Божко, С.М. Лещенко и др., но и с теми людьми, которых он никогда не видел и с которыми, как с Эрнстом Маем, никогда лично не встречался: Г.К. Орджоникидзе, М.Н. Тухачевский, В.А. Веснин, Э. Май, А.С. Фисенко, В.Д. Цветаев и даже И.В. Сталин. Кстати, содержание заключенных с А. Каном договоров до сих пор не известно, тексты контрактов не опубликованы, а условия, на которых фирма А. Кана приглашалась к работе в СССР, не раскрыты.

Переплетение имен и судеб были довольно странными. Так, Виктор Веснин – единственный из «архитектурных генералов» сталинской эпохи, который осмелился прислать вдове А. Кана телеграмму-соболезнование по поводу смерти мужа. Этот поступок тем более значим, что был осуществлен уже после того, как фирма А. Кана со скандалом была изгнана из СССР, а имя самого А. Кана основательно опорочено на страницах советской печати. Этот поступок значим тем, что совершен человеком, который был даже не «архитектурным генералом», но скорее «маршалом» или даже «верховным главнокомандующим» советской архитектуры, поскольку занимал в то время пост, наивысший по реальному влиянию на положение дел в архитектуре и градостроительстве, – главного архитектора ВСНХ, то есть «архитектурного менеджера» всего советского индустриального строительства первых пятилеток. В этой роли В.А. Веснин был правой рукой С. Орджоникидзе – с 1930 года председателя ВСНХ, а затем наркома тяжелой промышленности, человека, ответственного за всю советскую индустрию; главного застройщика военно-промышленного комплекса и фактически главного реализатора советской урбанизации, которая в рамках стратегии ассимилированного военно-гражданского производства превращала все без исключения новые производственные объекты и селитбу при них – в военно-гражданские поселения.

В рамках советской расселенческо-урбанистической доктрины не только промышленные, но и гражданские предприятия – швейные и обувные фабрики, заводы бытовой оптики, мясомолочные производства, текстильные комбинаты, фабрики резиновых изделий и т.п. превращались в элементы единой системы подготовки к большой войне. И даже учебные здания (школы, фабрично-заводские училища и т.п.) проектировались и строились в предвоенные годы с учетом развертывания «военной составляющей» – возможности размещения в них военных госпиталей. С. Орджоникидзе принимал личное и непосредственное участие в выборе иностранных специалистов и фирм, привлекаемых к подрядам по развертыванию советской военной индустрии (особенно, фирм такого масштаба, как у А. Кана), так как за выполнение планов первых пятилеток отвечал головой.

Связь с именем В.Д. Цветаева проявляется тоже весьма необычно. Он единственный, кто оставил в истории основательное письменное свидетельство влияния американского проектного опыта на формирование системы проектного дела в СССР: его фундаментальный труд «Фабрично-заводская архитектура», вышедший в свет в 1932 году, пестрит словосочетаниями: «металлическая колонна американского типа», «железнодорожные ворота американского типа», «тележка для очистки стекол американского типа», «ферма американского типа», «железобетонный башмак американского типа» и т.п. В последующие годы советская идеология тщательно вымарывала подобные указания, извлекала из недр библиотек и утилизировала «неправильные» книги, в итоге сегодня труд В.Д. Цветаева непросто найти на полках российских технических библиотек. Хотя, нужно заметить, что этой книге еще сильно повезло, и она не уничтожалась с тем остервенением, с каким извлекались из исторической памяти многие другие книги, а их авторы – из жизни.

До сих пор в советском архитектуроведении отсутствует описание того, в чем содержательно состоял вклад американцев в советскую проектную практику? В какой мере иностранный опыт был приложен к советским условиям (наличию качественных строительных материалов, квалификации исполнителей, традиционному порядку и степени организованности процессов и т.п.)? Каким образом осуществлялся его перенос на советскую почву?

Имя советского архитектора Анатолия Фисенко с именем А. Кана переплетено более тесно. Хотя они тоже никогда лично не встречались. Анатолий Степанович Фисенко был главным архитектором Госпроектстроя – проектной организации, находящейся в подчинении ВСНХ. Именно он руководил работой по переносу кановской технологии поточно-конвейерного проектирования промышленных предприятий на советскую почву и адаптации его к отечественным условиям проектного труда и специфике строительного производства. О прямом «калькировании» форм организации проектной деятельности, о непосредственном воспроизведении американского прототипа не могло быть и речи, настолько несхожими были и общие условия работы в СССР, и техническое обеспечение архитектурной деятельности, и квалификация исполнителей, и сама философия проектирования, и состояние базы стройиндустрии, и формы кооперации между различными дисциплинарными разделами проекта и многое-многое другое.

Уникальность и сверхсложность «привязки» американской технологии была вызвана еще и тем, что происходила она «с колес», то есть в ходе непрерывного реального проектирования новостроек первой пятилетки. Огромных организационно-управленческих

и интеллектуальных усилий требовало осмысление того, как заполнить разрыв между двумя очень разными подходами в проектировании промышленных объектов – инновационной американской и традиционной российской. И здесь молодым руководителям этой работы в формирующейся государственной системе архитектурно-проектного дела совершенно неожиданно помогли методология и способ мышления такого авангардного архитектурного течения 1920-х годов, как «конструктивизм». Из архитекторов именно этого творческого направления начальство ВСНХ прозорливо подбирало кадры подведомственных проектных институтов. И именно через промышленное проектирование первой пятилетки, в конечном счете, базовые постулаты конструктивизма вошли в коллективное подсознательное профессии и впоследствии превратились в «советский функционализм», закрепившись через сформированные в тот же период системы нормативов, типоразмеров, стандартов и т. п.

Подобный опыт пригодился очень скоро – в годы войны: А.С. Фисенко пришлось курировать точно такую же «с колес» привязку до наикратчайших сроков ужато перебазирувания и возведения новых авиазаводов и осуществлять обеспечивавшее этот процесс ускоренное проектирование.

Связь с фигурой И.В. Сталина просматривается значительно прозрачнее. И выглядит почти фантастической. Но до сих пор так и остается ни подтвержденной, ни отвергнутой. Речь идет об удивительной, ничем не объяснимой победе американского участника Гектора Гамильтона во втором туре конкурса на Дворец Советов. Во-первых, невероятным является тот факт, что работа была принята к рассмотрению, несмотря на то что поступила «после конкурса». Во-вторых, то, что явно слабый (в сравнении со многими другими) проект американского архитектора, представленный под девизом «Простота», удостоился не просто внимания, а был представлен практически на вершину наградного пьедестала.

По некоторым свидетельствам, именно Альберт Кан помогал Амторгу в установлении контактов с американскими архитекторами и в договоренности об их участии в конкурсе. Есть предположение, что никому не известный до того времени американский архитектор Г. Гамильтон принял участие в конкурсе на Дворец Советов по его личной рекомендации и что именно Альберт Кан повлиял на подведение итогов конкурса в пользу своего протеже. Также существует предположение, что вручение проекту Г. Гамильтона высочайшей награды было своеобразным прощальным подарком А. Кану лично от вождя Страны Советов.

Ганнес Майер

Бывший директор Баухауса в Дессау, вынужденный покинуть эту должность и Германию из-за крайне левых убеждений, Ганнес Майер прибывает в СССР в конце 1930 года. В отличие от политически нейтрального Эрнста Мая, Ганнес Майер был фанатичным коммунистом. Он сразу же назначается главным архитектором института «Гипровтуз». А через некоторое время к нему присоединяется специально приехавшая в Москву группа его бывших студентов – выпускников Баухауса: Т. Вайнер, Р. Менш, К. Мойманн, К. Пюшель, Ф. Тольцинер, А. Урбан, Б. Шефлер, которые также являются убежденными коммунистами. В течение сравнительно короткого времени (около 9 месяцев) эта бригада работает совместно, как единый коллектив, а затем в целях распространения проектного опыта они разъединяются и включаются в другие бригады Гипровтуза. Они активно участвуют в профессиональной жизни столицы и,

в частности, принимают участие в крупных проектных конкурсах: заказном конкурсе на проект Комвуза (Г. Майер, А. Урбан, Т. Вайнер), открытом конкурсе на проект Дворца Советов (А. Урбан, М.С. Жиров, А. Крыжина), задействованы в организационной работе только что созданного Союза советских архитекторов СССР. Четверо из них затем принимают советское гражданство и, как следствие, с началом репрессий, уже не могут покинуть СССР. Их арестовывают и, в конечном счете, троих физически уничтожают. Выживает только один – Филипп Тольцинер.

Следует заметить, что советская власть приглашала западных архитекторов в очень специфическую ситуацию: она требовала от них забыть о частном проектировании (в рамках которого они до сих пор работали), предлагая устраиваться на работу в советские проектные организации и вписываться в государственную систему проектного дела, усиленно формируемую в данный период. А это означало отсутствие привычных для частной практики персональных контрактов на работы и, как следствие, фактическое отсутствие оговоренных заранее условий труда – сроков, заработной платы, гарантий социального обеспечения, гарантий представления требуемой информации и технического обеспечения, правил внутриколлективных взаимоотношений и проч. Конрад Пюшель – один из молодых архитекторов, недавних студентов-выпускников Баухауса, приехавших вслед за Ганнесом Майером в Москву, вспоминал о том, что для него и других архитекторов до последнего момента оставалось загадкой то, в каких именно отношениях они находились с работодателем. Договоров на работу они сами не заключали, а Ханнес Майер (в бригаде которого К. Пюшель работал) все вопросы на эту тему отметал как провокационные.

Г. Майер профессорствовал во Всесоюзном архитектурно-строительном институте (ВАСИ), был консультантом в Гипрогоре – одном из ведущих советских проектных институтов; курировал в институте «Стандартпроект» (одновременно с Э. Маем) разработку ряда градостроительных проектов для Сибири и Дальнего Востока, участвовал в заседаниях по выбору места для Дворца Советов, а по сути дела, по сносу храма Христа Спасителя.

С 1934 года он является членом вновь основанной Академии архитектуры, в которой руководит Кабинетом жилых и общественных зданий – своеобразным научно-исследовательским институтом, в котором ведется исследование вопросов жилищной и промышленной архитектуры. Здесь под его руководством разрабатываются следующие темы: «Оформление жилого помещения в современной западной и советской архитектуре» (Батенин), «Нормализация габаритов мебелировки жилых помещений» (Батенин и Гужинская), «Стандартизация мебели для жилого помещения» (Батенин, Назаров, Шуберт), «Жилой комплекс городского типа» (Вудке), «Жилой комплекс поселкового типа» (Вутке), «Промышленная архитектура первой пятилетки в СССР» (проф. Николаев), «Архитектура заводского комплекса» (Зильберт), «Архитектура заводских цехов» (Мыслин), «Архитектура социально-бытовых устройств на заводах» (М.Г. Бархин), «Эстетика инженерных сооружений» (Беляева). В институте «Стандартпроект» (где работает бригада Эрнста Мая) Майер руководил проектированием ряда градостроительных проектов для Сибири и Дальнего Востока.

Как дисциплинированный коммунист, Г. Майер, как и подавляющее большинство советских архитекторов, послушно воспринял в 1932–1933 годах принудительное изменение стилистического образа советской архи-

7. Kreis Barbara. Bruno Taut. Moskauer briefe. 1932–1933. Gerb. Mann Verlag. Berlin. 2006. P. 451.

тектуры. Резкую перемену своих профессиональных убеждений, свое внезапное отвращение к современной западной архитектуре и обращение к классической греческо-римской архитектуре, на страницах официального публицистического органа Союза советских архитекторов – журнала «Архитектура СССР», Ганнес Майер объясняет так: «В настоящее время я вновь предпринял вылазку в область классической и вообще старой архитектуры потому, что меня увлекает проблема «национальной выразительности» в социалистической архитектуре. ...Наконец, наше отношение к новейшей западной архитектуре. С нею, как известно, я не в ладу. ...любой «подвал», опубликованный в нашей «Правде», кажется мне значительно более важным событием, отмечающим рождение новой социалистической архитектуры, чем изысканно-легкомысленные фельетоны Корбюзье».

В 1936 году Г. Майер возвращается в Швейцарию.

Почему Г. Майер так же, как и Э. Май, необъяснимо мало писал о содержании своего почти шестилетнего пребывания в СССР и тоже ничего не сообщил о причинах, побудивших его покинуть Советский Союз? Почему, описывая свои проекты, не оставил практически никаких ярких воспоминаний о событиях и окружавших его людях? Мы можем рассматривать выполненные им генеральные планы городов, но абсолютно не понимаем, по каким концептуальным основаниям они выполнялись, по каким причинам они многократно переделывались и трансформировались и почему, когда реализовались, оказывались в большом отрыве от первоначального замысла? Как работал советский механизм согласования и одобрения проектов соцгородов, с которым Г. Майер соприкасался очень плотно? По каким принципам генеральные планы соцгородов рассчитывались, какие планировочные идеи в них закладывались, какие доктрины воплощались? Почему именно Г. Майер был приглашен в числе восьми крупнейших советских архитекторов в Кремль для принятия решения о выборе места под строительство Дворца Советов, какую позицию в этом вопросе занимал, какую конкретно роль сыграл в сносе храма Христа Спасителя?

Бруно Таут

Бруно Таут – талантливый немецкий архитектор, автор поселка Бритц и многих других широко известных, реализованных в Германии проектов, ярый поклонник Советского Союза, прибывает в Москву весной 1932 года. Он приезжает занять предложенную ему должность главного архитектора самого большого московского регионального проектного института «Моспроект» и выполнять обещанные ему заказы на важнейшие и крупные объекты, такие, например, как правительственный отель «Москва». Правда, обещания так и не были исполнены, и весной 1933 года Б. Таут, проведя в Москве почти год, вынужден был вернуться в Германию. Все это время он занимал, хоть и неофициальную, но весьма важную позицию в иерархии Моспроекта, возглавляя обособленное проектное бюро, которое вскоре было выведено из состава Моспроекта и подчинено непосредственно правительству Москвы – президиуму Моссовета.

Будучи в самой гуще столичных архитектурных событий, он имел возможность непосредственно наблюдать ту принудительную эстетическую реформу, которая происходила в этот период в СССР. Как и Э. Май, Б. Таут был принципиальный приверженец современной архитектуры и видел основную причину своей неудачи в СССР в насильственном внедрении в СССР «классической» архитектуры. Его откровенные письма из Советского Союза в Германию опубликованы в

2006 году Барбарой Крайс⁷. Они содержат уникальные сведения, практически неизвестные современному российскому читателю: о политической ситуации в среде советских архитекторов 1930-х годов, о влиянии коммунистических чиновников на содержание повседневной архитектурной деятельности, о своей роли в формировании организационной структуры Мастерских Моссовета – проектной организации, по образцу которой затем была реформирована вся структура организаций гражданского (жилищного и общественного) проектирования в СССР.

В этих письмах имеются также важные указания на то, каким образом и при чем непосредственном личном участии проходил в советской архитектуре процесс стилистических изменений, центром которых был Арплан – Архитектурно-планировочный комитет Моссовета, созданный в 1932 году под председательством первого секретаря Московского городского комитета партии, члена Политбюро ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановича. Высокий партийный статус руководителя комитета, свидетельствовал о том значении, которое советское правительство придавало задаче политического управления архитектурой Москвы. В состав комитета входили, помимо виднейших мастеров архитектуры, инженеров, советских чиновников, также и иностранные архитекторы, в том числе Эрнст Май и Ганнес Майер.

Кто из высшего руководства страны принимал решение о приглашении Б. Таута, Г. Майера, А. Кана или группы Э. Мая? С какими целями? Кто курировал их деятельность? Кто инициировал решение Правительственной комиссии о передаче Э. Мая проектных работ по соцгородам, которые, заметим, до его приезда вполне успешно выполнялись советскими проектными организациями?

Так, например, проектирование соцгорода Магнитогорска было начато за год до приезда Э. Мая в СССР на основе постановления СНК РСФСР № 5 от 11 ноября 1929 года «О строительстве Магнитогорского комбината и рабочего поселка при нем». 18 декабря 1929 года была утверждена программа проектного конкурса, и в начале марта 1930 года жюри были рассмотрены проекты планировки, на основе которых Госпроекту было поручено разработать проект планировки Магнитогорска. 17 сентября 1930 года разработка проекта планировки перешла к Магнитострою, который передал все проектные работы Гипрогору НКВД РСФСР. 19 октября 1930 года разработанный Гипрогором проект докладывался автором, архитектором С. Чернышевым, в Коммунистической академии. Сразу после этого Гипрогор вынужден был приступить к разработке нового проекта планировки в связи с переносом очистительных прудов на новое место, что выяснилось лишь в середине октября. Эта работа совпала по времени с поездкой комиссии в составе представителей «Восток-Стали», Магнитостроя, Гипрогора, архитектора Э. Мая и других экспертов на место строительства соцгорода, во время которой Магнитострой предложил Э. Мая разработать свой вариант проекта (параллельно с переработкой Гипрогором своего проекта).

Разработка Э. Маеи генерального плана соцгорода Магнитогорска началась 10 ноября 1930 года. Но если для проектировщиков Гипрогора переработка проекта не представляла особых трудностей – они были прекрасно знакомы с исходной ситуацией, советскими нормами проектирования, у них имелся огромный проектный задел, они уже давно продумали различные варианты и многократно отрисовали всевозможные эскизы, – то группа Э. Мая находилась в совершенно ином положении: она начинала работу абсолютно «с

нуля». Любой из архитекторов, кто имел хотя бы стороннее отношение к разработке генеральных планов городов и поселков, представляет себе, сколько труда, знаний, сил и, в конечном счете, времени, требует каждой такой проект. Группа Э. Мая успевает завершить работу над генпланом в немыслимо короткий срок – за две недели (к 25 ноября). И делает это, благодаря разработанному Э. Маю методу поточного стандартизированного проектирования (из-за которого он и был приглашен в СССР).

Для рассмотрения проектов СНК СССР создается специальная Правительственная комиссия. Входящие в состав комиссии эксперты – как пишет в своей докладной записке в СНК РСФСР народный комиссар НКВД РСФСР В.Н. Толмачев – выносят единодушное решение принять проект Гипрогора как «наиболее отвечающий нашим условиям», а проект Э. Мая отвергнуть! Но, несмотря на это, проигнорировав практически единодушное мнение экспертов, Правительственная комиссия 10 декабря 1930 года принимает совершенно неожиданное решение – передать все проектно-планировочные работы архитектору Э. Маю. Кто способен был влиять на принятие подобных решений? Кто лично в ЦК ВКП (б), в правительстве СССР, в руководстве ВСНХ (а потом НКТП) курировал процессы разработки проектов генеральных планов соцгородов-новостроек первой пятилетки вообще и генплана Магнитогорска в частности?

Западные архитекторы, работавшие в СССР (как и иностранные фирмы, ведущие проектирование из-за рубежа) плохо вписывались в формирующийся порядок осуществления проектных работ в рамках государственной системы проектного дела, плохо включались в трудовой порядок проектной деятельности. Они, даже находясь непосредственно в штате проектной организации, не понимали, почему меняются исходные проектные задания, и в случае вынужденных переделок уже готовой документации (произошедших из-за изменений проектных заданий, то есть не по их вине), просили пересмотреть объемы и сроки проектной работы, а также величину оплаты.

Сыграли ли они какую-либо роль в изменении траектории развития советской архитектуры? Или их участие в проектных работах в СССР было сплошным разочарованием с обеих сторон? Как они относились к необходимости проектировать коммунальные квартиры, бараки, общежития, дома-коммуны, возводившиеся в новостройках «соцгородов»? Понимали ли они истинные цели жилищной и градостроительной политики советской власти?

Затушевывание роли иностранных архитекторов в советской индустриализации особенно интенсивно развернулось во второй половине 1930-х годов, потому что партийная идеология уже не способна была допустить соседства, с одной стороны, установки на формирование «национально-индустриального патриотизма», выражающегося в словах: «мы сами своими силами смогли все это сделать и сделаем еще больше...» и, с другой – очевидного западного участия в этом процессе.

Начиная с конца 1930-х годов в официальной советской научной литературе ничего, кроме лживой ругани в адрес иностранных архитекторов, уже не печатается. Вот лишь один из примеров клеветы на Э. Мая – фрагмент из книги Ю. Шасса «Архитектура жилого дома»: «В начале 30-х гг. преклонение перед иностранной, еще сохранявшееся в то время в некоторых проектных организациях, ярко проявило себя в «эпизоде» с германским архитектором Э. Маю и его группой, участво-

вавшей в проектировании и строительстве новых советских промышленных городов Урала и Сибири (Сталинск, Магнитогорск). Бездушная и безыдейная «архитектура», насаждавшаяся иностранными «специалистами», с ее домами-коробками, пресловутой строчной застройкой и ложно понимаемой стандартизацией, не имела и не могла иметь ничего общего с советскими принципами проектирования социалистических городов.

Э. Мая и его группа вскоре были отстранены от строительства, а дальнейшее проектирование этих городов вновь полностью передано советским архитекторам. Следует подчеркнуть, что еще до «участия» Э. Мая в строительстве новых городов, а в особенности в последующий период строительства, в большинстве городов-новостроек было возведено немало капитальных и красивых построек. Строительство жилищ, как правило, сопровождалось капитальными работами по благоустройству и озеленению кварталов, а также возведением зданий общественного назначения (клубов, столовых, детских учреждений и больниц)⁸.

Здесь вранье все: архитектура массового жилища, разрабатываемого Э. Маю не была бездушной и безыдейной; слово «насаждалась» совершенно неуместно на фоне попыток спроектировать нормальную мало-мальски качественную среду обитания; иностранные специалисты не были «специалистами в кавычках», а были подлинными профессионалами своего дела, причем многие, как замечал В. Швагеншайдт, «более честными и последовательными коммунистами, чем их русские оппоненты»; стандартизация понималась вовсе не «ложно», а так, как и должна была пониматься, – в соответствии со своей подлинной ролью – ускорения и удешевления массового жилищного строительства (правда, на фоне торжествовавшего в тот период, сталинского ампира и штучного декорирования фасадов домов центральных улиц, она, действительно, была очень уж неуместна); до «участия» Э. Мая в строительстве соцгородов-новостроек в них не было возведено никаких «капитальных и красивых» жилых построек, наоборот, на фоне моря деревянных бараков, именно каменные дома, построенные по проектам группы Э. Мая, были наиболее красивыми и капитальными; строительство жилищ повсеместно не сопровождалось капитальными работами по благоустройству и озеленению кварталов, а здания общественного назначения (клубы, столовые, детские учреждения и медпункты) располагались в точно таких же одноэтажных деревянных бараках и т.д.

А вот еще один образчик статьи, столь же бессодержательной, сколь и агрессивной, раскрывающий «истинную» роль сотрудников фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед» в СССР. Под названием «Хлестаковские откровения Альберта Кана» она также опубликована на страницах главного архитектурного журнала страны «Архитектура СССР». Тем, кто знаком с фразеологией советской прессы сталинского периода и умеет читать между строк, понятно, что именно те факты, которые старательно опровергаются в статье, на самом деле, и являются правдой:

«Августовская книжка американского ежемесячного журнала «Architectural Forum» почти целиком посвящена крупнейшей в США проектно-строительной фирме Кан, специализировавшейся в области промышленной архитектуры.

Восторженно здесь описывается многотрудная деятельность членов «династии» Кан в различных отделах фирмы. О характере этой деятельности можно судить по следующему заявлению самого главы фирмы – Альберта Кана: «Архитектура для

8. Шасс Ю. Архитектура жилого дома Т. 1. Поселковое строительство 1918–1941 годов. М. : Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 200 с. С. 22–23.

9. Здесь явная ошибка: не «Горстройпроект», а «Госпроектстрой». Но ошибка, скорее всего, не случайная: всеобщая шпиономания того времени подталкивала к засекречиванию даже, казалось бы, общеизвестных вещей. — М.М.
10. Хлестаковские откровения Альберта Кана // Архитектура СССР. 1938. № 10. С. 89.
11. Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро от 20 июля 1937 г. — Цит. по Ионкис Г. Маалот. Ступени. Stufen. — СПб.: Алетейя, 2004. — 400 с. (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»), С. 76.

меня на 90% коммерция и на 10% искусство». Слов нет — откровенный девиз, правдиво отражающий положение дел в проектно-строительных организациях США, да и во всякой другой капиталистической стране. Не нам этот девиз опровергать. Но трезвость и деловитость не всегда относятся в «коммерческим» достоинствам г. Альберта Кана. Коль скоро дело касается рекламы — маститый руководитель фирмы придерживается диаметрально противоположных взглядов: в его отчете 90% самой фантастической лжи перемешивается с 10% будничной правды.

В жизни фирмы был один знаменательный момент; в отчете о нем говорится даже с некоторой торжественностью: «1928 год неожиданно принес самый необычный заказ, который когда-либо был дан архитектору. В этом году группа советских инженеров пришла в контору Кан с заказом на проектирование тракторного завода строительной стоимостью в 2 млн долларов и дальнейшей программой строительства еще на 2 млн долларов».

Далее действие переносится в СССР. В Москве, как сообщает автор отчета в журнале «Architectural Forum», был основан «филиал конторы Кан». Инженеры из штаба г. Кана здесь совершали «подвиги», достойные былинного эпоса. Автор отчета указывает, что «контора в Москве состояла из 1 500 советских чертежников, которые явно никогда в жизни ни видели карандаша», что наши заводы — Большой Сталинградский тракторный и Нижне-Тагильский — «строились в пустыне, в девственном лесу». В заключение скептики, не верящие в подвиги инженеров фирмы Кан, могут полюбоваться воспроизведенными в журнале новенькими с иглолочки заводы в Сталинграде, Челябинске и Кузнецке.

Нет нужды особенно пространно доказывать, что сообщения автора отчета в журнале «Architectural Forum» лживы с начала до конца. Никакой «филиал» фирмы Альберта Кана в Москве, конечно, никогда не существовал. Группа американских инженеров действительно была в 1928 году приглашена в Москву на основе договора с фирмой Кан, но работала она в советском тресте «Горстройпроект»⁹, и деятельность ее была строго ограничена функциями технической помощи.

Легенды о чертежниках, «никогда в жизни не видевших карандаша», о пустынях и девственных лесах в районе Сталинградского тракторного завода у всякого читателя, мало-мальски знакомого с социалистическим строительством Страны Советов, может также вызвать только веселую улыбку.

Нам понятны побуждения г. Альберта Кана рядиться в павлиньи перья, когда он повествует о работе представителей фирмы в СССР: ведь «реклама» — двигатель торговли». Нам понятны и чувства, его обуревавшие. В невиданно короткие сроки советские инженеры, архитекторы, техники, рабочие-строители, воодушевляемые великими идеями социализма, полностью овладели своим делом. «Героическая эпоха» в жизни фирмы Кан тем самым оказалась позади. Создав самостоятельно заводы, которые во всех отношениях могут поспорить с лучшими промышленными предприятиями США, советские строители невольно нанесли ущерб «коммерции» г. Кана. Этого, конечно, никогда не сможет им простить глава фирмы, для которого «архитектура» на 90% коммерция».

Остается только пожалеть, что, казалось бы, солидный американский специальный ежемесячник отвел свои страницы под беззастенчивое хвастовство г. Кана. Впрочем, люди, знакомые с источниками дохода многих «независимых» органов печати на Западе, легко объясняют этот, на первый взгляд странный, факт¹⁰.

Иностранцами архитекторами проблемы советского градостроительства ощущались наиболее обостренно потому, что они оказались в иной ментальной, социально-экономической, идеологической среде и им приходилось совмещать свои представления о новом обществе и чаяния о новой «революционной» архитектуре с окружающими их советскими реалиями.

Многие из них, как непосредственно из Советского Союза, так и вернувшись домой, писали статьи, тексты мемуарного характера, анализировали итоги своей деятельности в СССР. Но в своих публикациях так и не сказали ни слова о подлинных реалиях советской организации проектной деятельности, о людях, с которыми они тесно общались, и «механике» принятия архитектурных и градостроительных решений в сталинском СССР. Их статьи больше напоминают передовицы советских журналов того времени — идеологически безупречные, проблемно выхолощенные, содержательно банальные. Почему фактически никто из иностранных архитекторов (кроме Р. Волтерса), после возвращения домой, не проанализировал и не описал именно «неформальную» сторону их пребывания в СССР, которая, собственно, и определяла эффективность их деятельности в Советском Союзе?

Без этого сложно выяснить, каков был характер взаимоотношений иностранных архитекторов с советским правительством и ведомствами. Кто из высшего руководства страны принимал решение о приглашении Б. Таута, Г. Майера, А. Кана, группы Э. Мая, других архитекторов? С какими целями? С кем из крупных советских политических и государственных руководителей встречались Э. Май, Б. Таут, Г. Майер, К. Майер? В чем состояло содержание этих встреч? Влияли ли они, эти встречи, на принятие каких-либо организационных, или содержательных, или иных решений руководителями органов власти или ведомств?

В деятельности каких комиссий, совещаний, советов и т.д. участвовали иностранные архитекторы? В решении каких вопросов они принимали участие? В чем выражалась их позиция, в чем заключалось их влияние, как проявлялась их роль? Участвовали ли иностранные архитекторы (Э. Май, Б. Таут, К. Майер, Г. Майер и другие) в деятельности Союза советских архитекторов СССР? В чем это участие заключалось?

Одна из актуальных задач современной архитектурной науки — непредвзято ответить на вопрос о роли иностранных архитекторов в советской архитектуре и советском градостроительстве первых пятилеток.

Официально (а точнее неофициально, потому что происходит в условиях полной секретности) присутствие немецких архитекторов на территории СССР прекращается в середине 1937 года. Это тот случай, когда в стихийном процессе, якобы свободного приезда и объезда людей из страны, удается определить фиксированную историческую дату его насильственного прекращения — 20 июля 1937 года. Политбюро принимает решение, текст которого написан лично Сталиным: «...дать немедленно приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах... и высылке части арестованных за границу... О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК»¹¹. Оперативный приказ № 00439 от 25 июля 1937 года за подписью наркома Ежова был передан телеграфно по всем управлениям НКВД. А в ночь на 30 июля карательные органы повсеместно приступили к исполнению приказа. Уже «через неделю Ежов докладывал Сталину об аресте 340 германских подданных...» <...>

Зодчий Сталин

Советская архитектурная наука была весьма консервативной. Точно так же как и другие области научного знания, она зависела и от партийной идеологии, и от официально допустимых трактовок событий, и от общепринятых стереотипов обобщений и выводов.

Современная российская архитектурная наука так до сих пор и не избавилась от этой родовой травмы. Особенно в отношении сталинской архитектуры, которая никак не поддается однозначной оценке. Но если в описании феноменов сталинской литературы, живописи, кинематографа, театра и других видов искусств обличительный тон по отношению к власти проступает достаточно явно, то в архитектуре восторженное отношение к сталинскому ампиру – к героике стиля, к «пафосу пропорций», монументальности и патристичности – до сих пор перевешивает критические суждения. Если в области художественного творчества, музыкальной культуры деятельность органов цензуры и контроля над творчеством описаны достаточно подробно и вполне негативно, то в архитектуре, во-первых, о деятельности этих органов мало известно, а во-вторых, они представляются как бы существующими сами по себе и не слишком-то и вмешивающимися в творческий процесс.

В отношении истории сталинской архитектуры сегодня можно обнаружить четыре основных «методологических» подхода.

Во-первых, яростно антисоветский, в рамках которого все, что создано в советское время представляется в отрицательном свете, а например, сталинский ампири представляется исключительно как продукт принудительного воздействия тоталитарной системы власти на исполняющих ее прихоти архитекторов.

Во-вторых, наиболее часто встречающееся восторженно-позитивное изложение фактов. В этом подходе, в частности, сталинский ампири рассматривается как яркое художественное достижение. При этом все, что положительному тону противоречит, вообще не излагается. Именно таким образом был написан любой учебник по советской архитектуре, так написаны в советский период все книги про сталинских архитекторов и фактически до сих пор именно таким образом представляется вся официальная история архитектуры сталинского периода.

В-третьих, отстраненно-структуралистский, когда весь материал используется для обоснования неких логически выстроенных, структурно законченных моделей, «плотно набитых» иллюстративным материалом и якобы объясняющих закономерности эволюции отечественной художественной культуры.

В-четвертых, «агиографический», в которой жизненный путь и персональное творчество тех или иных деятелей культуры рассматриваются на фоне их противоборства с советской властью. В этом подходе они предстают либо как героические борцы и святые, либо как трагические жертвы и великомученики¹.

Методология науки давно и неоспоримо доказала, что содержание и выводы исследования зависят от позиции, изначально занимаемой его автором, – от той исходной точки зрения, которая как раз и формирует существо предмета исследования. Так бывает практически всегда. И это для Истории губительно. Потому что при таком подходе она превращается в вымысел, в большей или меньшей степени удачно подпертый подобранными фактами. В этом подходе

фильтрация материала происходит изначально – отбрасывается все то, что не соответствует исходной позиции, а обрабатывается и потом, более или менее складно, излагается в качестве аргументации лишь то, что вписывается в начальную версию, выражающую позицию исследования.

Нетерпимое отношение Д. Хмельницкого к советской власти не может не влиять на его критическую оценку сталинской архитектуры, так как фигура И.В. Сталина в его глазах является не просто олицетворением, а реальным создателем как самой государственно-политической системы, так и собственно «сталинской архитектуры». Может быть, именно это отношение заставляет его хронологически дотошно и предельно детально описывать архитектурную событийность периода 1930–50 годов, наглядно раскрывая то, как формировал вождь систему власти, которая, с определенного момента, уже перестала нуждаться в конкретных распоряжениях, – все стремились опередить друг друга в угадывании «направлений высочайших указаний» и превзойти в их выполнении. Д. Хмельницкий реконструирует смысловой фон, который обеспечивал условия тотального огосударствления профессии архитектора в СССР. Показывает, как власть целенаправленно и мощно превращала архитектора из «творческой личности» в «государственного служащего»

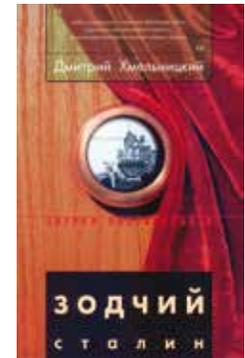
Автор последовательно и детально раскрывает перед читателем «механизм запуска программ», которые, обрстая «неистовыми исполнителями», обретали «силу самодвижения»: социалистический реализм, конкурс на Дворец Советов, создание единого творческого союза, формирование ансамблей центральных улиц и площадей и т.п.

Д. Хмельницкий доказывает, что появление сталинского ампира как официального стиля советской империи не было ни результатом естественной трансформации образной составляющей архитектурного творчества. Напротив, внедрение «конкретной стилистической кальки» в коллективное сознание советской архитектурной профессии было результатом целенаправленного внешнего воздействия, как на содержание проектного процесса, так и на сам способ мышления представителей советского авангарда и всей массы архитекторов, включаемых в типологически организуемую общегосударственную систему проектного дела в СССР.

Принудительное внедрение в начале 1930-х годов в массовую культуру советского архитектурного проектирования обязательной для всех «стилистической-образной кальки», основанной на интерпретации классической архитектуры, было предопределено рядом организационно-управленческих действий со стороны централизованной власти по отношению к формируемой ею системе массового архитектурно-градостроительного проектирования.

Одно из таких действий – ликвидация самостоятельных творческих группировок, имевших собственные представления о методах и принципах формообразования и тем самым невольно противостоявших «образно-стилистической унификации». Замена творческих организаций как инициаторов разно-ориентированной творческой направленности авангардного профессионального мышления на единственный официальный руководящий орган – Союз советских архи-

текст
Марк Меерович

Хмельницкий Д.С. Зодчий Сталин. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 304 с. : ил.

Хмельницкий Д.С. Архитектура Сталина: психология и стиль. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 376 с. : ил.

1. Дмитрий Хмельницкий. Зодчий Сталин. Архитектура Сталина. Рецензии Григория Ревзина и Дмитрия Петрова. XXIII–MMVIII – 31.03.2008. [Электронный ресурс] : 2008. 0,6 п. л. Режим доступа: www.projectclassica.ru/school/23_2008/school2008_23_04.html

текторов, неформально, но неразрывно подчиненный соответствующему отделу ЦК ВКП (б), обеспечивало власти возможность централизованного воздействия на профессиональные массы.

Д. Хмельницкий невольно меняет акценты в той хронологии истории советской архитектуры, которая стала привычной нам по учебникам. Запрет творческих архитектурных группировок, обнародованный постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», оказывается в его хронологии не стартовым событием в переломе развития советской архитектуры, а итоговым. А начальным – Конкурс на Дворец Советов – выявление потенциальных лидеров советской архитектуры и проверка их на готовность исполнять даже не столько командные окрики, звучащие свыше, сколько полунамеки; на способность преломлять подчас невнятные высочайшие указания в конкретные профессиональные смыслы и термины, концепции и теории, а затем добиваться от подчиненных их неукоснительного исполнения.

Не постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» обозначило конец советского архитектурного авангарда и начало сталинского ампира, а Конкурс, который поставил ведущих архитекторов страны перед дилеммой – изломать себя ради того, чтобы занять место в формируемой властью новой профессиональной олигархии, или сохранить свое независимое суждение и творческую волю, но, как следствие, выпасть из проектной деятельности и неразрывно связанной с ней творческой жизни (и возможно, навсегда, что и стало с наиболее несговорчивыми).

В описании ключевых моментов истории советской архитектуры сталинского периода Д. Хмельницкий не останавливается, подобно другим авторам, на споре между урбанистами и дезурбанистами. Не указывает на него, как на эпохальное теоретическое событие. Так как понимает, что и урбанистические, и дезурбанистические теории были для советской власти одинаково никчемными. Власть смотрела на страну как на огромный лагерь принудительного труда, застраивая ее бараками, землянками, бригадными палатками, обложенными дерном, а в лучшем случае секционными домами с коммунальными квартирами, заселяемыми покомнатно-посемейно.

Равномерное размещение военной промышленности по территории страны должно было сопровождаться равномерным размещением населения. Причем перераспределение населения по территории страны, перемещение трудовых ресурсов в слабозаселенные окраинные районы и в зоны ресурсодобычи, осуществлялось искусственно-принудительным путем, при котором ни эзков, ни «вольняшек» никто не спрашивал, в какой среде они предпочитали бы обитать.

Сформулированные советскими архитекторами-теоретиками 1920–1930 годов градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации, изложенные в теоретическом дискурсе в общественных дискуссиях и на страницах профессиональной печати (какое-то время существовавшей довольно независимо), а также их предложения в отношении судьбы существующих и будущих городов одинаково не отвечали организационно-управленческой стратегии партии. Она была равнодушна к любым градостроительным теоретическим доктринам. Ей нужно было управлять населением. А архитекторы, в ее понимании, должны были заниматься формированием среды, этой задаче наиболее точно соответствующей. Тезисы о разукрупнении городов и о концентрации населения понимались теорети-

ками-градостроителями, с одной стороны, и властью – с другой, совершенно по-разному. С точки зрения политической доктрины социализма, градостроительная дезурбанизация оказывалась неприемлемой, так как исключала один из основополагающих принципов марксистско-ленинской теории – «концентрацию пролетариата» и предназначение городов как «аккумуляторов пролетарской активности и организованности». Именно потому советское руководство категорически отвергло предложения дезурбанистов: они приводили к распылению пролетарских кадров, являющихся костяком организуемых партийными структурами народных масс. А руководить рассредоточенными пролетарскими массами советская власть не умела. А урбанистическая доктрина оказалась отвергнутой потому, что опиралась на существующие города и мешала перенести острие расселенческой политики на пустующие земли Урала, Сибири, севера и востока страны.

Поэтому власть была вынуждена запретить градостроительные концепции и урбанизма, и дезурбанизма (а также и все остальные), какими бы целостными, логически завершенными и последовательно выстроенными они не являлись.

Реализуя идеологические постулаты марксизма-ленинизма о равномерном размещении промышленности по территории страны и, одновременно, о необходимости концентрации пролетариата, советская власть принимает решение о разворачивании новых производств и сосредоточении подле них производительных сил в новых экономических районах. Провозглашая принципы равномерного распределения промышленности по территории страны, советская власть не отрицает возможности концентрации пролетариата вокруг индустриальных предприятий. Напротив, она основывается на этой стратегии, так как без этого не может формировать новые пролетарские центры – социалистические города-новостройки, которые призваны исполнять функция «узлов системы расселения», «опорных пунктов диктатуры пролетариата», из которых административное влияние должно распространяться на «непролетарское» (сельскохозяйственное) население прилегающих местностей.

Именно поэтому советская власть парадоксальным, как это может показаться на первый взгляд, образом призывает одновременно и к дезурбанизации (равномерному распределению промышленности), и к урбанизации (концентрации пролетариата в поселениях вокруг индустриальных предприятий).

Власть считает стратегически правильным перемещение новой промышленности в сырьевые регионы. Тем самым сводя к минимуму транспортные издержки на перевозку сырья, колонизируя территории, формируя структуру военно-промышленного комплекса, отрывая от земли и «урбанизируя» крестьянство и перебрасывая его в новые места концентрации населения. Она создает новые населенные пункты – соцгорода – таким образом, чтобы они изначально были приспособлены к задачам социального управления: содержали строго определенные типы жилищ, основывались на конкретных планировочных структурах, включали конкретный список объектов обслуживания, фиксированный социально-профессиональный состав и численность населения, согласованную с нормативами и показателями планового распределения фондов материального и продуктового снабжения и т.п. Так как существующие города к выполнению этих задач оказываются абсолютно не приспособленными, советская власть отказывается опираться на них в достижении своих индустриальных и расселенческих программ

и концептуально готова их разукрупнить, рассредоточить и даже разрушить, передавая их административно-территориальные функции городам-новостройкам.

Объем потребных проектных работ грандиозен. Власть остро нуждается в целой армии профессионалов-архитекторов – послушных, инициативных (в требуемом направлении), способных оперативно обеспечивать выполнение любых принимаемых наверху решений. И власть практически осуществляет эту непростую задачу – изменяет традиционный строй профессионального мышления и характер практической деятельности. То, как это происходит, скрупулезно и детально раскрывает в своих книгах Д. Хмельницкий.

Открытые совершаются там, где есть осознанное движение к задаче. Большое открытие – продукт решения масштабной задачи, которая подчас страшит, но которая только и способна порождать подвижников. Книги Д. Хмельницкого несут в себе большое открытие, ибо заполняют зияющие пустоты политической истории отечественной архитектурной профессии. Они уникальны тем, что осуществляют в отношении архитектуроведческой литературы ту стадию концентрации и отжата материала и выводов, которая необходима для кардинального пересмотра истории советского градостроительства предвоенного периода. Они препарировывают исторический материал с той точки рассмотрения, с которой до сих пор его не принято было разглядывать, потому что произошедшая в советский период деисторизация науки, да и населения вообще, дала свой мощный побочный эффект – деполитизацию мышления, как рядового гражданина страны, так и научного сознания обществоведов. Интерес к истории был направлен исключительно на далекое прошлое. Интересоваться, а тем более критически описывать реальный механизм принятия архитектурных, градостроительных, расселенческих решений в СССР было не просто неприлично, но ненаучно и даже весьма опасно.

Перетеканию исследовательского интереса Д. Хмельницкого от реалий советского строя в его официальную мифологию способствовала вопиющая неточность советской историографии в отношении жилищной и градостроительной политики. Причем в градостроительстве эта неточность была многократно усугублена нарастающей с начала 1930-х годов секретностью. В советской архитектурной науке, в градостроительных знаниях слой фактического исторического материала присутствовал очень выборочно. Если, например, в советской прессе и научных исследованиях широко освещались факты закладки новых архитектурных ансамблей или производственных объектов, прокладки транспортных магистралей или разработки новых месторождений, то постоянно и много говорилось об объемах осуществленного строительства, о кубах вынутой рудоносной породы и срубленного леса, о возведенных километрах судоходных каналов и железных дорог, введенных в строй все новых и новых мощностях. Но ответ на вопрос «зачем» всегда имел исключительно пропагандистский характер. Никогда не ставился вопрос о том, «куда все это девается», почему люди десятилетиями, а подчас и всю жизнь жили в неблагоустроенных домах, в нищете и в условиях хронического жилищного дефицита. Не анализировалось, почему, исходя из каких соображений, принимались те или иные расселенческие, градостроительные, планировочные решения. Все эти «почему» все время оставались как бы «за кадром». И все время плотно затушевывались идеологической завесой расхожих лозунгов, цитат, фразеологических штампов, политических формулировок.

Если информация посвящалась отдельному человеку, то это был, казалось бы, обычный человек, рядовой гражданин страны, якобы такой же, как сотни и тысячи других. Хотя подобный «простой человек» на самом деле таковым не являлся, а был специально выбранным, специально показанным, старательно изображенным.

Если речь шла о городах и поселках, то наглядно демонстрировались и целенаправленно пропагандировались лишь те качества среды и примеры ее формирования, которые соответствовали идеологическим представлениям «о должном».

Если речь шла о жилище, то это был рассказ о его доступности и комфортности, хотя на самом деле государство оставляло населению один единственный законный способ обретения жилища – постановку в очередь на многие годы для получения его из общегосударственных фондов, при условии добросовестной и долголетней выслуги на производстве.

Это была специальная, «представительская», мифическая действительность, целенаправленно формируемая пропагандой, в которой повседневная жизнь поселений и ежедневное бытие людей были «изображены» с таким же искусством, с каким советское документальное кино «отображало» реалии советского общества, то есть искаженно, «парадно-лубочно», фальшиво и на самом деле совсем «недокументально». И никогда в рамках этой действительности не раскрывались истинные цели закладки новых городов, прокладки каналов и строительства железных дорог, возведения заводов-гигантов. Все это происходило как бы само собой. При этом любой человек, выросший в СССР или много читавший об устройстве советской власти, прекрасно понимал, что «само собой» в градостроительстве Советского Союза ничего не происходило, кроме, пожалуй, самостроя в деревнях и возведения «нахаловок» на окраинах городов. Любая мало-мальски значимая стройка, а уж тем более строительство новых городов было делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и всецело управляемым. Тем более в условиях тотального государственного распределения финансовых, материальных ресурсов, строительных материалов, рабочей силы, транспортных мощностей и квот на разработку природных ископаемых.

Мы так мало знаем сегодня об условиях обычной жизни обычных людей – кто-то и почему-то обитал в бараках и выкопанных в земле своими руками полуподземных жилищах; кто-то жил в отдельных возводимых за счет государства коттеджах; кто-то имел право получить квартиру в «доме специалистов», кто-то комнату в коммунальной квартире, а кто-то только лишь комнату в ведомственном семейном общежитии; кто-то, неясно по каким причинам, вынужден был вместе с семьей ютиться в арендованном сарае или в списанном товарном вагоне, а кто-то в то же самое время почему-то получал от администрации фабрики, на которой трудился, безвозмездную ссуду для выплаты паевого взноса в жилищный кооператив. Это не просто повседневность. Это реальное проявление жилищной и градостроительной политики власти.

Слова, призывы, теоретические постулаты, убежденность и раскаяние – это тот фоновый материал, сквозь который ведет свое исследование Д. Хмельницкий, вскрывая принудительную эволюцию профессионального сознания, механизм осуществления которой до сих пор оставался неизвестным.

Две книги Д. Хмельницкого не закрывают проблематики политической истории советской архитектуры и градостроительства сталинского периода. Они ее открывают...

Регенерация 130-го квартала: мониторинг

5 апреля в Иркутске прошло меж-региональное совещание государственных органов охраны культурного наследия Сибири и Дальнего Востока. Открыл работу совещания губернатор Иркутской области Д. Ф. Мезенцев. Он рассказал о проблемах сохранения исторического наследия и об инициативах по комплексной регенерации исторической среды, с которыми выступила в июне 2009 года областная администрация.

В работе совещания приняли участие руководитель Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культуры (Росохранкультура) А. В. Кибовский, начальник управления государственной охраны памятников истории и культуры Росохранкультуры А. В. Работкевич, руководители органов охраны культуры из 17 регионов, а также В. И. Кутищева, министр культуры и архивов Иркутской области, В. В. Барышников, руководитель Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области, В. А. Китаев, председатель Иркутского регионального отделения ВОО «ВООПИК», Ю. А. Перелыгин, руководитель фонда «Иркутская Слобода», заместитель председателя Градостроительного

совета при губернаторе Иркутской области, В. В. Распутин, главный архитектор Иркутской области, А. Ю. Макаров, генеральный директор ОАО «Иркутскгражданпроект», С. А. Снарский, член Общественной палаты Иркутской области, заместитель председателя комиссии по вопросам национальных отношений, культуры и свободы совести, а также другие специалисты.

На совещании с докладом о концептуальном подходе к комплексной регенерации крупных фрагментов исторической деревянной среды Иркутска и конкретных решениях проекта детальной планировки исторического квартала № 130 выступил член-корреспондент РААСН, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор М. Г. Меерович.

Выездное заседание проходило непосредственно на территории квартала № 130. Участники осмотрели три площадки, на которых идут работы по трем деревянным домам.

Подводя итоги совещания, А. В. Кибовский заявил, что проект комплексной регенерации исторического фрагмента деревянной застройки, осуществляемый по инициативе губернатора Иркутской области Д. Ф. Мезенцева,

по сложности поставленных задач, сжатости сроков реализации и нестандартности осуществляемых проектных подходов и организационно-управленческих решений на сегодняшний день не имеет аналогов в России. Иркутский проект рассматривается руководством министерства культуры как пилотный, способный выступить образцом новой градостроительной философии и, как следствие, новой муниципальной градостроительной политики.

19 апреля прошло совместное заседание правительства Иркутской области и Думы г. Иркутска, на котором профессор М. Г. Меерович и заместитель президента фонда «Иркутская Слобода» К. В. Сторожев рассказали об основных положениях проекта и доложили о ходе реализации работ. Были рассмотрены вопросы инвестиционной привлекательности проекта и указано на необходимость ускорения процесса расселения жильцов. В ходе вопросов, ответов, обсуждения и выступлений были аргументированно отклонены прозвучавшие предложения заменить деревянные исторические дома одноэтажными кирпичными, но стилизованными под старую архитектуру за счет обшивки досками.

Губернатор

К. Маковский. Портрет генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского. 1863. Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева

23 августа 2009 года исполнилось 200 лет со дня рождения Николая Николаевича Муравьева-Амурского (1809–1881), генерал-губернатора Восточной Сибири в 1848–1861 годах

Памятник этому человеку видел всякий, кто хоть раз держал в руках пятизвездную купюру.

Постамент для него воздвигнут на высокой скале посреди полумиллионного города, которого полтора века назад просто не было. Была широкая река, толком еще не нанесенная на карту. Течение делало в этом месте крутой поворот. И был идущий по реке караван маленьких суденышек и лодок, возглавляемый отчаянно пытящим пароходиком. На палубу пароходика вышел человек в походном мундире и, задумчиво глядя на скалы левого берега, произнес: «Вот здесь будет город». Он не успел сойти на берег, потому что начиналась война. Его ждали в низовьях реки, куда надо было срочно доставить солдат и пушки. Хабаровск основали уже без него.

Его трудно было задержать на одном месте. Шутка ли, руководить губернией размером с Европу. И всюду на терри-

тории от Енисея до Канады требуются решительные действия и хозяйский глаз. Вокруг недоумевали. Поставили тебя губернатором Сибири, вот и сиди в Иркутске. Зачем каждую зиму по первому снегу скакать за семь тысяч верст в столицу, пробивать очередные «проежеты»? А оттуда еще успевай заехать в Италию, Францию или Англию, чтобы к весне вновь оказаться в Сибири, с ходу отправившись куда-нибудь в Якутск? Да еще с женой. И так –10 лет, почти каждый год. Безумие...

Явное «безумие» прослеживалось и в действиях на вверенном посту. Ты ведь губернатор пограничного края. Сосед у тебя хоть и слабый, но огромный и таинственный. Обмен посольствами происходит своим чередом. Взаимная торговля налажена предшественниками. Что еще надо? Разметить несколько тысяч верст границы? Так она еще с Петра Великого не размечена, и ничего, живем. Зачем соваться самому в то, о чем не просят? Выяснить куда и как текут реки? Пытаться соперничать – виданное ли дело? – с морскими державами в Тихом океане?! Соперничать там, где у нас

почти нет даже своего флота. Не лучше ли было бы лишний раз не раздражать их? А вась, пронесет нелегкая...

Для того чтобы понять значение совершенного нашим героем дела, надо хотя бы ненадолго заглянуть в еще более далекое прошлое. Когда Россия в конце XVI века, одолев Казань и перевалив Урал, двинулась на Восток, то отряды «охотников» дошли до Тихоокеанского побережья в небывало короткие сроки. Несмотря на разруху Смутного времени, землепроходцы Иван Москвитин, Василий Поярков, Семен Дежнев вышли к побережью Тихого океана уже в 40-х годах XVII века, не встретив там никаких конкурентов. «Развитые страны» в то время вовсю делили лучше приспособленные для жизни Америку, Африку, Индию... Казалось, еще чуть-чуть и русским достанется вся Сибирь. Но тут начались городские бунты, церковный раскол, восстание Степана Разина... Алексей Михайлович должен был помогать Украине, Петр I – строить флот и пробиваться в Прибалтику... Одним словом, когда в 1685 году маньчжурская армия под руководством европейских

военспецов из ордена иезуитов начала штурмовать самую южную в Сибири русскую крепость Албазин на Амуре и сожгла пригородный Спасский монастырь, Москва не могла помочь их обороне. Условием заключенного в 1689 году Нерчинского мира с подконтрольным маньчжурам Китаем стал полный уход русских из Приамурья.

Заметим, точная граница при этом так и не была определена. Одна сторона собиралась когда-нибудь вернуться, другая – продвинуться еще дальше на север. Но договор есть договор. В XVIII веке Россия присоединила Камчатку, вышла на границу с Китаем на Алтае и в Казахстане, заново открыла Аляску. В первой половине XIX века русские какое-то время пытались закрепиться в Калифорнии и даже на Гавайях. Но выходило это довольно плохо. Русскую Америку, Чукотку и даже Камчатку приходилось снабжать всем необходимым из Питера, через два океана. В открытую Лазаревым и Беллинсгаузеном Антарктиду и то ближе было плавать!

Всякое же нормальное движение в российской Азии оканчивалось в Иркутске. Можно было еще переплыть Байкал или сплавиться до Якутска по Лене, а дальше перед путешественниками или купцами лежали тысячи верст бездорожья и глухой тайги. Единственный разбитый тракт, по которому можно было добраться до моря только зимой, упирался в построенный еще в 1647-м Охотск. Бухта, образованная устьем реки Охоты, была мелководной, надолго замерзающей и открытой штормам. Принимать, а тем более строить большие корабли в ней было нельзя. Но почти двести лет весь дальневосточный транзит Российской Империи мог пройти лишь через эту гавань. Севернее лежала едва оттаивающая летом Колыма, южнее – уступленное Приамурье.

При этом китайцы так и не смогли закрепиться на Амуре. Слишком уж холодно, тайга, гнус, и, главное, – не особенно выгодно: местное население жило редко и бедно, а незамерзающего океанского побережья в Китае и так было с избытком. К тому же с середины XVIII века в стране начался затяжной кризис. Европейские, особенно английские колонизаторы, постепенно прибав к рукам китайскую внешнюю торговлю, буквально начали рвать страну на части. Подкупленные местные и пекинские чиновники без боя сдавали иностранцам контроль над крупными портами и целыми регионами. Главным предметом британской торговли в Китае стал... опиум. В обмен на гигантские партии наркотиков англичане вывозили в Европу чай, шелк и золото. Постепенно распространяя сферу своего влияния на север, они уже начинали присматриваться и к русским владениям. Чтобы охранять

побережье от пронырливых искателей золота, мехов и ценных пород дерева, от китобоев и наркоторговцев России нужен был свой тихоокеанский флот. Но держать его было негде. К началу XIX века к дальневосточной игре присоединилась Франция, о своих претензиях стали заявлять США, зашевелились даже японцы.

Когда император Николай I в 1847 году назначил Муравьева в Сибирь, проблем там было много. Взятки, воровство, разбой, контрабанда, трудности связи и снабжения, низкий уровень просвещения, лень и косность местных начальников... Даже географические карты, в итоге, оказались неправильными. Проблемы копились веками. Некоторые из них медленно рассасывались сами собой. Другие проходили по разряду «вечных». Их невозможно было решить, не создав новых. На это и был весь расчет. И он начал торопить события там, где другие привыкли ждать их. Делая десять шагов вперед там, где иные годами насмеливались шагнуть полшага, он часто был вынужден отступить. Но только на время. Там, где движение упиралось в стену, он, не теряя времени, искал обход, но лишь для того, чтобы идти к цели.

Выйти к морю! Во что бы то ни стало, к морю. Петр I за одно это попал в школьные учебники. Но ведь Петр был царем. Его решения не могли отменить или оспорить министры в столице. На него некому было писать доносы. Да и само желанное Балтийское побережье было недалеко. Пройти всего 100-200 верст по карте, по проложенным дорогам, по известным и приметным местам. Главное, разбить врага, найти союзников и удержать берег.

Перед Муравьевым не было вражеской армии. Берег Охотского моря лежал далеко за Байкалом, в четырех тысячах верст от губернского центра. Миллион квадратных верст гористой, непролазной, не нанесенной ни на какие карты тайги. Была река Амур, уходящая на карте в белое пятно неизвестности. Никто толком не знал, впадает она в море или «теряется в песках» и есть ли там, в ее устье, чья-то армия или нет?

При этом на севере Азии и Америки Россия уже больше века имела свои морские порты: Охотск, Петропавловск, Новоархангельск. Порты, добраться до которых и обеспечивать которые было легче из Петербурга, чем по суше из губернской столицы. Порты, утратить которые было также легко, как недавно уже был утрачен Форт-Росс в Калифорнии. В Петербурге говорили: «дорого снабжать». Теперь там богатейшие золотые россыпи мира. Впрочем, золота в достатке и здесь, в Сибири. Можно разбогатеть даже без взятки, на вполне законных основаниях. Было бы на что тратить...

Но дороже золота государственная честь. В первый же год Муравьев

В. Романов. Подписание Айгунского договора. Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова

создает своеобразный штаб или рабочую группу по выдвигению России к Тихому океану. В этой группе молодые офицеры, мелкие чиновники и ученые соседствуют с крупными купцами, министрами и архиереями. Не всем он может приказывать, но все подчиняются предложенным им условиям: все силы в дело. Николай I поддерживает его, но старается стоять в стороне от конфликтов. А противостоят группе не столько англичане или китайцы, сколько свои же российские чиновники, работающие в тех же учреждениях. Но где им угнаться за «муравьевцами».

1849 год. Он впервые проезжает через всю губернию до Камчатки. Проводит ревизии, переносит порты, назначает руководителей, размещает оборонительные укрепления. Прикомандированный к нему капитан Невельской на свой страх и риск находит пролив между материком и островом Сахалин (на карте там была суша) и входит на своем корабле в официально «несуществующее» устье Амура. На следующий год к берегу Тихого океана впервые за много лет начинают тянуть новый сухопутный Аянский тракт. Муравьев пробивает в Петербурге для Невельской право основать в устье Амура наблюдательный пост с торговым складом, а летом они, форсируя события, присоединяют к России Сахалин и все побережье вплоть до Кореи.

Летом 1850 года Невельской возвращается на Амур и узнает о том, что чьи-то неизвестные корабли с пушками уже дважды приходили в эти края и делали промеры дна. Англичане? Французы? Американцы? Капитан I ранга не теряет времени на раздумья. Оставив строительные работы на побережье, он берет с собой шестерых матросов и едет инспектировать реку. Не найдя никаких следов иностранцев и обнаружив древние столбы с высеченными на них славянскими буквами, он решает, пока не поздно, присоединить юг Дальнего Востока к России без всякой оглядки на Петербург. 1 августа 1850 года Невельской собрал местных жителей

из селения Куегда, выстроил матросов и, помолвившись, при барабанном бое и салюте из ружей и фальконета поднял русский флаг на Амуре. Так, в 862-ю годовщину Крещения Руси был заложен город-порт Николаевск.

Уезжая, капитан оставил в местной деревне гербовую бумагу, где на русском, английском и французском языках говорилось следующее: «От имени Российского правительства сим объявляется всем иностранным судам, плавающим в Татарском заливе, что так как побережье этого залива и весь Приамурский край до корейской границы, с островом Сахалин, составляют российские владения, то никакие самовольные распоряжения, а равно и обиды обитающим инородцам, не могут быть допускаемы».

Это было так дерзко, что поначалу все растерялись. Нессельроде пугал правительство китайской угрозой. Позже выяснилось, что китайцы, так ничего и не узнавшие в том году, были даже рады, что русские, занимая пустующие земли, спасают Китай от угрозы проникновения европейских наркотиков и контрабандистов с севера. Зато англичане были не на шутку возмущены. Они уже почти собрались создавать на этих землях независимое буферное государство типа Сингапура, Гонконга или даже побольше, и вдруг — такой провал. Естественно, что ими, да и другими европейцами сразу были приложены все усилия, чтобы убраться русских с Амура. «Для сохранения чести и достоинства нашего правительства гораздо лучше теперь же удалиться оттуда! — потеряв всякое самообладание, кричал Нессельроде на очередном заседании Особого комитета. — «Вы своеобразно понимаете честь», — возражал ему Муравьев.

В Петербурге шокированы и возмущены, а генерал уже привез в столицу новые проекты: о сосредоточении всех подвижных войск и артиллерии Восточной Сибири в верховьях Амура, об образовании Забайкальского и Амурского казачьих войск, об освобождении 30 тысяч крепостных, приписанных к Нерчинским горным заводам. В благодарность за вольную, они вскоре станут ударной силой в переселении на восток. За Байкалом сооружается первый механический завод, и в 1852 году на реке Шилке, впадающей в Амур, закладывают речные пароходы.

В 1853 году война с англичанами и французами, которой так надеялись избежать в Петербурге, все-таки началась. Английские планы относительно русского тихоокеанского побережья были самыми радужными. Многолетняя разведка показывала полную беззащитность портов и отсутствие флота. Однако, придя в Охотское море в 1854

году, англо-французская эскадра обнаружила повсюду новые укрепления, усиленные гарнизоны, и самое неприятное, новые корабли, базирующиеся на неизвестных стоянках. Откуда им было знать, что буквально накануне вторжения Муравьев все-таки пробил в столице организацию первого в истории Амурского сплава и за два месяца прошел реку до устья на пароходе во главе колонны из 13 барж, 29 плотов, 18 баркасов, 8 плашкоутов, 6 лодок и 4 вельботов. Деньги на колонну пожертвовали крупные сибирские купцы. Муравьев сумел убедить их, что такой шаг не только патриотичен, но и выгоден. Немногочисленные китайские посты на реке тоже помогли проходу русских. Они-то уже хорошо понимали, что такое «опиумная война» и что начнется, если вверх по Амуру пройдут англичане.

Привезенные тогда солдаты и пушки месяц спустя сбросили в море вражеский десант в Петропавловске-Камчатском. Следующие два года англо-французская эскадра яростно металась по Охотскому морю и жгла прибрежные поселения, пытаясь выманить из устья Амура, укрывшийся там русский флот. Но оставить на разоренном берегу свои гарнизоны она так и не посмела. Нейтральные американские китобои доносили грозные слухи, что амурская группировка войск постоянно усиливается и русские уже начали постройку паровых военных судов. Император Николай I не дожидаясь конца войны, в Европейской части России сложившейся не очень счастливо, но на Тихом океане Муравьев не только остановил врага малыми силами, но и попутно исследовал и присоединил к России огромные территории.

Оставалось лишь заселить присоединенный край и заключить официальные договоры о границе. «До сих пор мы действовали на Амуре, не прерывая дружеских отношений с соседями, имея полное на них влияние. В 1850 году мы стали у устья реки, в 51-м и 52-м осмотрелись и заняли нужные пункты вверх по реке, в 53-м заняли южную оконечность острова Сахалина, в 54-м проплыли по реке один раз, в 55-м стали плавать взад и вперед, в 56-м продолжали плавать и расставили по всему левому берегу казачьи посты. Китайцы никогда и ни на что не давали своего согласия, но никогда не смели действиям нашим препятствовать, напротив, помогали нам с немаловажными для себя издержками; опыт доказал нам, что с китайцами надо действовать, а не говорить», — писал Муравьев военному министру.

1858 год стал его звездным часом. 10 мая генерал-губернатор на своем катере в сопровождении двух больших вооруженных барж отправился в Айгун, чтобы вступить в переговоры с китайским уполномоченным, князем И-шань.

Последовала торжественная встреча, и 11 мая в 10 часов утра приступили к переговорам, причем Муравьев предложил проект разграничения с проведением границы между Россией и Китаем по рекам Амуру, Уссури и Тумень-ула (Туманная). Китайская сторона просила отложить разграничение по Уссури, русские в обмен на это включили пункт о запрещении плавания по Амуру судам третьих стран. 16 (29) мая Айгунский договор был подписан.

На следующий день генерал-губернатор прибыл из Айгуна в основанную еще при первом сплаве станицу Усть-Зейскую (будущая столица Амурской области, город Благовещенск). Встречавший его выдающийся миссионер, архиепископ Иннокентий (Вениаминов) открыл крестный ход к походной Николаевской церкви. Генерал и святитель на глазах всего населения, преклонив колени, воздали Богу благодарение за возвращение в достояние Российской державы Приамурского края. А 18 мая Муравьев отдал приказ по войскам: «Товарищи! Поздравляю вас! Не тешно трудились вы: Амур сделался достоянием России. Святая Церковь молится за нас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр и процветает под кровом его вновь приобретенная страна!»

В том же году адмирал Евфимий Путятин заключил с Китаем выгодный Тяньцзинский договор о торговле и праве доступа русской православной миссии во внутренние районы страны. А через два года русский посол Николай Игнатьев подписал окончательный Пекинский договор, по которому зауссурийский Приморский край также остался за русскими. Александр II пожаловал генерал-губернатору Муравьеву титул графа Амурского.

В Иркутске и Петербурге его встречали как героя. Даже Триумфальную арку воздвигли. Казалось, можно было бы успокоиться и принимать заслуженные восхваления. Но ему было некогда. В 1859-м его пароход обследовал извилистую линию морского побережья. Спутники едва успевали подбирать названия: Уссурийский залив, бухта Находка, залив Петра Великого, бухта Золотой Рог... Путь парохода лежал в Японию с очередной важной дипломатической миссией, и поэтому порт Владивосток заложили те, кто высадились на берег на следующий год по его приказу. В этом городе спустя полтора века успокоится его тело.

В январе 1861 года он сдал свою должность преемнику и ученику Михаилу Корсакову и навсегда покинул край, где им было сделано так много. Современники долго потом вспоминали, как сердечно провожали его в Иркутске: «Назначенный для отъезда день начался

в соборе, в котором при архиерейском служении граф Муравьев, окруженный обществом, отстоял напутственный молебен. Площадь, или, лучше сказать, ряд площадей, окаймляющих собор, кишела народом. После молебна все, имевшие на то право, бросились в близлежащее Собрание. Граф Муравьев дошел до него пешком; народ теснился около него; слышались прощальные крики. Графу приходилось останавливаться, выслушивать прощальные напутствия. Наконец, он в Собрании. Громадная зала последнего, прилегающие комнаты кишели публикой. Тут были и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшие из соседних деревень, и инородцы, и казаки. Не было, кажется, человека, которому бы граф не сказал слова. Кончилось это прощание. В городских экипажах, кто только мог, поехали на Вознесенский монастырь. Казалось, что туда придут только избранные, но пока шел молебен над мощами святителя Иннокентия, пока продолжался завтрак у настоятеля,

площадь перед монастырем наполнялась народом, буквально прибежавшим. Чиновники вынесли по сибирскому обычаю на руках графа Муравьева; но только показались в толпе, как моментально были отброшены в сторону, а граф очутился на руках сперва крестьян, а потом инородцев-бурят, поспешно выхвативших его у первых... «Мы тебя, граф, не забудем, не забудь и ты нас», – кричали они... «Не забудь нас!» – подхватил народ. Тронулись повозки, все стояли без шапок; кто бежал сзади; кто обратился к монастырю и крестился, кто набожно благословлял отъезжавшего. Шибче и шибче двигались повозки. Народ долго еще стоял без шапок, следя за ними».

Тринадцать лет управлял он Сибирью, а совершил столько, сколько иной не сделал бы и за тридцать. Как ему это удалось? А главное, за что его, жесткого, порой даже несправедливого руководителя любили самые разные люди? Наверное, потому что и сам он умел ценить людей. Ведь не капиталы, не приказы, не оружие, в конце концов,

вернули Амур России. Это сделали те, кого он сумел объединить и заразить своей верой в возможность решения тяжелой, почти несбыточной, но очень необходимой для России задачи.

Муравьев уезжал из Сибири. Но сделанное им не могло разрушиться после его отъезда. Теперь оно держалось на плечах тех, кого можно было назвать единой командой или даже семьей. Офицеры, чиновники, ученые, купцы, священники, казаки, крестьяне – прежде чужие, делая одно дело, стали близки и дороги друг другу. Стоявшие в стороне от скользкого «амурского вопроса», экономя время и силы, вдруг оказались на обочине жизни и теперь завистливо посматривали на «муравьевцев». А каждый из тех, кто пожертвовал своим имуществом, здоровьем или карьерой ради общего дела, обрел в нем смысл и счастье. То самое, именем которого назван залив в устье реки Амур.

Артем Ермаков

Амурские ворота в Иркутске – символ обретения Приамурья Россией (Возвращаясь к теме восстановления памятной триумфальной арки)

При обсуждении проекта реконструкции исторического квартала № 130 в Иркутске, состоявшемся 21 января этого года на заседании президиума Иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, возник вопрос в форме замечания: «Почему проектом не предусмотрено восстановление Амурских ворот?» Журнал уже освещал эту тему, опубликовав дипломный проект восстановления Амурской триумфальной арки архитектора-реставратора Надежды Муравьевой (ПБ14, с. 64–67).

Рис. 1. Вид на г. Иркутск с колокольни Крестовоздвиженской церкви). Запечатлено завершение Амурской улицы, слева – Амурские ворота, замыкающие перспективу улицы и обозначающие въезд в город со стороны Байкала-моря, на дальнем плане – Городской театр. Почтовая карточка, фрагмент, съемка 1898–1900 гг.

Вопрос восстановления Амурских (Айгунских) триумфальных ворот в Иркутске актуален по многим причинам.

Во-первых, историческую значимость того далекого события – официального присоединения амурских земель к России – невозможно переоценить. Во-вторых, в Иркутске Амурские ворота были единственным объектом, который: а) являлся свидетелем того грандиозного для России события, непосредственным участником встречи этой новости столицей Восточной Сибири; б) оставался долгое время – на протяжении более чем полувека – памятным знаком, символизирующим то событие.

В-третьих, ворота непосредственно связаны с главным участником тех событий, без которого могло и не случиться присоединения Приамурья к России, – генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым, получившим от государя за заслуги в том дипломатическом славном деле соответствующую приставку к фамилии и графский титул, после чего он стал именоваться не иначе как графом Муравьевым-Амурским. Именно в честь возвращения победной миссии с Востока, возглавляемой генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым, и были воздвигнуты ворота благодарными

иркутянами, и, заметим, по собственной инициативе, а не по указанию свыше, например того же генерал-губернатора. То есть, по сути, Амурские ворота являлись еще и своеобразным памятником этому выдающемуся деятелю, талантливому администратору нашего края, 14 лет служившего на этом поприще. Кроме прочего, Амурские триумфальные (в отличие от иркутских Московских ворот) абсолютно соответствовали своему предназначению – были установлены в честь триумфа Российской державы, русской дипломатии, блестяще справившейся со столь сложной задачей мирного урегулирова-

Рис. 2. Амурские ворота в Иркутске в конце Амурской (ранее – Заморская, ныне – Ленина) улицы. Почтовая карточка, фрагмент, съемка 1906 г.

ния пограничного вопроса с воинственным когда-то соседом.

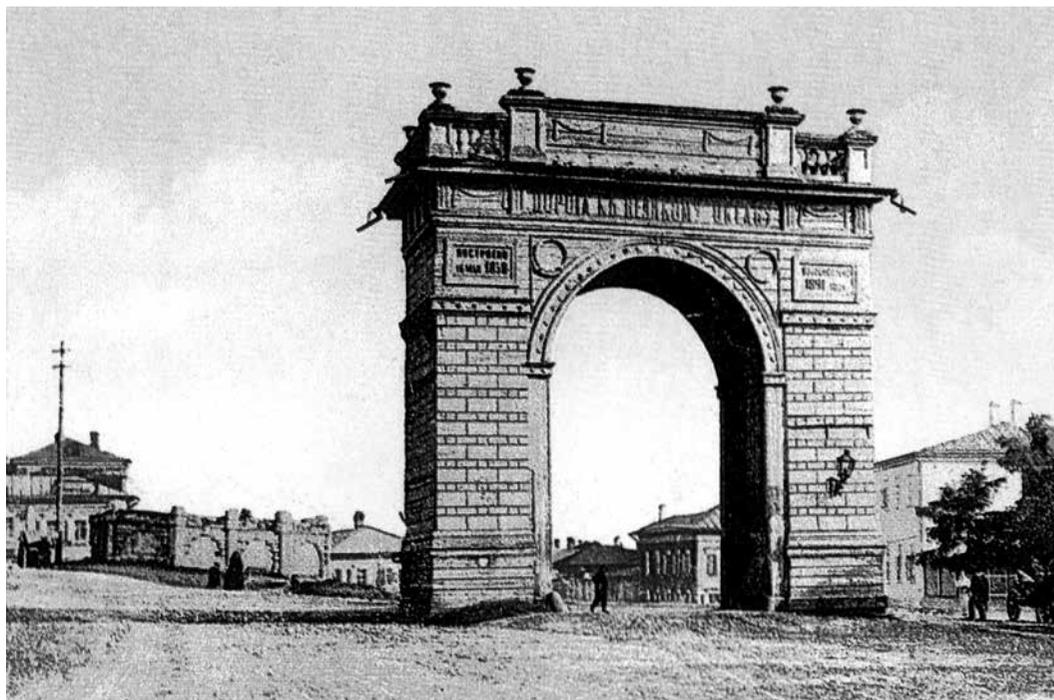
В-четвертых, ворота являлись не только интересным архитектурным деревянным сооружением. Их установили как преемника Амурской заставы, и так удачно, что они стали важнейшим для этого места – на границе центра города и Нагорной части – градостроительным акцентом (рис. 1), притом не спорящим с расположенной рядом доминирующей над всем окружением Крестовоздвиженской церковью. Триумфальная арка визуальнo замыкала Амурскую улицу на выезде путников из столицы Восточной Сибири в сторону моря-Байкала, недвусмысленно обозначая «Дорогу к Великому Океану» (рис. 2), то есть в сторону той самой обретенной Россией «амурской страны». (А на обратном пути – на въезде в город с Востока). Одновременно арка была безупречной точкой сборки, композиционно организовывая сложный транспортный узел (он и сегодня остается, пожалуй, самым сложным в центре города), образованный слиянием пяти улиц, ныне – Ленина, Тимирязева, Седова, Третьего Июля, Красного Восстания.

На президиуме ИРО ВООПИК от представителей общественности, историков прозвучало настоятельное предложение восстановить этот замечательный памятный знак. Дискуссия возникла по вопросу места их привязки. Было предложено установить ворота не на первоначальном месте, что сегодня, по мнению выступавших, проблематично, а хотя бы в структуре квартала № 130, на стрелке улиц Седова и Третьего Июля. Подразумевалось два варианта: 1) размещение на месте участка старого лютеранского (немецкого) кладбища, на острие треугольника квартала; 2) установка в узком торце квартала, рядом с местом кладбища, по линии сохранившегося поперечного кварталу проулка (или прямо на нем, ранее проезжего, сегодня – пешеходной зоны) – исторического продолжения Казарминской (Красного Восстания) улицы.

С таким предложением не согласны авторы проекта реконструкции квартала, по концепции которых квартальная застройка сохраняется как ценная историческая среда с характерной своей планировкой, усадебным членением, масштабом. Установка в этом месте подобных общественно значимых, «нежилых», крупных размерами объектов проектом не предусмотрена, так как они несовместимы с деревянной застройкой.

Эту точку зрения полностью разделяет и автор данной статьи. По нашей аргументации, нет ни одного повода в пользу размещения Амурских ворот на территории 130-го квартала.

Вариант размещения ворот на

месте участка старого лютеранского (немецкого) кладбища

Проектом реконструкции квартала № 130 сохранившийся участок кладбища (рис. 3, 4) справедливо предлагается объявить мемориальным сквером, с увековечиванием памяти выдающихся общественных деятелей, главных администраторов Восточно-Сибирского края протестантского вероисповедания, захороненных здесь, установив соответствующий камерный памятный знак. Возводить памятный монумент (ворота) на могилах? Сделать доброе дело, надругавшись при этом над святым местом? Как-то, извините, по-большевистски. Поэтому без комментариев...

Вариант размещения ворот в северно-западной части квартала

А) Если в историческом проулке, в створе Казарминской (Красного Восстания) улицы, тогда ворота навязчиво встают по оси благоприятного видового коридора вдоль этой улицы на памятник культового зодчества федеральной категории охраны – Крестовоздвиженскую церковь, перекрывая один из наиболее важных секторов обзора шедевра сибирского барокко. И это будет, в том числе, противоречить режимам зон охраны объектов культурного наследия города, утвержденным в 2008 году¹, где требуется «обеспечение благоприятных условий зрительного восприятия» памятников.

Б) Если в границах квартала, – значит, со сносом исторических усадеб № 2 и № 4 по улице Седова, с грубым нарушением сложившихся масштаба и композиционных характеристик деревянной застройки, тогда это будет не планируемая регенерация квартала (т.е.

восполнение, возобновление) и не реабилитация (т.е. восстановление статуса, имиджа, социальной значимости) ценной исторической среды, а кардинальная ее модернизация, существенное изменение. А это противоречит законодательным принципам охраны объектов культурного наследия. Кроме того, в этом случае ворота также встанут в обозначенном видовом коридоре, с некоторым смещением от его оси, Крестовоздвиженского храма. При этом, установив триумфальные ворота здесь, будет обеспечен конфликт функций соседствующих самоценных объектов, вызванный несовместимостью памятного монумента российской значимости и обывательской, по сути, застройки, а это недопустимо ни методически, ни градостроительно.

Нами предлагается другой сценарий.

Вариант размещения Амурских ворот на первоначальном месте Если восстанавливать Амурские триумфальные ворота, то только на своем первоначальном месте. Точнее, учитывая сложившуюся градостроительную ситуацию, почти на родном месте – с небольшим смещением от него в сторону квартала № 130. Это старое место находится в конце той же Амурской улицы (кстати, почему-то до сих пор носящей имя вождя большевиков В. И. Ульянова (партийная кличка – Ленин), который никогда не был ни в нашем городе, ни в Прибайкалье), на островке-треугольнике безопасности, в широкой его части (рис. 5, 6, 7). Этот островок даже в сегодняшних габаритах позволяет разместить такое сооружение. Восстановленный таким образом на своем родном месте памя-

Рис. 3. Амурские ворота. На втором плане слева – старое (первое) лютеранское (в народе – немецкое) кладбище, на дальнем плане – деревянная застройка 129-го и 130-го кварталов. Почтовая карточка, фрагмент, съемка 1909 г.

1. «Границы охранных зон, зон регулирования застройки, хозяйственной деятельности и охраняемого природного ландшафта г. Иркутск, режимы и градостроительные регламенты» установлены Постановлением Администрации Иркутской области от 12.09.2008 № 254-па.

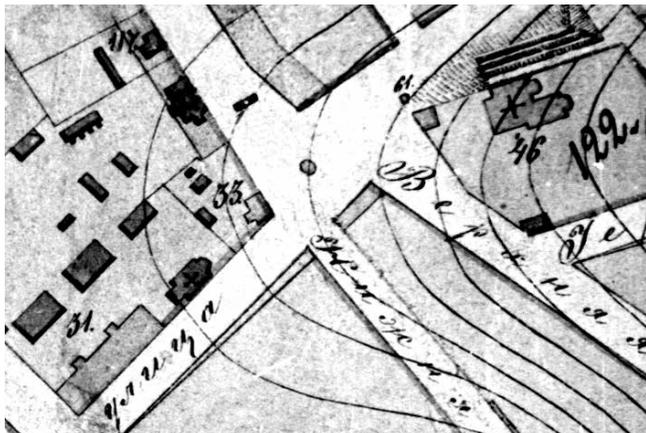

Рис. 5. План Иркутска 1887 года, фрагмент. Недалеко от лютеранского кладбища (небольшого овала, выше слева) обозначены Амурские триумфальные ворота

Рис. 4. Место старого лютеранского кладбища, сегодня – городской скверик. На втором плане – камень, установленный в предзнаменование размещения здесь (на костях?!) памятника, посвященного пребыванию в Иркутске декабристов. Явно поспешное, необдуманное решение. Фото 2009 г.

ный монумент, значимый исторический символ (и не только для Иркутска), опять станет важным градосвязующим акцентом, опять композиционно организует пятикресток улиц (рис. 8).

Действительно, в этом случае возникает серьезный вопрос, связанный с транспортной развязкой этого проблемного узла. Все известные нам варианты проектного решения (а их было более 10) транспортной организации перекрестка улиц Ленина, Тимирязева, Седова, Третьего Июля, Красного Восстания не предусматривали восстановление триумфальной арки. При принятии решения о восстановле-

нии Амурских ворот необходимо будет выполнить такой вариант. По нашим предварительным, предпроектным исследованиям это вполне осуществимо. Напомним, высота ворот составляла 10,65 метра, длина (ширина в поперечнике улицы) – 11,36 метра. Ширина меньшей стороны существующего треугольника безопасности, в который предлагается «вписать» Амурскую триумфальную арку, составляет примерно те же 11 метров с небольшим.

Подобный вариант историко-градостроительной реновации осуществлен в соседней столице Республики Бурятия – Улан-Удэ. Там не так давно, в 2000-х,

поперек улицы Ленина (опять он (!), хотя ни в Бурятии, ни в Забайкалье он не бывал, не жилал), также как и в Иркутске – на въезде в исторический центр, установлена повторно триумфальная арка. В Верхнеудинске она появилась поначалу (все-го-то!) в честь приезда в город во время путешествия по Сибири цесаревича Николая, будущего последнего, свергнутого в 1917-м, российского царя. Первые те ворота были деревянные и существенно меньших размеров. Сегодня это уже каменное сооружение, стало больше и в высоту и в ширину, зачем-то изменили пропорции, обеспечивая, по-видимому, ширину нормативного проезда сквозь арку современного транспорта (рис. 9, 10). Можно спорить с такой интерпретацией восстановления утраченных исторических символов, но в Улан-Удэ такой факт случился, а в Иркутске – нет.

Будут ли восстановлены Амурские триумфальные ворота? Для большинства специалистов – историков, архитекторов, профессионально занимающихся проблемами сохранения объектов культурного наследия Иркутска, регенерации исторической застройки, активистов Иркутского отделения ВООПИК – ответ на этот вопрос очевиден: это однозначно надо сделать. И единственной площадкой для возвращения памятных ворот на «родину» должно быть, по нашему глубокому убеждению, их исконное место. Именно такой вариант размещения ворот – в конце Амурской (Ленина) улицы, в треугольнике безопасности, – предусмотрен «Проектом планировки территории исторического центра (Кировского района) города

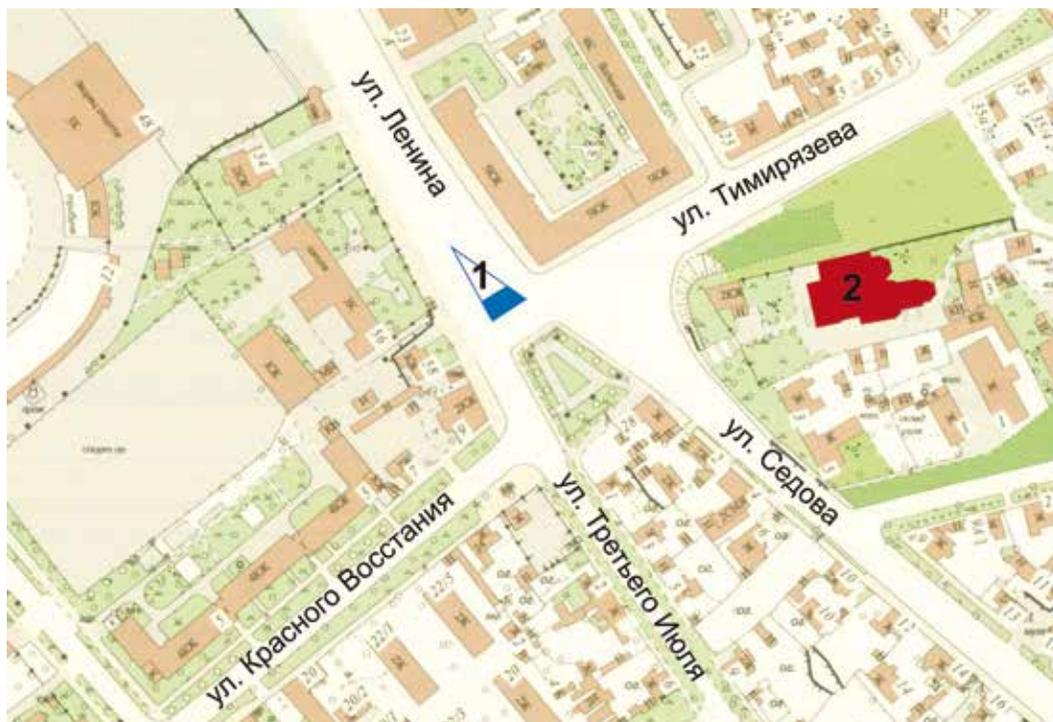

Рис. 6. Современный план. Синим (1) нами нанесено предлагаемое место восстановления Амурских ворот, красным (2) – памятник культового зодчества, шедевр сибирского барокко, градостроительная доминанта – здание Крестовоздвиженской церкви

Иркутска», выполненным в 2008 году по заказу администрации города институтом «Иркутский Промстройпроект» (находится в стадии утверждения).

Остается это исторически важное решение принять и исполнить властью города Иркутска, имеющего, между прочим, статус исторического поселения. А если брать во внимание деревянное исполнение сооружения (поэтому несложное и относительно недорогое), и то, что эскиз арки уже есть (дипломный проект архитектора-реставратора Н. Муравьевой, получивший, кстати, золотой диплом на фестивале «Зодчество Восточной Сибири

– 2008»), то к празднованию 350-летию юбилея Иркутска в 2011 году это вполне может быть осуществимо.

P. S.

В геополитическом смысле восстановление Амурских триумфальных ворот в историческом центре столицы Восточной Сибири будет действенным шагом к дальнейшему укреплению политических, гуманитарных, торговых связей между Россией и Китаем. Они будут напоминать о том судьбоносном событии межгосударственной важности в истории двух стран, которое позволило, несмотря на серьезные

разногласия в отдельные периоды, сохранить до сего времени паритет. Триумфальная арка может стать своего рода символом, эмблемой в развитии добрососедских отношений двух великих культур – российской и китайской.

Алексей Чертилов

Фото Надежда Муравьева,
Алексей Чертилов, компьютерный
монтаж Анна Сидоренко
Исторические фото (почтовые
открытки) Амурских ворот из
книги: Медведев С. И. Иркутск на
почтовых открытках 1899–1917.
– Москва, 1996. – С. 74, 78, 81.

Рис. 8. Амурские триумфальные ворота – на своем родном месте. Компьютерный монтаж 2010 года

Элит металл *Дизайн*

ООО «ЭлитМеталл-Дизайн» является одной из ведущих компаний по производству изделий из металла с использованием различных способов обработки металла по Иркутской области и всему Восточно-Сибирскому региону, предоставляющей полный комплекс услуг от разработки проекта изделия до его монтажа. Находясь на рынке услуг в течение 16 лет, наша компания регулярно участвует в благотворительных акциях, побеждает в тендерах, устраиваемых администрацией г. Иркутска, награждена дипломами и грамотами, успешно выполнила ряд работ на объектах различного назначения, расположенных в Иркутске и других населенных пунктах Иркутской области, а также Москве, Новосибирске, Анапе, Благовещенске, Белогорске.

С 1989 года компанией накоплен большой опыт, который позволяет удовлетворить самые разнообразные вкусы и потребности, начиная с декорирования частных особняков, заканчивая благоустройством нашего города, общественных сооружений, зданий, представляющих собой историко-культурное наследие Иркутска и являющихся наиболее сложными по исполнению.

Поскольку к данному виду работ предъявляются требования, в которых необходимо отражение духа прошедших столетий и соблюдение канонов православной и католической религий, которые органично переплелись в облике нашего города. Особое внимание уделяется возрождению секретов кузнечного ремесла, утерянного за годы забвения, подготовке кузнецов-реставраторов, многогранности и гибкости производства, что позволяет изготавливать индивидуальные, высокохудожественные и качественные изделия. К услугам клиентов компании предлагается широкий ассортимент изделий: оконные решетки, ограждения, козырьки, лестничные и балконные ограждения, урны для мусора, скамейки, лавки, каминные решетки и принадлежности и многое другое.

г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 14
факс: (3952) 24-23-46
тел.: 20-10-11, 24-39-99
e-mail: elitmetall@mail.ru

Remmers является одним из ведущих немецких производителей материалов строительной химии – препаратов и составов для защиты, сохранения, ремонта и реставрации зданий и сооружений.

Результатом последовательной научно-производственной деятельности по защите каменных и деревянных строений явились более 1600 видов материалов, интегрированных в защитных и saniрующих системах для экологически безопасных строительных работ от фундамента до крыши.

Архитекторы, строительные ведомства, работники по уходу за памятниками и реставраторы хорошо знают, что значит для них

Remmers. Это – надежная защита фасадов, памятников архитектуры, строительных конструкций благодаря экологически безопасным системам высшего качества, простоте обработки и надежности действия.

Комплексные системные решения почти всех проблем в части защиты строений, защиты полов и защиты древесины являются основополагающим фактором успеха фирмы.

Продукция фирмы имеет высокую надёжность при соблюдении всех рекомендаций по технологии применения. Материалы являются технологичными, высококачественными, разработанными в соответствии с европейскими нормами и стандартами – DIN ISO 9001, WTA и в высшей

степени соответствуют всем требованиям строительной физики.

Главный офис и часть производственных мощностей расположены в г. Лёнинген на северо-западе Германии. Вся продукция производится только на территории Германии для обеспечения качества и контроля за производством.

Материалы Remmers применяются на территории России более 10 лет.

Головной офис представительства фирмы Remmers в России находится в Москве. Мы осуществляем поставку материалов по всей территории России. В Санкт-Петербурге и Ростове на Дону имеются региональные филиалы.

В Иркутске REMMERS представляет ООО «РемИнструмент»
ул. Свердлова, 26 б
тел.: (3952) 20-11-80
bcontract@bk.ru

Список исторических архитектурных объектов стран СНГ, где произведена реставрация материалами REMMERS

1. Москва
Петровский Путевой дворец
Покровский собор (храм Василия Блаженного)
Здание Государственного Исторического музея
Колокольня Ивана Великого (Кремль)
Оружейная палата (Кремль)
Церковь Иконы Казанской Божьей Матери (Кремль)
Дом Пашкова
Здание Манежа
Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Путинках
Большой Кремлевский дворец
Усадьба «Коломенское»
Царское село «Царицыно»
Здание Большого театра
Здание Гостиного двора | Приход Храма Святого Николая Мирликийского в Кузнецях
Никола-Уклейский монастырь (Московская область)
Усадьба Воронова (Московская область)
Троице-Сергиева лавра (Московская область, г. Сергиев Посад) | 2. Санкт-Петербург
Алекса́ндро-Невская лавра
Здание Эрмитажа
Спaso-Преображенский Валаамский монастырь
Федоровский собор
Летний сад
Мраморный дворец
Петропавловская крепость (в проекте) | Дворец Великого князя Михаила Романова
Часовня Святого Преображения Господня
Ограда Михайловского сада
Здание бывшего Казначейства
Пассаж
Невский дом, 1
Б. Морская, 32
Мариинский дворец
Дворец Климихина
Ростральные колонны
Подворье «Оптина пустынь»
Надгробие могилы А. Ахматовой
Катальная горка (Ораниенбаум)
Музей Суворова
Смо́льный собор (кронштейны) | Здание Генерального консульства Голландии | 3. г. Иркутск
Собор Боявления Казанский Собор
Пассаж (п.Б.Голоустное) | 4. Калининград
Королевские ворота
Здание Биржи
Мост Королевы Луизы | 5. Великий Новгород
Дом Берга | 6. Казань
Благовещенский собор | 7. Екатеринбург
Здание Старого вокзала | 8. Томск
Здание Дворянского собрания | 9. Архангельская область, пос. Соловецкий
Соловецкий монастырь | 10. Чебоксары
Введенский собор
Колокольня Введенского собора | 11. Нижний Новгород
Здание Государственного драматического театра |
|--|---|--|--|---|---|---|----------------------------------|-----------------------------------|---|---|---|--|--|

Защита наследия в Европе: мозаика систем и совпадение взглядов

Истоки понятия исторического памятника и сохранения наследия в XVII и XVIII веках в Риме, в этом космополитическом городе, где смешались изобразительные искусства и археология, были выработаны первые понятия и законодательные постановления в вопросе сохранения и защиты памятников.

1538 – булла Павла III провозглашает сохранение древних памятников.

1704 – указ кардинала Спинолы регламентирует защиту «памятников античности, украшающих Рим, эту колыбель цивилизации, которые вызывают восхищение у наций всего мира своим великолепием и своим величием».

1733 – указ кардинала Альбани требует порицать тех, кто разрушает древние памятники.

1802 – папа Пий VII утверждает законодательство по защите наследия, которое дает возможность реставрировать главные античные памятники.

1820 – указ кардинала Расса предусматривает составление первых списков.

Германия, Франция, затем Англия и Восточная Европа принимают эстафету, вначале через писателей и архитекторов, затем созданием научных обществ и законодательных постановлений.

В 1770 году Гете пишет эссе о соборе в Страсбурге, в котором презируемое ранее готическое искусство трансформируется в статус памятника истории европейского значения¹.

Французская революция и ее разрушительные последствия в значительной степени способствуют созданию

законодательных актов защиты культурного наследия, и не только во Франции.

В 1822 году в Баварии, Пруссии, Бадене, Вюртемберге, Франции, королевстве Неаполь создаются каталоги памятников античного искусства и первые комитеты по защите наследия.

Вклад Англии – прежде всего вклад ее умов, таких, как Джон Рюскен. Он разрабатывает принципы строгого сохранения древних памятников за счет их укрепления, регулярного ухода и поддержания их технического состояния, противопоставляя это практике реставрации-реконструкции, действующей тогда во Франции.

В начале XX века чешский историк-искусствовед Макс Дворжак, с обществами Старая и Новая Прага, ведет споры по вопросам градостроительства в старом центре. В это же время Густаво Джованни из римской Высшей архитектурной школы вводит понятие исторического центра и призывает архитекторов не пренебрегать памятниками исторической среды. А в 1901 году Бавария распространяет понимание исторического памятника как лица города или улицы, создавая понятие ансамбля. Тогда же во Франции появилось понятие территории памятника, представляющее территорию между памятником и другими зданиями, расположенными рядом.

Затем французский закон 1907 года о ландшафтах расширяет понятие культурного наследия до памятников природы и живописных ансамблей (исторических или ландшафтных). И таким образом, уже туризм принимает участие в создании идеи «французского ландшафта» как части мирового спектра.

Таким образом, к началу XX века в Европе сложились основные понятия исторического наследия: это памятник, естественный ландшафт и ансамбль. Ансамбль – это группа памятников, старинных кварталов, деревень и пейзажей, которые создают единое пространство и обладают культурной ценностью. Во Франции эта модель представляет собой территории памятников и их зоны охраны (ZPPAUP).

В мире существует три большие категории законодательства в области сохранения объектов культурного наследия:

1. Законы, где государство и его службы играют основную роль.
2. Законы, где у регионов и у местного уровня власти главная роль.

3. Законодательства, открытые для общественных гражданских объединений, которые осуществляют важную деятельность в частных некоммерческих партнерствах или общественных объединениях.

Я решил вам показать опыт только четырех значимых стран, соседствующих с Францией: это Италия, Англия, Испания и Германия. Эти страны оказали влияние на последние реформы в законодательстве Франции.

Италия

В Италии защита наследия прописана в Конституции: «Республика защищает историческое, художественное и ландшафтное достояние нации».

Главный инструмент этой политики – единственный закон о культурном наследии, дополненный подзаконными актами о памятниках архитектуры и ландшафта. Министерство культурного наследия с помощью служб на местах управляет и координирует деятельность по изучению, защите, содержанию и реставрации объектов культурного наследия.

Если деятельность первой службы, созданной в Равенне в 1897 году, была посвящена только памятникам (Soprintendenza dei monumenti), то в 1974-м эта служба была переориентирована на работу с территориями объектов культурного наследия, а в 1998-м стала заниматься и историческими ландшафтами. Функция службы заключается в следующем:

- Создание списков, классификация и учет объектов культурного наследия.
- Выдача разрешений на работы с памятниками.
- Контроль за продажей и приобретением объектов культурного наследия.
- Юридические санкции.

Следует отметить, что контроль за соблюдением законодательства в службах осуществляется историками-искусствоведами, археологами, независимыми архитекторами и муниципальными служащими.

Все высшие архитектурные школы (в Турине, Милане, Флоренции, Неаполе, Риме) предлагают специальное образование, ориентированное на историческую архитектуру. Таким образом, итальянские архитекторы изначально и естественно погружены в историческую древнюю архитектуру.

Также именно в Италии в течение долгого времени учитывается вза-

1. Von Goethe J. W. Architecture allemande, 1772.
2. Monuments historiques, n°166.
3. Объекты культурного наследия мирового и государственного значения (прим. переводчика).

имосвязь памятников архитектуры с исторической средой, которая их окружает (французский закон 1939 года делал только намеки на эти понятия). Комиссия Франчесчини (Franceschini) готовила в 1999, 2004 и 2006 годах закон, который включает надзор министерства за историческими центрами и общественными пространствами, сельской архитектурой и историческими ландшафтами. Этот закон улучшил знание и дал статус историческому наследию в итальянской жизни. И в то же время, давая амнистию незаконным строениям, он ослабляет эффективность закона о сохранении культурного наследия.

Политика децентрализации в сохранении наследия в Европе. Если централизованная политика в области сохранения наследия наиболее распространена, модели с присутствием рассредоточенных служб или с передачей полномочий в органы местного самоуправления также достаточно многочисленны в Европе.

Необходимо отличать государства сильных децентрализованных традиций, такие, как Германия, Швейцария, и государства, которые делегируют самостоятельные полномочия своим регионам, как в Испании и Бельгии.

Германия²

Германию отличает позднее принятие закона о сохранении наследия, соединяющего несколько законов, по защите наследия, поскольку потрясения послевоенного времени привели к различному развитию каждой земли Германии (области). Федеральный закон отражает общие цели, но предусматривает культурный суверенитет каждой области, которая имеет собственную администрацию.

Регулирующая роль федерального закона заключается в том, что он заставляет земли следовать целям европейского соглашения о сохранении наследия 1975 года и объединяет защиту наследия при планировке территорий и в программах городского развития.

У большей части земель – это научно-техническая служба (руководящая сохранением наследия), которая осуществляет исследования и учет, обеспечивает техническое обслуживание и реставрацию памятников, назначает дотации частным владельцам, осуществляет контроль налоговых льгот. Эта служба представляет интересы наследия в градостроительных документах и отве-

чает за списки памятников (которых более 500 тыс.) и исторических ландшафтов.

У службы сохранения наследия нет между тем исполнительной власти, и она осуществляется местными органами власти (округи, города и городские объединения). Таким образом, федеральный закон играет роль советника-эксперта, которому помогает ученый совет.

Испания

В Испании закон об историческом наследии регулирует взаимоотношения государства и автономных областей. Внутри Испанского государства министерство культуры осуществляет эту политику в пяти направлениях:

1. Упорядочение процедуры ведения списка памятников (метод, словарь, оцифровывание и распространение).

2. Включение в испанскую налоговую систему постановлений, способствующих восстановлению культурного наследия и контролю за торговлей произведений искусства.

3. Сотрудничество с автономными регионами для согласования их политики и проектов в Совете исторического наследия.

4. Защита подводного археологического наследия. Эта деятельность зависит от министерств обороны, экономического развития и от министерства окружающей среды, и предполагает политику международного сотрудничества на международном уровне.

5. Мировое наследие и международное сотрудничество. Некоторые соглашения, которые существуют между Испанией и ЮНЕСКО действуют в Испании в качестве национальной и международной политики, которая соблюдает требования мирового наследия. Великолепная работа была проделана в автономных областях, учитывая то, что 40 испанских исторических мест входят в Список мирового наследия. Кроме того было налажено сотрудничество с иберо-американскими историческими местами путем восстановления исторических центров, памятников, открытых для просмотра и создания школ-мастерских.

В регионах составление списка объектов культурного наследия проходит в трех категориях:

1. Объекты культурного наследия, внесенные в список, особый список главного управления изящных искусств министерства культуры:

- памятник,
- исторический сад,
- исторический ансамбль (объ-

единение зданий в городе или исторической деревне),

- историческое место (природный ландшафт, связанный с историческими событиями, народными традициями...),

- археологическая зона.

2. Движимые объекты культурного наследия, являющиеся предметом общегосударственного списка, составленного подобно Списку объектов культурного наследия (ОКН), что обеспечивает бережное отношение к ним, их потребительскую стоимость, контроль передачи и наблюдение за перемещением. Особые списки выполнены для движимого имущества католической церкви. Эти объекты культурного наследия религиозного назначения, внесенные в список, не могут быть проданы или переданы частным лицам.

3. Объекты культурного наследия, не внесенные в списки, рассматриваются как объекты исторического наследия Испании, без особых обязательств по отношению к ним, но они включены в градостроительные документы.

Часто списки выполняются совместно с общественными некоммерческими партнерствами. Таким образом были сделаны списки замков, подводных соборов, промышленного достояния, исторических садов, наскального искусства и картографии мест раскопок.

Объединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии

Отличие английской системы – общественно-частное партнерство и тонкость распределения полномочий между центральным правительством, региональными государствами, специализированными правительственными агентствами, большими общественными объединениями, графствами и районами...

Правительственный уровень распределяет защиту наследия между двумя правительственными отделами – министерством культуры и министерством окружающей среды.

Министерство культуры осуществляет надзор за памятниками и достопримечательными местами, ответственно за классификацию памятников в Англии. Оно определяет работу общественного специализированного учреждения «English Heritage», которое является представителем Великобритании в ЮНЕСКО. Министерство окружающей среды отвечает за освоение территории, учитывая региональные разногласия, длительное развитие территории, культурное наследие и экологию.

В Шотландии за объекты культурного наследия отвечает министерство образования, а за культурные ландшафты и их экологию – министерство сельского хозяйства. Кроме того, есть еще «Historic Scotland» – организация, отвечающая перед всеми министерствами за защиту памятников, мест раскопок, охраняемых зон, исторических ландшафтов.

В Уэльсе Уэльское национальное собрание делегирует защиту и сохранение культурного наследия общественному учреждению «Cadw» (уэльские памятники истории, слово, которое в уэльском означает «хранить»).

В Северной Ирландии это служба культурного наследия и окружающей среды, в составе министерства окружающей среды, которое осуществляет составление списков, защиту и сохранения объектов культурного наследия и ландшафтов «для пользы и пользования настоящих и будущих поколений».

«English Heritage» – независимое учреждение, бюджет которого формируется из сборов целевого назначения (плата за посещение объектов культурного наследия, коммерческие доходы и пожертвования), которые направляются на содержание 400 национальных объектов (такие, как Stonehenge, Battle Abbey или Dover Castle). «English Heritage» имеет своих архитекторов и инженеров, субсидирует и играет роль эксперта в сложных восстановительных работах.

Национальный трест – независимая общественная организация, направляющая свою деятельность на спасение частной собственности (часто больших поместий и их земель). Национальный трест может приобрести территории, получить инвестиции, обеспечивающие сохранение и уход этой собственности и коллекций, которые с ней связаны. Как и «English Heritage», Национальный трест собирает плату за посещение объектов культурного наследия и имеет своих реставраторов, хранителей, садовников, которым помогают добровольцы. Национальный трест насчитывает приблизительно 1 500 тыс. членов и обладает более чем 200 объектами собственности.

Местные власти (графства, города или лондонские округа, так же как и государственные заповедники) находятся на попечении градостроительных комитетов своих территорий. Они располагают службами по охране наследия с реставраторами и археологами.

Здания, находящиеся под охраной являются предметом особого внимания, что добавляет к обычным градостроительным режимам специфические режимы и санкции. Эти режимы распространяются в исторических центрах на «зоны охраны и регулирования застройки». Эти зоны, как и памятники, могут пользоваться местными или государственными субсидиями.

Особенная роль приписана в Англии и в Уэльсе шести большим объединениям «Amenity group», в зависимости от их специализации (археология, средневековая и сельская архитектура, ландшафты, архитектура викторианских времен, архитектура XX века и т. д.) проводящим регулярные советы по процедурам выдачи разрешений на строительство или снос зданий.

В заключение можем сказать, что английская система сохранения наследия богата своей интеллектуальной, профессиональной и общественной жизнью, но вследствие излишнего либерализма ослаблены полномочия этой системы. Между тем исключительное участие частного сектора в процессах власти, обычно передающего это право государству, дает этой стране большой динамизм и разумную вариативность отношений в сохранении наследия.

Франция и ее недавние реформы. Необходимо констатировать, что во всех этих странах метод достижения реформ можно сравнить с движениями маятника. И Франция, модель централизованного государства, обладающего вековой и совершенной службой сохранения памятников истории, увлеклась децентрализацией и приватизацией, в то время как Англия старается централизовать и национализировать свою систему, а Швейцария и Германия усилили свою федеральную власть.

Скандинавские страны и более экологические Нидерланды работают над интегрированием культурного и природного наследия внутри общей логики длительного развития.

Франция, у которой также есть понимание экологической составляющей, вдохновилась английской моделью в трех направлениях:

– Укрепление по образцу «English Heritage» самостоятельного общественного учреждения «Центр национальных памятников», отвечающего за открытие публике крупнейших замков Франции. Центр получает средства на их восстановление и подвергается тому же режиму контроля, что и частные памятники.

– Создание меценатства через Фонд наследия, который ведает частными финансами, снижая налогообложение в два раза через пожертвования и в ходе реставрации для сумм, потраченных собственниками, их финансовой помощи.

– Усиление роли ассоциаций, цель которых – защита наследия, систематически привлекаемых ко всем национальным и региональным проектам, так же как к разработке градостроительных документов.

Франция также осуществила децентрализацию некоторых полномочий в сохранении наследия, следуя, как мне кажется, испанской модели. Список объектов культурного наследия, не относящихся к классифицированным памятникам³, делается отныне по большей части внутри регионов и районов. Финансирование также разделено. И система исторических городов формирует средства для образования и пропаганды культурного наследия, которые выгодно дополняют государственные средства. Наконец градостроительные документы, в том числе в части сохранения наследия, находятся в ведении мэров и обязывают государственную службу координировать их действие и рабочие программы с региональными и районными партнерами.

ЮНЕСКО, которая установила в Париже Центр мирового Наследия и определяет политику в области сохранения наследия, контролирует и управляет Списком мирового достояния, обязывает Францию к большей строгости и эффективности сохранения наследия внутри страны.

Благодаря ЮНЕСКО, симпозиумы, вскрывающие проблемы других стран, заставляют нас прогрессировать в культуре сохранения наследия, а также в существующем понимании вопросов исторической среды и градостроительства для будущего нашей общей планеты.

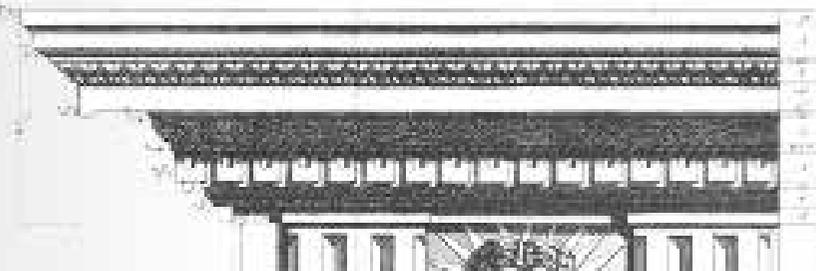
Франсуа Гондран

Перевод Натальи Жуковской

664025, г. Иркутск,
перевулок Черемиковский
д. 1а, оф. 1

E-mail: boai@inbox.ru
www.boai-660.ru
Тел.: (3852) 203-787

Байкальское общество архитекторов и инженеров

Владимир Стегайло,
президент СРО
НП «БОАиИ»

СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» – саморегулируемая организация проектировщиков, основанная на добровольном членстве лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в области подготовки проектной документации – решением Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору внесено в реестр саморегулируемых организаций 11 ноября 2009 года. Регистрационный номер СРО НП «БОАиИ» – СРО-П-052-11112009.

СРО НП «БОАиИ» вошло в состав общероссийской негосударственной организации «Национальное объединение саморегулируемых организаций, основанных на членстве лиц, осуществляющих подготовку проектной документации» Национального объединения проектировщиков (НОП), свидетельство № 0028. Мы ведем совместную работу по разрешению вопросов формирования саморегулирования в России.

Саморегулируемая организация разрабатывает и внедряет единые правила и стандарты профессиональной деятельности и осуществляет допуск на рынок

добросовестных компаний, нацеленных на стабильную и успешную работу.

На сегодняшний день членами СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» являются более 100 проектных организаций Иркутской области, Республики Бурятия, Республики Тыва, Забайкальского края, а также представители из Москвы.

СРО НП «БОАиИ» прилагает все усилия, чтобы ее члены чувствовали себя уверенно, а качество градостроительных и архитектурных услуг повышалось.

Принятие новых компаний и фирм в состав СРО НП «БОАиИ» идет постоянно.

15 апреля 2010 года в Минюсте прошел регистрацию приказ Минрегиона № 624 от 30.12.09 года «Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства». В связи с этим саморегулируемым организациям до первого июля 2010 года необходимо переформировать

допуски в соответствии с новыми стандартами и правилами. В настоящее время совместно с Национальным объединением проектировщиков инициирована работа по разработке новых требований для выдачи свидетельств о допуске к видам работ, влияющим на безопасность объектов капитального строительства, вносятся дополнения в Перечень видов работ, после чего будет производиться замена ранее выданных свидетельств. При разработке требований к выдаче допусков на те или иные виды работ, СРО полностью опирается на законодательство.

Деятельность СРО НП «БОАиИ» направлена не только на выдачу свидетельств о допуске к работам, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства, но и на повышение качества выполняемых работ в области архитектурно-строительного проектирования, на координацию действий и всестороннюю поддержку членов саморегулируемой организации.

Мы надеемся на сотрудничество и интересные, плодотворные деловые контакты с вами!

В преддверии юбилейного – десятого – фестиваля «ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ» ПБ анонсирует лекции официальных гостей ЗВС Сергея Скуратова и Юрия Земцова публикацией материалов об их объектах.

Административно-жилой комплекс «Беркли Плаза»

144

исполнитель
ООО «Сергей Скуратов
Architects»

заказчик
ЗАО «Укс-Восток»

архитекторы
С. Скуратов
Н. Демидов
А. Медведев
Н. Ишутина
П. Шалимов
Н. Демидов
Ю. Клевакин

проектирование
и строительство
2003–2005 гг.

общая площадь объекта
23 920 м²

строительный объем
92 040 м³

площадь участка
0,556 га

площадь застройки
4 263 м²

Комплекс расположен в микрорайоне Остоженка на Пречистенской набережной. С юго-западной стороны участок ограничен 1-м Зачатьевским переулком, с северо-запада – Курсовым переулком.

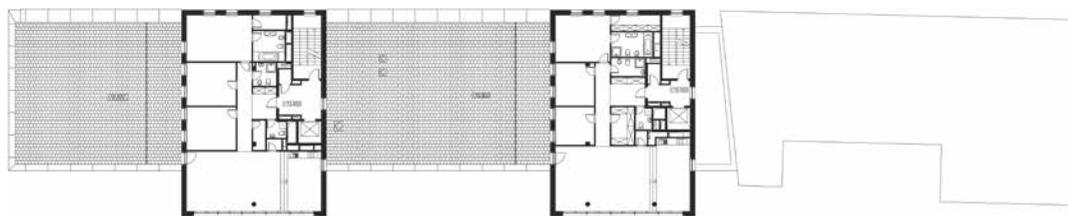
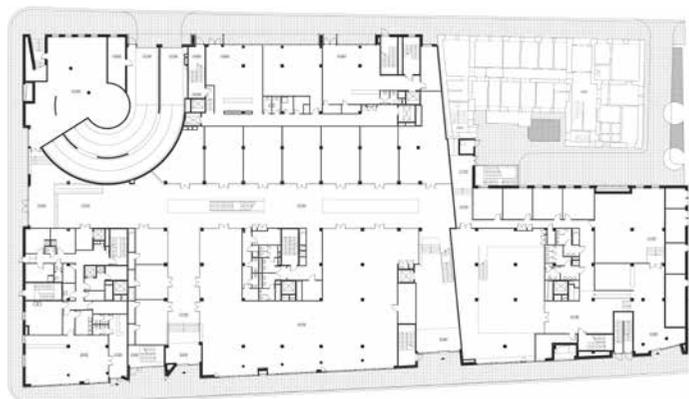
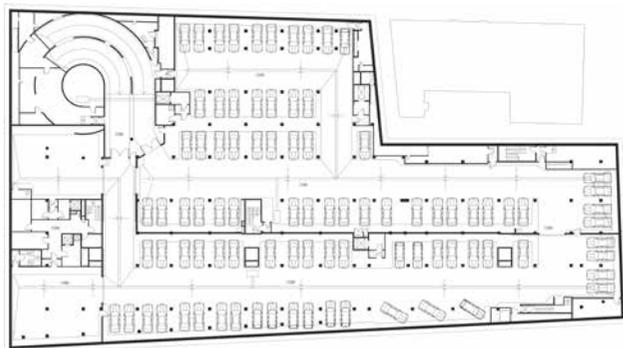
В градостроительном плане проектируемое здание продолжает формирование нового фронта застройки набережной, начатое строительством здания ММБ. Укрупнение масштаба застройки обусловлено желанием придать набережной более городской и законченный характер. С другой стороны, необходимость сохранения сложившейся системы доминант (башни Кремля, храм Христа Спасителя, церковь Ильи Пророка, ансамбль Зачатьевского монастыря и т. д.) обусловили разорванность фронта нового комплекса.

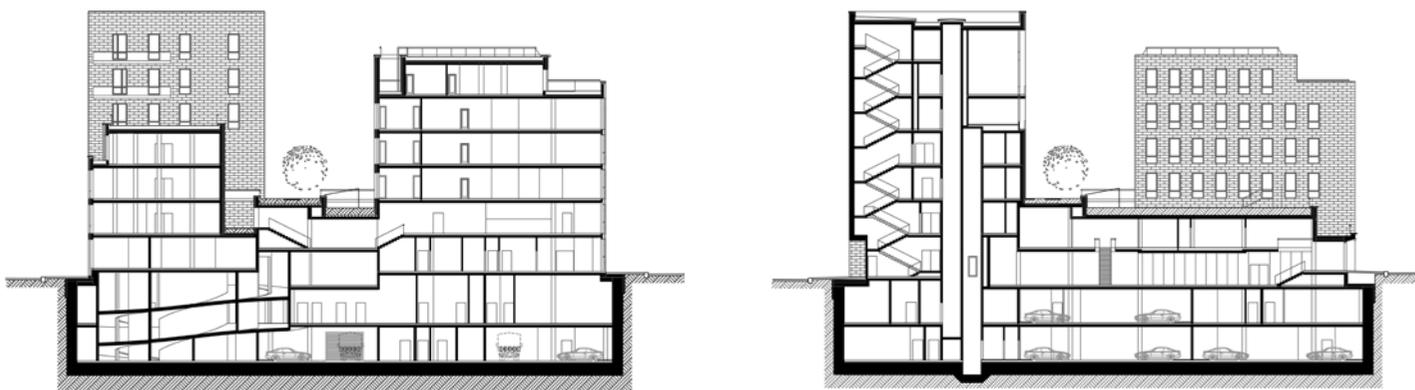
Часть комплекса, выходящую непосредственно на набережную и состоящую из трех корпусов, предложено выполнить высотой 5 этажей непосредственно по фронту набережной с отступом в глубину на 4 метра и повышением до 6 этажей. Часть комплекса по Курсовому переулку – в 4–7 этажей.

Основная композиционная идея – «сдвиг» вглубь владения

(к Курсовому переулку) двух блоков из фронта застройки набережной. Смещенные объемы как бы накрывают трех-, четырехэтажный корпус, вытянутый по Курсовому переулку. В образовавшемся пространстве между сдвинутыми частями (когда-то как бы единого целого) формируется система озелененных дворов. На крышах одноэтажных зон («следов» сдвинутых частей) размещены газоны.

Подземная часть комплекса состоит из двух этажей (автостоянка, технические и подсобные помещения, включая помещения обслуживания и загрузку общественных зон первого этажа.)

На первом этаже размещаются: общественная часть (кафе, магазины) с входами со стороны набережной, блок Союза научных и инженерных организаций (Союз НИО), вестибюли жилой и офисной частей с входами со стороны Курсового переулка.

Со второго по четвертый этажи комплекса – жилье (в корпусах по набережной), офисы (в корпусе по Курсовому переулку).

С пятого по седьмой этаж – жилье.

Во внешней отделке комплекса применен натуральный камень светлых тонов с различными пропорциями раскладки на «внешних» и «внутренних» (образованных «срезом») плоскостях. Основные фасады по Пречистенской набережной выполнены в стекле различной тональности и разной степени прозрачности. Сквозь него «прорастают» каменные элементы – балконы, лоджии, вентиляционные решетки, которые являются материальным и композиционным продолжением темы отделки более классических фасадов корпусов по Курсовому переулку.

Элитный жилой комплекс на Шпалерной в Санкт-Петербурге

Здание построено на месте пришедшего в аварийное состояние жилого комплекса 1930-х годов – примера позднего ленинградского конструктивизма, что и явилось основанием для выбора архитектурного языка.

Градостроительная задача проекта состояла в том, чтобы связать обширную эспланаду у Смольного собора и пространство перед Таврическим дворцом. Объемно-планировочная задача – построить замкнутый и одновре-

менно открытый в окружающее пространство жилой комплекс с традиционной петербургской схемой внутренних дворов.

Комплекс представляет собой размещенную на общем подиуме единую пространственную структуру в виде восьми башен, объединенных по верхним этажам.

Огромные арки создают анфиладу обращенных к Смольному собору внутренних дворов, четко ограничивая их пространство и

вызывая в памяти дворы старого Петербурга, и в тоже время обеспечивают их хорошее проветривание, снимая отрицательный синдром дворов-колодцев.

В связи с отсутствием замкнутых дворовых пространств, предлагаемая объемно-планировочная структура увеличивает привлекательность практически всех жилых кварталов благодаря открывающимся из окон прекрасным видам на окружающую городскую

исполнитель
ЗАО «Архитектурное бюро
“Земцов, Кондиайн
и партнеры”»

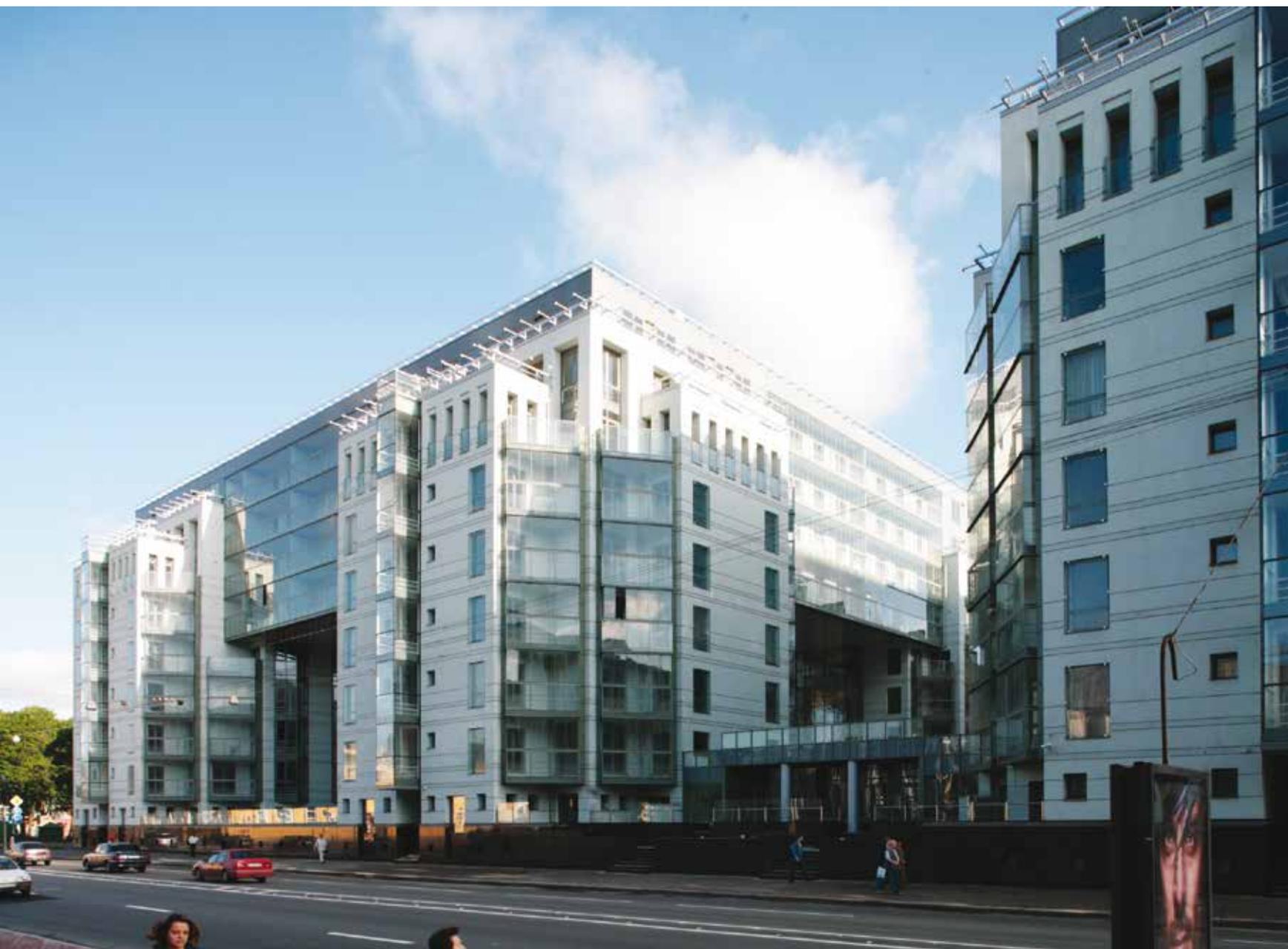
заказчик
ОАО «Строительная корпорация
“Возрождение Санкт-
Петербурга”»

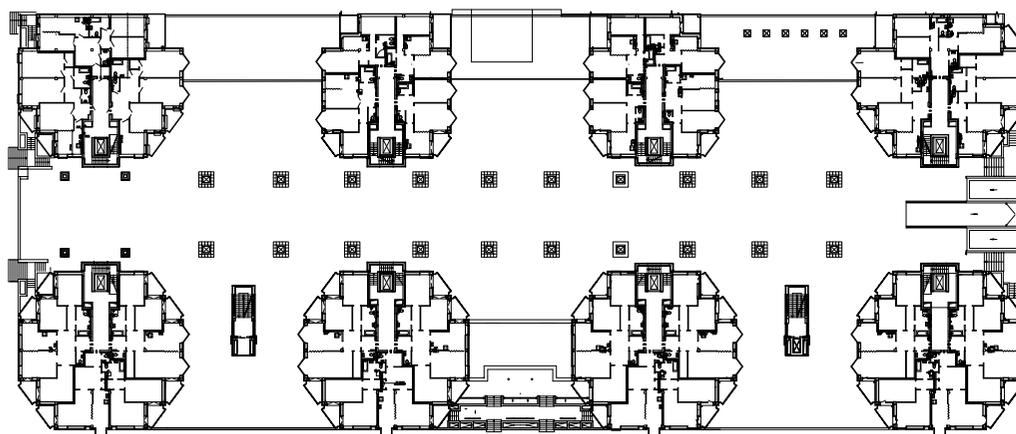
архитекторы
Ю. И. Земцов
М. О. Кондиайн
Н. И. Поповская
М. В. Барановский

инженеры
А. В. Шапиро
А. Л. Кукша

подрядчик
Невская строительная
компания

при участии
Г. П. Яковлевой

награды
 Гран-при смотра-конкурса
 «Архитектон-2003» в номи-
 нации «Лучший проект» в
 Санкт-Петербурге
 Золотой диплом XI
 Международного фестиваля
 «Зодчество-2003» в номи-
 нации «Проект»
 Золотой диплом смотра-кон-
 курса «Архитектон-2006» в
 номинации «Лучшая пост-
 ройка» в Санкт-Петербурге
 Серебряный диплом XIV
 Международного фести-
 вала «Зодчество-2006»
 в номинации «Постройка»

застройку – Смольный собор, Таврический дворец, Шпалерную улицу и даже перспективу Невы с верхних этажей.

В полузаглубленном цокольном этаже размещаются места для стоянки автомобилей. Крыша

автостоянки – благоустроенная внутриквартальная территория, предназначенная только для проживающих в комплексе.

Архитектурное решение фасадов по Шпалерной улице следует сложившемуся образу существовавшей

ранее застройки с ее ритмом перемежающихся разрывами вертикальных объемов.

Арка западного фасада ориентирована на Смольный собор и создает соответствующее масштабу пространства завершение эспланады.

количество квартир
 206

общая жилая площадь
 25 125 м²

Конкурсный проект развития Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского

площадь участка	5 196 га
площадь застройки существующего театра	2 553 м ²
площадь застройки нового театра	9 250 м ²
этажность	4, 5, 8
полезная площадь существующего здания	8 650,6 м ²
полезная площадь нового здания	17 920 м ²
общая площадь	42 724 м ²
площадь существующего здания	10 544 м ²
вместимость всех зрительных залов	1 942 места
вместимость реконструируемого зала	642 места
вместимость новых зрительных залов	1 300 мест
подземная автостоянка	3 930 м ²
количество машиномест в подземной автостоянке	100

Анализ ситуации
 Построенное в 1878 году здание Пермского театра оперы и балета относится к традиционной палладианской типологии европейского театра. Классический фасад с фронтоном и портиком, замыкающий перспективу площади или парка, – устойчивый, узнаваемый образ театра, ставший градообразующим в мировом культурном сознании. Существующее здание театра давно стало центром городской культурной среды, поэтому важная задача проектирования – сохранение очевидных исторических достоинств имеющейся архитектурно-парковой композиции, ее масштаба и равновесия.

Театр оперы и балета им. Чайковского не только и не столько памятник архитектуры, сколько живой творческий организм, растущий сам и развивающий лучшие традиции российской культуры. Тема роста и развития – принципиальна для предлагаемого проекта. Мы считаем, что ситуация не предполагает возможности строительства «другого» или «второго» театра, возникновения соперничества или подавления существующего театра размерами и амбициями современной архитектуры.

Среди очевидных трудностей конкурсного задания – объем нового здания. Он заведомо превышает размеры существующего театра и создает серьезную угрозу масштабу и пропорциям всего ансамбля. Однако именно проблема поиска правильного способа взаимодействия двух крупных однотипных объемов позволяет обратить внимание на интересную особенность предложенной ситуации.

Пермский театр по существу – парковая архитектура. И в европейской и в русской традиции ее отличает такая важная черта как разносторонняя ориентация. Расположение в парке всегда позволяло обогатить композиционные решения и внешние пространственные связи здания с помощью большого арсенала архитектурных решений (таких, как боковые крылья, ризалиты, флигели, парадные и служебные порталы, лестницы, пандусы и т. п.), выполняющих различные функциональные и эстетические задачи.

Эти возможности не реализованы в существующем театре, вероятно, потому, что обширный парк – намного более позднего происхождения. Он был разбит на месте разрушенного в 1929 году каменного гостиного двора.

Сегодняшний театр, помимо основного, довольно скромного входа на главном фасаде, располагает лишь еще более скромным, неудобным служебным входом с восточной стороны. Он представляет собой замкнутый объем, не просто тесный и устаревший, но и лишенный необходимых функциональных связей с внешним миром.

Основы концепции

Три обстоятельства: 1) необходимость сохранения главного здания театра в качестве урбанистической доминанты; 2) потребность в новой сцене и в большом объеме новых площадей; 3) замкнутость театра и отсутствие функциональных коммуникаций с городом – были сформулированы нами в качестве главных и легли в основу работы над проектом.

Это позволило нам выделить три основные функции проекта: 1) урбанистическую, призванную открыть новое

культурное пространство, сохранив историческую среду городского центра, 2) объемно-пространственную, выполняющую задачу создания новой сцены и всех необходимых дополнительных площадей, 3) коммуникативную, обеспечивающую создание и функциональную диверсификацию способов взаимодействия театра с городом.

И если первые две являются прямой задачей конкурса, то третья представляет собой не только задачу, но и одновременно предложенный нашим проектом концептуальный и композиционный способ решения.

Мы применяем принцип разносторонней ориентации, открывая новые входы и включая парк и город в сферу активного театрального влияния. Вместо прежнего жесткого разграничения на зоны «улица – театр», «внешнее – внутреннее» с единственной элементарной коммуникацией «вход – выход», мы получаем открытую систему театральных зданий, соединенных общими функциями, общественным пространством, открытым для публики постоянно.

Это обеспечивает театру необходимые условия для современной активной деятельности, связанной с гастролями, фестивалями, награждениями, церемониями, праздниками и т. п.

Формообразующей и системообразующей для нашего проекта стала идея взаимодействия – города и театра, существующих и вновь построенных пространств, повседневной работы и торжественных событий, закрытой профессиональной и внешней публичной сторон театральной жизни.

Логика данного проекта – логика преемственности, функционального

исполнитель
ООО «Архитектурное бюро
Сергея Скуратова»

ООО «Девелоперские
решения»

Н. Асадов
И. Ильин
К. Харитонова
А. Чалов
А. Чурадаев

заказчики
Пермский академический
театр оперы и балета
имени П. И. Чайковского

архитекторы
С. Скуратов
Н. Золотова
А. Барклянский
В. Обвинцев

развития существующей струк-
туры, естественного расширения
профессиональных возможностей,
общественных связей и культурного
пространства театра.

Открытость, взаимодействие и
преемственность – ключевые поня-
тия предлагаемого проекта. Мы
считаем, что легкость узнавания,
уверенная идентификация здания
именно как «своего» прежнего теат-
ра, обновленного и получившего
в результате перестройки новые
возможности и новую значимость,
чрезвычайно важна для города. Она
также рассматривается нами как
базовая в концепции проекта.

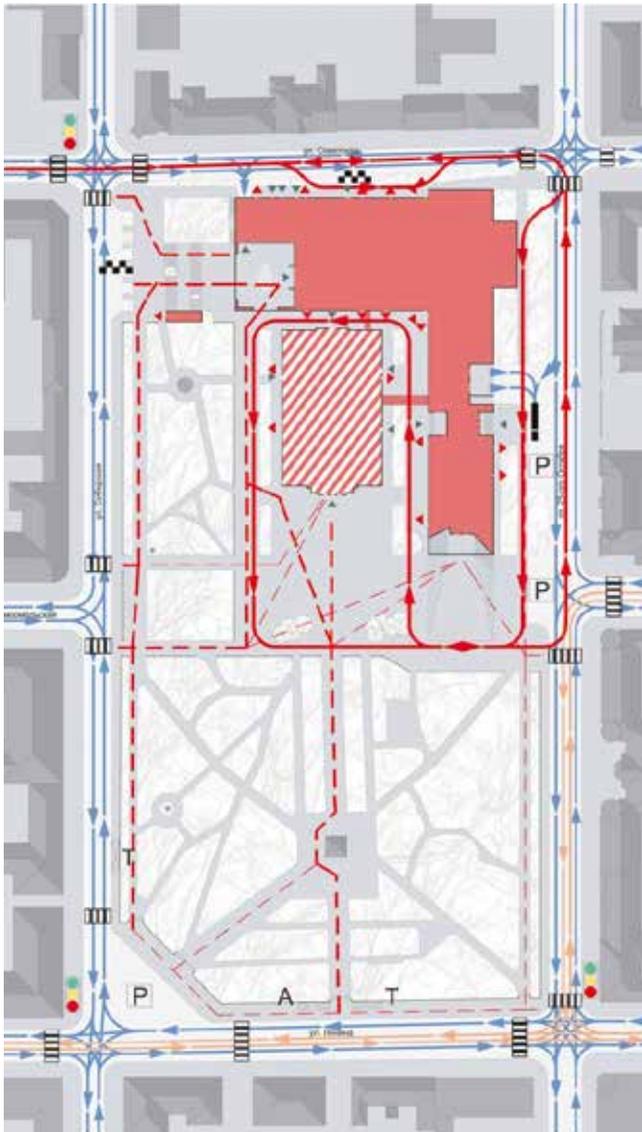
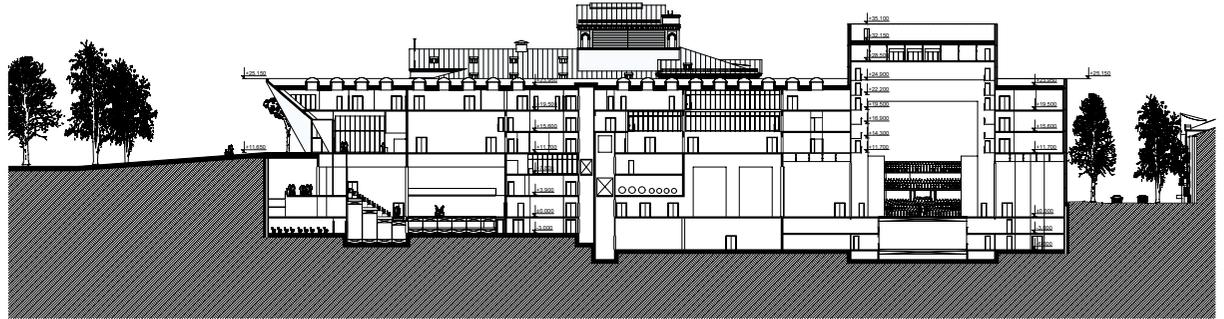
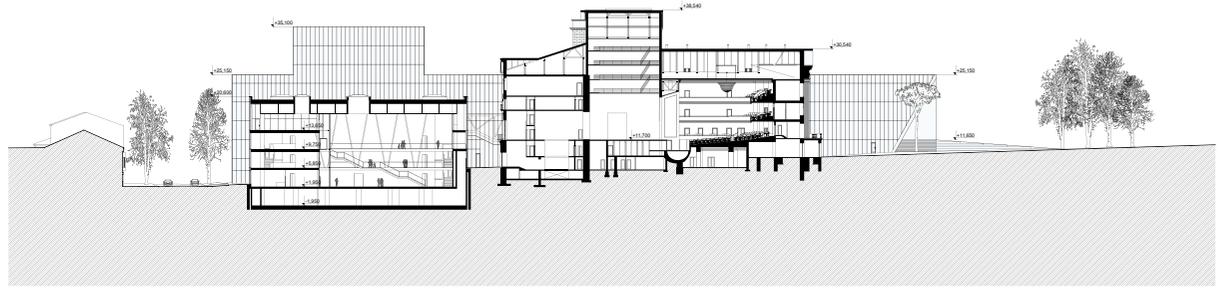
Решения

Разделение функций дало возможность
«вытянуть и растащить» новое здание,
спрятав основной объем новой сцены
за существующим зданием и превратив
композицию в форме латинской «L» в
подобие распахнутых рук, обнимающих
старый театр. Существующий театр
остается центром пересечения основ-
ных парковых направлений и перспек-
тив, ничто, как и раньше, не мешает
обойти его кругом.

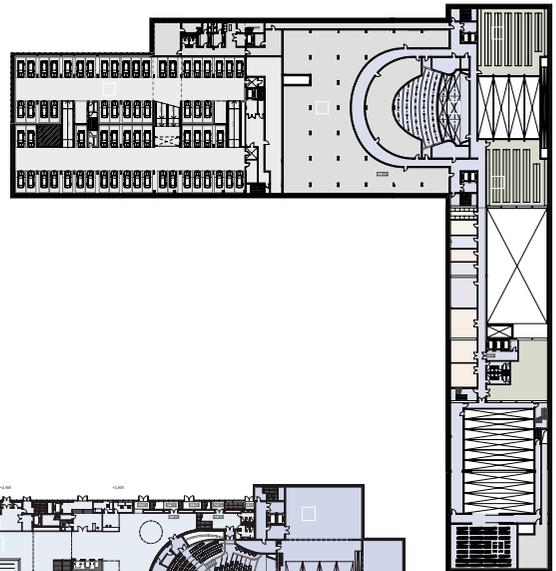
Знакомый торжественный фасад
по-прежнему на центральном месте,
но кроме официального фасада театр
получает новые входы, новые про-
странства, новый образ и, наконец,
новую продуманную современную сис-
тему функциональных коммуникаций.

Театр открывается и разворачи-
вается к городу. Он получает два
дополнительных парадных входа с
навесами, многофункциональными
площадками, пандусами и торжест-
венными лестницами, обращенными

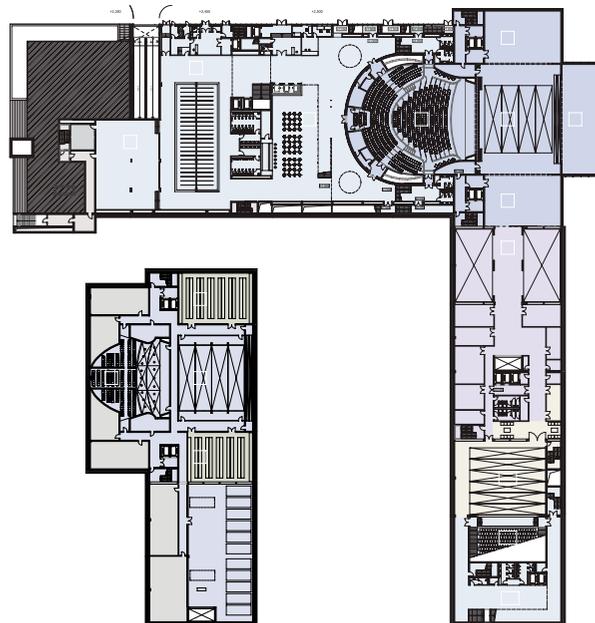

План 1-го этажа

План 2-го этажа

в южную парковую сторону и, следовательно, прогретыми и превосходно освещенными в солнечную погоду. Новые пешие и прогулочные маршруты не нарушают сложившуюся структуру парка. Напротив, логика движения приводит горожан к театру, к постоянному взаимодействию с ним, повседневному или праздничному.

Основные объемы вновь построенных площадей, включающих новые большую и малую сцены, артистические, репетиционные и технические пространства, располагаются с северной стороны, сохраняя привычную ориентацию театра. Туда же обращены все инженерно-технические функции – загрузки для декораций и ресторанов, склады, парковки и подключения.

С этой стороны театр не предназначен для посещений, и здесь он замкнут сплошной линией стены. Там же, где новые площади предназначены для повседневной работы профессионалов, также особо продуманы коммуникативные функции, предусмотрены свои, камерные возможности для общения внутри коллектива и взаимодействия с внешним миром.

Рельеф парка – легкий уклон в сторону Камы – использован и позволяет, не повышая высотность нового здания, приподнять основные входные группы, таким образом сделав их заметными издали, торжественными и легко обозримыми как сценические площадки.

В холодную и дождливую погоду в распоряжении театра – большой объем перекрытых и при необходимости обогреваемых публичных пространств: огромная лоджия с парадной лестницей перед входом в фойе новой большой сцены, атриумное пространство фойе с барами, буфетами и рестораном.

Функциональные возможности нового здания и новой инженерии открывают дорогу современным театральным технологиям, гибкости творческих решений. Новая концепция и новая система коммуникаций рассчитана на большую открытость и большее разнообразие современной театральной деятельности, она соответствует как сегодняшним возможностям Пермского оперного и балетного коллектива, так и его самым смелым творческим амбициям.

Образ

Известно, что ожидание праздника будит желания и воображение, часто становясь сильнее и ярче самого праздника. Ожидание нового театра рождает мечты о невероятном, о событии, которое изменит город и станет началом новой, прекрасной жизни. Возможно ли это? Конечно. Должно ли это произойти? Безусловно, так и должно быть.

Но с этого момента можно начинать спорить о том, как будет выглядеть это новое счастье. Каким должен быть театр, чтобы не обмануть ожидания тех, кто будет с нетерпением ждать окончания строительства?

Предлагаемый нами проект – метафора взаимодействия. Архитектура не главный герой этого взаимодействия, не аттракцион, в котором человеку уготована статичная роль изумленного зрителя. Новая архитектура Пермского театра не замена театра, она для театра, форма театра, если хотите, машина театра, она приглашает к участию, направляет и организует действие, она сама – активный и равноправный участник всех происходящих процессов.

Там, где пора войти, она приглашает войти, там, где торжество, помогает подняться над уровнем улицы, там, где по какой-то причине нельзя участвовать, она открывает происходящее. Она прозрачна там, где внутри происходит что-то важное и достойное внимания. Эта архитектура не демонстрирует себя, она работает, организуя активную современную жизнь театра и его окружения. Она программно и последовательно функциональна.

И все же не надо переоценивать ее готовность быть только полезной и правильной. Эта архитектура заметна, но, как мы надеемся, не агрессивной чужеродностью, а выверенностью пропорций, продуманностью планов, сомасштабностью исторической

застройке, точностью ответов на поставленные вопросы. Стекло делает архитектуру театра светлой и современной, медь привносит эффект театральной роскоши, таинственности и красоты. Теплые медные блики – это и история города, и духовые оркестры в пермском городском саду дягилевских времен, и медные трубы славы. Все это помогает сразу идентифицировать архитектурный образ как современное культурное пространство, принадлежащее театру и городу, а не как новое здание непонятного назначения.

Днем архитектура театра лишена помпезности, и когда вы пойдете мимо, она везде, где это возможно, будет скромно отражать окружающую историческую застройку. Но к вечеру архитектура начнет участвовать в спектакле. Она расширит театр в пространстве и во времени, станет предвкушением волшебства и началом праздника, способом насладиться впечатлением и растянуть удовольствие. Когда зажгут фонари, сквозь подсвеченное стекло начнет золотиться и плавиться жаркая медь, в ярком луче откуда-то сверху полетят снежинки (то ли еще снегопад, то ли уже «Щелкунчик»), стены погаснут и исчезнут, время остановится, пространство станет необъятным, и театр наконец не оставит ни следа от деловитости, простоты и симметрии.

План реконструкции существующего здания театра
Реконструкция существующего здания театра производится на третьей стадии строительства и предполагает детальную реставрацию фасадов и интерьеров, внутреннюю перепланировку части здания, техническую модернизацию инженерного оснащения сценического пространства.

Связь (логистическая, для работников театра) между новым и существующим зданием обеспечивается по двум горизонтальным переходам. Первый расположен на уровне сцены существующего театра в правом кармане, примыкающем к восточному фасаду существующего здания. Второй расположен на этаж выше и соединяет артистические помещения в зоне за сценой существующего здания с коридором, связывающим VIP-зону и административные помещения, расположенные в новом здании. Это позволяет осуществлять свободное перемещение театральных декораций, технического оборудования, артистов, сотрудников театра и VIP-гостей. Зоны для исполнителей (гримборные, костюмерные, артистические, и т.д.) соединены с обеими сценами, с репетиционными помещениями и мастерскими по пошиву костюмов.

В фойе устанавливаются два гидравлических лифта симметрично относительно центральной оси здания

для подъема зрителей на верхние уровни зала. Эти же лифты обеспечивают подъем и спуск людей с ограниченными возможностями.

В зрительном зале предполагается проведение восстанавливающего и косметического ремонта. Для улучшения обзорности со зрительских мест часть сидений на задних рядах амфитеатра убирается или заменяется на более комфортные. На первом и втором ярусах балконов расстояние между рядами кресел увеличивается до 90 см между спинками, градиент подъема рядов кресел повышается путем устройства новых уровней с перепадом в 30 см на первом ярусе и в 54 см – на втором. Все кресла расставлены в соответствии с условиями обеспечения комфортной видимости. Устройство ступеней и подиумов для подъема на ряды производится без изменений уровня существующих проемов и без ущерба для декора зала. Таким образом, суммарное количество мест в зале составит 642. На основных входах в зал устраиваются звуко- и светозащитные тамбуры. Все планировочные решения предусматривают возможность технической модернизации планшета сцены, сценических инженерных систем и прилегающих технических зон.

В соответствии с техническим заданием костюмерные цеха, большая часть административных и архивных помещений перенесены в новое здание, что позволило значительно увеличить общественную зону на всех этажах; создать дополнительные общественные туалеты на уровне 1-го яруса; организовать репетиционные помещения для детского кружка и хорового класса; запроектировать отвечающие совре-

менным требованиям гримерные/уборные и костюмерные.

Большие светлые пространства фойе предполагают устройство небольших буфетов и организацию локальных мероприятий. Зона музея расширена и может служить как пространством для постоянной экспозиции, так и местом проведения временных выставок.

Полноценный буфет остается на прежнем месте, однако его вспомогательные помещения (мойка, склад посуды и продуктов, помещение для персонала) подверглись перепланировке. Загрузка буфета может осуществляться по переходу, соединяющему новое и существующее здание, а также со входа с улицы (восточный фасад).

Северная часть здания отдана под склады для хранения инструментов, декораций (в уровне сцены), костюмов и пространств для исполнителей. В соответствии с требованиями эвакуации предусмотрен новый дополнительный коридор, открывающий доступ из всех помещений на обе эвакуационные лестницы. Все гримборные и костюмерные расположены по периметру здания в непосредственной близости от сцены (-1,0,1,2), имеют естественное освещение, необходимые умывальные, душ и туалет. На каждом этаже организованы общие санузлы для служителей театра, обслуживающие также и репетиционные помещения. Освободившееся пространство старой загрузки перепланируется в двухсветную зону отдыха для исполнителей. В ней предусматриваются высокие проемы и возможность выхода на балкон. Предполагается реставрация большой старой двери и замена некоторых элементов деревянного полотна на витражи.

Пассажирский терминал аэропорта «Пулково» и концепция градостроительного развития прилегающей территории. Конкурсный проект

архитекторы
Ю. И. Земцов,
М. О. Кондайн
Н. И. Поповская
М. И. Барановский
А. А. Мионов
А. Г. Трошиненко
Д. В. Арсеньев
Е. А. Бауман
М. В. Ченцов
Е. Ю. Дуброва
А. В. Алрефьев

инженер-конструктор
А. В. Шапиро

консультант
А. Н. Колобов

Основные идеи проекта
Мощный рост экономики северо-западного региона и Санкт-Петербурга в первую очередь, обретение городом ряда столичных функций, огромный культурный потенциал и туристическая привлекательность – все это делает Санкт-Петербург подлинной столицей Северо-Запада и северной столицей России.

Существующее здание аэровокзала, построенное в 1973 году и удостоенное Государственной премии, не утратило своих архитектурных достоинств и остается одним из лучших аэровокзалов в стране, однако недостаточная в современных условиях пропускная способность старого аэропорта вызывает острую необходимость его дальнейшего развития.

Настоящий проект выполнен на основании приглашения аэропорта «Пулково» и администрации Санкт-Петербурга принять участие в международном архитектурном конкурсе и Технического задания, разработанного компанией.

В основе предлагаемого проекта три главных аспекта, определивших основные градостроительные, архи-

тектурно-художественные и функционально-технологические решения будущего комплекса.

Градостроительный аспект
Главным условием проектирования нового аэропорта представляется необходимость соблюдения заложенных 300 лет назад принципов петербургского градостроительства, так как это позволит создать комплекс, обладающий качествами, присущими именно Санкт-Петербургу и потому отличающимися его от других аэропортов мира.

Санкт-Петербург известен ясностью планировочных решений, симметричностью построения архитектурных ансамблей, далекими перспективами, которые завершаются значимыми градостроительными акцентами, подчеркивающими горизонтальность и цельность силуэта города.

Существующее здание терминала «Пулково-1» располагается по оси главного подъезда к аэропорту, и его протяженный симметричный объем построен в строгом соответствии с петербургской традицией.

В предлагаемом проекте сохраняется не только объем существующего

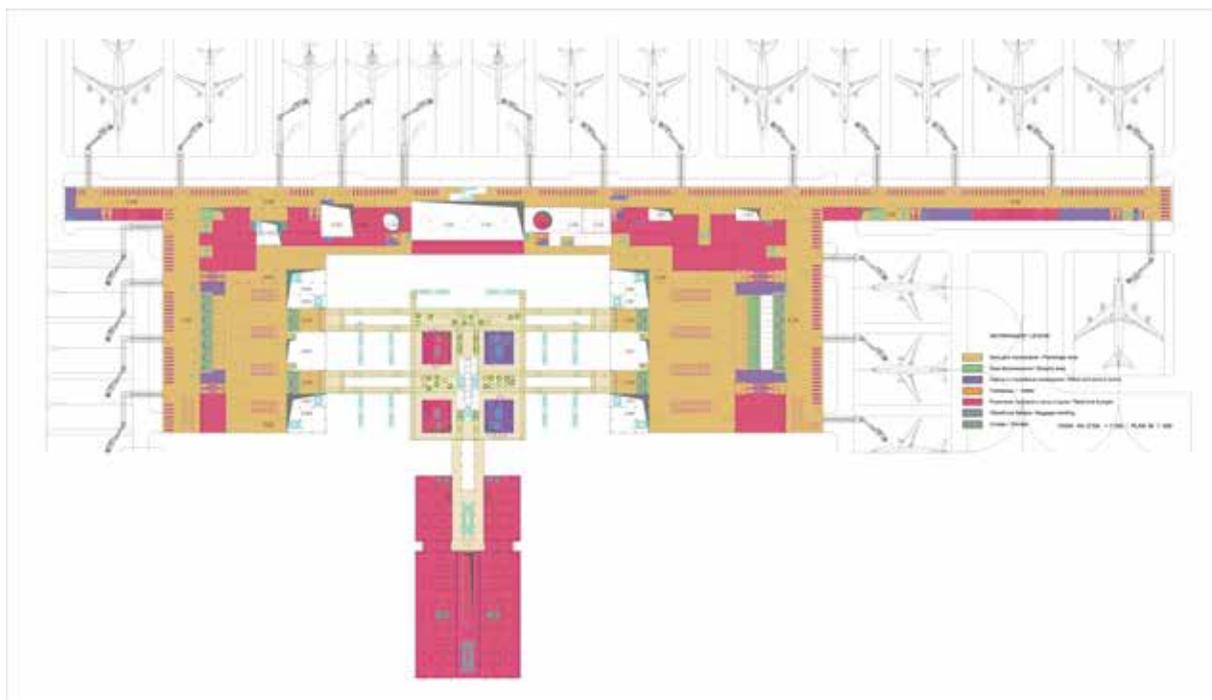
здания, но и все намеченные при его строительстве пути дальнейшего развития градостроительной ситуации: горизонтальность общего композиционного решения, симметричное построение объемов, концентрация вертикальных акцентов по оси основного подъезда к аэропорту.

Планировочные и функционально-технологические решения продиктованы Техническим заданием компании HOCHTIEF Airport GmbH.

Архитектурно-художественный аспект
Архитектурно-пространственное решение продиктовано стремлением соединить в комплексе нового аэропорта современные тенденции мировой архитектуры и традиции петербургского градостроительства.

Художественный образ строится на желании найти особый архитектурный характер сооружения, соответствующий духу и специфическим особенностям города.

Силуэт комплекса, очерченный плавной, растянута почти на 500 метров дугой, прерываемой только в центре группой вертикальных объ-

емов, как бы следует за плоским горизонтом петербургского ландшафта. Соответствие такого решения характеру силуэта города приезжий сможет легко почувствовать, оказавшись на набережной Невы, у Адмиралтейства или у Петропавловской крепости.

В то же время у человека, покидающего город, здание аэропорта вновь вызовет в памяти образ Петербурга, с его столь необычной для европейских городов шириной открытых пространств, с его низким северным небом, которое как бы поддерживают пробивающиеся сквозь облака редкие лучи солнца. Этот образ солнечных лучей, соединяющих две стихии, небо и землю, как нам кажется, может явиться красивым архитектурным воплощением символического содержания такого сооружения, как новый петербургский аэропорт и стать характерным отличием его внутренних пространств.

Функционально-технологический аспект

Аэропорт – это не только ворота города и место для взлета и посадки самолетов. В эпоху глобализации, когда постоянное перемещение по миру для все большего числа людей становится образом жизни, аэропорт, оставаясь частью инфраструктуры мегаполиса, обретает черты самодостаточного многофункционального организма.

Особое значение имеет необходимость организации тесного взаимодействия основных функций, обеспечивающих работу аэропорта как транспортного предприятия и «дополнительных», ориентированных

не только на обслуживание аэропорта, но и города. Это гостиница, бизнес-центр, предприятия торговли и обслуживания, кафе, рестораны, крытые и открытые парковки. Комплекс аэропорта сам становится мини-городом, и, как в любом, даже самом маленьком городе, в центре его возникает площадь.

Главным пространством всего комплекса является крытая площадь, на разных уровнях которой сосредоточено все многообразие жизни аэропорта.

Пространство центральной площади должно стать тем запоминающимся образом, который создает первое впечатление о городе. Отсюда люди попадают в зоны отправления, и здесь же, на площади, оказываются сразу после прохождения всех формальностей прибытия. Таким образом, возникает буферная зона, принадлежащая одновременно и аэропорту и городу. Создаются предпосылки для организации обширной коммерческой зоны.

Архитектурные решения
Законченный архитектурный облик реконструированный комплекс аэропорта должен обрести к 2015 году.

Весь комплекс представляет собой единое пространство, которое включает два терминала и центральную площадь. Ощущение единого пространства возникает благодаря общему покрытию структурной плитой, представляющей собой поверхность в виде гепара с разной степенью кривизны обрамляющих дуг – более плоской со стороны летного поля для улучшения обзора.

Вся поверхность покрытия прорезана полосами световых фонарей, переходящими через центральную площадь из одного терминала в другой, подчеркивая единство внутреннего пространства. Свод покрытия – символ облачного петербургского неба с пробивающимися сквозь разрывы в облаках лучами света. Блеск нержавеющей стали уходящих в световые фонари тонких металлических колонн, придает этим лучам некую материальность, наполняя светом внутреннее пространство, вызывая ощущение, что огромный свод покоится не на физических опорах, а на прозрачных световых столбах.

Это ощущение еще усиливается благодаря тому, что световые полосы в покрытии повторяются в перекрытиях, и блестящие пучки металлических колонн, как лучи солнца пронизывающие слои облаков, прорезают все внутренне пространство аэропорта.

Сверху, из самолета, особенно вечером, расчерченная полосами световых фонарей крыша аэропорта, будет казаться огромной картой со схемой движения многочисленных воздушных трасс, напоминая, что Санкт-Петербург – это крупный узел международных авиалиний.

Бизнес-центр и гостиница размещены на внутренней крытой площади, что делает их связь с аэропортом всепогодной и всесезонной.

Проектом также предусмотрена возможность пройти от парковок и остановок общественного транспорта на главную площадь и оттуда в любой из терминалов, в торговый

комплекс, гостиницу или бизнес-центр по перекрытому пространству, что особенно важно в петербургском климате.

Петербург – северный город, и потому с самого начала, еще с XVIII века, здесь были очень широко распространены зимние сады. Проектом предлагается применение зелени не только в интерьерах, но и в оформлении фасадов гостиницы, бизнес-центра и торговой зоны.

Торговая зона построена по принципу классического торгового мола и может предоставить любые варианты площади аренды.

Автостоянки непосредственно связаны с торговым пассажем, так как расположены под всей коммерческой площадью.

Торговый пассаж соединяет магазины с автобусным вокзалом, бизнес-центром, гостиницей и центральной площадью комплекса.

В покрытии над площадью применяется японская сверхпрочная светопрозрачная пленка COVERTTEX, которая позволяет резко уменьшить вес конструкций и увеличить пролеты. Поверхность пленки обладает пониженным коэффициентом трения, что позволяет облегчить уход за покрытием

и в несколько раз уменьшить снеговую нагрузку, так как снег на ней не задерживается, а сдувается ветром.

Эта пленка может быть прозрачной, матовой и с нанесением рисунка методом шелкографии. Вечером она будет производить впечатление огромного светящегося шатра над площадью.

Нижний слой пленки может быть использован вместо подвесных потолков, создавая впечатление, что внутреннее пространство покрыто легкими, пронизанными светом облаками.

В витражах применяются энергосберегающие и шумозащитные стеклопакеты.

Жилой комплекс с парковкой Mountain Dwelling

Датские архитекторы BIG предложили новую типологию жилья, в котором горожане смогут жить с загородным удобством. В результате жилой дом превратился в удивительную гору из деревянных «ящиков» с садами, взгроможденными на восьмизэтажную парковку.

По материалам ресурса www.prodevelopment.ru/archives/653

Место: Эрестад, Копенгаген, Дания
Архитекторы: BIG
Функциональный тип: жилой многоквартирный дом

Многоквартирный «вафельный» дом

Словенские архитекторы из компании Ofis Arhitekti завершили строительство жилого комплекса «Lace» в центре города Нова Горица, Словения. В городе весьма специфические климатические условия: это самый жаркий город в Словении летом, а в зимний период там очень сильные ветра. Пятиэтажный объект, занимающий площадь около 16 м x 48 м прозван жителями «вафельным» за трехмерную концепцию строительства. Такая технология постройки используется для всех функциональных элементов – крыш, внутриквартирных перегородок, террас и балконов с лоджиями. Эти элементы защищают внешнее пространство и интерьеры квартир и обеспечивают дополнительную конфиденциальность жителей.

По материалам ресурса www.dezeen.com

Место: Нова Горица, Словения
Архитекторы: Ofis arhitekti.
Функциональный тип: жилой многоквартирный дом

Под прицелом

В ближайшем будущем список потерянных озелененных пространств Иркутска может пополниться. Сегодня интересы нескольких инвесторов нацелены на их застройку.

Степень угрозы для каждого объекта не одинакова, в одних случаях это на уровне слухов, в других – девелоперы уже занимаются вопросами оформления земельных участков. Каждый из них прикрывается различными благородными целями (строительством спортивных сооружений, детского сада, логистического центра, храма, нового микрорайона), но, по сути своей, делают одно большое неправильное дело – пытаются оставить город практически без озелененных пространств.

Наша задача – обратить внимание профессионального сообщества и жителей Иркутска на грозящую городу опасность, помешать застройщикам «сделать выстрел» по самому ценному...

Цель № 1. Сад А. К. Томсона

На эту территорию претендует один из инвесторов. Он уже выкупил рядом расположенные земли сельхозпредприятия. Теперь для строительства нового жилого микрорайона ему не хватает территории сада. А ведь это уникальное место с интересной историей (в 1914 году А. К. Томсон основал здесь сад, в котором разводил редкие сорта яблонь груш, рябины и т. д., и впоследствии подарил эти земли городу).

Цель № 2. Озерно-болотный комплекс «Птичья гавань»

Один из инвесторов высказал желание развивать свою производственную базу, создав на ее основе логистический центр. Необходимый прирост земель он видит за счет территорий рассматриваемого объекта. При всей своей заброшенности, озерно-болотный комплекс выполняет важнейшие природные функции (являясь поймой Иркуты, не дает подтоплять окружающие постройки, а также здесь гнездятся перелетные птицы).

Цель № 3. Чаповская гора

Рассматриваемая территория находится в частной собственности. Владелец решил на ней построить жилье, уже есть разработанный проект. Но здесь имеются свои нюансы. Во-первых, это склоновая территория, посаженные тут деревья «закрепляют» ее. Во-вторых, она важный планировочный элемент, держащий окружающую усадьбную застройку. И наконец, это бывшая территория кладбища.

Цель № 4. Парк аттракционов «Остров сокровищ»

по ул. Желябова

В центре Иркутска, на пресечении улиц Сухэ-Батора и Горького, расположен ветхий детский сад № 41. Инвесторы предлагают возвести новый, но на территории парка аттракционов. Освободившийся же участок земли застроить «экономически выгодными» зданиями. И им все равно, что это ведет к еще большему уплотнению центра, что рядом расположена школа и дети с удовольствием гуляют в парке.

Цель № 5. Роща «Звездочка»

Администрация города разрешила ИрГУПСу разместить свои спортивные площадки на территории рощи, он же в свою очередь должен был заниматься вопросами благоустройства этого места. Вуз вкладывал деньги в эту землю и, видимо, захотел получить с нее прибыль. Поэтому он периодически пытается там что-нибудь возвести (спортивные сооружения, жилье), забывая о том, что роща – объект культурного наследия.

Цель № 6. Сквер по ул. Безбокова

У Александро-Невского храма, расположенного рядом со сквером, появилась необходимость в строительстве нового капитального здания. По этому поводу был проведен конкурс. Но в нем почему-то рассматривалась территория сквера, а не земельный участок, принадлежащий приходу. При всей своей заброшенности этот зеленый кусочек все равно приносит огромную пользу для жителей близлежащих домов (шумозащитные, ветро-защитные и компенсационные функции его нигде не делись.)

Зоя Родюшкина

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**18 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Лицензия: Д 730489 от 15.05.2006, выдана Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству

- инженерно-геодезические изыскания**
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы**
- инженерно-геологические изыскания**
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов**
- инженерные изыскания источников водоснабжения**
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений**
- контроль качества работ**
- инжиниринговые и консультативные услуги**

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

Готовы ли сибирские агломерации к реализации больших проектов XXI века?

В 2005–2008 годах проведено исследование процессов жизнедеятельности и организации пространственной среды крупнейшего в Сибири ареала городских поселений. Цель работы определялась необходимостью выявления готовности агломерационных поселений к принятию инновации в основных сферах жизнедеятельности. Среди них – выработка стратегий, реализация проектов и программ, согласование инвестиционных вложений исходя из складывающейся ситуации, использование научного знания, способность регионального управления отслеживать и исправлять возникающие деформации пространственной среды¹.

На территории Сибири и Дальнего Востока находится девять из 53 агломераций России. Из 16 частей, входящих в состав Западно-Сибирского региона, Кемеровская, Томская, Новосибирская области и Алтайский край образуют опорный каркас территории. Трасса транссибирской железнодорожной магистрали является осью коммуникационного коридора, связывающего старгородские центры в единое целое. Рост Новосибирской городской агломерации подчеркивает

увеличение ее значимости в поддержании целостности большой территории страны (схема 1).

География наиболее значимой группы инвестиционных проектов, включенной в Стратегию развития Новосибирской области, охватывала зону относительно благоприятных условий в 50–60 километрах от Новосибирска. Предлагаемое Схемой территориального планирования строительство межрайонных центров Новосибирской области в ареале 350 километров и более от существующего центра чрезмерно оптимистично.

Обделенность большей части территории Новосибирской области финансами, сеть дорог оставляет значительную долю часть территории области труднодоступной для позитивных перемен. Долговременный характер тенденции естественной убыли населения, помноженной на отрицательное сальдо миграции в ситуации резкого снижения доходной части муниципальных бюджетов и недополучения средств, делает задачу выравнивания сложившихся различий между центром и большой периферией невыполнимой.

В силу больших размеров территорий административных районов,

входящих в состав Новосибирской области, в зону транспортной доступности не попадает значительная часть поселений. Около 11% (178 населенных пунктов) с населением 32,8 тысяч человек не обеспечены автомобильным сообщением. Связи с районами, расположенными на расстоянии 350–360 километров от областного центра, невелики и в ряде случаев значительно усложнены. Существуют районы, расположенные на удалении от магистральных транспортных путей и практически не имеющие прямых связей с областным центром².

Анализ проектов генеральных планов поселений, расположенных в границах пригородной зоны Новосибирска, свидетельствует, что их разработка осуществлялась без понимания слабых и сильных сторон сложившейся экономической и пространственной ситуации западного и южного секторов. Пока не учитывался ни один из разработанных стратегических документов Новосибирской области и Новосибирска.

Предусмотренные Стратегией развития территории инвестиционные проекты не соотнесены со структурой внутригородских связей

1. Социально-градостроительная ситуация в Новосибирской области : схема комплексной оценки Новосибирской области (отчёт НИР) ; руководитель раздела А. Н. Клевакин. М. : Новосибирск, 2005; Исследование жизнедеятельности Новосибирской агломерации (отчет НИР) ; руководитель темы А. Н. Клевакин. ЦНИИП градостроительства РААСН. М. : Новосибирск, 2008.
2. Схема территориального планирования Новосибирской области : материалы по обоснованию проекта схемы. Комплексная оценка и проблемы развития территории области. Том IV. ЦНИИП градостроительства РААСН. Москва, 2006.

Схема 1. Агломерация Сибири и Дальнего Востока

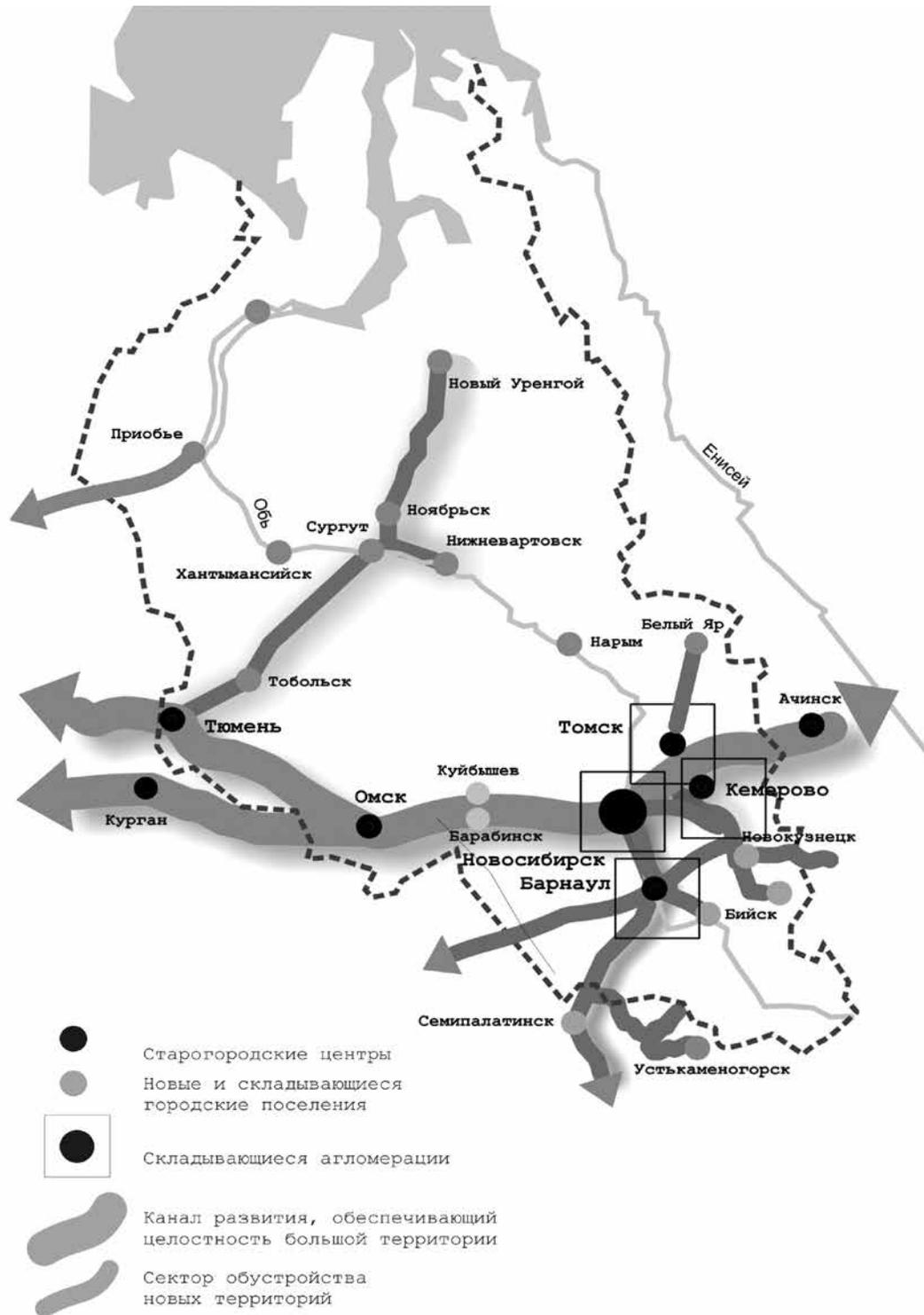

Схема 2. Роль агломераций в пространственном развитии Западно-Сибирского региона

и маятниковых передвижений. Схема территориального планирования Новосибирской области и генеральный план Новосибирска не способны сыграть роль координирующих документов по причине содержательной несогласованности.

В условиях конкуренции и осуществления программ развития федеральной значимости Новосибирская область с 2004 года реализует свой инновационный потенциал в двух крупных проектах, имеющих значение для активизации наиболее развитого южного и требующего реконструкции и обустройства западных секторов агломерации. Это строительство технопарка на базе Академгородка и формирование мультимодального узла на базе Толмачевского аэропорта.

Попытка администрации Новосибирской области, СО РАН и мэрии Новосибирска в 2005 году выступить инициаторами первого проекта связывалась с насущными задачами возрождения научных центров, испытывавших первые импульсы развития в середине 50-х, в 70–80-е годы прошлого столетия. На уровне руководства города и области была осознана необходимость реконструкции инфраструктуры Советского района, требовались ассигнования на расширение университета.

Обновление пространственной среды научного центра на базе новосибирского Академгородка первоначально рассматривается как процесс поиска резервов для застройки в структуре образования 50-х годов прошлого столетия. Исходным основанием для рассуждения является понимание того, что Академгородок в существующем виде – структура открытая, а не завершенная и самодостаточная.

На начальном этапе соединение прагматики получения прибыли от продажи научных разработок с задачами спасения культурного феномена казалось возможным. Позже, по мере обострения противоречий между традициями сообщества Академгородка и новаторами-бизнесменами, стала понятной искусственность насильственного совмещения технопарка с СО РАН. Возникает вариант размещения технопарка на отдельной от Академгородка площадке.

В ходе публичного обсуждения возобладала точка зрения традиционалистов – противников всякого рода строительства. В соответствии с этой позицией, возможны лишь самые минимальные вторжения. Встал вопрос о поиске альтернативной площадки для размещения технопарка вне структуры Академгородка.

При таком подходе к «развитию» без проведения реконструкции Верхней зоны обозначается проблема дефицита свободных площадок, необходим поиск территориальных резервов в южном секторе Новосибирской агломерации. Рассматривается возможность расширения жилой зоны за счет ближайших городов – Бердска, Кольцово. В этой связи обновление пространственной связи принимает форму приращения за счет смежных территорий. Сложившееся образование «Академгородок» в большей степени должен усиливать взаимодействие с другими секторами Новосибирской агломерации.

Шесть лет, прошедшие с момента начала реализации идеи технопарка на базе новосибирского Академгородка, свидетельствуют, что накопившиеся за период советского времени проблемы оказываются серьезным препятствием на пути продвижения инновационной программы. Недовольство населения, отсутствие научного обоснования выбранного варианта размещения площадки, преждевременные шаги по привлечению инвесторов и раз-

работке проектной документации обернулись угрозой замораживания программы обновления.

Форма возможного агломерационного планирования развития территорий Алтая, Восточной Сибири и Дальнего Востока пока не опирается на необходимую научную базу и не может иметь полноценных проектных разработок, а соответственно отсутствует необходимый уровень и интенсивность связей с мировой сетью расселения. Скороспелые предложения местных «стратегий» исходят из преувеличенных ожиданий чиновников и желания получить финансовые вливания. Расчет на получение немедленного эффекта не подкрепляется необходимым обоснованием и проработкой документов.

Для обеспечения целостности большой территории и повышения ее конкурентоспособности необходимо особое внимание уделить вопросам реконструкции старгородских центров (схема 2). Помимо действующей транссибирской магистрали, необходим второй коммуникационный канал, обеспечивающий транспортное обслужи-

вание севера, полярных территорий, разработку природных ресурсов, дающий основу для длительной перспективы нового этапа освоения.

Создание нового коммуникационного канала, обеспечивающего перевозку всевозможных грузов по Якутии, Красноярскому краю, Томской, Магаданской, Омской и Тюменской областям, существенно сократит расстояние между Европой и Америкой. Привязка нового коммуникационного коридора к старгородским центрам расширит рамки региона Сибирь – Дальний Восток до международного масштаба. Только в этой связи можно вести речь о проектировании агломерационных форм расселения на базе Тюмени, Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, Хабаровска и Владивостока.

С учетом изложенных выше результатов исследования следует провести корректировку ранее разработанных региональных программ и выполнить проекты городских агломераций Сибири и Дальнего Востока на посткризисный период.

Александр Клевакин

Об идеологии городской цивилизации и городской среды¹

Общество, страна стоят перед необходимостью осознания, а затем и разработки необычной идеологии. Это идеология городской цивилизации, которая едина для всех социальных слоев и групп, для всех социальных и этнических общностей, для всех конфессий. Эта идеология основана на признании и уважении закономерностей и механизмов процесса урбанизации, действие которых перекрывает исторические эпохи и периоды, границы государств и регионов мира. Поэтому идеология городской цивилизации, эффективность которой подтверждена историей наиболее развитых стран, по определению, изначально является идеологией международного сотрудничества.

Идеология городской цивилизации противостоит национально-этнической и религиозной ограниченности, политическому радикализму, поскольку города каждодневно должны согласовывать действия различных слоев и групп, имеющих часто противоположные интересы. Очень важно, что идеология городской цивилизации вырастает из городского пространства, городской среды, городского окружения человека. Для

России это имеет особое значение, поскольку идеология перестаёт быть набором духовных, политических и моральных императивов, а становится комплексом целей и приоритетов, которые выдвигают перед собой сообщества и социальные группы, находящиеся в самых различных условиях, но следующих определённым законам и правилам. Эти законы и правила продиктованы ответственностью перед сообществом горожан как граждан тех мест, тех социальных образованиях, где они живут, будь то большой или малый город, их районы и кварталы, поселок городского типа, сельское населённое место. Идеология городской цивилизации, на которой выросла современная демократия как таковая, органически сочетает права личности и общества.

Есть одна сторона этой идеологии, к которой нам придётся адаптироваться, наверное, сложнее всего. Это признание ценности и значимости той среды, того пространственного окружения, той застройки, которую застает каждое поколение горожан. Для современного этапа урбанизации, когда периферийное давление

явно опережает по своим темпам созревание центральных структур крупнейших городов и городских сообществ в целом (а в России это усиливается чрезмерным миграционным давлением), адаптация в городском окружении, в городском пространстве, осознание своей принадлежности этому пространству, своей органической связи с ним представляет собой сложный длительный процесс. Является частью осознания себя как гражданина этого города, этого городского сообщества.

Отсюда и рождение своей личной ответственности за происходящие изменения в городской среде, за то, чтобы «праздник» в своём городе был не одномоментным, разовым мероприятием, а каждодневным состоянием, в котором главным является ощущение своей принадлежности к миру этого города, где каждый горожанин суть не просто житель и наблюдатель, но обязательно действующее лицо.

Отсюда и повышение ответственности аналитики, науки. Право называться «наукой» исследовательская деятельность получает только тогда, когда существует концепция исследуемого процесса, которая

1. Городское управление. 2009. № 12. С. 5–8.

поддерживается или опровергается, когда есть натурный материал, эмпирика (обследования, данные, и «включённое наблюдение» и т.д.), когда предлагаются или используются методические процедуры, с помощью которых могут быть получены конечные результаты. Я говорю об этих известных научным работникам вещах потому, что градостроительство, а точнее урбанистика и её теоретическое ядро «урбанонология» достаточно молоды и самостоятельны, и произвол здесь достаточно часто встречаемые явления.

Именно поэтому снова и снова приходится повторять, что, с одной стороны, конкретное урбанонологическое исследование должно контролироваться основными концептуальными положениями, а с другой стороны, сам собираемый конкретный эмпирический материал должен отражать реальность именно «городскую», а не «экономическую», «криминологическую» или другую составляющую. Когда-то сорок лет назад, когда процесс урбанизации только выходил у нас на научную сцену, мы подчеркивали, что урбанонология занимается тем, что связано с природой города как такового, что совсем не всё, что происходит с городом и в городе, связано с природой процесса урбанизации, природой города как таковой. Но, к сожалению, сорок лет спустя приходится снова возвращаться к этому.

Важную роль во всё время развития социально-градостроительных исследований, дальнейшего перехода их к урбанонологии, играли связи с большой академической наукой. Ведь в академической среде никому не надо было доказывать, что наука занимается закономерностями развития городов, происходящими в них процессами. Сам город как таковой является процессом, поскольку главное здесь – развитие городского сообщества, функционирование его частей и структур. При этом, как и должно было произойти, для общего уровня цивилизационного развития и профессиональной культуры специалистов-градостроителей 60–70-х годов, при всех сложностях освоения нового городского знания города как процесса, внедрение социально-градостроительных исследований, их методов и методик оказалось делом более лёгким и естественным, чем для специалистов новой генерации, для которых город, градостроительная наука как таковые, не говоря уже о проблемах урбанизации, освоения широкого взгляда на города, потеряли свой интерес. Я уже писал о провинциализации взглядов в масштабе

Европы, и наличная ситуация свидетельствует о потере ориентации в основах городских процессов.

Отечественным специалистам в области градостроительства и градостроительной науки, и особенно это относится к градостроительному, да и архитектурному образованию, надо понять, и чем скорее, тем лучше, что меняется сам предмет градостроительной науки, а точнее урбанистики. Укрепление и расширение её теоретического ядра – урбанонологии – предъявляет повышенные требования к общецивилизационному осознанию социальной, политической ответственности урбанистики и урбанонологии, понимание прямой непосредственной связи конкретных принимаемых решений и действий с теми широкими процессами, которые происходят в обществе.

Очевидно, именно здесь заключено различие, а точнее, именно здесь находится грань между профессией урбаниста, урбанолога – с одной стороны, и профессией архитектора – с другой стороны, именно поэтому недопустимо бытующее сплошь и рядом их смешение. Тем более это недопустимо на том уровне развития, на котором находятся сегодня наши города, и том месте, которое города у нас занимают в сознании общества.

Путь и история формирования урбанонологических исследований, урбанонологии как научной дисциплины подтверждают простую, но, к сожалению, до сих пор не осознанную истину о существовании только одной возможности построения нового знания, если это знание связано с таким сложным организмом, как город. Речь идет о неизбежности включенности собственного гражданского опыта со всеми его проблемами профессионального, политического и личного, биографического участия.

Надо понять, что изолированность научной деятельности нашей страны в области проблем городов, как и невыделенность, даже необозначенность этих проблем внутри самой страны, их растворение в региональных проблемах, опасны для развития самих городов и в конечном счете для страны в целом.

Среди проблем, рассмотрение и решение которых не терпит отлагательства, есть проблемы городов. За последние двадцать лет тема городов как таковая практически не звучит в обществе, к ней не приковано общественное внимание, города не заняли своего места в сознании людей. А между тем, как уже неоднократно говорилось, еще со времен европейского средневековья известно, что

«воздух города делает свободным», и слово «цивitas» на латыни означает одновременно и «город», и «гражданин», и «право гражданства». Обскурантизм и невежество, проявляемые в обществе по отношению к проблемам городов, к процессу урбанизации (это слово до сих пор известно немногим) повседневно и повсеместно укрепляют тот самый правовой нигилизм, в котором мы так преуспели и о котором тоже неоднократно сказано. Именно на традиции западно-европейской городской цивилизации мы должны опереться в разработке стратегии внутренней и внешней политики, избавившись при этом от озноба американского провинциализма, охватившего страну в 90-е годы. Важнейшей частью политики должна стать политика городская, основанная на закономерностях процесса урбанизации.

Давно уже пора понять, специалистам и администрациям всех уровней, что растворение городов в регионах опасно и приводит к разрушению центральных городских структур периферийными структурами. А это и в конечном итоге чревато потерей единства страны. Необходимо срочно восстановить политический престиж городов, утерянный за годы реформ. Городские сообщества, особенно крупнейшие города, должны вновь обрести своё влияние во всех сферах жизни, стать центрами формирования идеологии внутренней и внешней политики. Это стало бы важным фактором включения в общегородское пространство Западной Европы. Опора на тысячелетние традиции европейских городов поможет преодолеть преходящие сложности политической конъюнктуры в отношениях между странами.

Начало реформ стало временем «раскрытия» границ страны и «закрытия» городов. Ориентация на коммерческие цели деформировала представления общества, потребность в исследованиях городов, их ранг резко упал. Эта ситуация требует своего скорейшего осознания учёными и политиками, поскольку именно от их эффективного взаимодействия зависят практические шаги по преодолению сложившейся ситуации.

Имея в виду Россию, Фёдор Иванович Тютчев писал: «Цивилизация – для них фетиш, но недоступна им её идея»². Логика приведённых выше положений подводит к тому, что важнейшую, незаменимую часть идеи европейской цивилизации составляет городская среда.

2. Тютчев Ф. И. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 191.

Байкальск¹

Байкальский комбинат стал, по любому счету, никому не нужен. Ни Дерипаске, ни государству, ни жителям. Понятно, что комбинат на замкнутом водообороте никакой прибыли давать не будет. В перспективе сама территория Байкальска – это лакомый кусочек, но сейчас по ряду причин он капиталом не осваивается. А перспективы зависят от внешних по отношению к городу факторов – того, что происходит в министерствах, в администрации президента, в московском экспертном сообществе, еще где-то, но не в регионе и не в городе. И здесь болевая точка проблемы.

Байкальск – моногород, а проблема моногорода – проблема развития и Сибири, и всей России в целом; в ней отчетливо видны очень важные узлы – российские и сибирские.

В нашей стране нет городов, которые возникали бы естественным образом, и этот факт был отмечен еще в городских исследованиях начала XX века под руководством Семенова-Тянь-Шанского. Города в России ставились для освоения и удержания территории, а не вырастали из экономических процессов и развития хозяйственной жизни поселения. Конечно, впоследствии там возникала хозяйственная жизнь и появлялась своя органичность. В Сибири противопоставление этих двух типов развития – административно-чиновничьего и торгово-хозяйственного – на рубеже веков было отчетливо проведено Г. Потаниным.

Города, возникшие в советское время, особенно после Великой Отечественной войны, – это моногорода, созданные строительством какого-либо предприятия. Две трети всех городов Сибири построены в советское время; ровно половина городов «большой Сибири» (включая Тюменский регион и Якутию) – 82 из 164 – возникла после 1945 года. Понятно, что почти все они – моногорода. В Ангарске, Братске несколько градообразующих предприятий, но по стилистике они, преимущественно, моногорода.

Есть еще «монопрофильные» города, но это не полный синоним моногорода. В характеристике моногорода обязательно присутствует то, что в социологии называют моностилистом: доминирующий, господствующий стиль жизни, доминирующие образцы поведения, которые считаются нормой. И преодоление этого моностилизма – это не только проблема моногородов, но и проблема России в целом.

Еще один узел – векторы экономического развития. Моногорода являются одной из основных форм индустриализации: начиная со времен Петра, города учреждались для создания предприятия или даже отрасли. В Сибири индустриализация создает две больших проблемы развития городов. Во-первых, города западнее Иркутска (он затронут в меньшей степени), возникшие на пересечении Транссиба с великими сибирскими реками, – это все города крайне неорганичного роста. В них расширение площади города, рост количества жителей опережал развитие инфраструктуры и городское планирование. Самый яркий пример – Новосибирск, лавинообразно выросший во время войны, но неудержимо увеличивавшийся до и после нее. Но и Тюмень, и Омск, и Красноярск из того же ряда. Вторая проблема – моногорода и такая форма урбанизации, как создание поселков городского типа. Почему это важно применительно к Байкальску? Моногорода становились, кроме всего прочего, центром притяжения для деревенского населения. Время создания Байкальска совпало с пиком разрушения сельскохозяйственной жизни в Сибири, стиранием граней между деревней и городом в начале 60-х годов. Резкий приток населения в города произошел именно в период основания Байкальска. Для Байкальска это важно, ведь он не был всесоюзной ударной стройкой, источником рабочей силы для него были Слюдянка и южные районы области.

Моногорода формировались все по-разному, и разница между ними не меньше, чем между древнереческими полисами. Как происходит наращивание качества города, качества человеческих связей? Во-первых, важнейшая вещь – городская идентичность. Мы хорошо знаем это по Ангарску, Братску, Усть-Илимску: эти города обладают символическим капиталом, который важен для жителей. Байкальск в этом плане – один из наиболее проблемных молодых городов Иркутской области. Уже строительство БЦБК в 60-е годы имело негативную коннотацию, сопровождалось дискуссиями о вреде Байкалу. В других городах такого не было, хотя наши великие гидроэлектростанции не менее разрушительны для природы, чем комбинат.

Второй важный момент наращивания города – качество образования.

Байкальск в этом смысле является одним из благополучных городов. Три школы в городе успешно готовили ребят для поступления в вузы, в том числе популярного инженерно-технического профиля.

Третий момент для города – многообразие сообществ, гарантирующее, что предприятие не будет являться центром уклада жизни. Многообразие тех возможностей, что дает природа в Байкальске, играет большую роль для альтернативного отношения к производству. Но существует проблема соотношения патернализма и способностей к индивидуальным стратегиям. Для Байкальска это, пожалуй, проблема центральная. С конца 80-х годов было ясно, что судьба комбината решена, но ситуация ненормально затянулась и стала хронической; укрепилась зависимость от решения, которое должно быть принято, но не принимается.

Еще один узел проблем связан с моногородами как формой колонизации. Первичная колонизация – это закрепление территории для освоения ресурсов, вторичная – привязывание людей к территории через экономическое привязывание к городу. Что произошло с моногородами Сибири в результате системного кризиса советской экономики? Ранее колонизатором было государство, теперь субъектом колонизации оказался крупный капитал. Как сформулировал Алексей Тарасов, государство утратило монополию на грабеж Сибири. Если мы говорим о городской идентичности, о становлении города, то осознание горожанами, что они – объект колонизации, радикально влияет на ситуацию. Это хорошо было видно в Усть-Илимске. В 90-х годах, когда были смены собственников предприятий, инициативные группы горожан вмешивались в этот процесс (в основном это были учителя).

Когда мы говорим об «индустриальных ловушках» и возможностях смены векторов экономического развития, важен еще один узел, создаваемый моногородами. Возникает диссонанс между человеком и пространством: человек оказывается участником производства, разрушающего среду, но дающего ему средства для комфортной жизни в природе, к которой он привязан. Когда мы говорим о возможности рекреационного развития Байкальска, надо учитывать степень связи людей с данной территорией как с пространством, за которое отвечаешь. Индустриализация наце-

1. Из выступления на обсуждении проблем Байкальска в ЦНСИО 1 апреля 2010 года.

лена на преобразование природы. Это вектор развития, который веками реализовывался в Европе, но за столетия преобразовательный пафос сменился на осознание риска потерять природную основу нормальной человеческой жизни. Для Сибири же преобразовательный пафос оказался принципиально разрушительным. Это проблема не только сохранения природы, экологической охраны. Как сказал иркутский журналист Кузнецов: вопрос не в том, сколько в Байкал допустимо сбрасывать отходов, а в том, что его вода уникальна. Это сознание уникальности требует определенного отношения к природе. Индустриальный вектор развития Байкальска был связан с другим отношением. Когда речь будет идти о рекреационном развитии на Байкале, тогда возникнет внимание ко всем видам загрязнения, не только от хозяйственной деятельности человека, но и от туризма.

Мы должны четко понять, какие проблемы мы решаем: сохранение города и его развития или проблемы людей, которые живут в этом городе? Вопрос о том, сохранять ли город и развивать ли его, следует актуализировать и обсудить. Какой вообще это город может быть на Байкале? А эту проблему сейчас жестко увязали с проблемами людей, которые живут там.

Возникнет вопрос, а нужен ли вообще этот город в 15 тысяч человек на Байкале? Может ли в этом ландшафте существовать такой город и нужно ли его поддерживать? Сочетание рекреационного и индустриального векторов развития, их сочетания – это в целом проблема области. У меня возникает масса сомнений, имеет ли смысл на нынешнем этапе Байкальску уповать

только на развитие туризма. Они связаны в том числе и со способностью людей переключиться на турсервис. Очевидно, появление любых альтернативных вариантов и версий, конечно, приведет, к миграции. Если это будут альтернативы, связанные с развитием сервиса, туризма, то мне видятся в качестве акторов не столько жители Байкальска, сколько жители Утулика. Утулик – место активного отдыха, проведения фестивалей и т. д. Местное население и те, кто там закрепился, весьма заинтересованы в этой деятельности, они ею живут. Байкальск для них представит новые возможности, станет новой большой площадкой для развития их уже закрепившейся активности.

У города есть другое очевидное преимущество – факторы, возможности, ресурсы, связанные с тем, что Транссиб и федеральная трасса выходят здесь на берег Байкала. После окончания строительства федеральной трассы поток машин вырастет в разы. Для Байкальска это означает не столько туризм, сколько возможность занять в сфере ремонтных услуг специалистов с инженерным образованием. И огромная бетонированная площадка комбината может пригодиться, и его корпуса.

Проблемы, связанные с судьбой комбината, в 90-е годы уже были видны, но они не обсуждались ни тогда, ни в годы «стабилизации». Алексей Козьмин сказал очень точную фразу, подводя итоги летучего экспертного обсуждения о будущем Байкальска, когда было остановлено производство на комбинате: мы с конца 80-х годов говорим о перепрофилировании, о том, что комбинату не место на Байкале, но мы все оказались не готовы к его

остановке. Не были проработаны проекты, в том числе и такие очевидные (и я его предлагал, идея как будто носилась в воздухе и казалась легкой, но не прорабатывалась), как создание международного экологического университета. Ничего не обсуждалось в режиме конкретики. Отсутствие авторитетного экспертного сообщества и зрелого общественного мнения – это проблема региона, а не только Байкальска.

Наконец, вопрос о естественном и неестественном развитии территории. Кроме уровня локального, есть стратегический: мы все время возвращаемся к тому, что «в государстве все не так устроено». Решение этого вопроса – деколонизация, которая предполагает реальный федерализм, иную модель налогообложения; все это связано с созданием таких условий, когда развитие данного места зависит от данного сообщества. У нас есть пример Усть-Илимска, где мощное городское сообщество, активное предпринимательство. Но закрытие аэропорта и транспортный тупик создают ситуацию обреченности. Это стратегическая сторона. Но понятно, что и на уровне локальном должны быть шаги, которые необходимо делать именно нам для того, чтобы работать на другую тенденцию – на деколонизацию. Мы, собственно, этим и занимаемся, проводя исследования ради высвечивания ситуации, а не обеспечения чьих-то внешних позиций. Это работа по развитию общественной дискуссии, экспертного сообщества в регионе. Байкальск – шанс для того, чтобы в поисках решения добиваться иной степени нашего участия в решении проблем пространства, в котором мы живем.

Михаил Рожанский

Байкальск в зеркале СМИ: «умирающий город» vs «клубнично-туристический рай»

Благодаря масс-медиа город Байкальск существует в нескольких ипостасях, его образы множатся и меняются чуть ли не каждый день. Мне хочется, не претендуя на всестороннее освещение проблем Байкальска, зафиксировать те образы города и событий, происходящих в нем, которые бытовали на страницах газет и журналов. Кстати, сама формулировка – «проблема Байкальска» – это тоже детище СМИ: ведь именно они, вынося на повестку дня ту или иную социальную ситуа-

цию, могут презентовать ее как проблему, как нечто, нуждающееся во внимании людей и действиях власти.

По роду своей работы я отслеживала публикации в местных и центральных СМИ, посвященные Байкальску, с 2007 года по настоящее время. Именно на этот период приходится «громкие» решения относительно судьбы комбината и города и не менее громкие статьи в прессе.

«Проблема Байкальска» (далее, для удобства читателя, я не буду ставить кавычки, но буду их подра-

зумевать) имеет солидный стаж на страницах СМИ. В конце восьмидесятых годов прошлого века, вместе с гласностью и перестройкой, Сибирь всколыхнуло мощное экологическое движение. Собственно, это и был локальный вариант гласности и перестройки. Целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК), построенный на Байкале в шестидесятые, и раньше вызывал нарекания, но теперь об этом стало можно говорить вслух и на страницах газет. Несовместимость «священного моря» и вредного лесо-

химического производства стала очевидна не только с экологической, но и с моральной точки зрения.

Однако за последующие двадцать с лишним лет комбинат не был закрыт или перепрофилирован, хотя об этом постоянно говорили на всех уровнях, включая международный. К началу мирового экономического кризиса в 2008 году комбинат и город подошли, как и раньше, тесно связанными – славным трудовым прошлым, работающими жителями и неизвестным будущим.

Таким образом, проблема Байкальска не была новой для СМИ, однако наступивший кризис привнес в ее трактовку новые мотивы. В двухтысячных в политическом и общественном дискурсе стал активно использоваться термин «моногорода» – для характеристики поселений (в основном, небольших городов), которые полностью зависели от работы одного «градообразующего» предприятия.

Байкальск трактовался в СМИ как типичный «моногород», наследие советской экономической модели, и проблема существования комбината была тесно увязана с существованием самого города: если исчезнет один, то умрет и другой. Но экономическая целесообразность диктовала свою логику, и осенью 2008 года БЦБК был остановлен; собственник объявил его дальнейшую работу нерентабельной. Ситуация усугублялась тем, что жители города не только остались без работы и денег, но могли остаться и без тепла в домах, так как теплоснабжение города зависло от работы комбината. Приближалась зима.

Средства массовой информации сконцентрировались на образах «голодающего» и «замерзающего» города – «Моногорад обреченный»¹ рисовался на страницах газет. Вскоре, Байкальск стал еще и «бастующим»: люди не получили расчет и устраивали пикеты перед городской администрацией. Однако пикеты были недостаточно убедительны, и в ход пошла «тяжелая артиллерия» – голодовки протеста и обещания перекрыть Транссиб. Наверное, можно сказать, что СМИ и протестующие получали взаимные «бонусы» в этом взаимодействии: СМИ привлекали внимание властей, что давало людям шанс решить свою проблему, а броские заголовки обеспечивали тиражи газет. Тему поддержали центральные издания, и Байкальск стремительно превратился в очередную «горячую точку» на карте России. Благодаря СМИ протестный потенциал города был значительно завышен;

по отзывам людей, ориентирующихся только на репортажную информацию, они ожидали массовых беспорядков.

На этом этапе СМИ начинают транслировать политический дискурс. Анализ ситуации «сверху» и перечень предпринятых шагов для решения проблемы Байкальска занимают устойчивую позицию в высказываниях первых лиц региона и федеральных чиновников.

Когда политическая составляющая ситуации стала менее острой (нашлись деньги на погашение части долгов и уголь для котельной города), газеты сосредоточились на обсуждении дальнейшей судьбы Байкальска. «Бал правили» экспертные мнения, комментарии и заключения. Территория, где расположен город, богата рекреационными и климатическими ресурсами. Все это дает богатую пищу для построений относительно его будущего. Определения «клубничный» и «туристический» рай, упоминаемые в заголовке данного текста, не что иное как обозначение стратегии развития Байкальска, предлагаемых экспертами и транслируемых в СМИ. В целом эксперты и политики сходились на том, что городу необходима новая идея, которая позволит преодолеть прежнюю, промышленную логику развития – «Байкальск необходимо заразить мечтой».

В противовес оптимистичным сценариям существует и устойчиво алармистский дискурс: образ умирающего города, лишённого перспектив и всякой надежды на будущее, тоже можно встретить в СМИ. Некоторые мои коллеги, впервые приехавшие в Байкальск в 2009 году, выражали удивление, что работают магазины, по улицам ходят обычные люди и ездят транспорт. Подготовленные газетными публикациями, они ожидали увидеть пустынные улицы, закрытые торговые точки и мрачных, истощенных жителей.

Оба этих образа – «умирающего города» и «райского места» существовали в СМИ практически параллельно. Новую струю в обсуждение привнесло пресловутое Постановление №1 от 13 января 2010 года. Изменения, внесенные в Закон о Байкале, позволяли разомкнуть цикл производства на БЦБК, а значит, сделать его вновь и рентабельным, и экологически опасным. Комбинат начали готовить к пуску. Волна протеста, поднявшаяся вслед за этим решением, также отразилась в СМИ – митинги и другие акции в защиту Байкала от БЦБК и в защиту БЦБК от экологов (были и такие) стали яркими информационными поводами.

К рассуждениям об экологии и социальных аспектах проблемы прибавился и политический компонент: явное лоббирование властью интересов избранных бизнесменов не могло остаться незамеченным. Произошедшее расценивалось как «коррупция» и преступление против России и всего человечества.

Примечательно, что проблема Байкальска и Байкала легко перешагнула государственные границы. Зарубежные СМИ отнеслись к теме с большим вниманием: «Целлюлозно-бумажный комбинат угрожает экологии Байкала» («El Pais», Испания); «Байкал становится экологической горячей точкой России» («Deutsche Welle», Германия); «Российские экологи недовольны решением правительства» («Le Monde», Франция).

В целом СМИ заняли позицию против решения правительства, и даже лояльные официальные газеты высказывали тревогу о будущем города и Байкала. Байкальск становится местом потенциальной экологической катастрофы, а тон статей о нем – сожалеющим и осуждающим. Такие публикации легко вписываются в общий критический настрой по отношению к действиям власти по любому, даже не связанному с Байкалом поводу. Названия публикаций красноречиво свидетельствуют об этом: «Ничего святого»; «Байкал – «разменная монета?»»; «Как Путин продал Байкал»; «Областное правительство сдает Байкал». СМИ отражают и одновременно формируют общественные настроения.

Вместо заключения «Умирающий город», «клубнично-туристический рай», «зона экологического бедствия», «место коррупционной сделки» – таким мы могли увидеть Байкальск на страницах газет.

А есть ли в этих образах СМИ байкальчане? Что о ситуации в городе думают они сами? Чаще всего их мнения – это хорошо подобранные ответы заезжим корреспондентам, оптимистичные или пессимистичные, в зависимости от главной идеи статьи. Сами по себе, без посредников жители города в медиа-пространстве не представлены. Представленные фото граффити были сделаны автором в Байкальске летом 2009 года. Возможно, только эти «способы быстрого народного реагирования», которые оперативно закрашиваются к приезду очередной высокой делегации, дают представление о настроениях горожан. Но это только гипотеза.

Текст и фото Ирина Абдулова

Irina Abdulova – researcher of the Center for Independent Social Research and Education, sociologist of “Baikalia” project (Irkutsk)

Irina Azizyan – Doctor of Art History, Professor, Head of the Department of Architectural Theory of the Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning (Moscow)

Ekaterina Antipina – architect, designer (Moscow)

Inessa Brazhnikova – academic secretary of the Irkutsk Regional Children’s Library named after Mark Sergeev

Olga Vasilieva – architect, senior lecturer of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University

François Gondran – chief architect of Bordeaux, head of the Service for Preservation of Cultural Heritage of Gironde (France)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice-president of the Union of Architects of Russia, director of the RAACS East-Siberian Academcenter, laureate of the Russian Federation State Prize

Marina Dagdanova – Ass. Professor of the Department of Design at Irkutsk State Technical University, Ph.D. in History

Lyudmila Elizarova – historian (Irkutsk)

Artem Ermakov – Ph.D. in History, Ass. Professor of Irkutsk State Technical University

Tatyana Eroshenko – member of the Union of Artists of Russia, senior lecturer of the Department of Design at Irkutsk State Technical University

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design of the Faculty of Fine Arts at Irkutsk State Technical University, member of the Union of Designers of Russia, of the Union of Architects of Russia, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences (Department of Art and Industrial Design)

Natalia Zhukovskaya - II category architect-restorer, director of the restoration school at Irkutsk State Technical University

Andrei Ivanov – city planner, Master of City Management and Development (Erasmus University, Rotterdam, the Netherlands), deputy editor-in-chief of “Architecturniy Vestnik” magazine (Moscow)

Alexander Klevakin – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts

Leonid Kogan – Doctor of Architecture, head of the social and town-planning department of the State Central Scientific Research and Planning Institute of Town Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Moscow)

Lyudmila Kozlova – post-graduate student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Andrei Lyapin – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University, research officer of the Museum of Architecture at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Mark Meerovich – Ph.D. in Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University

Larisa Melnikova – archeologist, ethnographer, Ph.D. in History, lecturer of Irkutsk Art School

Zoya Rodyushkina – candidate for a master’s degree of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University

Mikhail Rozhanski – academic director of the Center for Independent Social Research and Education, Ph.D. in Philosophy (Irkutsk)

Brian Spencer – architect (the USA)

Olga Titova – graphic designer, artist, stage director, member of the Union of Designers of Byelorussia (Moscow)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University, federal (freelance) expert of the Rosokhrankultura Federal Service, head of the Cultural Heritage Sector of “Irkutsk Promstroiproject” open JSC, laureate of the Irkutsk Regional Governor’s Prize 1996, member of the ICOMOS (International Council of Monuments and Sites), member of the Union of Architects of Russia

авторы

Абдулова Ирина Тагировна – научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, социолог проекта «Байкалия» (Иркутск)

Азизян Ирина Атыковна – доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом теории архитектуры Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва)

Антипина Екатерина Люциановна – архитектор, дизайнер (Москва)

Бражникова Инесса Борисовна – ученый секретарь Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева

Васильева Ольга Матвеевна – архитектор, старший преподаватель кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета

Гондран, Франсуа – главный архитектор г. Бордо, руководитель службы по сохранению культурного наследия Жиронды (Франция)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, лауреат Государственной премии РФ

Дагданова Марина Борисовна – доцент кафедры дизайна Иркутского государственного технического университета, кандидат исторических наук

Елизарова Людмила – историк (Иркутск)

Ермаков Артем Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного технического университета

Ерошенко Татьяна Александровна – член Союза художников России, старший преподаватель кафедры дизайна Иркутского государственного технического университета

Железняк Ольга Евгеньевна – профессор, кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства Иркутского государственного технического университета, член Союза дизайнеров России, Союза архитекторов России, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (отделение «Художественный и индустриальный дизайн»)

Жуковская Наталья Владимировна – архитектор-реставратор II категории, директор реставрационной школы при Иркутском государственном техническом университете

Иванов Андрей Владимирович – градостроитель, магистр городского менеджмента и развития (Университет Эразма Роттердамского, Роттердам, Нидерланды), заместитель главного редактора журнала «Архитектурный вестник» (Москва)

Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, зав. сектором социально-градостроительных проблем Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Клевакин Александр Николаевич – кандидат архитектуры, доцент Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии

Козлова Людмила Валерьевна – аспирантка архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета

Лепенков Владимир Михайлович – коллекционер, заслуженный работник культуры Бурятии и Польши, лауреат Премии губернатора Иркутской области за 2007 год

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, научный сотрудник Музея архитектуры при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета

Мельникова Лариса Владимировна – археолог, этнограф, кандидат исторических наук, преподаватель Иркутского художественного училища

Родюшкина Зоя Александровна – магистрант архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета

Рожанский Михаил Яковлевич – научный директор Центра независимых социальных исследований и образования, кандидат философских наук (Иркутск)

Спенсер, Брайан – архитектор (США)

Титова Ольга Александровна – дизайнер-график, художник, режиссер, член Белорусского Союза дизайнеров (Москва)

Титова Ольга Александровна – дизайнер-график, художник, режиссер, член Белорусского Союза дизайнеров (Москва)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета, федеральный (внештатный) эксперт Федеральной службы Росохранкультуры, руководитель сектора культурного наследия ОАО «Иркутскпромстройпроект», лауреат Премии губернатора Иркутской области за 1996 год, член ICOMOS (Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест), член Союза архитекторов России

Москва, Центральный выставочный зал «Манеж» 15-17 октября 2010

Зодчество '10

восемнадцатый
международный
фестиваль

Ежегодное вручение
Российской национальной
архитектурной премии

тема: «Нужное»

«Не к новому, не к старому,
а к нужному»

Владимир Татлин – 125 лет

Организатор:

Союз архитекторов России

+7 (495) 690-63-30, 690-62-13

www.zodchestvo.com